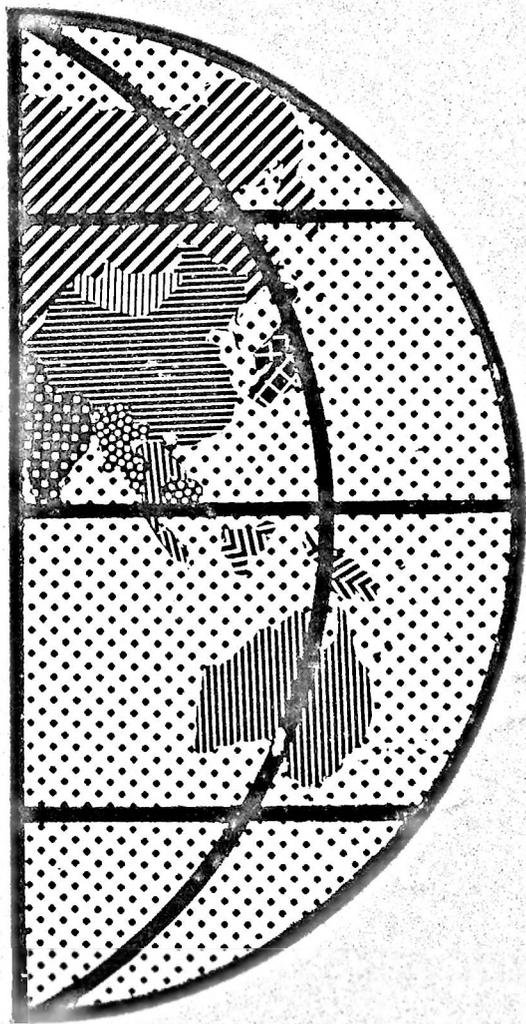

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ленинская стратегия мира
в действии

Развитие экономической
мысли в КНР

АСЕАН и тихоокеанское
сотрудничество

Исследование китайской
литературы в СССР

Верещагин и Япония

Сяо Сань. Из воспоминаний

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

1/87

1/87

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1 [61] 1987

Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ПЕРЕДОВАЯ. Ленинская стратегия мира в действии	3
<i>Е. В. АВДОКУШИН.</i> Развитие экономической мысли в КНР (70—80-е гг.)	12
<i>И. А. ЛАТЫШЕВ.</i> О политической сущности концепции «уникальности» культуры и духовной жизни японцев	26
<i>Э. С. ГРЕБЕНЩИКОВ.</i> АСЕАН и вопросы тихоокеанского сотрудничества	36
<i>С. С. ЕМЕЛЬЯНОВА.</i> Вопросы эффективности народного хозяйства	47
<i>А. В. ОСТРОВСКИЙ.</i> Хозяйственная перестройка в городах Китая	59
<i>Г. Д. ТОЛОРЯЯ.</i> Корея: перспективы экономического сотрудничества Север — Юг	71
<i>Е. Г. ПАЩЕНКО.</i> Наследственное право в КНР	77
<i>А. С. АКОПЯН, Г. И. ЧУФРИН.</i> Промышленный экспорт несоциалистических стран ЮВА	85
<i>Н. Т. ФЕДОРЕНКО.</i> Исследование и переводы китайской литературы в СССР	98
<i>З. Ю. АБДРАХМАНОВА.</i> О литературно-эстетических взглядах Лао Шэ	106
<i>В. А. ЖУРАВЛЕВ.</i> Командировка в КНР	114
<i>И. Н. КОЖЕВНИКОВА.</i> Верещагин и Япония	130
<i>В. С. МЯСНИКОВ.</i> Выдающийся историк-дальневосточник	142
Из переписки Сунь Ятсена	150

ПОЛИТИКА.
ЭКОНОМИКА.

ПРОБЛЕМЫ АТР

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
РЕФОРМА В КНР

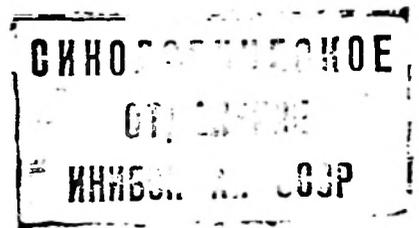
КОММЕНТАРИИ.
СООБЩЕНИЯ.

НАУКА И
КУЛЬТУРА
Литература

Международные
культурные связи

Славные
имена ученых

ПУБЛИКАЦИИ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ДОКУМЕНТЫ.

<i>СЯО САНЬ</i> . Память о дорогом	152
<i>Б. Н. БАСОВ</i> . Перестройка профтехобразования в КНР	167
<i>М. Л. ТИТАРЕНКО</i> . Фундаментальный труд о выдающемся китайском революционере	170
<i>Ю. И. ОГНЕВ</i> . О новом справочнике по КНР	173
<i>Р. Д. ХЫНОВА</i> . «Тихоокеанское сообщество»: планы и перспективы	176
<i>А. Д. БОГАТУРОВ</i> . Внешняя политика Японии в 80-х годах	178
<i>В. Б. РАМЗЕС</i> . Яркий феномен японской культуры	181
<i>Н. П. ПЕТРОВИЧЕВ</i> . Политика крупного капитала во внутренней торговле Японии	184
<i>Е. С. БАЖЕНОВА, А. П. СУДОПЛАТОВ</i> . Демографическая ситуация в странах ЮВА	185
<i>И. С. ГАЛИЧЕВ</i> . Французские политологи о проблеме беженцев из Индокитая	188
Постановление 6-го пленума ЦК КПК (12-го созыва)	191
Международная научная конференция: «120-летие со дня рождения Сунь Ятсена»	199
Конференция «VIII съезд КПК и его значение в истории КНР»	202
За мир и безопасность на Дальнем Востоке	206

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. М. МЯСНИКОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1987

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Ленинская стратегия мира в действии

Выведенная XXVII съездом КПСС и поддержанная странами социалистического содружества концепция всеобъемлющей системы международной безопасности, конкретная программа формирования основ такой системы во всех сферах международных отношений привлекли пристальное внимание всей мировой общественности. Ныне как никогда остро ощущается потребность в выработке такого политического мышления и образа действий государств, которые соответствовали бы реальностям нашего времени, ставящего человечество перед выбором между выживанием и самоуничтожением.

В концепции системы международной безопасности социалистических стран учтены идеи о безопасности, содержащиеся в докладах «комиссии Пальме» — группы видных общественных деятелей и ученых, в документах движения неприсоединения, в обращениях шести государств четырех континентов в пользу прекращения ядерных испытаний и замораживания его арсеналов, резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и решениях других международных встреч и форумов.

Концепция создания всеобъемлющей системы международной безопасности — историческая заслуга КПСС. Это продолжение ленинской традиции обращения Советского государства к общественному мнению, правительствам всего мира с крупномасштабными предложениями принципиального характера, указывающими реальную альтернативу губельному для человечества курсу агрессивных империалистических кругов.

Идея мирного сосуществования, неизменно отстаиваемая Советским Союзом на протяжении всей его истории, ныне получает новые импульсы, обретает еще более конкретные формы применительно к современному этапу международного развития и с прицелом на обозримую перспективу. Руководствуясь сформулированными в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии основами всеобъемлющей системы международной безопасности, можно добиться того, чтобы мирное сосуществование стало высшим универсальным принципом международных отношений.

Новая концепция безопасности, новая политическая философия — это не только достижение теоретической мысли. Они неразрывно связаны с политической практикой, целиком ориентированы на конкретные действия. Иными словами, речь идет не о «чистой теории», а о том, чтобы новое политическое мышление служило руководством для принятия конкретных решений, преодоления накопившихся в международных отношениях проблем, выхода из тупиков, в которые по вине агрессивных кругов империализма зашли международные отношения. В конечном счете речь идет о том, чтобы коренным образом было перестроено поведение государств в соответствии с необходимостью обеспечения безопасного, надежного и справедливого мира.

Неотъемлемый компонент новой концепции безопасности — реалистический учет фактора времени. Развитие средств ведения войны, достаточных для того, чтобы уничтожить все живое на земле, ускоряющийся темп гонки вооружений, угрожающей захлестнуть теперь и космическое пространство, нерешенность в этих условиях многих глобальных проблем, также чреватых

катастрофическими для человечества последствиями,— все это говорит о том, что цивилизация убыстряющимися темпами приближается к весьма опасной черте.

Мыслить по-новому — значит отдавать себе отчет в том, как мало отпущено историей времени на поиск политических договоренностей, сколь неотложен переход к конструктивным, материально осязаемым действиям по исправлению сложившегося положения. Сегодня мышление и действия должны быть адекватны размерам вызова, перед которым оказалось человечество и ориентированы на отыскание оптимальных решений возникающих проблем.

* * *

Современный мир многообразен, сложен и противоречив. Необходимыми условиями успешного проведения внешней политики социалистического государства всегда были и остаются глубокий марксистский анализ этого многообразия и противоречий, тщательная, выверенная оценка соотношения сил на мировой арене и основных компонентов, определяющих это соотношение, а также оценка главных тенденций развития. XXVII съезд нашей партии подчеркивал: «Вести правильную, научно обоснованную политику можно, лишь ясно понимая ключевые тенденции реальной действительности». В масштабах съезда всесторонне раскрыты противоречия современного мира, а также выдвинута концепция взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия всех элементов системы международных отношений, определяющей целостный характер сегодняшнего сложного и во многом противоречивого мира. Здесь следует особо отметить, что творческий, ленинский подход к изучению международной обстановки и политики в наше время позволил нашей партии сформулировать этот важный тезис. Для решения проблем современного мира требуется новое мышление, новаторский подход, осознание того, что гонка вооружений и развитие военной техники уже сейчас подошли к критической черте, за которой эти процессы могут выйти из-под контроля.

Уверенно следуя ленинским курсом, партия уделяет серьезное внимание международным вопросам, от решения которых зависят не только судьбы мирового развития, но и само выживание человечества. Выступая 8 апреля 1986 г. в Тольятти, М. С. Горбачев подчеркивал, что «наше поведение, наша линия диктуется не только нашими принципами и моралью, но и тем, что мы понимаем нереалистичность иного подхода». В этом ярко проявляется значение фактора сознательной, целенаправленной деятельности на международной арене.

В этой связи важно отметить, что острота современного момента в развитии международных отношений определяется не только объективными процессами. Большое значение имеет и субъективный фактор политики. Империализм по самой своей природе противится изменениям, происходящим в мире. Тем более это верно для деятелей, пришедших к власти в США, и их основных союзников по НАТО, которые на рубеже 70-х — 80-х гг. повернули от разрядки к военно-силовой политике. Они взяли на вооружение доктрины, отвергающие добрососедство и сотрудничество как принципы мирового развития, как политическую философию международных отношений. По мнению многих представителей мировой и, в том числе, американской общественности наибольшее значение для Р. Рейгана имеет ядерное превосходство. Он утверждает, что не намерен подвергать риску американскую безопасность, фактически же ставит знак равенства между необходимым уровнем безопасности и превосходством. Неудивительно, что в течение

долгого времени вашингтонская администрация глуха к призывам СССР остановить гонку вооружений, оздоровить международную обстановку.

Есть все основания утверждать, что перестройка политического мышления и поведения на глобальной основе не придет сама собой. За нее нужно бороться, причем настойчиво и целеустремленно. Концепция создания всеобъемлющей системы международной безопасности дает глубоко научный и реалистический ответ и на вопрос о том, смогут ли правящие круги в странах Запада все же повернуться лицом к реальностям, встать на путь трезвых конструктивных оценок происходящего. Сама история, подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, не дает права принять «нет» в качестве ответа. Общественный процесс, развитие цивилизации должны и будут продолжаться. Необходимость решить животрепещущие общечеловеческие задачи должна побудить в конечном счете ответственных политиков на Западе осознать, что конфронтация и подготовка к вооруженному столкновению должны быть изъяты навечно из жизни человека.

Решения, соразмерные реальностям времени, могут и должны быть найдены. Сегодня нет задачи важнее, чем борьба за мир. Настало время динамичных и ответственных действий, предельной мобилизации разума и здравого смысла. В период «холодной войны» Уинстон Черчилль произнес фразу, которая стала крылатой на Западе: «Говорить и говорить лучше, чем воевать и воевать». С этим нельзя не согласиться. Тем более, что воевать в ядерный век стало просто невыносимо, потому что накоплено столько оружия массового уничтожения, которого достаточно, чтобы несколько раз уничтожить все живое на Земле. В наше время разрядке, сотрудничеству, прекращению гонки вооружений, переговорам нет разумной альтернативы.

Выражением нового мышления стали новые компромиссные предложения Советского Союза, которые были представлены во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и Президента США Р. Рейгана в Рейкьявике 11—12 октября. Они делали возможным согласие по таким вопросам, как сокращение, а в дальнейшем и ликвидация стратегических наступательных вооружений и уничтожение ракет средней дальности в Европе. Как отмечается в решении Политбюро ЦК КПСС, осуществление этих предложений открыло бы возможность для крутого перелома в развитии международных отношений, устранения ядерной угрозы и развития мирного сотрудничества всех членов мирового сообщества.

К сожалению, из-за позиции президента США, одержимого идеей создания «оборонительного» космического оружия, практически достигнутые согласия по указанным вопросам не удалось воплотить в обязывающие стороны договоренности. И тем не менее встреча в Рейкьявике стала важным событием международной жизни. Состоявшийся откровенный обмен мнениями позволил обеим сторонам углубить понимание крупных проблем мировой политики, двусторонних отношений, вопросов войны и мира, прекращения гонки ядерных вооружений. Встреча стала ступенью в сложном и трудном советско-американском диалоге. Она подготовила возможный шаг вперед, к реальному сдвигу к лучшему, если США перейдут наконец на реалистические позиции и откажутся от своих химерных концепций.

На состоявшейся в Рейкьявике советско-американской встрече на высшем уровне Советский Союз выступил с радикальными предложениями, направленными на достижение соглашения о снижении уровня стратегических вооружений и о ракетах средней дальности, на сохранение Договора об ограничении систем противоракетной обороны, запрещении ядерных испытаний. Эти предложения наткнулись на неуступчивость США, на их стремление обеспечить себе военное превосходство путем милитаризации космоса.

Итоги советско-американской встречи в Рейкьявике свидетельствуют о том, что СССР пришел на переговоры с конкретными предложениями и проявил желание достичь разумного компромисса. В то же время американская сторона не привезла с собой ничего нового, позитивного и не проявила действительного стремления к компромиссу. Советской делегации пришлось вести сложную политическую и дипломатическую борьбу против откровенной попытки американской стороны добиться односторонних выгод и обеспечения для себя военного превосходства.

СССР проявил на встрече максимум политической воли для достижения соглашения, и не его вина, что завершилась она не так, как этого ожидала миролюбивая общественность планеты.

Однако жесткая позиция по так называемой «стратегической оборонной инициативе» (СОИ), известной как программа «звездных войн», воспрепятствовала реализации наметившегося в встрече соглашения в области сокращения ядерных вооружений. Об этом заявил сам Р. Рейган, выступая по американскому телевидению с обращением к стране по итогам встречи в Рейкьявике.

Позиция Белого дома, который в угоду интересам американской военщины ставит под угрозу жизненные интересы всего человечества, в том числе американского народа, вызывает резкую критику со стороны здравомыслящих кругов в Соединенных Штатах: «На встрече в Исландии открывались огромные, исторические возможности,— подчеркнул сенатор Эдвард Кеннеди.— Однако они были принесены в жертву на алтарь «звездных войн».

«В Рейкьявике президент Рейган должен был сделать выбор между контролем над вооружениями и программой «звездных войн». Он выбрал «звездные войны». Президент занял неправильную позицию» — это слова бывшего главы американской делегации на переговорах ОСВ-2 и бывшего директора агентства по контролю над вооружениями и разоружению Пола Уорнке. Как подчеркнул этот авторитетный американский эксперт, нереально ожидать, что Советский Союз пойдет на сокращение своих стратегических вооружений в то время, как США будут продолжать работы по созданию системы стратегической обороны. «Президент упустил исключительную возможность заключить потрясающее соглашение по контролю над вооружениями и в результате загнал нас в угол ради своей в высшей степени нереальной и крайне дорогостоящей программы, которая не сможет доказать свою эффективность в лучшем случае до конца столетия. История покажет, что президент совершил ошибку», — сказал в интервью телекомпании Эн-би-си сенатор Гэри Харт. Вряд ли с этим можно не согласиться. Вот справедливые слова профессора Принстонского университета Стивена Козна: «Для заключения соглашений требуется желание двух сторон, однако в Рейкьявике такое желание продемонстрировал только Михаил Горбачев».

Выступивший в информационной программе телекомпании Си-эн-эн бывший министр обороны США Дж. Шлесинджер как бы подвел итог сказанному выше: «С сожалением приходится констатировать, что мы упустили уникальную возможность сократить наступательные стратегические вооружения, выпадающую раз в четверть века. У нас было предложение от Советского Союза о радикальном сокращении их наступательных сил наряду с сокращением ракет средней дальности, и мы оказались не в состоянии договориться с ним. Это достойно сожаления».

Как показала встреча в Рейкьявике между М. С. Горбачевым и Р. Рейганом, Белый дом ни при каких обстоятельствах не желает отказываться от милитаризации космоса. Цель «стратегической оборонной инициативы» — добиться военного превосходства и обеспечить гигантские барыши военным корпорациям. Ради скорейшего осуществления этих планов американская сторона отвергла советское предложение взять на себя обязательство в течение десяти лет не выходить из Договора по ПРО, фактически заявила о своем намерении

похоронить это соглашение — последнее важнейшее препятствие на пути к безудержной гонке вооружений. Оценивая, чем грозит осуществление программы «звездных войн», М. С. Горбачев отметил на пресс-конференции: «Первое — опасность политическая. Сразу создается ситуация, которая вносит неопределенность, подогревает недоверие друг к другу, подозрение. И тогда уж тут не до сокращений ядерного оружия... Во-вторых, есть все-таки и военная сторона. Через СОИ можно выйти на новые виды оружия... и выйти на совершенно новый этап гонки вооружений, с очень серьезными последствиями».

Анализ реальной обстановки не оставляет сомнений в справедливости вывода о том, что в наше время подлинная равная безопасность гарантируется не предельно высоким, а предельно низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо полностью исключить ядерное и другие виды оружия массового уничтожения. Такие категории, как военное превосходство, расчет на победу в ядерной войне, глобальная гегемония, превратились в смертельно опасные для всего человечества химеры. Им на смену должно прийти осознание того, что обуздание гонки вооружений равносильно выживанию.

Человечество сталкивается с грозным вызовом: на карту поставлено само его существование. Такова суровая реальность нашего времени, которую никто не может позволить себе игнорировать. Две недавние трагедии, связанные с техникой ядерно-космического века, — катастрофа «Чэлленджера» и авария на Чернобыльской атомной станции — преподнесли предметный урок того, что произойдет, если будет пущено в ход ядерное оружие. Взрыв даже малой части накопленного ядерного потенциала станет неоправимой катастрофой. И тем не менее спираль гонки вооружений раскручивается все сильнее. К имеющимся горам средств уничтожения прибавляются новые виды, еще более изощренные. Гонке вооружений уже тесно на Земле, существует опасность ее распространения на космос, что ускорит и без того критически высокий темп накопления и совершенствования ядерного оружия.

В этих условиях, подчеркнул М. С. Горбачев в Заявлении по советскому телевидению 18 августа 1986 г., «мало сохранить существующие договоры, необходимы крупные практические шаги, способные осадить милитаризм и повернуть развитие событий к лучшему. «Равновесие страха» перестает быть фактором сдерживания. И не только по той причине, что страх вообще — не советчик разуму и может толкнуть на непредсказуемые по своим последствиям действия. Он, этот страх, — прямой участник гонки вооружений: усиливая недоверие и подозрения, он образует порочный круг нагнетания напряженности».

Чтобы разорвать создавшийся порочный круг, считает советское руководство, надо прежде всего раз и навсегда отказаться от представлений о войне как средстве достижения политических целей, осознать, что сегодня попросту самоубийственно строить межгосударственные отношения на иллюзии достижения военного превосходства. Новое политическое мышление, соответствующее реальностям ядерно-космического века, требует также иного, чем прежде, подхода к проблемам обеспечения собственной и общей безопасности. Характер нынешнего оружия не оставляет ни одной стране надежды защитить себя только военно-техническими средствами. Обеспечение безопасности государств все больше предстает как задача, которую можно решить лишь политическими средствами. При этом необходимо, чтобы все чувствовали себя в равной безопасности.

Исходя из такого понимания проблем мира и безопасности в современных условиях, СССР выдвинул широкомасштабную программу ликвидации

ядерных и химических арсеналов к концу нынешнего столетия, дополненную впоследствии конкретными предложениями на Женевских переговорах. Вместе со своими союзниками по Варшавскому Договору Советский Союз внес также на рассмотрение Запада комплекс мер по сокращению обычных вооружений и вооруженных сил в Европе от Атлантики до Урала. Более того, стремясь сдвинуть с мертвой точки проблему ядерного разоружения, наша страна в канун 40-й годовщины трагедии Хиросимы объявила односторонний мораторий на все виды ядерных взрывов. Широкие слои мировой общественности расценили это решение как шаг, открывающий реальную возможность для полного прекращения гонки ядерных вооружений. Ведь если не будет испытаний, автоматически не будет и совершенствования ядерных вооружений, создания их новых систем.

Ныне стало очевидным, что империализм не может и не хочет примириться с теми коренными сдвигами, которые произошли в мире в послевоенные десятилетия. А мир стал иным. Полностью и окончательно ликвидировано господствующее положение империализма на международной арене. Существование и победоносное развитие мирового социализма существенным образом изменило соотношение классовых и политических сил в мире, придало новый импульс поступательному движению всего человечества, обеспечив ему ускоренные темпы.

«Прогресс нашего времени,— говорил М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— справедливо отождествляется с социализмом. Мировой социализм — мощное международное образование, он опирается на высокоразвитую экономику, солидную научную базу, надежный военно-политический потенциал. Это более трети человечества, десятки стран и народов, идущие по пути всестороннего раскрытия интеллектуальных и нравственных богатств человека и общества. Возник новый, основанный на принципах социалистической справедливости образ жизни, в котором нет ни угнетателей, ни угнетаемых, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, где власть принадлежит народу. Его отличительные черты — коллективизм и товарищеская взаимопомощь, торжество идей свободы, неразрывное единство прав и обязанностей каждого члена общества, достоинство личности, подлинный гуманизм. Социализм — это реальная возможность, открытая всему человечеству, пример, устремленный в будущее».

Судьбы мира и прогресса, судьбы человечества ныне тесно переплетены с мировым социализмом. Социализм стал могучей силой, преграждающей путь империалистической реакции. Он противопоставляет ей не только свою миролюбивую ленинскую политику, но и реальную военно-политическую мощь, с которой не могут не считаться поджигатели ядерной войны. Военно-стратегический паритет между СССР и США, между ОВД и НАТО — надежная гарантия обуздания всякого рода поборников ядерного конфликта. Ныне реальное соотношение сил на мировой арене отнюдь не определяется крикливыми заявлениями в пользу «силовой политики», а грубые, авантюристические агрессивные акции американского империализма против суверенных государств не только не способствуют укреплению международного престижа и авторитета правящих кругов США, а все более подтачивают морально-политический устой ведущей капиталистической державы, превратившейся в главный источник военной опасности.

Ставка на силу всегда была имманентной чертой внешней политики империалистических держав. Ныне эта ставка превратилась в абсолютную доминанту всего внешнеполитического курса США и их союзников по агрессивным блокам. Глубоко обоснован вывод, содержащийся в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, о том, что, «стремясь удержаться в седле истории, империализм прибегает к любым средствам. Но подобная политика доро-

го обходится миру. Народы вынуждены платить за нее все более высокую цену».

* * *

Внешнеполитическая стратегия КПСС и Советского государства всегда разрабатывалась и осуществлялась с учетом такого важного фактора, как агрессивная природа империализма, с учетом того, что его внешняя политика перманентно проходит фазы усиления своей агрессивной направленности.

КПСС, Советское государство, другие страны мирового социализма, международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движения, все прогрессивные, миролюбивые силы земного шара накопили богатый и ценный опыт активной и эффективной борьбы против империализма и его агрессивной политики, чреватой ракетно-ядерным катаклизмом. Опыт этот служит ценным подспорьем в современных условиях, обогащает формы борьбы, наполняет ее новым содержанием, повышает ее действенность.

XXVII съезд КПСС определил в качестве важнейшей сегодня исторической задачи социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты предотвращение войны, спасение человечества от катастрофы. И решению этой ключевой задачи современности подчинены все внешнеполитические инициативы КПСС и Советского государства, вся их практическая политика.

Борясь за предотвращение ракетно-ядерной войны, КПСС, Советское правительство в то же время раскрывают перед всеми народами авантюристическую сущность политики США и НАТО, с четких классовых позиций оценивают как общую мировую ситуацию, так и положение в каждой стране, в каждом районе мира.

Следуя четкому ленинскому указанию о необходимости классового подхода к анализу источников военной угрозы, к разоблачению империализма Советский Союз и другие социалистические страны сделали все возможное для того, чтобы сохранить мир на Земле. Знаменательно, что именно первая в мире страна победившего социализма, родившаяся с лозунгом «Мир — народам!», выступила в самом начале 1986 г. — Международного года мира — с развернутой программой полной ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения к 2000 году, недопущения милитаризации космоса.

* * *

Выдвинутые Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в его речи во Владивостоке новые крупномасштабные конструктивные предложения Советского Союза по обеспечению мира и безопасности в Азии, в районе Тихого океана, ограничению и сокращению вооружений, прежде всего ядерных, имеют актуальное значение и в глобальных масштабах, — но в особенности — в масштабах колоссального региона АТР (азиатско-тихоокеанский регион).

Азия обогатила мировой прогресс многообразным опытом борьбы за свободу, мир и независимость. Этот опыт составляет одну из важных основ политической реальности в АТР. Более 30 лет прошло с тех пор, как две великие азиатские державы Китай и Индия провозгласили «Панча шила», — пять принципов мирного сосуществования, которые широко вошли в практику решения спорных вопросов, возникающих между различными государствами. В соответствии с этими принципами страны с различными общественными системами могут не только сосуществовать, но и активно сотрудничать в вопросах борьбы за мир и международной безопасности. Затем эти принципы были дополнены и развиты в 1955 году на конференции в Бандунге, внесшей важный вклад в упрочение мира и безопасности народов азиатско-тихоокеанского региона.

Четверть века назад в Азии родилась концепция неприсоединения, и на международной арене появилось движение, активно выступающее за преодоление раскола мира на военные блоки. Признанный лидер движения неприсоединения — Индия внесла значительный вклад в дело утверждения в международном сообществе норм равноправного сосуществования и справедливости. И закономерно, что в наше время столица этой страны дала жизнь и имя постоянно действующему форуму руководителей стран четырех континентов: Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции («делийская шестерка»). Большой вклад в движение за мир, разоружение и безопасность внесла конференция неприсоединившихся стран на высшем уровне, проходившая в столице Зимбабве Хараре.

В АТР находит практическое воплощение идея создания безъядерных зон. В нем расположены два ядерных государства — СССР и КНР, которые обязались не применять это оружие первыми. Будучи как европейским, так и азиатско-тихоокеанским государством, СССР жизненно заинтересован в сохранении и упрочении мира в АТР. В этих целях Советский Союз вносит весомый вклад в формирование концепции безопасности и ее реализации в практике политической жизни. Призыв СССР сообща искать пути к укреплению безопасности в АТР получил широкий резонанс в мире, особенно в странах Азиатского континента. Многочисленные отклики на него свидетельствуют о наличии у целого ряда правительств стран региона тяги к обмену мнениями, к совместным поискам конструктивных решений в этом направлении.

Новые советские инициативы, относящиеся к азиатско-тихоокеанскому региону, являются важной частью выдвинутой ранее СССР концепции всеобъемлющей системы международной безопасности. Для мирного взаимодействия государств, для военной, а значит, и политической разрядки в азиатско-тихоокеанском регионе следует решить ряд жизненно важных проблем. СССР предлагает: искать пути для урегулирования региональных проблем, поставить надежный заслон распространению и наращиванию там ядерного оружия, начать переговоры о сокращении активности военных флотов (в первую очередь кораблей, оснащенных ядерными боеприпасами), перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы. Предложенная Советским Союзом широкая платформа обеспечения безопасности и сотрудничества в Азии и на Тихом океане, предполагает участие в этом процессе всех стран.

Вместе с этим Советский Союз предлагает добиваться в Азии радикального сокращения вооруженных сил и обычных вооружений до пределов разумной достаточности. Вполне понятно, что к решению этой проблемы следует приступать шаг за шагом, поэтапно, начав с какого-нибудь одного района, скажем, с Дальнего Востока. И в этом плане наша страна подала добрый пример. Не случайно столь широкий отклик в мире получило сообщение о том, что Советский Союз готов обсудить с КНР конкретные шаги, направленные на соразмерное снижение уровня сухопутных сил обеих стран, и что руководством СССР и КНР рассматривается вопрос о выводе значительной части советских войск из Монголии.

Обоснованность советского предложения о сокращении вооруженных сил и вооружений в Азии очевидна. За счет сокращения военных расходов и переключения высвободившихся средств на мирные цели можно было бы решить многие проблемы социально-экономического развития стран азиатско-тихоокеанского региона. Нет нужды доказывать, насколько губительна гонка вооружений для этой группы стран. В регионе азиатско-тихоокеанских государств, согласно данным ООН, в условиях абсолютной бедности проживает более полумиллиарда человек. И окажется этот регион втянутым еще глубже в пучину гонки вооружений, последствия будут весьма тяжелыми. Если тут кто-

нибудь и окажется в выигрыше, то лишь военные монополии ведущих капиталистических держав, прежде всего Соединенных Штатов.

Азиатско-тихоокеанский регион Вашингтон откровенно считает «вторым фронтом» (после Европы) противостояния Советскому Союзу, составной частью своей глобальной военно-стратегической системы. Военные поставки своим зарубежным союзникам, в первую очередь государствам, расположенным недалеко от границ СССР и других стран социализма, наиболее агрессивные круги Запада рассматривают как вооружение участников своей будущей коалиции. Тем же целям служат и так называемые «союзнические» обязательства, навязанные ряду стран АТР Соединенными Штатами. Так, японо-американский «договор безопасности» позволил Пентагону разместить в Японии немало своих баз, превратив территорию этой страны в плацдарм военной угрозы другим государствам региона, и прежде всего дальневосточным районам Советского Союза.

Отнюдь не оборонительные цели преследует и военное присутствие США в Южной Корее. В зоне Тихого океана Соединенные Штаты держат вторую по мощности (после Западной Европы) группировку вооруженных сил численностью до полумиллиона человек, располагают здесь сотнями военных объектов, неустанно расширяют и совершенствуют систему обеспечения действий своих стратегических сил и ядерных средств передового базирования.

В Вашингтоне опасаются, что аргументированные предложения СССР, направленные на укрепление стратегической стабильности в Азии и зоне Тихого океана, найдут поддержку в правительственных кругах, у общественности и затруднят реализацию Соединенными Штатами их военных амбиций. Вашингтон поспешил негативно отреагировать на владивостокский комплекс советских предложений, заявив, что США не готовы-де к проведению широкой конференции по проблемам региона с участием заинтересованных государств.

Осознание необходимости улучшения состояния международной обстановки в Азии — таков общий знаменатель реакции политических кругов этих стран на мирные советские инициативы. И это закономерно, ибо наша политика мира и сотрудничества полностью отвечает стремлениям и чаяниям стран и народов как в Азии, так и в других районах планеты.

Разумеется, Советский Союз далек от намерений навязывать другим государствам Азии какой-то гарантированный рецепт, некую готовую формулу общеазиатской безопасности. СССР призывает азиатские страны к совместному участию в разработке такой формулы, используя как двусторонние, так и многосторонние контакты.

Очевидно, что претворение в жизнь концепции азиатской безопасности — это долговременная задача, для реализации которой необходим поэтапный подход от простого к более сложному. Имеется в виду, что азиатские государства шаг за шагом продвигались бы от тех взаимных договоренностей на двусторонней или многосторонней основе, которые достижимы в том или ином районе континента, уже теперь к более серьезным, многоплановым договоренностям. Тем самым постепенно расширялись бы базы прочного мира и стабильности на континенте в целом. И, конечно же, необходимо безотлагательно приступить к конкретным шагам с целью стабилизации обстановки в тех районах Азии, где не угасают очаги военной опасности.

Советская концепция азиатской безопасности, предусматривающая совместный поиск путей обеспечения мира в Азии на основе объединения усилий всех государств континента — больших и малых — с учетом опыта, накопленного самими азиатскими странами и государствами других континентов, — солидная основа для углубления взаимопонимания и сотрудничества между государствами Азии, установления здесь прочного мира.

Е. Ф. АВДОКУШИН,
кандидат экономических наук

История экономической науки в КНР свидетельствует, что ее развитие осуществлялось сложными путями. Становление и развитие ее после образования КНР, в годы первой пятилетки (1953—1957), было заторможено в период «большого скачка» (1958—1960). Экономическая наука, по свидетельству китайских обществоведов, стала утрачивать свой объективный характер. Использование методов политической борьбы в общественных науках привело, по их признанию, к упрощению, абсолютизации, схематизации ряда теоретических положений К. Маркса и В. И. Ленина. Как указывает экономист из Народного университета Цзи Баочэн, в экономической теории в этот период возникло немало «запретных зон» и «слабых звеньев»¹. Несмотря на сохранившийся у многих китайских экономистов объективный научный подход к изучаемым проблемам, к середине 60-х гг. обстановка на фронте экономических наук Китая неуклонно ухудшалась. Со времени развертывания в стране политической кампании «Взять классовую борьбу за основу» (осень 1962 г.) многие научные исследования свертывались, экономическая наука, находясь под влиянием «левой» идеологии, все больше «только разъясняла текущий политический курс партии, а не исследовала экономические законы социализма». Поэтому авторы многих работ этого периода ничего не создали жизненно важного, ничем полезным «не проявили себя»². Вместе с тем были и публикации в те годы, имеющие определенную теоретическую ценность для изучения экономических проблем социализма, в частности в КНР. К их числу можно отнести работы Сунь Ефана, Сюй Дисиня, Юй Гуаньюаня и других экономистов.

В годы «культурной революции», которые ныне характеризуются в КНР как «период разгула идеализма», когда «современные суеверия подменяли науку»³, экономика как наука в Китае практически перестала существовать, поскольку исследовательская работа была свернута и стала считаться «опасной зоной». По утверждению западного синоведа Л. Гудстада, за годы «культурной революции» в Пекинском университете из 90 профессоров и ассистентов 73 подверглись преследованиям, 23 из них были приговорены к смертной казни⁴.

С начала 70-х годов в Китае появляются некоторые публикации по экономической проблематике, в том числе по политической экономии. Однако они немногочисленны и, по оценке авторитетного китайского экономиста Сяо Ляна, «не имеют какой-либо научной ценности»⁵. В результате ко второй половине 70-х годов китайская экономическая наука находилась в состоянии застоя и деградации. «Теория была превращена в средство обоснования текущих политических установок»⁶. Ее элементы экономической науки, которые культивировались в начале — середине 70-х годов, были опутаны, как отмечал зав. отделом пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян, разного рода суевериями, невежеством, религиозным культом поклонения цитатам. Фактически «не существовало разницы между политической пропагандой и научными исследованиями»⁷.

Со второй половины 70-х годов в Китае отмечается заметное, нарастающее оживление экономической науки: вначале появились призывы, робкие попытки, а затем и энергичные шаги в сторону ее всестороннего развития. Поворот был вызван прежде всего изменением приоритетов в политике китайского руководства, вызванным серьезными трудностями в развитии народного хозяйства страны. Необходимость подъема и перестройки экономики, оказавшейся в исключительно тяжелом положении вследствие «десятилетнего хаоса культурной революции» требовала проведения экстренных мер в народном хозяйстве. Эти мероприятия складывались в соответствующий курс по восстановлению и развитию народного хозяйства посредством его «урегулирования», а также реформы хозяйственной системы Китая. Исключительная роль экономического развития в реализации стратегического курса китайского руководства — программы «четырёх модернизаций» — способствовала тому, что экономическая наука выдвинулась на роль безусловного лидера среди других общественных наук. По мнению секретаря парткома провинции Хубэй Гуань Гуанфу, независимо от того, какую науку изучает тот или иной ученый, он «обязан изучать экономику, по возможности свои научные исследования непосредственно связывать с изучением экономического строительства»⁸. Известный китайский экономист Юй Гуанъюань даже утверждал, что политическая экономия является «самой важной составной частью марксизма»⁹.

Кроме чисто практических функций, китайская экономическая наука была призвана осуществлять и идеологическую функцию обоснования «особого пути» строительства социализма — «социализма с китайской спецификой». В большинстве случаев эти две функции китайской экономической науки реализовывались одновременно, взаимосвязанно, интегрированно.

Для оживления экономической науки, придания ей соответствующего динамизма китайское руководство вновь, как и в 50-е годы выдвинуло лозунги: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», «Раскрепостить сознание», «Во всем исходить из практики» («шиши цюши»).

Конкретным выражением этих лозунгов стало восстановление и развитие инфраструктуры науки: возобновление деятельности и открытие ряда новых научно-исследовательских учреждений, специализирующихся на вопросах изучения экономики, а также организация экономических обществ, подготовка значительного отряда кадров — экономистов, возобновление изданий по общественным наукам. В настоящее время в Китае издается более 200 журналов по общественным наукам. Значительную часть последних составляют специальные экономические издания, среди которых выделяются «Цзинцзи яньцзю», «Цзинцзи гуаньли», «Цзинцзи кэсюэ», «Цзинцзи вэньти», «Чжунго цзинцзи вэньти», «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли», «Цзинцзи юй гуаньли яньцзю» и др., а также еженедельник «Цзинцзисюэ чжоубао» и газета «Цзинцзи жибао». Выходят «Научные записки» большинства университетов и институтов. На страницах этих изданий публикуются статьи китайских экономистов по различным проблемам политической экономии, конкретных экономических наук, находят отражение материалы научных экономических конференций, дискуссии, проходящие в стране и за рубежом, помещаются обзоры точек зрения китайских экономистов по тем или иным проблемам экономической теории и практики, публикуются библиографические материалы. Выпускаются экономические ежегодники, справочники, словари. По оценке Сяо Ляна, редактора ежегодника «Чжунго цзинцзи кэсюэ няньцзянь» («Экономические науки в Китае»), ежемесячно в Китае выходит «более тысячи экономических статей в различных научных экономических изданиях»¹⁰.

В 80-е годы в Китае опубликовано большое количество научных сборников, монографий, брошюр видных китайских экономистов (Сунь Ефана, Сюй Дисиня, Сюэ Муцю, Юй Гуанъюаня, Ма Хуна, Сунь Шанцина, Дун

Фужэна и многих других) по актуальным проблемам экономической теории социализма, был выпущен ряд учебных пособий по политической экономии.

Обилие экономических материалов, разнообразие тематики, презентабельность авторов после довольно унылой картины экономической научной жизни предшествующих 10 лет (1966—1976) — характерная черта рассматриваемого периода. Этот период, несмотря на свою относительную временную ограниченность, теоретически насыщен и динамичен, вмещает в себя несколько достаточно характерных этапов со своими специфическими особенностями. По нашему мнению, в развитии китайской экономической науки последних 10 лет можно выделить три основных этапа:

I этап — с конца 1976 г. до 1979 г.;

II этап — с 1979 г. до октября 1984 г.;

III этап — с конца 1984 г. до настоящего времени.

Изучение экономической теории социализма на I этапе происходило в обстановке острой идейно-политической борьбы приверженцев, «традиционных», левацких методов управления экономикой (административный, командный стиль, методы, свойственные натуральному, нетоварному, продуктовому хозяйству) и сторонников новых (в основном экономических) методов социально-экономического развития страны, остро чувствовавших необходимость решительных перемен. В этот период, для которого в идейно-теоретическом аспекте наиболее характерна довольно резкая, но в целом несколько однообразная, схематизированная критика теоретических искажений социализма, осуществлялся постепенный, медленный, мучительный отход китайских обществоведов от традиционных, левацких экономических и политических догм, поворот к реальностям экономической жизни страны, признанию объективности экономических законов социализма. Заметную роль в этом сложном процессе сыграла программная статья Ху Цяому, занимавшего в то время пост Президента АОН КНР, «Действовать в соответствии с экономическими законами, ускорять осуществление четырех модернизаций»¹¹. Эта статья стала заметным явлением в китайской экономической мысли. Несмотря на отдельные дискуссионные положения статьи, она тем не менее нацеливала китайских экономистов на изучение объективных экономических законов социализма, показывала возрастающую роль экономической теории в социалистическом строительстве.

Определенная архаичность китайской экономической мысли, вызванная многолетним застоем в теоретических исследованиях, опасения вступать в открытую полемику с леваками, во многом сохранившими свои позиции¹², зачастую приводили китайских экономистов к поверхностным, формалистичным выводам, в определенной степени страдающим атавизмом левацких социально-экономических догм, несла в себе элементы разного рода субъективистских трактовок марксистско-ленинской экономической теории. Однако в это же время все увереннее проявляется неформальный научный подход к изучаемым социально-экономическим явлениям, как, впрочем, и элементы нового, «особого подхода» к сущности социалистической экономики и ее создания в КНР.

В указанный период, несмотря на заметно возрастающий год от года поток публикаций по экономической проблематике, все же трудно выделить какие-либо достаточно новые, оригинальные монографические работы по экономической теории социализма. Издаваемые публикации представляли собой в основном сборники статей ведущих китайских экономистов, уже публиковавшиеся в 50—60-е годы в китайской печати¹³.

Одной из важнейших особенностей китайской экономической мысли этого периода является противоречие между стремлением ряда китайских эконо-

мистов подходить к экономическим явлениям социализма с позиций, свойственных марксистско-ленинской политэкономии, и поверхностной, догматической, левацкой трактовкой тех же самых явлений другой группы китайских экономистов. Имелись и многочисленные попытки симбиоза этих подходов. В результате китайская экономическая мысль этого периода страдала определенной двойственностью, ибо включала наряду с научными положениями и изрядную долю вульгарно-фетишистских элементов.

II этап в развитии китайской экономической мысли во многом связан с решениями III Пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), призвавшего обществоведов «раскрепостить сознание», покончить с «книгопоклонством» и «косностью мысли», «выправить идейную линию». Начало этого периода ознаменовалось осуществлением хозяйственной реформы в китайской деревне и проведением экономических экспериментов в промышленности, что породило лавинообразное нарастание потока экономической информации: цифр, фактов, публикаций и др., прежде всего по проблемам экономической реформы¹⁴.

Следует особо подчеркнуть исключительную активность китайских обществоведов в обсуждении многих проблем экономической теории социализма. В стране прошли многочисленные научные конференции, посвященные изучению объективных экономических законов, в том числе закона стоимости при социализме, функционирования системы экономических законов, основного экономического закона социализма¹⁵. На страницах китайской печати развернулось обсуждение проблем предмета и метода политической экономии социализма¹⁶, основных черт социализма¹⁷, проблем воспроизводства при социализме¹⁸. Широко дискутировались проблемы «плана и рынка»¹⁹, социалистического товарного хозяйства²⁰, форм собственности при социализме²¹, распределения по труду²², производительного и непроизводительного труда²³, проблем экономической стратегии экономической реформы Китая²⁴ и многие другие.

По сравнению с I этапом развитие экономической науки происходило по линии постепенного перехода от критики теоретических положений прежних лет, особенно периода «культурной революции», к позитивному, созидательному, творческому подходу к проблемам экономики. В силу новизны, неразработанности многих проблем экономической теории социализма китайскими обществоведами характерной чертой дискуссий этого этапа было наличие чрезвычайно пестрого набора точек зрения на те или иные обсуждавшиеся проблемы.

Для данного периода характерен прорыв целого ряда «запретных зон» для экономического анализа, дискредитация левацких установок в теории, значительно возросшее внимание к изучению экономической теории марксизма²⁵, становление новых для Китая направлений экономических исследований — экономика производительных сил²⁶, экономика образования, экономика окружающей среды²⁷, экономика потребления²⁸, экономика туризма и др.

Начало этого этапа характеризуется также определенным нарастанием прагматизации китайской экономической науки («научно-делового подхода»), гипертрофией роли рыночных методов хозяйствования в строительстве социализма. Появляются элементы некоторого преувеличения национальной специфики в экономической науке, заметно активизируются поиски национальной основы, теоретического обоснования «особого пути» строительства социализма. В этой связи всячески популяризируется наследие видных китайских идеологов, обществоведов. Так, можно выделить период широкой пропаганды взглядов видного деятеля КПК Чэнь Юня, известного китайского экономиста Сунь Ефана²⁹.

В целом этап, начавшийся после III Пленума ЦК КПК 11-го созыва, по общему мнению китайской печати, является наиболее важным в истории

развития экономической мысли КНР. В этот период (1979—1984) «экономические исследования в Китае продемонстрировали признаки расцвета»³⁰. 1979 год некоторые китайские авторы характеризуют как год начала «прорыва» в политической экономии социализма³¹. В 1979—1984 гг., пишет Сян Циюнь в статье «Развивать экономическую науку для службы социалистической модернизации», «исследовательская работа в области экономики ускорила, исследования расширились, углубились и оказывают активное влияние на практику». По его мнению, экономические исследования этого периода по своей продуктивности, значимости «превысили любой период с момента образования КНР»³². С этим утверждением можно в основном согласиться, принимая во внимание, что данный период является рекордным по числу функционировавших исследовательских учреждений, экономических изданий, научных форумов, публикаций и т. п. Что же касается мнения Сян Циюня об «активном влиянии» теории на практику, то некоторые китайские экономисты не согласны с таким выводом. В китайской экономической печати имеется ряд высказываний с конкретными, убедительными доказательствами того, как теория в этот период покорно следовала за практикой, сосредоточиваясь на комментариях уже принятых официальных документов, в итоге плелась позади требований практики³³.

Ход китайской экономической реформы во многом свидетельствует в пользу такого вывода. Реформа народного хозяйства Китая развивалась прежде всего и главным образом на основе эксперимента, а не теоретических исследований и соответствующих рекомендаций практике. Это характерно как для проведения реформы в деревне (в наибольшей степени), так и для реформы в промышленности, в китайском обществе вообще.

В ходе реформы, как подчеркивается в постановлении III Пленума ЦК КПК 12-го созыва (20 октября 1984 г.), в КНР «произвели ряд экспериментов и поисков, предприняли некоторые важные меры и добились заметных результатов, накопили опыт, имеющий немаловажное значение»³⁴. Китайская экономическая теория в основном подводила теоретическую базу под эксперимент, разъясняла его, комментировала, в той или иной степени анализировала опыт, делала прогнозы. Первый и второй аспекты (разъяснение и комментарий) заметно преобладали над самостоятельным поиском.

Особо важные результаты, которые достигнуты экономической наукой в указанный период (1979—1984), по мнению китайских экономистов, заключаются в раскрытии объективных закономерностей современного этапа экономического развития Китая. К числу таких закономерностей, в частности, относят: закономерности происхождения и развития кооперативной экономики деревни; выявление множественности способов управления и особенностей структуры производственных отношений на начальном этапе социализма; определение цели социалистического производства и механизма ее осуществления; выявление особенностей товарного производства при социализме и роли закона стоимости; сравнительный анализ моделей социалистической экономики; определение стратегии развития народного хозяйства в Китае; разработка открытой внешнеэкономической политики и др.³⁵. Что касается перечисленных проблем, то, действительно, многие из них, оставаясь долгое время «белыми пятнами» на карте китайской экономической науки, получили заметное развитие на данном этапе. Китайские экономисты, учитывая специфику своей страны, внесли ряд новых моментов в понимание указанных проблем. Вместе с тем это развитие в некоторых случаях можно оценить как относительное, поскольку это был заметный шаг вперед главным образом по сравнению с позициями, которые занимала китайская экономическая мысль к концу 70-х гг., а не по отношению к состоянию современной экономической теории социализма. Нисколько не умаляя усилий и успехов китайских

обществоведов в разработке ряда экономических проблем социализма, все же следует иметь в виду, что многие из перечисленных проблем в той или иной степени уже решены марксистской экономической мыслью социалистических стран, либо получили значительную разработку. Для китайской экономической мысли этого этапа в определенной степени характерен подход, когда уже решенные учеными социалистического лагеря экономические проблемы социализма зачастую трактовались как поставленные и решенные именно в Китае. Видимо, в ряде случаев это являлось следствием отсутствия у китайских экономистов достаточно полной информации о достижениях в решении проблем социализма в других социалистических странах или недостаточно глубоким ее освоением³⁶. Политика изоляционизма, проводившаяся многие годы в Китае, изучение только собственного опыта, по мнению китайского политэконома Дин Сюэчжоу, привели к тому, что многие китайские экономисты стали считать, что «политическая экономия социализма — это китайская экономическая наука, а китайская экономическая наука идентифицировалась с экономической наукой социализма»³⁷. Недостаточная осведомленность в вопросах истории формирования научных представлений об экономике социализма создавала помехи китайским экономистам и приводила их к непроизводительным издержкам «открытия» уже давно известного, возрождению устаревших, не оправдавших себя на практике точек зрения.

В целом 1979—1984 гг. в развитии экономической мысли Китая, принимая во внимание, несомненно, весьма существенный прогресс по отношению к предшествующему периоду, можно оценить как этап, на котором экономическая наука развивалась все же в большей степени вширь и в меньшей степени демонстрировала качественные черты развития. Определенным подтверждением такого вывода может служить заявление зав. кафедрой политэкономики партшколы при ЦК КПК Ван Цзюэ, который, анализируя итоги этого этапа в отношении развития политэкономики социализма, указывал, что, несмотря на «значительный прогресс», китайским обществоведам не удалось «полностью избавиться от установившихся рамок, некоторых устоявшихся взглядов, вообще совершить коренные усовершенствования»³⁸.

К сказанному следует добавить, что в отношении трактовки ряда проблем экономической теории социализма китайская экономическая наука к середине 80-х гг. во многом оставалась на рубежах, достигнутых марксистской экономической мыслью 20—25 лет назад. Это касается трактовок основного экономического закона социализма, других экономических законов социализма, причин осуществления товарно-денежных отношений при социализме и др. В отношении многих проблем китайские экономисты только начинали разработку. К ним относятся проблемы интенсивного типа расширенного воспроизводства, экономического роста при социализме, проблем оптимального функционирования экономики и др.

Вместе с тем широкое, активное обсуждение многочисленных вопросов экономической теории социализма, поиски и обретения китайских теоретиков на этом этапе сыграли свою практическую роль прежде всего в том, что нашли свое определенное отражение в программном документе III Пленума 12-го созыва, который вобрал в себя в концентрированном виде основные выводы и положения по ряду проблем, поставленных экспериментом реформы.

Многие черты экономической мысли Китая, свойственные ей в 1979—1984 гг., сохраняются и ныне. Вместе с тем временной отрезок в истории китайской экономической мысли, начавшийся с момента опубликования «Постановления ЦК КПК о реформе экономической системы», несмотря на свою сравнительную непродолжительность, уже имеет отличительные черты, определяющие особенности, которые позволяют выделить его в особый этап.

БИОЛОГИЧЕСКОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ

HUNSON AN COOP

По многочисленным заявлениям китайских обществоведов, Постановление, совершив «прорывы» в политической экономии социализма, открыло широкую дорогу для последовательного изучения экономической теории³⁹, фактически положив начало новому этапу в развитии китайской экономической мысли. Этот этап характеризуется следующими процессами: широкой активной наступательной пропагандой материалов Постановления, углубленным их изучением⁴⁰, использованием в научных экономических исследованиях в качестве методологической основы; активизацией изучения новых для Китая экономических наук — экономико-математических, технико-экономических, теории систем оптимального функционирования экономики, экономики различных сфер инфраструктуры, окружающей среды и др.; использованием новых методов в экономических исследованиях — теории систем, информатики, теории контроля; активизацией поисков новой научной экономической системы социализма; стремлением создать новую, «специфическую китайскую» политическую экономию и некоторыми другими чертами.

Пропагандируя Постановление, китайская печать характеризует его как «важнейший» документ «исторического значения», в котором осуществлено «соединение всеобщих принципов марксизма с конкретной практикой китайской революции», как «прорыв в экономической теории марксизма». По мнению большинства китайских обществоведов, Постановление обогатило и развило марксизм-ленинизм по многим направлениям. «Самым важным достижением» Постановления называется «прорыв в традиционном противопоставлении плановой и товарной экономики». Постановление ясно указывает на то, что «плановая экономика является плановой товарной экономикой на основе общественной собственности»⁴¹.

Следует отметить, что некоторые китайские экономисты (Лу Чжигао, Ча Цзюйжу), отдавая дань достоинствам Постановления, предупреждают против абсолютизации, универсализации китайской экономической системы, опыта строительства социализма, его теоретических обоснований. Они предлагают шире использовать опыт других социалистических стран в деле теории и практики социалистического строительства, создания учебников политической экономии социализма⁴².

Не претендуя на исчерпывающую оценку Постановления, хотелось бы подчеркнуть тот факт, что этот документ во многом носит итоговый характер по отношению к многочисленным обсуждениям в 1979—1984 гг. китайскими экономистами ряда проблем экономической теории социализма. В Постановлении зафиксирован ряд положений, свидетельствующих о преодолении китайской экономической наукой многих догматических, левацких теорий. Это касается прежде всего проблем объективности экономических законов социализма, распределения по труду при социализме, вопросов социалистической собственности на средства производства, особенностей потребления при социализме и др. Заслуживают внимания поиски китайских экономистов в области теории социалистического планирования, управления, в сфере сочетания интересов государства, предприятий, личности и др., нашедшие отражение в Постановлении.

Вместе с тем теоретически дискуссионными, далеко не бесспорными можно оценить положения Постановления о товарном характере социализма, о действии при социализме всеобъемлющей конкуренции и др.

Занимаясь пропагандой Постановления, китайские экономисты живо интересуются новыми для них проблемами, особенно методологическими проблемами политэкономии социализма. Пожалуй, это одно из наиболее узких мест в политэкономии в Китае⁴³.

С середины 80-х годов китайские политэкономы проявили заметный

интерес к построению системы политической экономии социализма, выявлению исходной, основной категории, направляющей, центральной линии социализма⁴⁴. С начала 1985 г. на страницах журнала «Хунци» и еженедельника «Цзинцзисюэ чжоубао» развернулось обсуждение необходимости реформы в изучении политэкономии социализма, ее преподавания, в переработке или написании нового учебника политической экономии социализма, отвечающего требованиям «социализма с китайской спецификой»⁴⁵. Проблема изучения и преподавания политической экономии социализма была поставлена со всей остротой. Отмечалась устарелость содержания учебника, неразработанность целого ряда актуальных проблем, недостаточная научность учебных материалов, малочисленность квалифицированных преподавателей и др.

По-прежнему уделяется значительное внимание изучению экономических законов социализма — с начала 80-х гг. состоялись четыре всекитайские научные конференции, посвященные изучению проблем системы экономических законов социализма. Если поначалу китайские обществоведы в основном ограничивались признанием объективной сущности экономических законов, необходимости их изучения, использования, связи с другими экономическими законами, то с середины 80-х годов заметной тенденцией становится системный подход к изучению экономических законов социализма. В целом в этой области экономических исследований у китайских обществоведов, несмотря на существенный прогресс, имеется еще множество проблем.

В связи с развертыванием экономической реформы в городах (предполагается провести ее в течение 3—5 лет начиная с января 1985 г.) китайские экономисты активно обсуждали вопросы, связанные с реформой цен при социализме. При чем реформа цен рассматривалась как «центральное звено» во всей экономической реформе⁴⁶. Все более пристальное внимание получает проблема эффективности общественного производства⁴⁷, использование достижений НТР для осуществления «четырех модернизаций»⁴⁸. Оживленно обсуждаются проблемы индивидуального (мелкочастного), коллективного сектора китайской экономики⁴⁹. Значительное внимание уделяется проблемам развития «третьей промышленности» — отраслей инфраструктуры в народном хозяйстве Китая. Не ослабевал накал обсуждения проблем «открытой внешнеэкономической политики»⁵⁰.

С момента опубликования «Постановления» становятся все более настойчивыми призывы к китайским обществоведам всесторонне развивать экономическую науку. От ученых-экономистов требуют более активного служения делу «четырех модернизаций», хозяйственной реформе, обоснованию «социализма с китайской спецификой». Выработка собственного пути, как подчеркивает китайская печать, должна осуществляться по линии активизации усилий в направлении «смелого научного поиска», «прорывов» в теории социализма. Для этого, считают многие китайские обществоведы, необходимо прежде всего модернизировать методы исследования в общественных науках, сближать их с методами исследования в естественных науках. Современные методы исследования, считает У Цзяпэй, включают в себя использование математических методов, ЭВМ, цифро-буквенные модели. В экономических науках должны найти применение теория систем, теория информации, теория контроля. Для успеха в развитии экономических наук одних «традиционных методов» недостаточно. Следует осуществлять комплексные экономические исследования, включая изучение проблем науки и техники, экологии, природных ресурсов, народонаселения⁵¹. Кроме «традиционных» методов исследования, необходимо, как считает Пэн Динань, использовать научные элементы способов исследования, свойственные западной экономической науке, развивать обмен с учеными западных стран⁵². Для реализации всех этих требований нужно перестраиваться самим исследователям, омолаживать кадры, увеличивать их численность⁵³.

Особая значимость придается исследованиям-прогнозам социально-экономического развития Китая на 2000-й год.

Нынешняя китайская экономическая наука по-прежнему стоит перед необходимостью преодоления догматических рамок, изучения ситуаций в мировой экономической науке, а также углубленного исследования реформы экономической системы, выявления специфики социализма в Китае⁵⁴.

Президент АОН КНР Ма Хун, призывая китайских экономистов-исследователей ответить на проблемы, поставленные программой модернизации страны, а также на вызов мировой НТР, указывает, что для этого необходимо «заменить» изоляционистскую политику в области общественных наук «более открытой и гибкой политикой». «Разбив пережитки и традиционный подход в общественных науках, мы сможем добиться,— считает Ма Хун,— обновленного понимания китайского социализма»⁵⁵.

Отвечая на подобные призывы, китайские экономисты-исследователи развивают теорию социализма, направляя свои усилия на изучение социалистической плановой товарной экономики, направляющего планирования⁵⁶, социалистического хозяйственного механизма⁵⁷, использования акционерной формы собственности⁵⁸ в условиях социализма. Не сходит со страниц китайской печати вопрос о «социалистической конкуренции»⁵⁹, говорится о необходимости принятия «закона о банкротстве социалистических предприятий»⁶⁰, активно обсуждаются проблемы социалистического «специфического китайского» образа жизни⁶¹ и др.

Принимая во внимание заметные успехи, сделанные китайской экономической наукой в последние годы, следует все же констатировать, что в настоящее время у нее остается еще много нерешенных проблем. На это указывает, в частности, китайский экономист Пэн Динань, который, упоминая о достижениях последних лет, заостряет внимание на том, что общественные науки Китая отстают от требований практики, от международного уровня⁶². Китайской экономической науке свойственны и другие недостатки, на которые откровенно указывают китайские обществоведы. К их числу они относят: ненаучность многих теоретических положений, проистекающую из того, что теория послушно следует за изменениями в политике⁶³; сравнительную отсталость политико-экономических исследований⁶⁴. «Наши теоретические исследования в политэкономии,— указывал видный китайский экономист Юй Гуанъюань,— еще сравнительно слабы»⁶⁵. Другие китайские обществоведы обращают внимание на общее незрелое состояние экономической науки — множество нерешенных вопросов⁶⁶; схематизм в построении учебников политической экономии социализма; недостаточность научных исследований, пустоту, упрощенчество в теоретических построениях; несовершенство качественного анализа⁶⁷ и др. Следует отметить, что осуществляемая в КНР хозяйственная реформа выдвинула перед экономической наукой ряд новых проблем. Смело берясь за их разрешение, китайские экономисты, однако, еще не всегда демонстрируют мобильность и эффективность. По оценке Премьера Госсовета КНР Чжао Цзяяна, в Китае «научная работа в области экономической теории отстает от практики реформы и строительства»⁶⁸.

Для устранения имеющихся недостатков, успешного развития общественных, в том числе экономических, наук в Китае, по мнению китайских обществоведов, необходимо соблюдение двух основных условий: развивать дух связи теории с практикой, поощрять свободу научной деятельности, продолжать научные дискуссии в условиях свободы критики и контркритики без навешивания каких-либо ярлыков⁶⁹. Последовательно проводя в жизнь лозунги «раскрепощения сознания», «пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ», необходимо также, как считает известный китайский экономист Лю Гогуан, быть «восприимчивым к чужим высказываниям», «руководствовать»

ся принципом обмена идеями»⁷⁰. Развивая положение о «стимулировании свободы научной деятельности, Юй Гуанъюань посчитал возможным формирование и выражение «неправильных взглядов»⁷¹. Эту точку зрения поддержали и другие китайские обществоведы⁷².

Анализируя призывы китайского руководства и его конкретные шаги по дальнейшему развитию, модернизации китайской экономической науки, следует признать, что большинство из них являются действительно необходимыми в сложившейся ситуации на фронте общественных наук Китая. Реализация предлагаемых мероприятий может значительно осовременить китайскую экономическую мысль, модернизировать и развить способы исследования, расширить тематику, стимулировать поиск новых решений практических проблем социализма в Китае.

Отмечая критический настрой китайских экономистов по отношению к собственным теоретическим разработкам, активное стремление к новому, неизученному, к созданию условий для здорового развития экономической науки, следует подчеркнуть, что такой подход сочетается с заметным усилением интереса к изучению работ классиков марксизма-ленинизма⁷³. Вместе с тем, как отмечал президент АОН КНР Ма Хун, среди экономистов-исследователей еще имеются люди, которые чураются марксистской теории, проявляют «сомнения и колебания»⁷⁴. Некоторые исследователи считают, что нужно «овладевать знаниями только по своей специальности, не следует упорно изучать марксизм»⁷⁵. Отдельные теоретики, сетует Ма Хун, считают, что «марксизм устарел». Марксизм, по их мнению, в настоящее время занимает позиции, сходные с позицией Конфуция в период «движения 4 мая». «Поэтому,— продолжает Ма Хун,— они выступают против того, чтобы рассматривать марксизм в качестве теоретической основы руководящей идеологии»⁷⁶.

Член Политбюро ЦК КПК Пэн Чжэнь особо указывал на тот факт, что в стране встречаются суждения, будто «освоение марксизма-ленинизма, изучение основ марксистско-ленинской теории являются проявлением консерватизма, направлены против реформ». Указав на ошибочность подобных суждений, Пэн Чжэнь подчеркнул революционный, развивающийся характер марксизма, чуждый догматизму и застою⁷⁷.

Очевидно, что факты нигилистического отношения к марксистскому экономическому учению действительно имеют место среди известной группы китайских теоретиков, особенно среди их молодого крыла. Подвергая в той или иной степени сомнению действенность экономической теории классиков марксизма, эти теоретики апеллируют к «рационализму» западной экономической науки подчас некритически либо вне контекста социальных систем, воспринимая те или иные положения западной экономической мысли. Активное знакомство китайских экономистов с западной экономической мыслью привело, по свидетельству китайского исследователя Чэнь Дуйсуня, к тому, что «появилась тенденция огульного, слепого преклонения перед западной экономической наукой»⁷⁸.

Не ставя под сомнение необходимость изучения теории и практики организации и функционирования капиталистической экономики, выявления рациональных элементов из различных учений с последующей их переработкой, переплавом, переосмыслением, следует определенно подчеркнуть, что основной путь развития теории социализма, понеки эффективных направлений его строительства лежат все же в рамках марксистско-ленинского осмысления накопленного опыта реального социализма, а не вне его.

Китайская экономическая наука в последние годы добилась заметных успехов, заключающихся прежде всего в отказе от обанкротившихся левых социально-экономических идей, существенном пересмотре устаревших, неэффективных методов строительства социализма. Для нынешней китайской

экономической науки свойственна конкретность, значительная нацеленность на практику. В теоретических разработках китайских экономистов все больше находят место экономико-математические методы исследования. Все большее распространение получает комплексный анализ социально-экономических явлений.

Ряд теоретических разработок китайских экономистов в области создания эффективного хозяйственного механизма представляются достаточно интересными в теоретическом плане, получили известную практическую апробацию.

Выдвигая новые серьезные задачи в деле экономического строительства на седьмую пятилетку, китайское руководство по-прежнему уделяет внимание теоретическим разработкам экономических проблем социализма, реформы экономической системы Китая. Перед китайскими экономистами поставлена задача «нащупывать и разрешать важнейшие проблемы, выдвигаемые реформой и строительством, активно применяя основные положения марксистской теории, неуклонно работая в направлении обогащения и развития марксизма в процессе практической деятельности»⁷⁹.

КПСС, советские ученые-экономисты выступают за объединение усилий братских партий, направленных на изучение и использование опыта социалистического строительства, коммунистического воспитания трудящихся, на то, чтобы развивать марксистско-ленинскую теорию, углубляя ее творческий характер, отстаивая ее революционную суть. «У нас с Китаем..., — указывал М. С. Горбачев, — приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. И почему бы не поддерживать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом»⁸⁰.

Активизация коллективной мысли, постоянное расширение обмена достижениями в области экономической науки, совершенствования социалистического хозяйственного механизма, несомненно, внесут свою лепту в дело развития дружеских взаимоотношений между КНР и Советским Союзом.

¹ См.: «Шинцзисюэ чжоубао», 31.III.1985, № 13, с. 5.

² См.: «Шинцзисюэ чжоубао», 17.XII.1984, № 51, с. 5.

³ См.: «Шинцзи кэсюэ», 1980, № 1, с. 1.

⁴ In: "Round table", L., 1979, N 273, p. 16.

⁵ См.: «Шинцзисюэ чжоубао», 17.XII.1984, № 51, с. 5.

⁶ «Вэньхуэй бао», 13.I.1980.

⁷ «Гуанмин жибао», 8.V.1979.

⁸ «Шинцзисюэ чжоубао», 21.IV.1985, с. 1.

⁹ «Шинцзи яньцзю», 1985, № 6, с. 21.

¹⁰ «Шинцзисюэ чжоубао», 8.X.1984, № 41, с. 4.

¹¹ «Жэньминь жибао», 6.X.1978.

¹² По свидетельству видного общественного деятеля, писателя Лю Биньяня, даже в 1979 г. левачские идеи в Китае можно было пропагандировать «открыто и безо всякого риска». Напротив, люди, отстаивающие политические установки III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), не могут не находиться в страшной тревоге, опасаясь, что в любое время по ним нанесут «удар дубиной или навесят ярлык». — См.: «Вэнь бао», 1979, № 11—12.

¹³ См., например: Сюэ Муцзяо. Теоретические проблемы экономики социализма. — «Жэньминь чубаньшэ», 1979, 202 с.; Сборник статей о социалистическом товарном производстве и законе стоимости со времени образования КНР, в 2-х ч. Под ред. Чжан Чжоюаня и др. Шанхай. — «Жэньминь чубаньшэ», 1978—1979. О распределении по труду. Сб. статей. — «Бэйцзин жэньминь чубаньшэ», 1978.

¹⁴ См.: Юй Гуанъюань. О реформе экономической системы Китая. Сб. статей (1979—1985). — «Хунань жэньминь чубаньшэ», 1985; Сюй Дисинь. Реформа народного хозяйства Китая. — «Чжунго шэухуэй кэсюэ чубаньшэ», 1982; Изучение проблем экономической структуры Китая, в 2-х ч. Под ред. Ма Хуна, Сунь Шанцина. 1981—1983; Сюэ Муцзяо. Урегулирование и реформа народного хозяйства Китая. — «Жэньминь чубаньшэ», 1982; Реформа экономической системы современного Китая. — «Чжунго шэухуэй кэсюэ чубаньшэ», 1984, 825 с.; Политэкономический словарь в 3-х томах под ред. Сюй Дисиня (1980—1983) и др.

¹⁶ См.: Цзи Энь, Шэнь Шушэнь. Популярные лекции по экономическим законам социализма. Хух-Хото, 1980; Ван Цзюэ и др. Популярные лекции по важнейшим экономическим законам социализма.— «Цюши чубаньшэ», 1982; Действовать в соответствии с объективными экономическими законами.— «Шаньси жэньминь чубаньшэ», 1979; Пэн Чаогуй. Разъяснение проблем экономических законов социализма. Чунцин, 1983; Ло Чжоу. Лекции об основном экономическом законе социализма.— «Нинся жэньминь чубаньшэ», 1984; Чжан Чжоуань. Стоимость, цена, себестоимость и прибыль в экономике социализма.— «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 1983, и др.

¹⁶ См.: Сун Тао. Предмет и метод политической экономии.— «Чжунго жэньминь дасюэ чжэньчжи цзинцзисюэси», 1982; Ли Ян. Об обсуждении и исследовании предмета политической экономии.— «Аньхой дасюэ сюэбао», 1981, № 2; Сюн Иньгу. Политическая экономия и производительные силы.— «Цзянхэнь луньтань», 1982, № 2, и др.

¹⁷ См.: Чэнь Юаньпин. Методология изучения проблем социализма.— «Сюсо», 1981, № 1; Чжан Чжаонань, Сун Чжэньго. Об основных характерных чертах социализма.— «Бэйцзин чжэньфа сюэань сюэбао», 1982, № 1; Чэнь Чжун. Об основных характерных чертах социализма.— «Сюэшу юэкань», 1981, № 1 и др.

¹⁸ См.: Лю Гогуйан и др. Теория общественного воспроизводства Маркса.— «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 1981; Линь Цзыли. Урегулирование экономики и теория воспроизводства.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1981; Дун Фужэнь. Проблемы воспроизводства и национального дохода при социализме.— «Жэньминь чубаньшэ», 1983; Ло Лижун и др. Анализ категорий воспроизводства социалистического общества.— «Жэньминь чубаньшэ», 1983, и др.

¹⁹ См.: Чжун Эньчжэнь, Чжан Вэньпин и др. План и рынок.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1984; Су Син. План. Рынок.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1984 и др.

²⁰ См.: Лю Шибай. Изучение некоторых вопросов социалистического товарного производства.— «Сычжоу жэньминь чубаньшэ», 1983; Чжоу Цзюнь. О социалистической товарной экономике.— «Гуандун жэньминь чубаньшэ», 1981, и др.

²¹ См.: Пань Цзинчжи. Социалистическая собственность.— «Гуаньси жэньминь чубаньшэ», 1982; Ся Вэйян, Чжоу Сюэтун и др. Об экономике городской и сельской коллективной собственности.— «Шэньси жэньминь чубаньшэ», 1981, и др.

²² См.: Ван Сянчунь, Сунь Чанго, Сюй Юйлун. Поговорим о законе распределения по труду.— «Ляонин жэньминь чубаньшэ», 1980; О проблемах распределения по труду. Материалы 5-й Всекитайской конференции по теории распределения по труду.— «Жэньминь чубаньшэ», 1984; Сюй Вэйвань. О распределении по труду.— «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 1982, и др.

²³ См.: Сюй Цзэвэнь, Ма Чаншань. Сборник статей о производительном и непроизводительном труде со времени образования КНР.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1983.

²⁴ См.: Ма Хун. О новой стратегии социалистического экономического развития в Китае.— «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 1982; Ма Хун. Исследования и обсуждения путей экономического строительства.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1984; Лю Гогуйан и др. Изучение вопросов стратегии экономического развития Китая.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1984.

²⁵ С начала 80-х гг. в Китае оживилось изучение «Капитала» К. Маркса, состоялись конференции по проблемам его исследования. Было создано Всекитайское общество экономистов по изучению «Капитала», вышло несколько работ, посвященных анализу этого произведения: Сюй Динь. О производстве, обращении и распределении при социализме. (Заметки при чтении «Капитала»).— «Жэньминь чубаньшэ», 1984; Ма Цзяцзюй. «Капитал» и изучение политической экономии социализма.— «Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ», 1984; Изучение экономической теории Маркса. Сб. научных статей, посвященных столетию со дня смерти К. Маркса.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1983; Хун Юаньпин. «Капитал» и система политической экономии социализма.— «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 8, и др.

²⁶ В 1981—1984 гг. в Китае состоялись конференции, вышло несколько публикаций по проблеме изучения производительных сил. Среди них следует выделить: Экономика производительных сил.— «Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ», 1981; Об экономике производительных сил.— «Цзинь жэньминь чубаньшэ», 1983; Сюн Иньгу. Введение в экономическую производительных сил. Харбин, 1983. В 1985 г. Обществом изучения экономики производительных сил Китая был выпущен весьма представительный сборник «Изучение законов производительных сил». Этот объемный том вообрал в себя 50 статей 59 авторов.

²⁷ См.: Вань Ли. Вопрос стратегического характера в социалистическом строительстве.— «Жэньминь жибао», 6.IV.1984; Чэнь Юйцзюнь. Исследование и обсуждение экономики окружающей среды.— «Цзинцзи кэсюэ», 1985, № 2, с. 63—67.

²⁸ См.: В 1983—1984 гг. вышло несколько монографий по данной проблеме, получивших в Китае благоприятные отзывы. См., например: Н Шинзе. Экономика социалистического потребления. Шанхай, 1983; Лю Фанлюй. Введение в экономическую потребность. Гуйян, 1984, и др.

²⁹ Сунь Ефан умер в 1983 г. В КНР установлена премия имени Сунь Ефана для исследователей в области экономических наук.

³⁰ «Цзинцзисюэ чжоубао», 17.XII.1984, с. 5.

³¹ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 17.III.1985, № 11, с. 1.

³² «Гуанмин жибао», 14.X.1984.

³³ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 1985, № 19, с. 5; там же, 28.I.1985, с. 1; «Хунци», 1985, № 13, с. 38.

³⁴ Постановление ЦК КПК о реформе хозяйственной системы (октябрь 1984 г.). Пекин, с. 3 (на кит. яз.).

³⁵ «Гуанмин жибао», 14.X.1984.

³⁶ За последние годы в Китае вышли десятки монографий видных советских экономистов, переведенных на китайский язык: Блюмина, Гатовского, Джавадова, Леонтьева, Островитянова и многих других.

³⁷ «Цзинцзисюэ чжоубао», 24.XII.1984, № 52, с. 5.

³⁸ «Хунци», 1985, № 9, с. 41.

³⁹ См.: «Цзинцзи юй гуаньли яньцзю», 1985, № 2, с. 5.

⁴⁰ На конец 1984 г., по оценке проф. Лю Гогуана, в Китае насчитывалось 350 разного рода групп по изучению экономической теории на основе Постановления, объединяющих около 50 тысяч человек.

⁴¹ «Гуанмин жибао», 4.II.1985.

⁴² См., например: «Гуанмин жибао», 4.II.1985.

⁴³ Китайская экономическая мысль до последнего времени не дала специальных, солидных исследований по методологическим проблемам теории социализма. Как исключение можно назвать работу философа Чжан Цзямина (Исследование диалектических проблем социалистического общества.— «Жэньминь чубаньшэ», 1984). К такого рода работам можно, пожалуй, отнести и монографию известного китайского экономиста Цзян Сюэмо (10 суждений об экономике социализма. Чанша, 1982). Как положительный факт можно оценить в этой связи перевод на китайский язык монографии советского политэконома Гузьяева А. Г. (Проблемы предмета политэкономии социализма. Теория, история, методология.— Изд-во Казанского университета, 1976).

⁴⁴ В сентябре 1984 г. в г. Сучжоу прошла 1-я Всекитайская конференция, обсудившая вопросы системы политической экономии социализма.

⁴⁵ Обсуждение в журнале «Хунци» началось со статей Вэй Синхуа, Юй Сюэбэня, а также Чжан Южэня, опубликованных в № 6, и продолжалось в течение всего 1985 г.

⁴⁶ Огромный поток публикаций по проблеме цен и ценообразования при социализме на страницах китайской печати отмечался в конце 1984 — начале 1985 г., когда осуществлялась реформа цен в различных городах Китая. Значительное число монографий, сборников по проблеме цены и ценообразования вышло в свет до опубликования «Постановления» в 1982—1984 гг. Среди них выделяются: Сюй И, Чэнь Баосэнь, Лян Уся. Проблемы цены при социализме.— «Чжунго сайгай цзинцзи чубаньшэ», 1982 (1-е изд.), 1984 (2-е изд.); Цзи Луи, Ван Чжэньчжи и др. Изучение проблем цены при социализме.— «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 1982; Ян Хундао. Действие цены при социализме.— «Чжунго сайгай цзинцзи чубаньшэ», 1983; Теория цены. Под ред. Ху Чаннуаня.— «Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ», 1982 (1-е изд.), 1983 (2-е изд.), 542 с.; Су Син. Некоторые теоретические проблемы реформы цен.— «Хунци», 1985, № 12.

⁴⁷ См.: Чжан Шугуан. Экономическая структура и экономическая эффективность.— «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 1982; Ху Сюкунь и др. Как повысить экономическую эффективность промышленных предприятий.— «Цинь гуаньли чубаньшэ», 1984; Сун Цзэсин, Лю Бо, Гао Шэньвэнь, Чжан Цзунтань. Введение в макроэкономическую эффективность при социализме.— «Ляонин жэньминь чубаньшэ», 1984; Сяо Юнъянь. Об интенсификации социалистической экономики.— «Цзинцзи кэсюэ», 1986, № 1.

⁴⁸ См.: Лю Циньмин. Изучение общественных наук и новая техническая революция.— «Гуанмин жибао», 16.IV.1984; Ли Сюлинь. Новая техническая революция и коммунистическое движение.— «Гуанмин жибао», 1.IV.1985; Жэнь Чжунли, Лю Бо. Новая техническая революция и новые концепции.— «Жэньвэнь цзачжи», 1985, № 2; Ли Пэнчэн. Новые требования, выдвинутые новой технической революцией перед работниками философских, общественных наук.— «Гуанмин жибао», 8.V.1985, и др.

⁴⁹ См.: Цай Юэ. Системный анализ индивидуальной экономики в городах и селах Китая на современном этапе.— «Бэйцзин дасюэ сюэбао», 1985, № 2, с. 120—126; Юнь Цзин. Развитие коллективной и индивидуальной экономики.— «Гуандун вайши», 1985, № 1, с. 8—9. Ван Чэнцзи. О переосмыслении индивидуальной экономики современного Китая.— «Цзинцзи кэсюэ», 1985, № 5. С 1 февраля 1985 г. в Китае в провинции Гуандун выходит газета «Сяо цзинцзи даобао», отражающая многочисленные проблемы мелкой экономики.

⁵⁰ См.: Чжу Цзюпьян. Открытая экономическая политика является основной государственной политикой Китая на длительный период.— «Цзинцзи жибао», 7.XII.1984; Лян Вэньсэнь. Роль экономических зон как «окна».— «Жэньминь жибао», 8.III.1985.

⁵¹ См.: «Гуанмин жибао», 25.V.1985; 19.V.1985.

⁵² См.: «Гуанмин жибао», 19.V.1985. В конце октября 1984 г. в Пекине состоялась конференция, посвященная проблемам изучения экономической теории и практики управления западных капиталистических стран. Было представлено 40 докладов.

⁶³ По оценке Сян Циюаня, экономистов-исследователей в КНР насчитывается 5—6 тыс. (см.: «Гуанмин жибао», 14.X.1984). По оценке Сяо Ляна, их насчитывается 10 тыс., включая экономистов-непрофессионалов. («Цзинцзисюэ чжоубао», 8.X.1984, с. 4).

⁶⁴ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 21.IV.1985, с. 4.

⁶⁵ "China Daily", 20.V.1985.

⁶⁶ С 23 по 27 декабря в Фучжоу проходила Всекитайская конференция, посвященная проблемам «направляющего» планирования. — См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 17.III.1985; У Цзюньян. Исследование и обсуждение направляющего планирования. — «Цзинцзи яньцзю», 1985, с. 3—8.

⁶⁷ См.: Лю Шибай. Политическая экономия социализма и хозяйственный механизм. — «Цзинцзи кэсюэ», 1986, № 2.

⁶⁸ См.: И Дую. Проблемы, существующие в нынешней акционерной экономике и их решение. — «Бэйцзин жибао», 27.V.1985; Сяо Фань. Относительно исследования и обсуждения акционерной экономики. — «Цзинцзи жибао», 8.XI.1984; Чэнь Чжао. Исследование и обсуждение социалистической акционерной системы. — «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 4; «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.II.1986, 9.III.1986, 13.IV.1986, 8.IV.1986, 14.VI.1986.

⁶⁹ См.: Ван Юй, Шэнь Чунь. Поддерживать конкуренцию — значит стимулировать прогресс. — «Синьцзян шэхуэй кэсюэ», 1985, № 2; Сунь Шанцин. О конкуренции. — «Цзинцзи жибао», 24.XI.1984; Фам Кэмин. Почему между социалистическими предприятиями надо развивать конкуренцию? — «Гунжэнь жибао», 30.XII.1984; Не Дэминь. Конкуренция — необходимое условие товарной экономики. — «Цзинцзи кэсюэ», 1985, № 2; Ин Чэньван. О социалистической конкуренции. — «Цзинцзи кэсюэ», 1986, № 1.

⁷⁰ In: "China Daily", 4.V.1985; 25.V.1985; «Цзинцзисюэ чжоубао», 16.III.1986.

⁷¹ См.: Юй Гуанъюань. Придавать большое значение научному руководству образа жизни народа. — «Шэньхэ фаньши», 1985, сигнальный экз.; Дэн Вэйжи. Пробуждение к жизни. Дискуссия об образе жизни. — «Цзефан жибао», 5.XII.1984; Дэн Бичин. Последовательно оздоравливать социалистический образ жизни в Китае. — «Цзинцзи кэсюэ», 1985, № 3.

⁷² См.: «Гуанмин жибао», 19.V.1985.

⁷³ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 1985, № 11, с. 5.

⁷⁴ См. там же, 3.III.1985, № 9, с. 5.

⁷⁵ «Цзинцзисюэ чжоубао», 31.III.1985, № 13, с. 5.

⁷⁶ См. там же, 31.XII.1984, № 53, с. 1; «Хунци», 1985, № 13, с. 38.

⁷⁷ См.: «Хунци», 1985, № 6, № 9; Ма Хун. Создадим новую обстановку в изучении общественных наук. — «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ». Пекин, 1984, с. 61.

⁷⁸ «Жэньминь жибао», 16.IV.1986.

⁷⁹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 6, с. 4, 19.

⁸⁰ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 19.V.1985, № 20, с. 1.

⁸¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 6, с. 20.

⁸² См.: «Хэйлуцзинь жибао», 8.III.1985.

⁸³ В мае 1986 г. в КНР завершилась продолжавшаяся 30 лет работа по выпуску в свет собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на китайском языке в 50 томах.

⁸⁴ См.: Ма Хун. Создадим новую обстановку в изучении общественных наук. «Чжунго шэхуэй чубаньшэ». Пекин, 1984, с. 9.

⁸⁵ Там же, с. 10.

⁸⁶ Там же, с. 46.

⁸⁷ См.: «Жэньминь жибао», 13.IV.1986.

⁸⁸ Чэнь Дайсунь. Западная экономическая наука и модернизация Китая. — «Шицзе цзинцзи», 1983, № 9.

⁸⁹ «Жэньминь жибао», 16.IV.1986.

⁹⁰ «Правда», 29.VII.1986.

О политической сущности концепции «уникальности» культуры и духовной жизни японцев

*И. А. ЛАТЫШЕВ,
доктор исторических наук*

В последнее время в Японии опубликовано много книг и статей об особенностях национального характера японцев. К этой теме обращаются и социологи, и этнографы, и историки, и политологи. На полках книжных магазинов японской столицы и других городов появились даже особые рубрики: «Японология», «Японцы», «Японская культура» и т. п. — с многочисленными публикациями на данную тему. В большинстве из них главное внимание авторов направлено на выискивание всего того, что отличает японцев от других народов. Идея некой «уникальности японской души» стала лейтмотивом всей этой «японологической» литературы.

Спрашивается, откуда такой интерес в Японии к «японской душе»? Чем руководствуются в своей деятельности авторы «японологических» трудов? Чьим запросам отвечает версия об «уникальности» японцев как нации?

Появление в Японии наших дней столь широкого интереса к особенностям национального характера ее жителей не случайно. Этот интерес возник в условиях пребывания на территории страны вооруженных сил США, когда развернулась острая борьба между проамерикански настроенными правящими кругами, выразителями воли имущих верхов японского общества, и демократическими силами, вставшими на защиту интересов трудящихся масс и независимости страны. Противоборствующие стороны выступали под флагом защиты «национальных интересов» японского народа. На этой почве национальные аспекты общественной жизни стали привлекать к себе повышенное внимание. Стремление многих японских ученых и журналистов к изучению национального характера стало следствием политической и идеологической конфронтации.

Обычно авторы статей и книг на данную тему не обнаруживают четко своих политических позиций. Но за их внешним политическим беспристрастием и нейтральностью почти всегда просматривается причастность к идеологической борьбе двух лагерей. Так или иначе авторы выступают либо сторонниками правящего консервативного лагеря, либо — демократической оппозиции. Чем дальше, тем очевиднее становится доминирующая роль консервативного лагеря в подогревании среди японцев повышенного интереса к своим этническим особенностям, а также заведомо националистических настроений. И не случайно подавляющее большинство читателей уникальных достоинств «японской души» в своих политических взглядах тяготеет к консервативному крылу.

В сущности, повышенный интерес к особенностям национального характера японцев есть не что иное, как проявление возрастающей активности консервативных, националистических кругов, усиливающих наступление на демократическую общественность, которая не разделяет шовинистических настро-

ний. Как правило, рассуждения об уникальности этнического происхождения и культуры японцев сопровождаются заявлениями о том, что все историческое развитие страны представляет собой некий особый процесс, а вся структура японского общества в корне отлична от общественной структуры других государств. Для иллюстрации можно сослаться на неоднократно переиздававшуюся в 70-х годах книгу профессора Института гуманитарных наук при Киотоском университете Юдзи Аида «Структура сознания японцев», в которой настойчиво проводится мысль о том, что их национальный склад и социальный строй исключают возможность возникновения тех революционных взрывов и потрясений, которые происходили в других странах, и в частности в странах Европы¹. Японское общество, по мнению автора, всегда обеспечивало и обеспечивает всем равные возможности для продвижения вверх по ступеням социальной и государственной иерархии². Такое утверждение должно натолкнуть читателей на вывод об отсутствии в стране классовых противоречий, а следовательно, и предпосылок для классовой борьбы.

Характерная черта воззрений большинства поборников теории уникальности национальной культуры состоит в том, что японцы рассматриваются как социальная и государственная общность, спаянная не только этническим родством, но и общей моралью, и мировоззрением, и отношением к другим народам, и общими интересами, и политическими взглядами. В брошюре «Современная Япония. 1985 год», изданной министерством иностранных дел для распространения за рубежом, утверждается, например, что японцы представляют собой «необычайно однородный народ», который «на протяжении столетий обрел общественные институты, обычаи и черты характера, дающие ему твердое ощущение национальной общности и единства целей»³.

Классовая направленность подобных рассуждений видна хотя бы из того, что всем японцам приписывается благоговейное отношение к императорскому дому, который рассматривается как важнейший составной элемент «японской культуры».

Примечательно, что в своих поисках все новых и новых особенностей национального характера японцев консервативные ученые и журналисты часто ориентируются на американскую антропологическую литературу. Едва ли не изначальным толчком к дискуссиям на тему об «уникальности» японцев как нации послужила публикация в послевоенные годы перевода книги американки Рут Бенедикт «Хризантема и меч», написанной еще во время второй мировой войны с целью ознакомления политических и военных кругов США с неизвестными им нравами и бытом населения Страны восходящего солнца. Сосредоточив внимание на особенностях психологии японцев, Р. Бенедикт создала не только у американцев, но и у многих ее японских читателей стереотип некой исключительности японцев как нации. Будучи переведенной на японский язык, эта книга способствовала тому, что ряд японских журналистов и ученых-антропологов углубился в поиски различных «таинств» и «загадок» национальной психологии, благо такие поиски вполне отвечали потребностям правящих кругов, стремившихся укрепить «национальный дух» народа и его веру в свою «исключительность», серьезно подорванную в результате военного разгрома японского милитаризма. В публикациях такого рода, появившихся в Японии в 60—70-х годах, особенно много досужих толков о действительных и мнимых отличиях японцев от других народов мира. Примером может служить книга некоего анонимного автора (или группы авторов), присвоившего себе псевдоним Идзая Бэн Дасан, с броским заголовком «Японцы и евреи», заведомо рассчитанным на сенсацию. Главной темой этой книги, изданной вскоре и в США, стало надуманное и сомнительное утверждение, будто японцы и евреи представляют собой две диаметрально противоположные друг другу

национальности, сопоставление которых способствует, мол, лучшему пониманию «уникальных» качеств японцев⁴. Публикация книги послужила поводом для появления в Японии целой серии «откликов» в виде статей и книг со множеством дальнейших экскурсов в «тайнства японской души»⁵.

Пристрастие японских авторов к рассуждениям об уникальности японской культуры и японской души стало уже объектом иронии у японоведов ряда зарубежных стран, в том числе и США. Один из них, профессор Стэнфордского университета Харуми Бэфу, недавно писал: «Японцы любят активно претендовать на свою культурную уникальность. Не все из них могут быть согласны в том, в чем конкретно выражается их уникальность и уникальность их культуры, а некоторым, по-видимому, даже и неизвестно, в чем суть этой уникальности. И тем не менее их пристрастие к разговорам о собственной уникальности, в чем бы она ни состояла, настолько широко распространено и глубоко укоренилось, что к нему можно относиться как к увлечению одним из видов национального спорта»⁶.

В «японологических» книгах и статьях последних полутора десятилетий, написанных японскими авторами, обращает на себя внимание и другое: в рассуждениях об «уникальности» японцев и их культуры все отчетливее звучат ноты самовосхваления. Все чаще появляются намеки на некое национальное превосходство над другими народами, а следовательно, и Японии над другими странами.

Усилению в японских журналистских, научных и литературных кругах подобных высокомерных настроений способствовали несомненные достижения Японии наших дней в развитии экономики, науки и техники. Ссылаясь на эти достижения, националистически настроенные государственные деятели, дипломаты и профессора в своих заявлениях, статьях и книгах все чаще стремятся изображать их как результат многовекового «уникального» развития культуры страны, как плод неких особых личных достоинств нации. В экономических, научных и технических успехах Японии они видят проявление превосходства над другими народами, над их культурой и чуть ли не свидетельство того, что Японии предназначена судьбой некая особая историческая миссия. Характерны в этом отношении высказывания одного из теоретиков современного японизма, сотрудника Осацкого национального этнологического музея доктора Тадао Умэсао, считающего, что мировое значение достижений Японии сегодня уже таково, что следует заменить понятие «японская культура» (нихон бунка) понятием «японская цивилизация» (нихон буммэй). «Когда речь идет о современной японской цивилизации, — пишет Умэсао, — нельзя игнорировать ту гигантскую научную технологию, которой овладела Япония... Полагая, что Япония представляет собой образец блистательной цивилизации с целым рядом присущих ей особых качеств, я... считаю необходимым выявить хотя бы в неполной мере значимость японской цивилизации в истории человечества... Япония обладает самой передовой в мире технологией, и уже один этот факт делает японскую цивилизацию крайне трудной для усвоения... К японской цивилизации нельзя подходить с мерками традиционных европоцентристских теорий цивилизации»⁷.

Те же ноты самодовольного утверждения превосходства Японии звучат и в уже упоминавшейся брошюре министерства иностранных дел «Современная Япония. 1985 год». Там утверждается, например: «Япония считается обществом, в котором совершаются самые быстрые в мире перемены... Ее историческое развитие и традиции, не являясь препятствием для перемен в стране, наоборот, стимулировали эти перемены такими путями, которые, видимо, неизвестны другим странам мира»⁸.

Немалое влияние на возрастание в правящих кругах Японии амбициозных

настроений оказали две книги американских профессоров. Одна из них — книга директора Гудзоновского института известного футуролога Германа Кана «Появление японской сверхдержавы», другая — книга профессора Гарвардского университета Эзры Фогеля «Япония как держава № 1». Сосредоточив свое внимание на достижениях Японии в сфере экономического и научно-технического развития и предвещая ей — подчас без особых на то оснований — дальнейшие впечатляющие успехи, авторы руководствовались стремлением припугнуть и насторожить американскую общественность, обратив ее внимание на угрозу отставания деловых кругов США в конкурентной борьбе с японскими фирмами. Их книги, однако, заинтересовали не столько самих американцев, сколько японцев. Книга профессора Фогеля, переведенная на японский язык, была издана в Японии тиражом, превышающим 300 тыс. экземпляров. Причина очевидна: поборники «уникальности японского духа» подали эту книгу японской общественности как авторитетное подтверждение зарубежными учеными правильности их рассуждений об «особой» исторической миссии Японии. И по сей день обе книги используются японскими националистами как важное подспорье в пропаганде среди японской общественности представлений о том, что все в Японии — это лучшее в мире, что сами японцы — это люди «высшего сорта».

Пропагандистские усилия националистически настроенных консервативных кругов привели к тому, что в некоторых слоях японского населения превалируют не столько патриотические, сколько националистические настроения, основу которых составляет высокомерие по отношению к другим народам и национальностям. Подобные веяния нашли свое отражение в данных опросов общественного мнения, которые проводились в конце 60-х — начале 70-х годов. Можно сослаться, например, на данные такого опроса 1973 г. Уже тогда раскладка ответов на вопрос: «Как Вы считаете, японцы при сравнении с европейцами превосходят их или уступают им?» — оказалась следующей: «превосходят европейцев» — 38 %, «уступают европейцам» — 9 %⁹.

О возрастании националистических настроений японских обывателей свидетельствуют и данные более поздних опросов общественного мнения. Таковы данные опросов, проведенных радиокорпорацией «Эн Эйч Кэй» в 1978 и 1983 гг. Выяснялось, в частности, мнение, обладают ли японцы качественным превосходством над людьми других национальностей. В 1978 г. утвердительный ответ на этот вопрос дали 64,8 % опрошенных, а в 1983 г. и того более — 70,6 %¹⁰.

Высокомерие японских националистов сегодня болезненно ощущают даже их американские друзья. В книге уже упоминавшегося профессора Фогеля, изданной в США в 1985 г. под заголовком «Восстановление утраченного престижа», обращают на себя внимание следующие строки: «Подобно предыдущим поколениям людей западного мира, видевших в своем техническом превосходстве свидетельства их духовного превосходства, многие японцы расценивают свои успехи как показатель их более высоких по сравнению с другими духовных достоинств. Они считают, что американцы ленивы, а японцы усердны, что американцы невыдержанны и недальновидны, а японцы упорны и стойки, что американцы вздорны, в то время как японцы умеют находить пути к сотрудничеству. Равным образом они считают американцев эгоцентричными и эгоистичными, а японцев — внимательными к окружающим, американцев — людьми самодовольными, а японцев — людьми, стремящимися к учебе и самосовершенствованию, американцев — беззаботными и небрежными, а японцев — предусмотрительными и внимательными к мелочам. С их точки зрения, американцы легко отчаиваются и предаются сетованиям, тогда как японцы не пасуют перед неудачами»¹¹.

Подобное отношение идеологов «японизма» к другим народам толкает некоторых из них на путь шовинизма: в своих писаниях они сбиваются подчас на раздувание у соотечественников неуважения и недобрых чувств к иностранцам. Особенно часто объектом их враждебных выпадов оказывается наша страна. Чего стоит, например, публикация в Японии книги под не требующим комментариев заголовком: «Почему японцы не любят Советский Союз?»¹² Примером преднамеренного насаждения среди японцев вражды к Советскому Союзу и его народу может служить и книжка воинствующего националиста из университета Аояма Гакуин, профессора Кэнъити Ито «Советский Союз не трогает сильных». В ней фальсифицируется вся история России, а русские люди чернятся как дикари — антиподы благородных, великодушных и нравственно утонченных японцев, как низменный народ, лишенный морали и уважающий лишь силу. «Такое поклонение силе, — пишет этот шовинист, — в сущности, коренится в национальных особенностях русских людей. Как я уже отмечал выше, одна из национальных черт русских состоит в том, что они «не трогают сильных». Эта черта гнездится в самом характере русских как лесного народа. Такой жизненный принцип отражает идеологию «если прятаться, то под большим деревом», порожденную опытом жизни лесных людей. Их образ мышления диаметрально противоположен духовному облику японцев, основу которого составляют такие принципы, как «те, кому чуждо умение ценить красоту, неспособны и на смелые действия» или «помогай слабым, сокрушай сильных»¹³. Вот в какие шовинистические вымыслы выливаются, казалось бы, не имеющие политической подоплеки пространственные рассуждения националистов об «уникальных» красотах «японской души».

Примечательны также в этой связи попытки объяснять прошлые военные успехи Японии «уникальностью японской культуры». Ранее упомянутый Тадао Умэсао, касаясь, например, победы Японии в русско-японской войне, пишет: «Когда мы спрашиваем, почему Япония одержала победу в этой войне, то невозможно дать правильный ответ, обращаясь лишь к японской цивилизации того момента. Ведь существенно важное значение для победы Японии в русско-японской войне имело предшествовавшее историческое развитие всей системы японской цивилизации на протяжении нескольких сот лет начиная с периода Рицурё (периодом Рицурё автор именуется 645—1185 гг. н. э. — И. Л.)¹⁴. Идеи «уникальности японской культуры» таят в себе, следовательно, помимо всего прочего, и зловредные семена прежней милитаристской идеологии.

Не всегда, однако, зарубежные исследователи видят скрытый реакционный смысл в рассуждениях националистов о «красотах японской души». Некоторые из них, в особенности те, кто ограничивается лишь изучением японской художественной литературы, принимают все эти рассуждения на веру. В числе таких легковверных читателей «японологической» литературы оказалась, например, советский исследователь Т. П. Григорьева, в книгах и статьях которой расточаются чрезмерные, на наш взгляд, восторги по поводу неких «особых» качеств «японской души». Некритически пересказывая в своих книгах писания японских националистов, Т. П. Григорьева заодно заимствует и их основную версию, суть которой состоит в том, будто главная причина нынешних экономических и научно-технических достижений Японии кроется не в чем ином, как в особых достоинствах национального склада японцев, в уникальности «японской души». С этой концепцией связаны такие, например, реплики автора: «Присущее японцам чувство долга не может не вызывать уважения, чувству долга они в значительной мере обязаны своими успехами»¹⁵.

Можно ли безоговорочно принимать на веру версию о том, будто современные достижения Японии в экономике, науке и технике представляют собой лишь порождение национального «духа» и следует ли искать их корни только в культурных традициях двухсотлетней или даже тысячелетней давности? Думается, что нет.

Исследования советских экономистов, социологов и историков, как и многих зарубежных ученых, недвусмысленно показывают, что высокие темпы роста производства в Японии, наблюдавшиеся в 60—70-х годах, как и достижения в сфере сервиса, науки и техники, явились результатом удачного совпадения целого ряда благоприятных факторов.

Исходной основой для успешного экономического, технического и культурного развития Японии на протяжении минувших десятилетий стали послевоенные демократические реформы, проведенные в стране под давлением международной демократической общественности и прогрессивных сил. В ходе этих реформ были ликвидированы и искоренены многие средневековые пережитки в быту, культуре и идеологии, на которые опирались прежде японские националисты в своих кампаниях за укрепление «японского национального духа». В результате реформ серьезно ослабло влияние на умы населения всего того религиозно-философского дурмана — будь то синтоизм, учение дзэн, конфуцианство или императорский культ, — который распространялся в стране с целью навязывания населению так называемой японистской идеологии — пресловутого «духа Ямато» (Ямато дамасий). Именно эти реформы помогли излечить японцев от того националистического угара, в котором их держали фашистские диктаторы. Не стародавние национальные традиции и особенности «японского духа», а, наоборот, крах многих из них, отказ большинства японцев от веры в свою национальную исключительность и глубокие перемены в быту, культуре и идеологии японского населения явились важнейшей предпосылкой современных достижений страны.

Прямую связь с послевоенными реформами имело и то обстоятельство, что на протяжении последних десятилетий доля расходов на военные цели в государственном бюджете Японии, а также по отношению к валовому национальному продукту страны оставалась гораздо меньшей, чем в других развитых странах. Это позволило правящему классу мобилизовать средства на ускоренное развитие мирных отраслей производства и сферы обслуживания. Ускоряющее влияние на темпы роста японской экономики оказала зарубежная экономическая и техническая помощь, связанная со стремлением правящих кругов США и стран НАТО привязать к себе Японию в качестве союзника в «холодной войне» с Советским Союзом. Набиравшие долгое время силу японские фирмы пользовались в США и Западной Европе различными льготами и получили широкий доступ к технологической информации. Используя сотни научно-технических соглашений с американскими и западноевропейскими компаниями и научными центрами, японские предприниматели сняли сливки с научно-технического прогресса всего капиталистического мира. К тому же правительственные учреждения Японии оказывали предпринимательским кругам гораздо большую финансовую и административную поддержку, чем соответствующие ведомства других развитых капиталистических стран.

Есть и другие важные факторы, способствовавшие успехам Японии в экономическом развитии. Это и удачное использование деловыми кругами низких мировых цен на привозное сырье и топливо, и ставка этих деловых кругов на преимущественное развитие наукоемких отраслей с учетом сравнительно высокого уровня грамотности населения, и ценная про-

тексционистская политика правящих кругов, направленная на недопущение вторжения зарубежных конкурентов на внутренний рынок страны, и т. д. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что исходной, первоначальной базой быстрых темпов развития японского производства явился низкий по сравнению с другими развитыми странами уровень заработной платы трудящихся. Этот фактор действовал по крайней мере на протяжении 50—60-х годов. Его действие сказывается в известной мере и сейчас, когда речь идет о мелких и средних предприятиях страны, хотя в целом по среднему уровню заработной платы сегодня Япония находится впереди Италии и Англии и лишь немого отстает от ФРГ и Франции. К тому же в пересчете на часы средняя продолжительность рабочего времени японцев остается пока большей, чем в других развитых странах, включая США и Западную Европу. До сих пор почти половина предприятий, преимущественно мелких и средних, работает не 5, а 6 дней в неделю, а рабочий день персонала зачастую значительно превышает 8 часов.

Конечно, нельзя отрицать, что определенное позитивное влияние на темпы экономического развития, а также на научно-технический прогресс страны оказывают высокие деловые качества японских рабочих, служащих, крестьян и менеджеров, и в частности такие, как прилежание, добросовестность, чувство личной ответственности и т. д. Но степень этого влияния не следует преувеличивать, и тем более нельзя все сводить к этому фактору. Поступать так означало бы уподобляться японским националистам, склонным все замыкать на неких «уникальных» и непревзойденных по своему высокому уровню моральных устоях японцев.

К тому же стоит помнить в этой связи, что быстрый научно-технический прогресс Японии имеет немало и теневых сторон. Это и разрушение природы, и загрязнение среды в окрестностях промышленных центров, это вакханалия земельных спекуляций и безудержный рост цен на землю, это высокая стоимость аренды помещений, скученность, жилищные неудобства у большинства населения, высокие цены на продукты питания и многие другие товары, низкий уровень социального обеспечения, исключительно высокая стоимость обучения, медицинских услуг и общественного сервиса, это низкие пенсии и массовая безработица. Все перечисленные негативные явления остаются неотъемлемой частью жизни современного японского общества. И это в значительной степени обесценивает утверждение о том, что современная Япония идет сегодня во главе человеческого прогресса. Отрицательные моменты этого «лидерства» слишком ощутимы, чтобы не принимать их во внимание.

Стремление поборников «японизма» навязать общественности заведомо приукрашенное представление о Японии как о «лидере мирового прогресса» и японцах как о некой «супернации» нельзя, разумеется, рассматривать как произвольно возникшую стихийную активность отдельных представителей японского литературно-научного мира. Факты показывают, что «японизм» как националистическая идеология всемерно культивируется наиболее влиятельными группировками японского общества, включая лидеров правительства и правящей Либерально-демократической партии, а также близкими к правительству бюрократическими кругами. Деятельность националистов-японологов субсидируется правительством Либерально-демократической партии, причем немало усилий прилагается к тому, чтобы вовлечь в «японологические» исследования и тех иностранных ученых, которые склонны к идеализации японской культуры. Ведь их признание «уникальных достоинств» японцев способно производить куда большее впечатление как на японскую, так и на международную общественность, чем подобные же рассуждения лиц япон-

ского происхождения, которых легко заподозрить в предвзятости. С начала 70-х годов японское правительство учредило специальный фонд для японоведческих исследований за рубежом. Средствами этого фонда пользуется немалое число зарубежных японоведов, особенно в США и Западной Европе. Из этого фонда оплачиваются, например, приезды в Японию для «японологических исследований» зарубежных ученых, специально отбираемых чиновниками японских правительственных ведомств, включая японское министерство иностранных дел. Разумеется, что в ходе этого отбора предпочтение отдается кандидатурам тех исследователей, концепции которых отвечают писаниям идеологов «японизма» или по крайней мере не идут вразрез с ними.

Особую заботу о рекламе «японского образа жизни» проявляет в последние годы правительство Накасонэ. Интересная информация на этот счет была опубликована 28 марта 1985 г. в газете «Асахи ивнинг ньюс». Там сообщалось, в частности, что «премьер-министр Японии Ясухиро Накасонэ принял решение о создании Института по изучению японской национальной культуры, цель которого будет состоять в развитии «японологии», а также в выявлении международной значимости традиционной японской культуры»¹⁶. Как явствует из информации, принятию такого решения предшествовали встречи Я. Накасонэ, министра просвещения Хикару Мацунага и руководства Либерально-демократической партии с группой японских ученых во главе с президентом Киотоского городского колледжа изящных искусств Такэси Умэхара, разработавшего структуру и задачи указанного института. Предполагается, что к работе института будут привлечены как японские, так и иностранные специалисты по японской культуре. Только на 1985 г. из бюджета правительства на подготовку проекта института было выделено 20 млн. иен. Как сообщала редакция газеты, премьер-министр «одобрил данный план потому, что его опыт, включая встречи с главами других государств, привел его к мысли о необходимости развития «японологии», чтобы разъяснить обществу, что укрепление экономической мощи Японии зиждется на традиционной японской культуре»¹⁷.

Все это достаточно ясно показывает, на чью мельницу льют воду, казалось бы, далекие от политики рассуждения о том, будто нынешние достижения Японии в экономике, науке и технике есть порождение «уникальности японской культуры» и ее превосходства над культурой других народов.

Чуждую истине реакционную, националистическую направленность курса правящих кругов Японии на восхваление японской культуры и японцев как нации остро ощущают в наши дни прогрессивные японские ученые, стоящие на позициях классового, марксистского понимания общественных явлений. Один из них, профессор Ко Масудзима, в книге «Структура идеологии современной Японии», изданной в Токио в 1982 г., пишет, например, следующее: «Для того чтобы заново укрепить японский империализм и обеспечить ему мировое превосходство, необходимо внушать народу сознание того, что Японии и японцам, японской нации и японскому духу присущи независимое развитие и превосходство над другими... «Чудесный» форсированный рост японского капитализма (речь идет о форсированном росте японской экономики в 60-х годах.— И. Л.) изображается при этом как порождение японской специфики... Сегодня все более широкое распространение получают «теория японцев» и «теория японской культуры», пронизанные ультра националистической идеологией. Взгляды, которые мы называем сегодня «теорией японской культуры», зародились еще в довоенные времена. «Теория японской культуры», основанная на таких концепциях, как «коллективизм японского типа», «общность культуры и духовного склада» или «понимание красоты как исходной основы для суждения о ценностях», была разработана в 1910—1920 гг.,

в период углубления всестороннего кризиса японского капитализма, и была использована затем в максимальной степени для вовлечения японского народа в фашистскую политику и агрессивные войны. Сегодня, конечно, «теория японской культуры» представляет собой не просто повторение того, что писалось в довоенный период. Сегодня ее хотят приспособить к новой обстановке, сложившейся под влиянием таких факторов, как разгром абсолютистской императорской власти, ликвидация полуфеодальной системы помещичьего землевладения, развитие послевоенной демократии, форсированный рост японской капиталистической экономики, а также вращение Японии в систему международных отношений и ее зависимость от США. Именно в этом заключается суть деятельности такой, например, влиятельной организации, как «Общество по изучению политики» покойного премьер-министра Охира, которое поставило своей задачей рассмотрение «специфических особенностей японской культуры». Как и лживая «теория послевоенной демократии», «теория японской культуры» призвана играть важную роль в раздувании среди народа националистических настроений и втягивании его в националистическую политику¹⁶.

* * *

Националистические рассуждения об «уникальности» японской культуры и превосходстве японцев как нации не имеют ничего общего с тем уважительным, доброжелательным отношением к любому народу мира, которое лежит в основе марксистской идеологии — идеологии, утверждающей идеи равенства и братства народов мира и отвергающей высокомерное отношение людей одной нации к людям других наций. Порочность взглядов поборников «японизма», склонных считать, будто все японское — это лучшее в мире, именно в том и состоит, что эти взгляды не только не соответствуют истине, но и ведут к самоотчуждению японцев, сеют недоверие и настороженность в отношении Японии в других странах. Военная катастрофа, постигшая японский империализм в годы второй мировой войны, ясно показывает, в какую пропасть грозят толкнуть страну подобные взгляды в тех случаях, когда они превращаются в основу ее государственной политики. Нынешним поборникам «японизма» следовало бы помнить уроки истории.

¹ См.: Юдзи Аида. Нихондзин-но исики кодзо (Структура сознания японцев). Токио, 1974, с. 63, 116—120.

² См. там же, с. 100.

³ Japan Today, 1985. Токио, 1985, р. 5.

⁴ См.: Идзая Бэн Дасан. Нихондзин то Юдайдзин. Токио, 1970.

⁵ Одним из примеров подобных «откликов» может служить изданный в 1973 г. объемистый труд «Структура духа японцев», принадлежащий перу профессора Кацуми Такидзава (см.: Кацуми Такидзава. Нихондзин-но сэйсин кодзо (Идзая Бэн Дасан-но хихэ ни катаэтэ). Токио, 1973.

⁶ Senri Ethnological Studies, Japanese Civilization in the Modern World. Ed. by Tadao Umesao, Nagumi Befu, Josef Kreiner. National Museum of Ethnology, 1984, p. 68.

⁷ Op. cit., p. 7—13.

⁸ Japan Today, 1985, p. 5.

⁹ См.: Нихондзин кэнкю (Изучение японцев). «Нихондзин кэнкюкай», № 1; Нихондзин-но кокоро ва каватта ка (Изменилась ли душа японца?). Токио, 1974, с. 4.

¹⁰ См.: Созда Есия. Нихондзин-но дзигадзо (Автопортрет японца), «Эн-Эйч-Кэй Симин Дайгаку», октябрь—декабрь 1985 г., с. 103.

¹¹ Ezra F. Vogel, Comeback. Case by Case: Building the Resurgence of American Business. New York, 1985, p. 16.

¹² См.: Хаяо Симидзу. Нихондзин ва надзэ Сорэн га кирай ка (Почему японцы не любят Советский Союз?). Токио, 1979.

¹³ Ито Кэнъити. Сорэн ва цуёй моно ни ва тэ о дасанай (Советский Союз не трогает сильных). Токио, 1982, с. 143.

¹⁴ Senri Ethnological Studies, Japanese Civilization in the Modern World, p. 15.

¹⁵ Т. П. Григорьева. Японская литература XX века. М., 1984, с. 112.

¹⁶ "Asahi Evening News", March 28, 1985.

¹⁷ Op. cit.

¹⁸ Ко Масудзима. Гэндай Нихон-но сисо кодзо (Структура идеологии современной Японии). Токио, 1982, с. 49—51.

АСЕАН и вопросы тихоокеанского сотрудничества

*Э. С. ГРЕБЕНЩИКОВ,
кандидат исторических наук*

Правящие круги ведущих капиталистических государств с конца 70-х годов делают крупную ставку на АСЕАН — Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии, куда входят Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Бруней. Пропагандистская машина Запада преподносит ассоциацию как в некотором роде «образцовую» группировку развивающихся стран, следующих рекомендациями буржуазных экономистов, экспертов МБРР и МВФ и поэтому добивающихся определенных результатов.

Империалистические круги в последнее время удвоили усилия, направленные на превращение АСЕАН в надежное звено стратегической системы Запада в Тихоокеанском регионе. В Вашингтоне, Токио и некоторых других столицах развитых капиталистических стран ассоциация рассматривается ныне как одна из несущих опор проектируемого «тихоокеанского сообщества» (ТОС). Надо сказать, что во всех его модификациях АСЕАН фигурировала в качестве неперемennого участника. Еще в конце 1979 г. японский министр иностранных дел С. Окита, отличавшийся большой активностью в деле проталкивания концепции сообщества, указывал, что если «страны АСЕАН воспротивятся ей, то оно (сообщество. — Э. Г.) не материализуется»¹.

Тем не менее до сих пор страны — члены группировки в целом воспринимали эту концепцию со скептицизмом, настороженностью и даже подозрительностью. Ведь само появление ассоциации на политической карте Азии отразило стремление вошедших в нее развивающихся стран к сотрудничеству на началах, отличных от тех, какими регулировались их отношения с бывшими метрополиями. Недостаточно окрепшей и находящейся в процессе развития АСЕАН явно угрожало растворение в транстихоокеанском образовании, где доминирующие позиции неизбежно захватили бы США и Япония.

АСЕАН как организации, желающей говорить собственным голосом на международной арене, внутри сообщества явно не нашлось бы места. Правительственные и общественные круги стран — членов ассоциации опасались (эти опасения не сняты и по сей день), что в тихоокеанском сообществе будут воспроизведены на новой, более широкой основе худшие черты блоковой политики Запада, которая имела бы самые пагубные последствия для Юго-Восточной Азии. Таковы, пожалуй, наиболее часто выдвигаемые в странах АСЕАН и, по сути, никем не опровергнутые доводы против членства в сообществе.

В то время как негативные аспекты создания последнего представлялись очевидными для стран АСЕАН, оставалось неясным, какие выгоды, если, конечно, они вообще последуют, оно могло им сулить. Прохладная реакция в странах ассоциации (а именно таким был преобладающий настрой) на пантихоокеанскую идею закономерна и объяснима. Но в то же время не следует упускать из виду, что на выработку линии стран — членов группировки оказывали воздействие факторы различного порядка. Сказывались многоплановая зависимость от империалистических центров, влияние крайне правых

элементов в правящей верхушке, находящихся в плену антикоммунистических предрассудков и стереотипов. Наконец, высказывались надежды на то, что США и Япония «примут во внимание» пожелания своих «верных друзей» в ЮВА при формировании новой тихоокеанской организации. Поэтому отпечаток двойственности и противоречивости лежал на выступлениях по указанной проблеме представителей ассоциации.

Индонезийский исследователь Хади Суастро писал, например, что проявленную АСЕАН «осторожность не следует принимать за отказ: учитывая масштабы и уровень отвлеченности идеи тихоокеанского сообщества», нельзя «ожидать от бюрократии АСЕАН принятия на себя каких-либо конкретных обязательств». Но далее он высказывался с большей определенностью: «Можно с уверенностью говорить, что АСЕАН не даст себя с легкостью вовлечь в наспех затеянное дело и... не может так просто подержать эту авантюру»².

Решительные возражения, сомнения, оговорки, осторожный интерес — таков диапазон откликов в странах АСЕАН на пантихоокеанские инициативы.

Индонезийское руководство, опираясь на возросший экономический потенциал, богатые национальные традиции, выгодное географическое положение страны, намеревается, судя по всему, сказать свое слово в мировой политике, выдвинуть собственные подходы к проблемам ЮВА и Тихоокеанского бассейна. Но такие задачи крайне трудно выполнить, будучи членом организации, возглавляемой и направляемой США и Японией.

Для Малайзии, также входящей в Движение неприсоединения, важные престижные соображения связаны с выдвинутой ею в начале 70-х годов инициативой провозглашения Юго-Восточной Азии зоной мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН). Образование сообщества с участием АСЕАН не только создаст дополнительные помехи на пути к этой цели, но, по существу, заставит списать ее в архив. «Идея создания тихоокеанского сообщества, — заявил в конце 1983 г., выступая на семинаре в университете «Индонезия» индонезийский исследователь Бурхан Магенда, — направлена на признание военного превосходства и контроля США. Она лишает смысла концепцию ЗОПФАН».

Круги, определяющие внешнеполитический курс членов ассоциации, настаивают на том обстоятельстве, что все наиболее вероятные потенциальные участники сообщества состоят в военных блоках и группировках, руководимых Соединенными Штатами.

Несколько иными установками и ценностями руководствуются правительственные и торгово-промышленные круги Таиланда и Сингапура. В Бангкоке имеются значительные силы, выступающие за укрепление военно-политического партнерства с США, а потому более лояльные к идее тихоокеанского сообщества.

Специфическое место Сингапура как регионального центра посреднических операций, глубоко интегрированного в мировое капиталистическое хозяйство, его роль партнера транснациональных корпораций в эксплуатации менее развитых стран Юго-Восточной Азии, обуславливают большую, чем у партнеров по АСЕАН, заинтересованность города-государства в продвижении концепции тихоокеанского сообщества.

Вместе с тем в Таиланде и Сингапуре хорошо понимают, что участие в тихоокеанском сообществе было бы сопряжено с несомненными потерями, масштабы которых ввиду сложности и многогранности вопроса не поддаются точному учету. Что касается Филиппин, то они занимают в АСЕАН промежуточную позицию по рассматриваемой проблеме. Бруней не проявляет к ней заметного интереса.

* * *

До 1978 г. правительственные круги стран АСЕАН не придавали большого значения концепциям тихоокеанского сотрудничества как имеющим, по их мнению, умозрительный характер³. Предложения о создании зоны свободной торговли и Организации торговли и развития для стран Тихоокеанского бассейна были оставлены без внимания. Считалось, во-первых, что их неофициальное происхождение не обязывает к ответу; во-вторых, слишком очевидной казалась нацеленность этих инициатив на обеспечение интересов высокоразвитых государств.

Большой вес концепциям тихоокеанского сообщества в глазах лидеров АСЕАН придала активная поддержка, оказанная им в 1978 г. премьер-министром Японии М. Охиром. Но тот факт, что последний прежде всего наладил взаимодействие с Австралией в плане продвижения этих концепций, вызвал настороженность в странах — членах АСЕАН, не желавших, чтобы им преподносились и навязывались готовые схемы.

Тем не менее страны ассоциации постепенно признали необходимость всестороннего и всеобъемлющего обсуждения круга проблем, связанных с организацией тихоокеанского сотрудничества. Во время визита в Японию в феврале 1980 г. заместитель премьер-министра Сингапура Го Кенг Сы отмечал, что изучением концепции тихоокеанского сообщества занялись все страны ассоциации, но на индивидуальной основе. Представители стран — членов группировки участвовали в серии мероприятий, организованных с этой целью их партнерами по диалогу в бассейне, в том числе в получившем широкий резонанс Канберрском семинаре, проведенном в сентябре 1980 г. по инициативе Австралийского национального университета. Более того, в январе 1980 г. в Джакарте состоялась конференция, организованная индонезийским Центром стратегических и международных исследований (ЦСМИ), в которой активное участие приняли высокопоставленные должностные лица стран АСЕАН. Выступавшие указывали на необходимость «терпеливого и неспешного обсуждения вопроса в духе восточных традиций». Тон работе конференции во многом задал заместитель премьер-министра Малайзии (в то время) Махатхир Мохамад, заявивший: «Первым шагом в сторону тихоокеанского сообщества должны быть не всеобъемлющий экономический план и не жесткая формула сотрудничества, а повседневное старание понять друг друга». Позднее при ЦСМИ организовалась небольшая группа ученых, в задачу которой входило изучение «проблем, издержек и выгод тихоокеанского сотрудничества».

В середине 1981 г. эта группа представила свои рекомендации. В целом она одобрила идею образования неструктурированной тихоокеанской неправительственной организации, что позволило бы, по заключению экспертов, избежать нежелательных для стран АСЕАН политических последствий. В эту организацию вошли бы представители деловых, академических и правительственных кругов (принцип «трехсторонности»). Исследовательская группа выразила пожелание, чтобы концепцию сообщества рассмотрели в официальном порядке министры иностранных дел и экономики стран ассоциации. Члены группы предложили учредить специальный орган АСЕАН для углубленного и координированного изучения концепции, а также для ознакомления с ней широкой общественности. Соответствующий комитет был создан в Таиланде. Его деятельность финансируют крупнейшие исследовательские организации стран группировки.

Параллельно в рамках ЭСКАТО силами экспертов ряда государств, в том числе из всех стран ассоциации, был осуществлен исследовательский проект «АСЕАН и тихоокеанское экономическое сотрудничество». Итоговый

документ обсуждался в июне 1982 г. в Бангкоке на конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, проходившей под председательством заместителя премьер-министра Таиланда Таната Комана, руководителя национального тихоокеанского комитета (в конференции участвовали, помимо стран ассоциации, делегации США, Австралии, Канады, Японии, Новой Зеландии, а также наблюдатели от различных международных организаций). Было решено образовать четыре рабочих группы: по вопросам региональной торговли промышленной продукцией, сельскохозяйственным и минеральным сырьем, по иностранным инвестициям и передаче технологий. Следующая конференция по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (ПЕКК) состоялась на острове Бали (Индонезия) в ноябре 1983 г. Она подвела итоги деятельности рабочих групп и наметила дальнейшие шаги в указанной области.

Очередная (четвертая по счету после Канберрской, Бангкокской и Баллийской) конференция проходила в Сеуле с 29 апреля по 1 мая 1985 г. В числе участников находились, кроме Южной Кореи, делегации шести членов АСЕАН и пяти развитых капиталистических стран (США, Австралии, Канады, Японии, Новой Зеландии), Папуа — Новой Гвинее и Соломоновых островов. Страны АСЕАН представляли заместители и помощники министров иностранных дел. В интервью газете «Мердека» помощник министра иностранных дел Индонезии Ферди Салим разъяснял, что его страна принимает участие в этих форумах неофициально, чтобы быть в курсе событий и получать информацию о сферах возможного сотрудничества со странами Тихоокеанского бассейна. Участники заслушали и обсудили доклады по вопросам торговли, капиталовложений, рыболовства, лесного хозяйства, использования возобновляемых природных ресурсов, подготовленные рабочими группами по заданию предыдущей, Баллийской конференции.

Но конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству не стали каналом и инструментом втягивания ассоциации в русло империалистической стратегии, нацеленной на создание пантихоокеанского антисоветского и антисоциалистического альянса. Главной надеждой Запада стали созываемые с 1980 г. совещания министров иностранных дел 11 государств «шесть плюс пять», которые проводились сразу же по окончании ежегодных конференций министров иностранных дел стран — членов группировки.

Западные исследователи склонны рассматривать эти форумы как начальную ступень, фактически сложившийся фундамент или прообраз тихоокеанского сообщества. «От пятерки (США, Японии, Канады, Австралии, Новой Зеландии. — Э. Г.) можно было бы ожидать инициативы (в данной области), но это отпугнуло бы некоторых из вероятных участников», — писал один из виднейших пропагандистов идеи сообщества, К. Кодзима¹. Какова же альтернатива? На первом этапе, писал автор, надо учредить форум в составе 10 или 11 участников — пять (в тот момент. — Э. Г.) стран АСЕАН, пять их партнеров по диалогу и Южная Корея. После того как механизм форума будет приведен в движение, к нему могут присоединиться другие страны региона, и так вплоть до его превращения во всеохватывающую региональную организацию. Если же подобный сценарий окажется почему-либо неосуществимым, то на этот случай был запасной вариант: создание сети организаций по образцу и подобно асеановско-тихоокеанского форума с ядром в виде высокоразвитой «пятерки». Но для этого требуется, по логике автора, сделать расширенные совещания министров иностранных дел стран АСЕАН привлекательной в глазах других потенциальных участников сообщества моделью сотрудничества развитых и развивающихся стран.

Предоставление дополнительной помощи членам АСЕАН, широкие капиталовложения в их экономику, открытие рынков для товаров асеановского

происхождения, все эти и им подобные мероприятия в своей совокупности приведут, как уверяет К. Кодзима, к ускорению развития и переходу в короткие сроки стран ассоциации в разряд индустриальных государств, что обеспечит им «равенство» в отношениях с последними. Какое же чудодейственное средство могло бы дать столь впечатляющие результаты? Оказывается, «регионально-многосторонний подход», под которым подразумевается единая торгово-экономическая политика Запада по отношению к АСЕАН⁵.

Всем участникам тихоокеанского сообщества с легкостью обещают преуспевание и благоденствие. Разумеется, страны АСЕАН в свою очередь должны стать партнерами империалистических держав в заманивании других развивающихся стран в сети тихоокеанской организации. Однако едва ли кто-либо в АСЕАН настолько наивен, чтобы ожидать от высокоразвитых капиталистических государств крутого пересмотра их прежней дискриминационной, ограничительной практики в торгово-экономических связях с освободившимися государствами.

Япония — торгово-экономический партнер номер один для АСЕАН, поэтому проблемы, отягощающие их взаимосвязи, имеют для стран «шестерки» наиболее острый характер. Жесткая критика в адрес Японии со стороны правительственных и общественных кругов несоциалистических стран Юго-Восточной Азии — обыденное явление. Она неизбежный спутник расширяющегося японского проникновения в регионе.

Экономический обмен стран группировки с другими капиталистическими державами также отмечен растущими трениями.

Лоббисты тихоокеанского сообщества как внутри АСЕАН, так и за ее пределами, пытаются нейтрализовать критику в адрес Запада, настойчиво проводят мысль о том, что вхождение в него станет чуть ли не залогом экономической безопасности стран «шестерки», откроет им широкий доступ к новейшей технологии, кредитам, рынкам сбыта и т. д. В случае же возникновения острого хозяйственного кризиса, подобного тому, с каким столкнулись, к примеру, Филиппины, они якобы могут твердо рассчитывать на «чрезвычайную помощь» старших партнеров.

«Шестерку» прельщают всевозможными благами в случае согласия на вступление в сообщество. Симптоматично, что многочисленные авансы и посулы странам ассоциации исходят, как правило, от журналистов, из академических сфер, а не от правительственных кругов, наделенных соответствующими полномочиями. Вместе с тем те, кто занят сколачиванием тихоокеанского суперблока (как бы он ни именовался), особую ставку делают на использование финансово-экономических рычагов, думая о собственных выгодах, а не интересах развивающихся стран.

Статистика свидетельствует, что приблизительно две трети совокупного внешнеторгового оборота стран АСЕАН приходится на восемь государств и территорий Тихоокеанского бассейна — США, Японию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, а также Южную Корею, Гонконг и Тайвань. При этом удельный вес только первых двух держав составляет почти половину экспортно-импортных операций стран «шестерки». Доля тихоокеанского компонента во всем объеме зарубежных инвестиций колеблется в пределах от 57,7 % у Индонезии до 82,2 % у Таиланда⁶. Апологеты империалистической политики обыгрывают эти показатели с целью обоснования «растущей взаимозависимости» стран данной части земного шара, необходимости и даже «предопределенности» включения АСЕАН в некую интегрированную тихоокеанскую структуру. В странах ассоциации, где, насколько можно судить, отвергают подобный «детерминизм», действительность заставляет придерживаться иных воззрений. Далеко не все в странах АСЕАН принимают термин «взаимоза-

висимость», полагая, что он маскирует действительную и во многом одностороннюю зависимость развивающихся стран региона от более развитых.

Сомнительно, наконец, что сообщество в любых его модификациях сможет членам ассоциации самортизировать удары, которые наносит по ним стихия мирового капиталистического хозяйства. Напротив, будучи лишены или серьезно ограничены в свободе маневра, замкнуты на своих традиционных контрагентах, страны группировки станут в еще большей степени подвержены воздействию кризисных явлений в экономике главных капиталистических держав.

Тем не менее «шестерку» пытаются убедить в том, что отношения между участниками сообщества будут строиться на тех же основаниях, как, скажем, внутри АСЕАН. В публикациях буржуазных авторов прослеживается тенденция представлять проектируемое сообщество как организацию, преследующую цели, аналогичные тем, что были провозглашены при учреждении АСЕАН, но в более широких масштабах. Ссылками на произвольно трактуемый опыт развития ассоциации освящают планы империалистических стратегов в попытке сделать их более привлекательными для государств, освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости.

В этом опыте имеются и положительные, и отрицательные стороны. Так, в актив ассоциации можно занести то, что, несмотря на оказывавшееся на них давление, лидеры стран-членов выступали и выступают против ее трансформации в военный или военно-политический альянс. Эта линия выдерживается более или менее последовательно на протяжении почти двух десятилетий, что опровергает утверждения о том, что протекающий в рамках АСЕАН интеграционный процесс в силу заложенных в нем закономерностей должен в полной мере охватить и военную сферу. Кажется в высшей степени сомнительным, чтобы в ассоциации могло успешно развиваться и экономическое, и военное сотрудничество.

Основополагающее значение имеет, наконец, то обстоятельство, что в рамках организации объединились страны, стоящие перед во многом сходными проблемами и находящиеся на более или менее одинаковой ступени развития (особенно если брать наиболее населенные из них — Индонезию, Филиппины, Таиланд и Малайзию), что нельзя сказать о других потенциальных участниках тихоокеанского сообщества. Далеко не во всем совместимы и политические устремления молодых независимых и высокоразвитых капиталистических государств.

* * *

Итак, в лучшем случае выжидательная, а скорее негативная позиция стран — членов ассоциации служила до недавнего времени главным препятствием на пути сколачивания тихоокеанского суперблока. Творцам империалистической политики пришлось не только активизировать усилия, но и видоизменить подход. Ими стала как никогда настойчиво акцентироваться «решающая роль» АСЕАН в создании сообщества, определении его формы, структуры и т. д. «Создание системы тихоокеанского сотрудничества должно идти, — говорил Я. Накасонэ, — исключительно по инициативе АСЕАН и в соответствии с ее пожеланиями». В начале 1985 г. он предложил налаживать сотрудничество «на частном уровне». Токно решил, таким образом, продемонстрировать «великодушие и уступчивость». Но попутно премьер-министр сделал весьма красноречивую оговорку, заметив, что в любом случае Япония и США хотели бы оставить за собой роль «невидимых кукловодов».

В ходе визита в Австралию в январе 1985 г. глава японского кабинета,

памятью о промашке своего предшественника М. Охиры (о чем речь шла выше), вновь остановился на том, что «роль более развитых стран будет заключаться во всестороннем учете инициатив других государств», и прежде всего стран АСЕАН. США и Япония, по словам премьера, не намерены претендовать на руководство, но окажут финансовое и техническое содействие реализации тихоокеанских проектов.

Как писал уже упоминавшийся Хадн Суастро, подобное «внимание» вызывало в странах АСЕАН «смешанные чувства». Оно «льстило им, поскольку показывало, какое значение придают АСЕАН ее тихоокеанские соседи; с другой же стороны, они (члены организации.— Э. Г.) испытывали на себе неприятное давление»⁷. Иначе говоря, ассоциацию побуждали не только согласиться с чуждыми ей концепциями, но и самолично взяться за их реализацию под «присмотром» старших партнеров.

Страны — члены группировки в общем виде сформулировали свое контрпредложение к середине 1984 г. На июльском (1984) совместном совещании министров иностранных дел 11 государств (шести стран ассоциации, а также США, Японии, Канады, Австралии и Новой Зеландии) был в принципе одобрен проект освоения людских ресурсов, подготовки кадров и культурных обменов в бассейне Тихого океана. Координация усилий по реализации проекта возлагалась на Индонезию, которой и принадлежало, собственно, авторство этой идеи. Участники упомянутой конференции утвердили также список институтов и органов, которым поручалось практическое осуществление программ. Комментируя итоги джакартского совещания, «Ньюсунк» писал, что главы внешнеполитических ведомств стран АСЕАН после многолетнего зондирования идеи «широкого регионального сотрудничества» наконец-то «приступили к делу»⁸.

На Западе поспешили увидеть в итогах июльской конференции признаки крупного или даже необратимого сдвига в позиции АСЕАН. Но поступать так значило выдавать желаемое за действительное. Ведь страны ассоциации выдвинули тогда не какой-либо законченный, детально продуманный и рассчитанный на перспективу план действий, а общую идею сотрудничества в отдельно взятой, притом «неполитической» области.

Решения расширенного совещания министров иностранных дел «шестерки» широко комментировались и в столицах стран АСЕАН, но под другим углом зрения и с многозначительными примечаниями. Показательна редакционная статья такого влиятельного органа, как «Индонезия таймс», от 18 июля 1984 г. «АСЕАН вступила в новую важную фазу развития,— говорилось в ней.— Ассоциация и «пятерка» договорились начать сотрудничество между собой, которое начнется с конкретной программы развития людских ресурсов». В заключение, однако, газета выражала озабоченность тем, что ввиду неучастия социалистических стран (СССР и Вьетнама) АСЕАН и собственно Индонезия рискуют оказаться в итоге на «стороне западного блока против блока восточного, что, конечно, не соответствует индонезийской политике неприсоединения».

На очередной конференции министров иностранных дел стран — участниц АСЕАН в июле 1985 г. (Куала-Лумпур) главы делегаций окончательно утвердили проект развития людских ресурсов. В совместном коммюнике по этому поводу говорилось следующее: «Делая упор на усилиях АСЕАН, направленных на дальнейшее укрепление сотрудничества внутри ассоциации, и подтверждая решимость использовать соответствующий существующий механизм и не создавать новых институтов, министры иностранных дел решили осуществить программу «АСЕАН — Тихоокеанский бассейн. Развитие людских ресурсов». В связи с этим было намечено осуществить 31 конкретное мероприятие. Малайзийские официальные лица особо оговорили, однако, что реализация проекта пойдет в тупик, если она приведет к усилению зависимости

стран ассоциации и деформации провозглашенных ею целей ускорения социально-экономического развития и т. д.

В период, прошедший после джакартского (1984) расширенного совещания министров иностранных дел, особенно бурную деятельность развила Япония. В сентябре 1985 г. правительство страны объявило о выделении начиная с 1986 г. 100 млн. долл. для содействия подготовке квалифицированных кадров в странах АСЕАН в области ирригации, авиа- и морского транспорта, строительства объектов инфраструктуры. Министерство труда решило выделить им 30 %-ную квоту от общего числа обучающихся в Японии кадров из развивающихся стран. Помощь будет оказываться путем командирования специалистов, покрытия транспортных расходов стажеров и практикантов, предоставления консультаций в области проектирования.

В апреле 1985 г. в Токио прошел симпозиум, посвященный развитию в предстоящие десятилетия людских ресурсов в странах АСЕАН и южной части Тихого океана. Его устроителем выступило японское Агентство международного сотрудничества при поддержке МИД Японии. В выступлениях (среди докладчиков был бывший министр иностранных дел С. Окита) настойчиво проводилась мысль о решающей роли частного сектора в обучении кадров и необходимости внедрения «здоровой рабочей этики», под чем, понятно, подразумевался отказ от забастовок, беспрекословное повиновение хозяевам и т. д. Отсюда понятно, какие концепции собираются внедрять японские политические и торгово-промышленные круги под маркой развития людских ресурсов.

«Шестерка» разрабатывает и уточняет, насколько можно судить, собственный подход, в значительной мере противопоставляя его японо-американским моделям, с их плохо скрытой военно-политической подоплекой. «АСЕАН считает, что начинать надо со скромных шагов,— заявлял в интервью «Майнити дейли ньюс» генеральный секретарь организации Фан Ваннанити.— Поэтому мы выбрали для совместных действий заинтересованных стран проект подготовки персонала, поскольку он наиболее прост и не связан с политическими проблемами». Объективная необходимость тихоокеанского сотрудничества, которое имело бы взаимовыгодный и справедливый характер, представляется очевидной для большинства наблюдателей в АСЕАН, особенно «ввиду превращения региона во все более важный центр торговли и экономического роста». С одной стороны, дело обстоит именно так, с другой же — создавать для этой цели новую организацию, по распространенному там мнению, нет необходимости. Последнее согласуется с асеановской концепцией «организационно не оформленного и не институционализированного сотрудничества».

С этой точки зрения большинство руководящих деятелей АСЕАН как до, так и после джакартской конференции считали неподходящей и чужеродной концепцию тихоокеанского сообщества. Эта позиция остается в силе и по сей день.

Государственные деятели стран «шестерки» провозглашают необходимость равноправного, регулируемого общепризнанными принципами международного права сотрудничества стран бассейна. Индонезийский ученый Арифин Бей предостерегает, что реализация концепции тихоокеанского сообщества «означала бы отход от создания национальной экономики на принципах «панча сила». Система «свободного рынка» предоставила бы максимальные возможности для сильных государств. В результате развивающиеся страны, находящиеся на полпути к созданию основ национальной экономики, превратились бы в добычу крупного капитала.

Весьма характерно, что в странах ассоциации все отчетливее осознают

следующее: процесс формирования системы тихоокеанского сотрудничества (в несоциалистической части региона), если он будет целиком направляться «большой двойкой» (США и Японией), приведет к ослаблению связей и подрыву отношений «шестерки» с СССР, Вьетнамом, другими социалистическими странами. В последнее время в АСЕАН стали глубже сознавать и объективнее оценивать значение советского фактора. Там ширится понимание абсурдности того, что Советский Союз — великую мировую и тихоокеанскую державу — пытаются «вывести за скобки» тихоокеанского сотрудничества и, более того, сколотить в той или иной форме направленный против него альянс. В странах ассоциации провокационные затеи пактоманов не находят той поддержки, на какую они рассчитывали⁹.

Так, филиппинский ученый профессор Амадо Кастро писал на страницах издающегося в Канаде журнала, что если руководствоваться географическим критерием, то СССР, безусловно, тихоокеанская держава¹⁰.

Премьер-министр Малайзии М. Мохамад заявлял в речи на международной финансовой конференции в Гонконге 3 июня 1985 г.: «Скорее, чем быть сверхозабоченным советской угрозой, я хотел бы сказать, что значительно большая опасность для азиатско-тихоокеанского региона кроется в серьезных экономических конфликтах между США и Японией, которые дают... мощный импульс силам протекционизма». «Опасность того, — продолжал глава малайзийского правительства, — что США и Япония договорятся о системе, при которой все государства будут иметь статус наибольшего благоприятствования, а одно или два государства еще более благоприятный, чем все остальные, не требует объяснений».

Действительно, загнать страны АСЕАН в тихоокеанское сообщество пытаются при помощи жупела «коммунистической угрозы», мифа советско-вьетнамской экспансии и камуфляжа действительных опасностей, нависших над развивающимися странами региона. «Было бы ошибкой для АСЕАН привязываться только к какой-либо одной стране или одному блоку», — предупреждал лондонский «Уорлд тудей». Он обращает внимание, в частности, и на то, что «коммунистические страны могут стать емким рынком сбыта для изделий легкой промышленности (стран АСЕАН), о чем говорит пример Индии»¹¹. За минувшее после написания этих строк время проблема сбыта промышленных, да и сырьевых товаров стран АСЕАН на Западе еще более усложнилась.

Резкая критика эгоистической торгово-экономической политики ведущих капиталистических держав прозвучала на состоявшейся в Маниле в конце июня 1986 г. конференции министров иностранных дел стран АСЕАН. Им пришлось констатировать, что обещания, данные на состоявшемся накануне токийском совещании семи крупнейших империалистических держав (май 1986 г.), далеко не выполнены. Вызвали горькое разочарование и итоги встречи главы американской администрации с президентом Индонезии Сухарто и руководителями внешнеполитических ведомств стран АСЕАН 30 апреля и 1 мая на острове Бали. Промышленно развитые страны устанавливают собственный экономический порядок, не принимая во внимание нужды развивающихся стран, говорят в странах ассоциации.

Поэтому представляется вполне закономерной растущая тяга стран — членов региональной группировки к интенсификации и расширению торгово-экономических контактов с Советским Союзом, другими странами социализма. В заявлении по итогам состоявшейся в середине 1986 г. в Куала-Лумпуре представительной международной конференции «Юг — Юг», на которой председательствовал премьер-министр Малайзии, в частности, говорилось: «В диалоге со всеми группами и странами должны участвовать и социали-

стические государства Европы, которые также могут внести большой вклад в развитие Юга».

Будучи одной из крупнейших держав этой обширной зоны, Советский Союз внимательно следит за развертывающимися в данной части света процессами, которые, естественно, затрагивают и его собственные интересы. СССР исходит при этом из того, что колоссальное многообразие — политическое, экономическое, идеологическое, мировоззренческое — не должно служить препятствием для взаимовыгодного, равноправного и разностороннего сотрудничества стран и народов региона. Общность связывающих их интересов, растущая взаимозависимость — это непреложный факт.

Советский Союз готов участвовать в коллективной подготовке договорных проектов и программ по охране окружающей среды и рациональному использованию биологических и минеральных ресурсов морей и океанов, в проведении мирных исследований космоса. СССР выступает за сотрудничество в развитии производительных сил, в подготовке кадров, освоении новых источников энергии, совершенствовании связи, транспорта, за совместный поиск новых, перспективных форм торгово-экономического сотрудничества. Наша страна, иначе говоря, за взаимодействие всех государств в тех сферах, где она располагает большими возможностями и неоценимым опытом.

Советская точка зрения заключается в том, что решения спорных проблем и распутивания конфликтных узлов, какими бы сложными они ни представлялись, следует добиваться посредством двусторонних и многосторонних консультаций. Обеспечению лучшего взаимопонимания, очевидно, послужило бы проведение как общеазиатского форума, так и отдельного совещания стран Тихоокеанского бассейна. Советская дипломатия давно уже настаивает на осуществлении мер доверия и сокращения активности военных флотов на Тихом океане. В этом неоднократно выражали заинтересованность и влиятельные круги стран — членов АСЕАН.

Новым убедительным доказательством миролюбивых устремлений и конструктивной линии Советского государства стала программная речь, произнесенная М. С. Горбачевым во Владивостоке 28 июля 1986 г. Советский лидер сформулировал, как известно, целый комплекс идей, реализация которых помогла бы оздоровлению обстановки в азиатско-тихоокеанском районе, укоренению здесь принципов мирного сосуществования и добрососедства. Особое внимание было уделено Юго-Восточной Азии и группировке АСЕАН. «И в наши дни мы видим усилия ряда государств практически решать общие экономические проблемы, попытки как-то регулировать конфликтные ситуации, — отмечалось во владивостокской речи. — В деятельности АСЕАН, в двусторонних связях немало позитивного». Далее М. С. Горбачев отметил, что, «после того как был отвергнут замысел «тихоокеанского сообщества», обсуждается идея «тихоокеанского экономического сотрудничества»». АСЕАН, как мы смогли убедиться в этом, сыграла в этой трансформации немало важную роль.

Советский Союз без предубеждения и предвзятости относится к такой идее, готов присоединиться к размышлениям о возможной основе такого сотрудничества. Абсолютно необходимо, однако, чтобы тихоокеанское сотрудничество, по словам советского руководителя, «мыслилось не по навязанной кем-то блоковой, антисоциалистической схеме, а как результат свободной дискуссии без каких бы то ни было дискриминаций». Такими же или сходными соображениями руководствуются многие государственные, общественные и научные деятели стран АСЕАН.

Будущее покажет, в какой мере странам группировки удастся отстаивать свои законные интересы, собственную трактовку проблем регионального и

субрегионального сотрудничества, свое понимание его целей и задач. Чем больших результатов они добьются в сотрудничестве под эгидой АСЕАН, налаживании плодотворных экономических связей с другими странами, в какой бы части земного шара они ни находились и к каким бы социальным системам ни принадлежали, тем меньше останется возможностей у претендентов на глобальную и региональную гегемонию диктовать свою волю странам — членам этой организации.

¹ "Far Eastern Economic Review", 21.XII.1979, p. 11.

² "Asian Perspective", vol. 5, 1981, N 1, p. 14.

³ Подр. см.: А. О. Богомолов. Эволюция идей тихоокеанского сотрудничества. — «ПДВ», 1986, № 4.

⁴ "Asia Pacific Community", Spring 1981, p. 3.

⁵ Ibid, p. 3--6.

⁶ In: ASEAN and Pacific Cooperation ("Development Papers", Bangkok, 1983, N 2).

⁷ "Development Papers", 1983, N 2, p. 299.

⁸ "Newsweek", 16.VII.1984, p. 18.

⁹ По сведениям журнала «Ньюсуик», делегаты АСЕАН на джакартской (июль 1984 г.) конференции «в частном порядке выражали озабоченность по поводу исключения (из числа участников тихоокеанской организации), а тем самым и антагонизирования других государств тихоокеанского кольца, особенно Советского Союза». ("Newsweek", 16.VII.1984, p. 18).

¹⁰ In: "Pacific Affairs", Winter 1982--1983, vol. 55, N 4, p. 667.

¹¹ "World Today", December 1982, p. 491.

С. С. ЕМЕЛЬЯНОВА,
кандидат экономических наук

Повышение экономической эффективности является наиболее актуальной проблемой в современном Китае. Эта задача после 1976 г. стала широко обсуждаться в партийной и научной печати КНР и явилась, по словам премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна на IV сессии ВСНП шестого созыва (март 1986 г.), сердцевиной десяти важнейших направлений экономического строительства, выдвинутых ЦК КПК в конце 1981 г.¹ Проблема повышения эффективности народного хозяйства проходит красной нитью в докладах и выступлениях по экономической тематике на различных конференциях, собраниях, совещаниях, съездах и сессиях. С повышением экономической эффективности связывают решение всех текущих и перспективных задач, и в первую очередь — выполнение седьмого пятилетнего плана на 1986—1990 гг. В этот период, как заявил председатель Государственного планового комитета КНР Сун Пин, меры по дальнейшему повышению экономической эффективности будут иметь стратегический характер². Конкретным же результатом такого курса, по мнению китайских специалистов, должно стать сближение темпов роста национального дохода и валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, сглаживание межотраслевых диспропорций, улучшение структуры использования национального дохода на потребление и накопление, а в итоге — повышение жизненного уровня населения.

Одной из главных причин выдвижения экономической эффективности на передний план явилось резкое ее снижение к концу 70-х годов. Так, если рассматривать эффективность народного хозяйства через самые общие показатели — прирост национального дохода в расчете на 100 юаней накопленных (I) и объем капитальных вложений на 1 юань прироста национального дохода (II), то можно видеть, что за весь период существования КНР, за исключением трех лет «урегулирования» 60-х годов, общей тенденцией явилось падение эффективности³.

Как следует из данных, эффективность использования накопленных в 70-е годы составила примерно половину уровня первой пятилетки.

В печати КНР не раз подчеркивалось, что понижение эффективности экономики является следствием чрезмерного завышения нормы накопления. Потери общественного богатства за 21 год (1958—1978) составили в общей сложности 1916 млрд. юаней. Сохранение нормы и эффективности накопленных на уровне первой пятилетки позволило бы в 1978 г. произвести на душу населения на 86,3 % больше национального дохода и на 133,5 % — фонда потребления⁴.

	I	II
	(юани, в среднем за период)	
I пятилетка	35	1,68
II »	1	73,7
1963—1965 гг.	57	0,92
III пятилетка	26	2,32
IV »	16	3,76
1976—1978 гг.	19	3,2

В результате снижения уровня экономической эффективности соотношение между совокупной продукцией промышленности и сельского хозяйства, национальным доходом и фондом потребления заметно ухудшилось: с 1:0,74:0,75 в годы первой пятилетки до 1:0,58:0,37 в годы четвертой пятилетки. Это отражает чрезмерный рост материальных затрат и низкий рост чистого общественного продукта, быстрое увеличение прироста промежуточного продукта и медленное — конечного продукта⁵. Так, вложения на создание мощностей по выплавке 1 т стали увеличились с 1342 юаня в 1953—1957 гг. до 2452 юаней в 1971—1975 гг., по добыче угля — с 56 до 119 юаней, на строительство 1 км железных дорог — с 0,57 млн. до 1,93 млн. юаней, затраты энергоносителей на производство продукции стоимостью 1 тыс. юаней также увеличились — с 0,642 т условного топлива в годы первой пятилетки до 1,021 т — за 1976—1978 гг., каждый квадратный метр площади гражданских объектов, построенных в 1978 г., обошелся в среднем в 110 юаней по сравнению с 46 юанями по аналогичным стройкам в 1966 г.⁶ Под подсчетам китайских специалистов, снижение материальных издержек на 1 % может привести к увеличению национального дохода на 3 млрд. юаней⁷.

Неэффективное функционирование экономики выразилось в омертвлении фондов, затоваривании продукции, неконтролируемом росте материальных оборотных средств и увеличении срока их оборачиваемости. К концу 70-х годов только на промышленных предприятиях имелось на 25 % больше оборотных средств, чем их требуется, согласно нормативным расчетам⁸. В 1957 г. на каждые 100 юаней продукции, произведенной на государственных предприятиях, приходилось 19,4 юаня оборотных средств, а к началу 80-х годов — уже 36,9 юаня. Оборачиваемость оборотных фондов в промышленности в 1982 г. составила 111 дней, а в 1965 — только 74,8 дня. Увеличение в два раза срока строительства крупных и средних объектов повлекло за собой резкое возрастание нематериальных издержек. Так, удлинение сроков работ в капитальном строительстве на 1 год ведет к увеличению расходов на заработную плату и управление больше чем на 5 млрд. юаней⁹. В результате растянутости фронта капитального строительства и удлинения срока завершения объектов в стране создан большой объем незавершенного производства, в полтора раза превысивший в 1978 г. общую сумму капитальных вложений¹⁰. Все это не могло не приводить к снижению доли освоенных основных фондов в общем объеме накопления, понижая тем самым его эффективность.

Понижилась соответственно и эффективность использования фондов (прибыль и налоги в расчете на 100 юаней фондов составляли в среднем за 1953—1957 гг. 27,1 юаней, а за 1976—1978 гг. — всего 15,4 юаня), в результате чего за один 1978 г. недополучено 70 млрд. юаней общей прибыли. Повышение же нормы прибыли всего лишь на 1 % позволило бы увеличить ее сумму более чем на 4 млрд. юаней¹¹.

Решающим критерием эффективности является пропорциональность. Но именно здесь было самое узкое место китайской экономики в конце 70-х годов, поскольку практически все воспроизводственные и отраслевые пропорции характеризовались крайней несбалансированностью. Так, чрезмерный акцент на накопление нарушил соотношение между национальным доходом, фондом потребления и фондом накопления, между тем как это соотношение является исходным для формирования народнохозяйственного оптимума, оно воздействует на все общезкономические пропорции социалистического расширенного воспроизводства, определяет его темпы и эффективность. С этой пропорцией неразрывно связаны общепромышленная и отраслевая структуры, которые занимают первое место среди структур народного хозяйства и носят базисный характер по отношению ко всем остальным структурам.

О диспропорциональном развитии трех главных отраслей экономики — сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности — говорят среднегодовые темпы прироста их валовой продукции, которые за 1953—1978 гг. составили 3,2, 9,1 и 13,6 % соответственно. Национальный доход, созданный одним рабочим, в 7,7 раза превысил доход, созданный одним крестьянином¹². В результате форсирования индустриализации без согласования ее с развитием сельского хозяйства и легкой промышленности производство в двух последних отраслях все менее отвечало потребностям многочисленного населения и не обеспечивало должным образом финансовые поступления страны.

Если учесть, что промышленность и сельское хозяйство в общественном производстве КНР играют решающую роль (на их долю приходится свыше 80 % валового общественного продукта и национального дохода), то возникновение глубоких диспропорций между ними не могло не деформировать всю экономику страны. Искажение пропорций сказалось на структуре капитальных вложений, занятости, росте и распределении заработной платы, снабжении рынка, доходах государства. Это все в конечном итоге тормозило процесс общественного производства в целом. Не случайно поэтому первоочередной задачей китайского руководства как залогом успешного развития экономики страны стало урегулирование соотношений прежде всего между этими тремя отраслями. В печати КНР, в частности, отмечалось, что «правильное разрешение взаимоотношений между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью — ключевой вопрос, касающийся обеспечения сбалансированности экономики и развития ее высокими темпами»¹³. Внутриотраслевая структура также не отличалась должным соответствием и пропорциональностью. В связи с этим для повышения экономической эффективности в Китае ставится задача формирования рациональной структуры производства, всемерного ускорения научно-технического прогресса; при этом подчеркивается, что для учета вершения промышленной и сельскохозяйственной продукции к 2000 г. необходимо повышать эффективность одновременно во всех отраслях и сферах экономики¹⁴.

Среди других наиболее общих несоответствий в экономической структуре КНР, накопившихся за многие годы, следует назвать также расхождение между масштабами капитального строительства и финансово-материальными ресурсами, резкое отставание торговли и сферы услуг, несоответствие возможностей транспорта и коммуникаций потребностям роста экономики, существенный разрыв между военной и гражданской промышленностью и т. п.¹⁵.

В целом, освещая вопросы эффективности народного хозяйства, «Жэньминь жибао» отмечала, что на протяжении 30 лет существования КНР были затрачены огромные средства на производство многих видов продукции, которые «нельзя есть, нельзя надевать, нельзя использовать» и которые, по сути дела, представляют собой брак¹⁶. В обобщенном виде эту ситуацию зам. премьера Госсовета КНР Тянь Цзюнь охарактеризовал следующим образом: в результате чрезмерного увлечения ростом стоимостных показателей и игнорирования вопросов повышения эффективности на протяжении длительного времени сложилось такое положение, когда промышленность дает радостные сообщения, торговля — грустит, в складах — затоваривание, а в финансах — дутые доходы¹⁷.

Итоговым результатом низкой эффективности народного хозяйства КНР явилось падение в течение нескольких лет уровня доходов государственного бюджета. При эффективном производстве, как правило, соблюдается единство скорости развития и финансовых поступлений, в Китае же за 1979—1982 гг. с увеличением национального дохода на 41 % бюджетные доходы не только не

выросли, но даже сократились на 3,3 %. Важной причиной этого сокращения Чжао Цзыян назвал низкую экономическую эффективность, высокую себестоимость в промышленности и на транспорте, большие издержки обращения в торговле¹⁸. Так, себестоимость продукции на промышленных предприятиях возросла в 1980 г. на 0,9 %, а в 1981 — еще на 1 %, она не снизилась и в 1982 г. Лишь по одной этой причине бюджетные доходы сокращались ежегодно на 4—5 млрд. юаней. В 1982 г. убытки промышленных предприятий составили 4,2 млрд. юаней, вместе с убытками пищевых и торговых предприятий общая сумма убытков превышала 10 млрд. юаней. На росте доходов сказались также нарушения и изъятия в функционировании самой финансовой системы. По подсчетам, общая сумма взносов, не поступивших за два года в государственный бюджет в результате только нарушения финансово-экономической дисциплины, составила 4,5 млрд. юаней¹⁹.

Одним из существенных проявлений напряженного финансового положения в стране стал дефицит государственного бюджета, достигший в 1979 и 1980 гг. 17 и 12,1 млрд. юаней соответственно. Несмотря на то что в последующие годы превышение расходов над доходами сократилось, удержать бюджетный дефицит на планируемой цифре в 3 млрд. юаней не удалось, в 1983 г. он составил 4,3 млрд. юаней, в 1984 — вырос до 5 млрд., и только в 1985 г. доходы и расходы госбюджета стали в основном сбалансированными. Возникновение финансового дефицита явилось следствием того, что на протяжении многих лет строительство осуществлялось без учета возможностей, удельный вес капитальных вложений был слишком высок, период обращения средств длителен, а эффективность незначительной. К этому следует добавить затоваривание продукции, а также чрезмерное увеличение оборотных фондов²⁰.

Падение уровня доходов госбюджета и снижение темпов их роста обуславливалось также стремительным увеличением (почти в 4 раза) внебюджетных средств: с 37,1 млрд. юаней в 1978 г. до 143 млрд. в 1985 г., в то время как доходы государственного бюджета выросли за этот период только на 65 % — с 112,1 млрд. юаней до 185,4 млрд. юаней²¹. Таким образом, внебюджетные средства достигают уже 80 % объема госбюджета против 50 % в 1982 г., 20 % в период второй и третьей пятилеток и всего 7 % в годы первого пятилетнего плана.

Отсутствие в руках центральных органов достаточных средств сужает возможности государства оказывать стимулирующее воздействие на процесс расширенного воспроизводства, что вытекает из самой природы и сущности социалистических финансов: в конечном итоге под влиянием государственного бюджета — главного звена всей финансовой системы — формируются темпы экономического роста, межотраслевые и внутриотраслевые пропорции народного хозяйства, осуществляется создание и использование фондов потребления и накопления, происходит территориальное перераспределение национального дохода в соответствии с планом размещения производительных сил, увязывание народнохозяйственных планов с финансовыми ресурсами страны. Еще на XII съезде КПК (1982) Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан заявил, что с точки зрения стратегических задач на 20-летний период государство должно сосредоточить в своих руках необходимые средства, покончить с чрезмерной их распыленностью и на основе повышения экономической эффективности увеличивать национальный доход и финансовые поступления центра²².

Особенно серьезно этот вопрос обсуждался на I сессии ВСНП шестого созыва (1983), где было определено, что от улучшения финансового положения страны зависит не только успешное выполнение шестого пятилетнего плана, но и создание предпосылок для нового экономического подъема в 90-е го-

ды. Госсовет КНР указал на три главных направления в этой работе: а) всемерно повышать источники финансовых поступлений, б) рационально распределять национальный доход и повышать в нем долю, привлекаемую в государственный бюджет, в) правильно определять общие масштабы капитального строительства, обеспечивая важнейшие объекты нужными средствами, всемерно повышать эффективность капитальных вложений. Согласно выступлению премьер-министра Госсовета КНР Чжао Цзыяна на этой сессии, как урегулирование, упорядочение и техническая реконструкция, так и реформа хозяйственной и налоговой системы должны иметь своей целью повышение эффективности всей хозяйственной деятельности общества и увеличение бюджетных доходов государства. Исключительно важной задачей в работе правительства, подчеркнул премьер, будет ликвидация распыленности средств и рациональное распределение национального дохода при целесообразном увеличении его доли, привлекаемой в государственный бюджет²³.

Вышеприведенные цифры говорят о том, что проблемы роста и централизации государственных средств все еще не решены, и это вызывает серьезную озабоченность китайского руководства, поскольку внебюджетные неконтролируемые накопления воплощаются по преимуществу в многочисленных мелких, неэффективных, дублирующих друг друга предприятиях и производствах и тем самым осложняют задачу по преодолению отсталости народного хозяйства и вывода его на качественно новую ступень развития. Вопрос контроля за масштабами капитальных вложений и сосредоточения сил на строительстве центральных объектов является, как отмечает печать КНР, одним из самых актуальных в сфере экономики.

В условиях недостатка централизованных средств правительство КНР решило концентрировать усилия на строительстве главных, ключевых объектов, которые должны нести на себе основную нагрузку в деле модернизации народного хозяйства. Чтобы создать гарантии успешного осуществления капитального строительства в области энергетики и транспорта — наиболее слабых и наиболее важных в настоящий момент звеньях экономики, государство начиная с 1982 г. приняло целый ряд финансовых мер, в частности в структуру доходов государственного бюджета была введена специальная статья «фонд строительства ключевых объектов энергетики и транспорта», темп роста поступлений по которой намного превышает рост по другим статьям.

Вследствие чрезвычайно напряженного положения с финансами, констатирует печать КНР, ограниченными оказываются и расходы на развитие науки, образования, культуры, здравоохранения, а также военные расходы²⁴. Без радикального же преобразования всей непроизводительной сферы невозможна и всесторонняя модернизация народного хозяйства. Для приведения ее в соответствие с требованиями современного уровня экономического развития требуется много средств, поскольку на протяжении длительного периода времени эта сфера находилась в непривилегированном положении и чрезвычайно отстала. Острая необходимость ее ускоренного развития налагает дополнительную нагрузку на государственные финансы, являющиеся основным источником финансирования этой сферы.

Снижение доходов государственного бюджета на фоне резко возросшей потребности в них явилось одной из важных причин, побудивших разностороннюю борьбу за повышение экономической эффективности как единственно надежного средства увеличения доходов государства и улучшения в целом экономического положения в стране. В конечном результате к повышению экономической эффективности и оживлению народнохозяйственной деятельности сводится и вся цель проводимой в Китае реформы хозяйственной системы²⁵.

Как известно, реформа стала проводиться в первую очередь в деревне, с ее

помощью планировалось преодолеть отсталость и застой в базовой отрасли экономики Китая²⁶. Основанная на внедрении семейно-подрядной системы ответственности и принципе материальной заинтересованности, эта реформа за несколько лет охватила практически все сельские районы страны. Следует отметить значительные достижения в развитии сельского хозяйства за эти годы. Так, среднегодовой прирост валовой продукции за шестую пятилетку составил 10,8 против 3,5 % за 28 лет с 1953 по 1980 г., производство зерновых за 1981—1984 гг. возросло на 27 %, несколько улучшилась структура отрасли — доля растениеводства понизилась с обычных 70 до 58 %, доля других отраслей соответственно возросла; существенно изменилась жизнь крестьян: их доходы в среднем на человека более чем удвоились — с 191 юаня в 1980 г. до 400 юаней в 1985 г.²⁷

В Китае такие перемены склонны относить всецело на счет реформы и в частности на счет введения дворového подряда, о чем свидетельствуют, например, материалы III пленума ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984 г.), Всекитайской партийной конференции (сентябрь 1985), IV сессии ВСНП шестого созыва. Однако нельзя забывать и об определенной роли государства в стимулировании сельскохозяйственного производства — это и повышение закупочных цен на его продукцию, и снижение сельхозналога (а в определенных случаях полная отмена его), и непосредственная помощь из бюджета слабым районам и хозяйствам и др. Оказывая содействие развитию сельской экономики, эти меры, с другой стороны, отягощали финансовое положение страны. К этому следует добавить насущную задачу подъема жизненного уровня также и городских жителей (за минувшее пятилетие доходы рабочих и служащих возросли на 68 %). Как результат государственный бюджет становился все более напряженным, и требовалось скорейшее расширение источников финансовых поступлений.

Известно, что 80 % государственных доходов КНР поступает от промышленных и торговых предприятий городов и поселков. Между тем как их экономическая эффективность оставалась крайне низкой, потери и перерасход в сфере производства, строительства и обращения — весьма значительными. Соответственно не могли быть удовлетворительными и их финансовые результаты. Следовательно, гарантией роста доходов может быть подъем и укрепление жизнедеятельности этих предприятий, что на III пленуме ЦК КПК двенадцатого созыва (1984), посвященном реформе хозяйственной системы, было названо центральным звеном реформы хозяйственной системы в целом. Перенос центра тяжести реформы из сельской экономики в городскую означает стремление государства ускорить получение ее результатов уже на общегосударственном уровне, так как проведение ее в деревне практически не повлияло на рост централизованных доходов, более того, как было показано выше, часть государственных доходов перераспределялась в эти годы в пользу аграрного сектора.

Для активизации деятельности предприятий, в особенности крупных и средних (от которых поступает основная часть бюджетных доходов²⁸), необходимо, согласно решению III сессии ВСНП шестого созыва (1985), постепенно реорганизовать ценообразование и ликвидировать элементы уравниловки в системе заработной платы. По заявлению премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна, существовавшая система цен явилась главной причиной низкой эффективности всей экономики, а система заработной платы, все больше расходясь с потребностями социалистической модернизации, препятствовала техническому прогрессу и повышению эффективности производства²⁹. Нерациональность двух этих систем оказывала негативное воздействие на всю экономическую жизнь страны, а также искажала картину хозяйственной деятельности отдельных предприятий и финансовой системы в целом.

Проводимая в рамках реформы перестройка управления промышленными предприятиями предусматривает внедрение на них системы ответственности, основанной на принципе: большее вознаграждение за больший труд, отказ от уравниловки, упорядочение управленческого аппарата с целью сделать его по-настоящему эффективным, ужесточение финансовой и трудовой дисциплины. В этой связи всем районам страны, всем министерствам, ведомствам, промышленным предприятиям и непроизводственным организациям указано было всемерно улучшать хозяйственное управление, повышать качество продукции, сокращать материальные затраты, поднимать производительность труда и снижать себестоимость производства, иными словами, была намечена всесторонняя борьба за повышение эффективности всего народного хозяйства. С этой же целью на повестке дня поставлены такие вопросы, как укрепление финансовой политики, строгое ограничение общего объема кредитования и количества наличных денег, поступающих в обращение, особо строгое ограничение размеров капитальных вложений в основные фонды, и прежде всего внебюджетных.

Реформа в городе делает пока первые шаги, однако сразу выяснилось, что ее проведение в жизнь будет проходить значительно труднее и болезненнее, чем в предыдущие годы на селе, поскольку она в той или иной мере затрагивает самые различные стороны хозяйственной деятельности: это система планирования и финансы, налогообложение и цены, банковское дело и торговля, труд и заработная плата и т. д. Как отмечалось на минувшей сессии ВСНП, осуществление реформы в полном объеме не скорое дело, оно не закончится в седьмой пятилетке, а продлится до конца века и далее и будет играть решающую роль в народнохозяйственном строительстве. Руководство КНР призывает на всех уровнях ставить реформу на первое место, особенно при проведении ее в городах.

Разносторонние меры по урегулированию народного хозяйства имели в целом положительный эффект. Например, среднегодовой темп прироста национального дохода, созданного одним трудящимся, составил за минувшее пятилетие примерно 6 %, доходов крестьян — 13,7, рабочих и служащих — 6,9 %. В 1985 г. потребление энергии на 10 тыс. юаней национального дохода сократилось по сравнению с 1980 г. на 20 %, а в результате улучшения показателя использования энергии национальный доход в среднем за год увеличивался на 20 млрд. юаней³⁰. В области финансов эти меры начали проявляться только с 1983 г., когда впервые за несколько последних лет темп прироста госбюджетных доходов превысил темп прироста национального дохода и валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (11,1 % против 9 и 10,2 % соответственно). Важно отметить при этом, что такое увеличение доходов произошло благодаря ускоренному росту внутренних поступлений (11,7 %), на 2,8 % превысивших плановый показатель, иностранные же кредиты в доходах государственного бюджета несколько уменьшились по сравнению с предыдущим годом и составили лишь 70,1 % запланированной суммы³¹. Аналогичная картина наблюдалась и в 1984—1985 гг.

Если говорить о финансово-экономическом положении страны под углом зрения эффективности народного хозяйства, то следует особо отметить, что за минувшее пятилетие доходы государственного бюджета увеличились примерно в такой же мере, в какой выросло общественное производство в целом, о чем свидетельствуют среднегодовые темпы прироста валового общественного продукта — 11 %, национального дохода — 9,7 и финансовых поступлений в бюджет — 10,3 %. Надо сказать, что указанный среднегодовой показатель динамики по финансам был достигнут благодаря резкому увеличению доходов государственного бюджета за два последних года, когда их прирост

составил 17,3 и 27,3 %, в предыдущие годы эти темпы были значительно ниже — от 3,2 до 11,1 %. Общий же объем бюджетных и внебюджетных средств по сравнению с 1980 г. почти удвоился. Однако исключительно высокий рост финансовых доходов в 1985 г. объясняется не только крупными изменениями в экономике. Этот рост явился также следствием роста внутренних цен, сравнительно большого импорта товаров и увеличения таможенных пошлин, что необходимо учитывать при оценке финансового положения в стране³².

Несмотря на отмеченный поворот к лучшему в области финансов, объем средств государственного бюджета все еще относительно невелик: перераспределяемая через его механизм доля национального дохода меньше 30 %, необходимых, согласно подсчетам китайских экономистов, для обеспечения более или менее нормального функционирования народного хозяйства КНР на данном этапе его развития³³.

Что касается главных макроэкономических пропорций, то они, по официальным заявлениям в печати, являются в настоящее время достаточно сбалансированными и в основном соответствуют нынешнему уровню экономического развития Китая. Так, в общем объеме валовой продукции сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности на долю каждой из отраслей приходится примерно по $\frac{1}{3}$, тогда как в 1978 г. их удельные веса составляли 27,8; 31,1; 31,1 % соответственно; внутри промышленности тяжелая и легкая относятся как 50 : 50, вместо 57 : 43 в 1978 г.; стало улучшаться соотношение между I и II подразделениями совокупного общественного продукта и инфраструктурой; норма накопления снизилась с 36,5 % в 1978 г. до 31,2 % в 1984, а за пятилетку в среднем составила примерно 30 %; существенный шаг сделан и во внутренней торговле — розничный товарооборот увеличился против 1980 г. в 2 раза и возрастал в среднем за год на 15 %, тогда как за 1953—1980 гг. только на 7,6 %³⁴.

Достижение определенной сбалансированности на макроуровне не означало преодоления многочисленных народнохозяйственных проблем. Более того, как отмечалось на IV сессии ВСНП шестого созыва, с конца 1984 г. в китайской экономике стал проявляться ряд новых дестабилизирующих факторов, в частности чрезмерный темп прироста промышленного производства, непомерно высокие размеры капитальных вложений в основные фонды, чрезмерный расход материальных средств, снижение валютных запасов, несбалансированность спроса и предложения, безудержный рост фонда потребления и др. Большой прирост промышленного и сельскохозяйственного производства без соответствующего развития других отраслей в последнее время, по сути дела, ведет к обострению глобальных межотраслевых пропорций. Усилия правительства за последние годы были направлены на сдерживание темпов экономического роста, и прежде всего в промышленности. Оценивая итоги народнохозяйственного строительства, премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян указывал, что излишне высокие темпы производства создают непомерные нагрузки для энергетики, транспорта и других отраслей инфраструктуры и в итоге крайне отрицательно сказываются на экономике в целом. С целью выправления такого дисбаланса в Китае развернуто движение за всемерное развитие в городах и на селе «третьей индустрии», включающей в себя внутреннюю и внешнюю торговлю, транспорт, связь, туризм, финансовое дело, страхование, экспертные и технические услуги и другие формы обслуживания. При этом постоянно подчеркивается, что сфера обслуживания является важным звеном в народнохозяйственной структуре и от уровня развития «третьей индустрии» зависит эффективность экономических преобразований в Китае³⁵. В соответствии с этим курсом за пятилетний период число предприятий роз-

ничной торговли, общественного питания и сферы обслуживания увеличилось в пять раз, а число занятых в них — в 2,9 раза.

Определенные успехи, достигнутые за последние годы в народном хозяйстве КНР, не могли тем не менее кардинальным образом изменить его состояние. Экономика КНР по-прежнему опирается на экстенсивный путь развития. Достаточно сказать, что рост промышленного производства в Китае происходит в значительной мере за счет прироста новых мощностей, подавляющая часть которых приходится на мелкие местные предприятия, технически отсталые, расходуящие много сырья и энергии, выпускающие продукцию низкого качества. В 1984 г., например, в общем числе промышленных предприятий (437,2 тыс.) на мелкие приходилось 98,5 %, ими произведено 55,3 % всей промышленной продукции и 56,3 % ее прироста. За год число этих предприятий возросло на 44,1 тыс. единиц, крупных и средних — на 0,2 и 0,4 тыс. соответственно³⁶. Быстрое развитие промышленности за счет строительства новых предприятий требует больших капиталовложений, нарушает баланс между потреблением и накоплением, спросом и предложением, а также пропорциональность межотраслевых связей.

Что касается повышения экономической эффективности, то оно происходит значительно медленнее, чем это предусматривалось в планах. Например, себестоимость промышленной продукции в 1983 г. снизилась только на 0,2 %, а в 1984 г. даже повысилась на 1,3 %. В 1985 г. газеты КНР также отмечали общее повышение себестоимости продукции, хотя по плану этот показатель должен был снижаться на 2 % ежегодно. Коэффициент ввода объектов капитального строительства в 1984 г. упал до 48 % против 53,2 % в 1983, коэффициент завершенности строительства зданий снизился с 52,3 до 49 %, понизился также и коэффициент использования сданных в эксплуатацию основных фондов³⁷. Наряду с этим повсеместно отмечается удорожание стоимости капитального строительства при удлинении сроков ввода объектов в эксплуатацию, продолжается рост государственных дотаций на покрытие разрыва в ценах на некоторые виды продукции, во внешней торговле сохраняется убыточность и низкая эффективность. Показатели затрат на единицу продукции значительно отстают в Китае от мирового уровня, а в ряде случаев не достигают наименьшего уровня, зарегистрированного в стране со времени образования КНР, сохраняется очень большой разрыв в показателях между отдельными районами страны³⁸. Говоря о существующих трудностях в экономической работе, министр финансов КНР Ван Бинцян отмечает, что в борьбе за повышение экономической эффективности коренной поворот еще не произошел, финансовый дефицит промышленных предприятий различных масштабов сравнительно велик, на некоторых предприятиях не полностью соблюдаются требования выполнения годового плана, нарушения финансовой дисциплины все еще повсеместны³⁹.

Недоброкачественность продукции, большие материальные затраты и низкая экономическая эффективность являются, согласно выступлению Чжао Цзыяна на Всекитайской партконференции (сентябрь 1985 г.) и на IV сессии ВСНП шестого созыва (1986), «ахиллесовой пятой» китайской экономики, преодолеть которые можно лишь ценой отказа от быстрого развития. Развернувшаяся с мая 1985 г. по всей стране проверка качества промышленной продукции является одним из важных шагов и мероприятий, предпринимаемых в ходе реформы хозяйственной системы. Той же цели служит и вторая всеобщая инвентаризация промышленности Китая, которая проводится в соответствии с решением Госсовета КНР. Серьезную озабоченность в стране вызывает и такое обстоятельство: за последние несколько лет рост заработной платы опережал рост производительности труда и национального дохода, что, согласно

журналу «Хунци», грозит потерей контроля за сферой потребления, нарушением пропорций между потреблением и накоплением, быстрым ростом цен и анархией в экономической жизни⁴⁰.

Итак, среди множества ожидающих своего разрешения проблем в КНР главной на сегодняшний день остается повышение экономической эффективности. Эта проблема вырисовывается более отчетливо, если сравнить выдвигаемые перед страной перспективные цели и возможности их достижения. В соответствии с общим курсом на всестороннюю модернизацию народного хозяйства при учетверении валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к 2000 г. на повестке дня в Китае оказалась триединая задача — добиться высоких и устойчивых темпов экономического развития, сбалансировать народнохозяйственные пропорции, поднять жизненный уровень населения. Такие преобразования при слабой материально-технической базе и низком уровне развития производительных сил, безусловно, связаны с многократным увеличением материальных и финансовых затрат. Вместе с тем источники финансирования этой программы в сегодняшнем Китае крайне ограничены. Незначительный размер душевого показателя национального дохода (менее 250 ам. долл. на человека) при многочисленном и быстрорастущем населении с низким уровнем его жизни выступает объективным препятствием для роста накоплений за счет повышения его нормы. На пути изыскания необходимых средств остается, следовательно, только один путь — путь повышения экономической эффективности. В частности, заместитель директора НИИ экономики АОН Китая Чжоу Шулянь заявил, что только повышение эффективности позволит решить проблему изыскания средств для учетверения промышленной и сельскохозяйственной продукции. Данное утверждение подкрепляется следующими расчетами. Национальный доход в 2000 г. должен составить, согласно заданию, 1300 млрд. юаней. При эффективности использования капитальных вложений на уровне четвертой пятилетки Китаю до 2000 г. потребуются капитальные вложения на сумму 3500 млрд. юаней, а при эффективности на уровне первой пятилетки — всего 1500 млрд. юаней⁴¹.

Все эти обстоятельства предопределили решение китайского руководства ставить экономическую эффективность на первое место при определении пропорций народного хозяйства и темпов его развития. Характерен поворот от количественных показателей роста к их качественному содержанию, подчеркивается, что первым источником роста экономики должно быть повышение экономической эффективности, а расширение производства — вторым. Характеризуя общий ход экономического строительства в период шестого пятилетнего плана, Чжао Цзыян на минувшей сессии ВСНП отметил: «В области стратегии экономического и социального развития мы от однобокой погони за стоимостью продукции и объемом производства промышленности, особенно тяжелой, начали переход к повышению экономической эффективности, рассматривая ее основой основ, стали обращать внимание на гармоничное развитие во всех областях — экономике, науке, технике, просвещении, культуре, социальной жизни»⁴².

В целом в отношении темпов и эффективности в печати КНР вопрос ставится таким образом: утвердить в сознании хозяйственников своеобразную «систему приоритетов», согласно которой при определении соотношения между темпами роста и эффективностью предпочтение отдавалось бы эффективности; при анализе экономического положения учитывались бы не только благоприятные условия, но и негативные факторы⁴³. Исторический опыт постоянно напоминает, говорит Чжао Цзыян, что дать стимул устойчивому развитию экономики и надежно гарантировать неуклонное улучшение жизни народа можно лишь тогда, когда тщательно взвешивают потребности и возможности,

смотрят не только назад, но и вперед, поддерживают разумные темпы экономического роста. При разработке седьмого пятилетнего плана Госсовет КНР ставил во главу угла вопрос определения именно таких «разумных» темпов роста при стимулировании пропорционального и эффективного развития всего народного хозяйства. Среднегодовые темпы экономического роста предполагаются ниже, чем фактические в период шестой пятилетки. Так, среднегодовой темп прироста валового национального продукта должен составить 7,5 %, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 6,7, в том числе промышленной продукции — 7,5, сельскохозяйственной — 4 % (вместе с сельской промышленностью — 6 %).

Установление более низких темпов, как можно заключить из доклада Чжао Цзыяна, продиктовано объективными условиями. Прежде всего меняются факторы экономического роста. Так, если в шестой пятилетке бурный рост сельскохозяйственного производства происходил за счет высвобождения производительных сил на основе хозяйственной реформы, а также с помощью определенных государственных мер стимулирования, то в седьмой пятилетке действие этих специфических факторов ослабляется. Главная ставка делается теперь на улучшение условий сельскохозяйственного производства, которые предполагается менять постепенно, и это в свою очередь не может не сказаться в известной степени на темпах роста сельского хозяйства.

Что касается промышленности, то чрезмерный рост ее продукции за последние 2 года шестой пятилетки был обусловлен главным образом увеличением капитальных вложений. Как отметил Чжао Цзыян, такое положение долго продолжаться не может. Кроме того, изменение приоритетов в самой промышленности предполагается не в пользу ее наиболее динамичных отраслей. В частности, для преодоления дисбаланса между обрабатывающими отраслями, с одной стороны, и топливно-энергетическими и сырьевыми, а также транспортом — с другой, намечается удерживать темпы развития первых отраслей и ускорять — вторых. Являясь наиболее капиталоемкими, с длительным сроком окупаемости, с низким уровнем рентабельности, эти отрасли в отличие от обрабатывающей промышленности не смогут дать быстрого и весомого прироста продукции в стоимостном выражении. Если учесть, что общий объем капитальных вложений лимитирован, то факт безусловного понижения темпов роста промышленного производства становится несомненным.

В текущем пятилетии «двумя ключевыми моментами» производства и строительства будут считаться повышение эффективности предприятий и активное увеличение экспорта с целью притока иностранной валюты. Что касается конкретных шагов на пути к повышению экономической эффективности, то они в ближайшее время будут делаться примерно по таким направлениям: строгий контроль за объемом инвестиционных средств и вложение их преимущественно в реконструкцию действующих предприятий, а не в строительство новых; всемерное повышение качества продукции как предпосылки роста экономической эффективности; переключение основного внимания с мелкой деревенской промышленности на крупные ключевые государственные предприятия; перевод все большего числа военных предприятий на производство гражданской продукции; более широкое использование закона стоимости, внедрение рыночных отношений и контроль за ними; налаживание системы обращения (особенно на селе), предполагается развивать должным образом государственную кооперативную и частную торговлю, приводить ее в соответствие с динамичным развитием всей экономики; уделять внимание росту профессиональных кадров, повышать квалификацию специалистов и инженерно-технического персонала и др.⁴⁴

Таким образом, повышение экономической эффективности выступает, по

сути дела, интегрированным показателем, отражающим всю совокупность задач и проблем современного общественного производства в Китае. От того, насколько успешными окажутся меры по повышению эффективности всего народного хозяйства и на отдельных его участках, будут зависеть и результаты экономического развития КНР как в ближайшие годы, так и в отдаленной перспективе.

- ¹ См.: «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.
- ² См.: «Цзинцзи жибао», 7.IV.1986.
- ³ См.: Структура экономики Китая. М., 1984, с. 427 (пер. с кит. яз.); «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 6, с. 27.
- ⁴ См.: Структура экономики Китая, с. 432—434.
- ⁵ См. там же, с. 428.
- ⁶ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 6, с. 26—27.
- ⁷ См.: «Цайцзин яньцзю», 1982, № 3, с. 8.
- ⁸ См.: «Жэньминь жибао», 30.VI.1979.
- ⁹ См.: «Хунци», 1981, № 8, с. 10.
- ¹⁰ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 6, с. 26.
- ¹¹ См.: Структура экономики Китая, с. 428; «Цзинцзи гуаньли», 1982, № 1, с. 6.
- ¹² См.: «Чжунго шэжуэй кэсюэ», 1980, № 3, с. 19—40.
- ¹³ Запомнить исторические уроки одностороннего развития тяжелой промышленности.— «Хунци», 1979, № 12.
- ¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 15.II.1983; 26.II.1985.
- ¹⁵ См.: «Цзинцзи кэсюэ», 1980, № 1, с. 6—13.
- ¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 3.VII.1980.
- ¹⁷ См. там же, 12.I.1986.
- ¹⁸ См. там же, 24.VI.1983.
- ¹⁹ См. там же, 15.XII.1982.
- ²⁰ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 1, с. 76—80.
- ²¹ См.: «Жэньминь жибао», 16.IV.1986. Помимо децентрализации финансовых средств, серьезное положение выявляется в сфере распределения сырья и материалов. Согласно сообщениям китайских газет, за счет спекулятивных сделок материальные ресурсы выпадают из сферы планового государственного распределения и продаются «на сторону» по повышенным ценам. Если в 1965 г. доля получаемого государством стального проката составила 95 %, то в 1982 г. она снизилась до 53 %, доля цемента соответственно снизилась с 75 до 24 %, угля — с 75 до 51 %, аналогичным образом обстояло дело и с распределением лесоматериалов.— «Жэньминь жибао», 21.VII.1983.
- ²² См. там же, 8.IX.1982.
- ²³ См.: «Жэньминь жибао», 24.VI.1983.
- ²⁴ См.: «Цзинцзи жибао», 8.II.1984.
- ²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 20.IV.1985.
- ²⁶ Отсталость сельского хозяйства явилась главным источником всех структурных проблем КНР. Повышение производительности труда в этой отрасли может оказать огромное влияние на повышение экономической эффективности всего народного хозяйства. См., например: Структура экономики Китая, с. 437.
- ²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 12.I.1986.
- ²⁸ Только на крупные предприятия, составляющие всего 0,4 % всех промышленных предприятий, приходится более 40 % общей прибыли и отчислений в бюджет.— «Цзинцзи жибао», 8.30.X.1984.
- ²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 9.XI.1984; 12.IV.1985.
- ³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 12.I, 14.IV.1986.
- ³¹ См. там же, 3.VI.1984.
- ³² См.: «Жэньминь жибао», 12.I.1986.
- ³³ См.: «Жэньминь жибао», 15.VII.1984; «Цзинцзи жибао», 8.II.1984.
- ³⁴ См.: «Жэньминь жибао», 12.I.1986.
- ³⁵ См.: «Жэньминь жибао», 12.IV.1985; «Гунжэнь жибао», 21.VII.1985.
- ³⁶ Данные и расчет по: Чжунго тунизи яньцзюнь — 1985. Пекин, 1985.
- ³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 10.III.1985.
- ³⁸ См. там же, 2.III.1984.
- ³⁹ См.: «Хунци», 1986, № 3, с. 11—15.
- ⁴⁰ См. там же, 1985, № 4, с. 2.
- ⁴¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 1, с. 40—41.
- ⁴² «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.
- ⁴³ См. там же, 28.I.1986.
- ⁴⁴ См.: «Жэньминь жибао», 9.XI.1984; 9.I, 14.IV.1986; «Цзинцзи жибао», 28, 29.III.1984; 16, 22.VII.1985; «Цзинцзи цанькао», 28.XII.1985; «China Daily», 25.XI.1985.

Хозяйственная перестройка в городах Китая

[Заметки экономиста]

*А. В. ОСТРОВСКИЙ,
кандидат экономических наук*

Как известно, в Китае с конца 70-х годов проводится реформа хозяйственной системы. Вначале реформа развернулась в деревне, где к середине 80-х годов были достигнуты заметные успехи в увеличении производства сельскохозяйственной продукции и повышении доходов крестьянских дворов. Затем она стала распространяться на города. Фактически проведение хозяйственной реформы в городе стало обязательным условием дальнейшей реализации ее задач в китайской деревне и обеспечения выполнения долгосрочных народно-хозяйственных планов.

В городах хозяйственная реформа проходила постепенно. Вначале ею было охвачено только три города — Чунцин (провинция Сычуань), Чанчжоу (провинция Цзянсу) и Шань (провинция Хубэй). Затем было решено использовать опыт проведенной реформы в этих городах для ее постепенного распространения на другие города КНР. При этом отмечалось, что подход в этом деле должен быть дифференцированным: если в одних городах возможно комплексное проведение реформы, то в других можно осуществлять ее пока лишь частично, в отдельных сферах экономики, и затем расширять ее масштабы по мере созревания условий. Это прежде всего относится к таким крупным городам (городам центрального подчинения), как Пекин, Шанхай и Тяньцзинь. Как неоднократно отмечалось китайскими представителями в беседах с автором данной статьи, наибольшие успехи в комплексном осуществлении хозяйственной реформы к 1985 г. были достигнуты в таких городах, как Чанчжоу, Чунцин, Шань, а также Ухань.

В 1984—1985 гг. автор проходил стажировку в Институте экономики труда Народного университета Китая (Пекин). Во время стажировки ему была предоставлена возможность познакомиться с опытом осуществления хозяйственной реформы в различных городах КНР — Пекине, Шанхае, Ухани, Чанчжоу, Сучжоу, — посетить более 20 предприятий и учреждений и обменяться мнениями с китайскими руководителями на различных уровнях (от работников аппарата народного правительства городов до руководителей предприятий и отдельных частных предпринимателей) по вопросам проведения реформы на местах. Одним из городов с наиболее заметными результатами в деле осуществления хозяйственной реформы стал город Ухань — столица провинции Хубэй, расположенной в Центральном Китае. Общая численность населения города — 5940 тыс. человек (включая пригородные районы). Город расположен на реке Янцзы состоит из трех довольно обособленных частей — Учана, Ханьяна и Ханькоу. Ухань является одним из крупнейших городов КНР, занимает четвертое место в стране по численности населения, объему валовой промышленной продукции, стоимости основных производственных фондов¹.

Город Ухань хорошо известен советским людям своими революционными традициями. С этим городом связана деятельность великого китайского рево-

лющонера-демократа Сунь Ятсена. Здесь с помощью Советского Союза создавались крупнейшие народнохозяйственные объекты, имеющие и сейчас большое значение для экономики КНР, — грандиозный двухъярусный Уханьский мост через реку Янцзы, мощный Уханьский металлургический комбинат и др.

Моя поездка в Ухань состоялась в начале 1985 г. На улицах Ухани прежде всего бросаются в глаза ряды мелких лавок, мастерских, лотков, закусочных и прочих торговых точек и предприятий индивидуального сектора, возникших в ходе хозяйственной реформы и оживленно работающих чуть ли не круглосуточно.

Однако все это лишь внешнее проявление проводимой в Ухани с осени 1984 г. хозяйственной реформы.

Решение о проведении реформы хозяйственной системы в Ухани было принято в мае 1984 г., а уже в сентябре 1984 г. был утвержден план проведения комплексной реформы хозяйственной системы города. Реформа проводилась по следующим направлениям: 1) изменение системы управления производством с целью оживления деятельности предприятий; 2) усиление роли экономических рычагов, таких, как налоги, кредит, цены; 3) реорганизация системы отбора ганьбу (кадровых работников) и набора рабочей силы на предприятиях. Не случайно именно в Ухани в марте 1985 г. состоялось Всекитайское совещание по вопросам проведения хозяйственной реформы в городах. Мне была предоставлена возможность посетить в этом городе три вида предприятий: предприятие государственного сектора — ситценабивную фабрику № 2, коллективного сектора — завод стиральных машин и индивидуального сектора — квартал индивидуальных предпринимателей Ханьчжэнцзе.

Перед посещением предприятий в Ухани состоялась беседа в канцелярии городского правительства, где было подробно рассказано о проводимой в этом городе хозяйственной реформе. Основные цели хозяйственной реформы в Ухани сводились к следующему: 1) оживить деятельность предприятий; 2) связать между собой три обособленные части, из которых состоит город; 3) создать торговые центры, которые обеспечивали бы своевременную реализацию готовой продукции.

В ходе реформы предприятия получили право решения производственных вопросов на всех четырех стадиях (производство, распределение, обмен, потребление). В городе было проведено сокращение директивных показателей с 270 до 60 и увеличено количество индикативных показателей. На все виды продукции в городе было установлено четыре вида цен, на фондируемую продукцию — фиксированные государственные цены. На некоторую часть продукции распространяются так называемые плавающие цены, которые могут быть повышены или понижены предприятием на 20 % в зависимости от конъюнктуры рынка по сравнению с установленным уровнем. На сверхплановую продукцию цены может определять само предприятие, это так называемые комиссионные (договорные) цены. Предприятие может само устанавливать рыночные цены на 160 мелких позиций по ассортименту товаров.

После перехода предприятий от системы отчисления от прибыли к уплате налогов произошли определенные изменения в отношениях между предприятием и государством. На первом этапе перехода предприятия должны были платить в государственный бюджет подоходный налог и так называемый регулирующий налог. На втором этапе — только один регулирующий налог, который устанавливается, исходя из суммы прибыли, полученной предприятием за последние три года. После уплаты налогов сохраняется часть прибыли, которая идет на расширенное воспроизводство, премии и социальное страхование. При этом предприятие имеет следующие источники финансирования: 1) государственные капиталовложения, которые с каждым годом

должны сокращаться. 2) банковский кредит и 3) амортизационный фонд, 70 % которого остается у предприятия.

В Ухани большое развитие получили различные формы коллективных предприятий: собственно коллективные предприятия, кооперативные и др.³ Коллективные предприятия отличаются от государственных тем, что сами несут ответственность за прибыли и убытки и не включены в общегосударственный фонд заработной платы (он полностью образуется за счет государственной прибыли). На части коллективных предприятий в первую очередь используется система кооперативных паевых взносов в качестве источников накопления, и занятые на этих предприятиях рабочие и служащие получают так называемые трудовые дивиденды (лаодун фэньхун) по итогам работы предприятия в конце года в зависимости от внесенного пая. Занятые на этих предприятиях рабочие и служащие являются собственниками средств производства, поскольку в производство они вкладывали свои сбережения. При желании они могут изъять свой пай в денежной форме. Акционеры в конце года получают дивиденды, фонд составляет не более 15 % прибыли предприятия в соответствии со сделанными капиталовложениями. Все прочие формы доходов зависят от трудового вклада рабочего или служащего на производстве. Таким образом, рабочий, помимо заработной платы, получает ежегодно дополнительный доход, который находится в прямой зависимости от его взноса в производственные фонды предприятий и годовой прибыли. В среднем доходы рабочих и служащих составляют 120—150 юаней в месяц. В целом в Ухани насчитывается 1200—1300 таких предприятий, на каждом из которых занято несколько десятков человек.

В ходе реформы на предприятиях города произошли изменения в системе набора рабочей силы. Город имеет план по набору рабочей силы, но в рамках этого плана используется система контрактации рабочей силы. После объявления предприятием о наборе рабочих администрация предприятия совместно с управлением труда и кадров города организует экзамены. В случае несдачи экзамена или недобора баллов желающий устроиться на предприятие государственного сектора вновь попадает под государственное распределение, с помощью которого его могут трудоустроить на предприятиях коллективного или индивидуального сектора. При зачислении на государственное предприятие рабочий подписывает с администрацией контракт на 5 лет. Если рабочий соответствует занимаемой должности, то впоследствии контракт продлевается еще на 5 лет, в случае несоответствия контракт расторгается. Через полгода после подписания контракта рабочие сдают квалификационные экзамены, от результатов которых зависит устанавливаемая им ставка заработной платы. В дальнейшем после первого экзамена рабочие обязаны сдавать экзамен каждые два года. В будущем в городе планируется рост доли «контрактных рабочих» и уменьшение числа «постоянных рабочих». К 2000 г. предполагается, что на уханьских предприятиях будут преобладать «контрактные рабочие». Однако в настоящее время их доля невелика. В 1983 г. насчитывалось только 4,4 тыс. человек, занятых по контракту, в 1984 г. — уже 10 тыс. человек. Ежегодно используются на предприятиях и сезонные рабочие из деревни — около 10—15 тыс. человек.

В ходе реформы большое внимание уделялось вопросам заработной платы. До реформы на предприятиях в основном преобладала повременная заработная плата, составлявшая 61 % общего фонда заработной платы города, при доле сдельной заработной платы — 13, прочих форм — 26 %. «Плавающая» заработная плата (начисляющаяся в зависимости от прибыли) на предприятиях не использовалась. С 1984 г. в ходе реформы системы заработной платы все предприятия получили возможность использовать свободный фонд заработной платы, при котором для 20 % рабочих и служащих устанавли-

ливается «плавающая» разрядная сетка. Чтобы повысить разряд, рабочий должен сдать квалификационный экзамен. При этом также учитывается его вклад в работу предприятия, отношение к труду и другие факторы. В начале 1985 г. в результате реформы на предприятиях Ухани сложилась следующая структура заработной платы: 1) основная зарплата, которая рассчитывается, исходя из существующих тарифных ставок (при переводе на работу с более низкими ставками учитывается размер зарплаты на прежнем месте работы); 2) дополнительная зарплата; 3) премии; 4) надбавки (за работу под землей, в горячем цехе и т. д.); 5) сверхурочные, которые не могут превышать 2 % основной заработной платы.

В ходе реформы произошли изменения и в системе трудового страхования на предприятиях Ухани. Фонд трудового страхования на предприятиях образуется из трех источников. Первый — общегосударственный фонд социального страхования, он составляет 11 % общего фонда заработной платы и учитывается при расчете себестоимости продукции. Второй — пенсионный фонд и фонд оплаты временной нетрудоспособности, образующийся как часть фонда социального страхования собственно предприятия, не облагаемая налогом. Третий источник — часть прибыли от реализации продукции, которая остается на предприятии.

В городе проведена реформа выплаты пособий по нетрудоспособности. До реформы рабочие и служащие, трудовой стаж которых превышал 8 лет, получали по больничному листу 100 % заработной платы. В ходе реформы 24 % предприятий города изменили систему выплаты пособий по нетрудоспособности. Согласно новому порядку, рабочие и служащие со стажем работы более 20 лет получают пособие в размере 90—100 % заработной платы, менее 20 лет — часть заработной платы в зависимости от производственного стажа.

Произошли изменения и в использовании пенсионного фонда. Самая низкая пенсионная ставка — это сумма, необходимая для поддержания самого низкого жизненного уровня рабочего (около 20 юаней на одного человека в месяц). В ходе реформы было проведено повышение пенсионных ставок на 5 %, пенсии рабочим и служащим начислялись, исходя из величины заработной платы, получаемой в течение последнего года работы перед уходом на пенсию.

На коллективных предприятиях действует такая же система трудового страхования, как и на государственных. Однако возможности социального страхования на коллективных предприятиях ограничены тем, что единственный источник фонда трудового страхования — часть прибыли предприятия, которая остается после выплаты налогов.

Во время пребывания в Ухани мне была предоставлена возможность посетить предприятия трех секторов — государственного, коллективного и индивидуального.

Знакомство началось с государственной ситценабивной фабрики № 2 Ухани.

Фабрика была создана в 1928 г., реконструирована в 1975 г. На предприятии насчитывается 1562 рабочих и служащих. Работает пять поточных линий, объем годовой продукции — 67 млн. м, ее стоимость составляет 200 млн. юаней, прибыль — 10 млн. юаней, налоги — 8 млн. юаней. В 1984 г. предприятие выполнило годовой план на месяц раньше срока. Руководство предприятия объясняло это осуществлением реформы, в частности тем, что они первыми в Ухани перешли на систему производственной ответственности.

До реформы предприятием руководил партком, в ходе реформы руководство предприятием перешло к директору фабрики, который был назначен вышестоящими органами. С 1984 г. он получил право определять расстановку кадров на предприятии и самостоятельно принимать решения. В работе директор опирает-

ся на постоянный комитет управления предприятием, который избирается собранием представителей рабочих и служащих.

Что касается системы распределения прибыли на предприятии то она осталась такой же, какой была на первом этапе перехода к взиманию налогов. Подоходный налог составляет 55 % прибыли фабрики, комбинированный налог — 33, предприятие сохраняет за собой 12 % прибыли. Расчет всех налогов происходит на основе показателей прибыли 1983 г. Интересно, что это соотношение будет сохраняться в течение семи лет. В случае перевыполнения показателей 1983 г. величина всех видов налогов сохранится, а излишек комбинированного налога делится на 10 частей, 3 части идет в госбюджет, 7 — остается на предприятии. При этом подоходный налог этой части прибыли переходит в комбинированный.

Остаток прибыли распределяется на 5 частей: производственный фонд, фонд развития производства, резервный фонд, фонд социального страхования, премиальный фонд. Фонд социального страхования идет на строительство детских яслей, столовых, жилья и т. д. Источниками капиталовложений при пополнении основных и оборотных фондов в основном являются банковские кредиты, хотя при пополнении основных фондов используется и самофинансирование в виде местных и ведомственных инвестиций и собственных средств предприятия.

На продукцию предприятия устанавливаются фиксированные цены, исходя из установок Министерства текстильной промышленности. Но цены могут быть и «плавающими» — на 25 % выше и ниже установленной цены. Однако фабрика пока еще не перешла на систему «плавающих» цен.

На предприятии, по данным администрации, довольно высокая производительность труда, на одного работающего приходится 136 034 юаня в год, что почти в 7 раз выше, чем в среднем в текстильной промышленности по стране. Осмотр цехов предприятия показал, что достигнута высокая эффективность производства и в целом фабрика немногим отличается от аналогичных предприятий в СССР. С 1981 г. предприятие не производило набора рабочей силы. «Контрактные», временные и сезонные рабочие на предприятии не используются, за исключением системы «и рабочий, и крестьянин» при строительстве жилых домов.

Из 1562 рабочих и служащих на предприятии насчитывается 402 человека, которых называют «рабочими коллективной собственности». В порядке эксперимента в отличие от основной массы рабочих и служащих они получают зарплату не из общегосударственного фонда заработной платы, а по результатам работы предприятия.

Уровень образования рабочих на предприятии сравнительно высок. Из рабочих и служащих предприятия 60,5 % (1064 человек) имеют полное среднее образование, 30,4 % (535 человек) — начальное среднее (9 классов). Повышение уровня образования рабочих проводится путем дополнительных занятий с отрывом от производства (51,8 % всех рабочих и служащих), самообразования (36,3 %), вечерних занятий без отрыва от производства (11,9 %).

В ходе реформы система заработной платы на данном предприятии почти не изменилась. Ученики, как правило, получают зарплату в зависимости от стажа работы. При оплате труда рабочих, занятых непосредственно на производстве, выплачивается зарплата в зависимости от занимаемого рабочего места по 8-разрядной тарифной сетке. При оплате труда рабочих, не занятых непосредственно на производстве, также используются 8-разрядная тарифная сетка и система специальных контрактов.

Ежегодно директор имеет право повышать квалификационный разряд 3 % рабочих и служащих. Для повышения разряда рабочему необходимо

сдать квалификационный экзамен, оценивается и его отношение к труду. В 1984 г. на фабрике были повышены разряды 47 рабочим. В настоящее время используется система самофинансирования фонда заработной платы за счет части прибыли, остающейся на предприятии. Ведется подготовительная работа с целью создания «плавающего» фонда заработной платы в зависимости от прибыли, за счет которого будет происходить повышение квалификационного разряда рабочим. В будущем также планируется использовать для кадровых работников (ганьбу) и служащих такую систему заработной платы, которая позволит увязать величину их зарплаты с результатами производственной деятельности предприятия. Зарплата служащих складывается из четырех частей: основной зарплаты, надбавки за стаж работы, надбавки за занимаемую должность, «плавающей» зарплаты.

На предприятии с 1975 г. действует собрание представителей рабочих и служащих (СПРС), права которого с 12 мая 1984 г. были расширены. Этот орган получил право запроса, утверждения, решения, выбора директора, оценки его работы. Права собрания представителей рабочих и служащих распространяются на производственную сферу. Однако на данном предприятии, как и на большинстве государственных предприятий, директор не был избран собранием представителей рабочих и служащих, а назначен вышестоящим ведомством. Текущей работой руководит комитет, избранный на собрании представителей. Он организует работу четырех исполнительных групп: группы подготовки запросов директору, группы обследования и оценки работы кадров, группы социального страхования и группы управления производством и внедрения новой техники.

В промежутках между собраниями представителей рабочих и служащих организационными вопросами занимается профсоюз. Профком решает организационные вопросы, готовит вопросы к собранию представителей. Отличие профсоюза от собрания представителей рабочих и служащих в том, что если собрание представителей рабочих и служащих не имеет вышестоящего органа, то профсоюз имеет как территориальное, так и отраслевое подчинение.

Из предприятий коллективного сектора мне предложили экскурсию на завод стиральных машин, которая дала яркое представление о такого рода предприятиях.

До 1979 г. этот завод выпускал станки марки «Дунфэн». Но станки не соответствовали государственным стандартам и не находили сбыта. В IV квартале 1979 г. была произведена реконструкция предприятия. Капиталовложения на сумму 1 млн. юаней выделило Министерство легкой промышленности, и местные власти — 1,5 млн. юаней. Завод начал выпускать стиральные машины марки «Лотос» («Хэхуа»). В 1980 г. предприятие было освобождено от налогов. На каждую произведенную единицу продукции предоставлялась государственная субсидия в размере 127 юаней. За несколько лет заметно увеличился выпуск продукции и возросла прибыль. В 1981 г. производство стиральных машин составило 60 тыс. и получено прибыли свыше 480 тыс. юаней; она не облагалась налогом на производство. В 1984 г. предприятие произвело уже 210 тыс. стиральных машин, стоимость валовой продукции составила 38 млн. юаней, а объем прибыли — 3,5 млн. юаней. Все налоги стали взимать с предприятия полностью.

Уханьский завод стиральных машин — крупное коллективное предприятие. Как было отмечено в беседе, в отличие от государственного предприятия здесь ответственность за прибыли и убытки несет сам завод, а основные производственные решения принимает не директор, а собрание представителей рабочих и служащих.

С 1984 г. предприятие начало выпускать акции, и каждый рабочий и служа-

ший предприятия мог сделать капиталовложения в основные и оборотные фонды на сумму, не превышающую 50 юаней. С 1985 г. эти ограничения были сняты, и в настоящее время могут вноситься любые суммы, однако купля-продажа акций запрещена. Рабочие и служащие стали получать дивиденды с 1985 г. в зависимости от пая. Считается, что эти меры будут стимулировать трудовую активность рабочих. Однако общая сумма годовых дивидендов имеет предел и не может превышать двухмесячной зарплаты рабочих и служащих, а также 25 % пая.

Важным отличием коллективного предприятия от государственного является также то, что на нем действует так называемое индикативное, то есть направляющее, планирование. При таком планировании два показателя являются обязательными: прибыль и произведенная продукция в единицах по ассортименту, 12 показателей — «плавающие». Они могут отклоняться в ту или иную сторону от плановых показателей. Иногда это отклонение довольно значительно. При этом предприятие, обеспечивая рост производства, стремится достичь максимальной прибыли, которая значительно превышала бы плановую и обеспечивала бы возможность роста фондов социального страхования, премий и расширения производства. До реформы предприятие после внесения подоходного налога (в размере 55 % прибыли) 20 % прибыли расходовало на жилищное строительство. Остаток прибыли распределялся между различными подразделениями предприятия. После проведения реформы перед уплатой налогов предприятие в первую очередь должно вернуть ссуду, затем выплатить 55 % подоходного налога от плановой прибыли и половину ставки подоходного налога от сверхплановой прибыли. 1 % реализованной прибыли предприятия может быть выделен на освоение новых видов продукции. После одобрения новой технологии и новых товаров местным комитетом по науке предприятие на 1—2 года освобождается от уплаты налога. Все доходы от производства новых видов товаров идут в фонд развития производства.

После выплаты налогов остаток прибыли предприятия распределяется на развитие производства (25 %), пополнение оборотных фондов (25), социальное страхование (38) и на так называемые трудовые дивиденды (12 %). При этом все расходы по социальному страхованию производятся за счет предприятия. Единственный источник фонда социального страхования — прибыль предприятия.

С 1983 г. завод получил право объявлять конкурс на приобретение необходимого оборудования. Предприятия тяжелой промышленности выставляют свою продукцию, и администрация завода тщательно выбирает образец и подписывает контракт с тем предприятием, чья продукция признана лучшей. Предприятия ежегодно устраивают выставки-ярмарки своей продукции. В 1984 г. ярмарки устраивались в 17 провинциях КНР, в которых приняли участие более 170 представителей. В результате были получены заявки на производство более 600 тыс. стиральных машин, но на 1985 г. были заключены контракты лишь на 310 тыс. стиральных машин.

Оптовая реализация произведенной продукции осуществляется торговым управлением. Предприятие имеет право самостоятельно устанавливать цены на свою продукцию, но они должны быть утверждены управлением цен. С целью обеспечения выполнения плана по прибыли средние цены на продукцию в период обращения товара не могут быть ниже отпускных цен предприятия.

В ходе реформы предприятия получили возможность реализовывать продукцию на экспорт. Реализация продукции ведется через государственную экспортно-импортную компанию. На часть получаемой прибыли в валюте завод может закупать оборудование за рубежом.

С 1984 г. на предприятии стала активно внедряться внутризаводская

система производственной ответственности, которая обеспечивает не только ответственность предприятия перед торговыми организациями за выполнение договора по поставкам, но и ответственность на различных уровнях управления внутри самого предприятия.

На предприятии занято 1159 рабочих и служащих. Кроме них, имеется 40 человек «временных» рабочих. В дальнейшем на предприятии планируется нанимать рабочих только по контрактам, и с каждым годом доля «постоянных» рабочих будет падать. До реформы рабочих на завод распределяло управление труда и кадров. В настоящее время наем производится также по направлению управления труда и кадров, однако рабочие должны сдавать экзамены и проходить медицинский осмотр.

Предприятие уделяет большое внимание подготовке кадров. При нем имеется свое училище, которое в год выпускает в среднем одну группу — 40—50 человек. Также имеется группа повышения уровня образования, которая занимается 3 месяца с отрывом от производства (в группе — 50 человек). Используются такие формы подготовки, как отправка на учебу кадровых работников, рабочих и служащих в телеуниверситет или на вечернее обучение. В настоящее время на учебе находятся 30 человек.

После реформы предприятие получило право самостоятельно увольнять рабочих. За последний год с завода было уволено несколько человек за нарушение трудовой дисциплины, неподчинение руководству, прогулы, уголовные преступления.

В ходе реформы произошли определенные изменения в системе заработной платы на предприятии: в настоящее время основная зарплата, выступающая в форме повременной, составляет 70 % всей заработной платы рабочего, 30 % — «плавающая» зарплата и премии на сдельной основе. На данном предприятии месячный фонд заработной платы распределяется по цехам в зависимости от объема выпущенной продукции. Фонд заработной платы по цехам — «плавающий». За каждую стиральную машину при ежемесячном выпуске 18—20 тыс. единиц выплачивается 5,5 юаня, при выпуске 20—22 тыс. — 5,4, 22—24 тыс. — 5,2 юаня. Заработная плата административно-управленческого персонала также «плавающая» и поставлена в зависимость от выполнения договорных обязательств. При оплате труда ИТР используются надбавки за должность, например на уровне дирекции — 35 юаней, бригадирам — 12, начальникам цехов — 25 юаней и т. д. Во вспомогательных цехах — сверлильном, полировальном — применяется сдельная оплата труда.

Ежегодно 25 % фонда «плавающей» заработной платы расходуется на изменение тарифных ставок. Причем эти средства поступают из прибыли завода и не входят в себестоимость продукции. Кроме того, на повышение тарифных ставок расходуется 5 % общего фонда заработной платы предприятия, которые входят в себестоимость продукции. Рабочие, которые хотят повысить свою тарифную ставку, за год должны внести большой вклад в работу предприятия (нужно быть рационализатором и изобретателем, применять передовые методы труда). Ежегодно на предприятии выдвигается 10 передовых рабочих, 10 лучших кадровых работников и ИТР. Все кандидатуры утверждаются на заседании президиума собрания представителей рабочих и служащих. В настоящее время основная заработная плата на данном предприятии составляет в среднем 51,3 юаня в месяц, а общая заработная плата — 86 юаней в месяц с премиями и всеми прочими видами надбавок. В 1985 г. при условии выполнения производственного плана общая заработная плата рабочих должна была увеличиться в среднем до 130 юаней в месяц.

На предприятии действует система ученичества (срок обучения 2—3 года). Зарплата учеников в течение первого года ученичества составляет 29 юаней.

второго года — 38 юаней. Для того чтобы перейти из учеников в рабочие, необходимо сдать экзамен. В случае несдачи экзамена срок обучения продлевается на год, в случае повторной несдачи экзамена ученик увольняется с предприятия.

Высшим органом управления предприятием является собрание представителей рабочих и служащих. Оно собирается 2 раза в год. На нем обсуждаются и решаются производственные вопросы и по конкурсу избирается директор сроком на 3 года. Директор самостоятельно решает вопросы расстановки кадров на предприятии. Все основные вопросы управления предприятием проходят через СПРС, которое утверждает годовые и перспективные планы. Административные и структурные изменения также проводятся через это собрание.

Профсоюз на предприятии является рабочим органом СПРС. Между конференциями СПРС он ведет текущую работу, которая направлена на повышение общеобразовательного и профессионального уровня рабочих и служащих, развертывание социалистического соревнования, культурно-массовую работу, внедрение изобретений и рациональных предложений и т. д. На этом предприятии не все рабочие и служащие являются членами профсоюза (из 1162—1009 человек). Только «временные» рабочие не могут быть членами профсоюза.

На предприятии постоянно действует комитет по управлению производством. В него входят директор, секретарь парткома, секретарь комитета КСМК, профсоюзный руководитель, ведущие специалисты завода (главный технолог, главный инженер, главный бухгалтер) и передовые рабочие. Председателем комитета является директор завода. Задача комитета — обобщать и анализировать вопросы развития производства, помогать низовым структурным подразделениям решать текущие задачи.

Программа пребывания в Ухани завершилась посещением квартала Ханьчжэнцзе, где в основном расположены различные предприятия индивидуального сектора. В 1979 г. в городе насчитывалось около 100 предприятий, в 1984 г. — уже 1024 предприятия индивидуального сектора, на которых занято 2024 человека; мужчины составляют 60, женщины — 40%. Из них 40% составляла молодежь, ожидающая распределения на работу. Часть индивидуальных предпринимателей имеют среднее или неполное среднее образование (9—12 классов средней школы) — 40% и начальное образование — 40%.

Значительная часть индивидуальных предпринимателей занята в торговле (46%) и питании (20%). В промышленности занято 11,3% кустарей, в сфере услуг и ремонта — по 10, транспорте — 3, прочих отраслях — 0,7%.

В этом квартале 20% кустарей-единоличников нанимают рабочую силу (учеников, помощников) в основном на сезон (три-четыре месяца). Это, как правило, выходцы из деревни, ушедшие на пенсию рабочие и служащие и безработные. Наемные рабочие в среднем получают 80—100 юаней в месяц, что часто превышает заработную плату рабочих государственных и коллективных предприятий.

В последние годы квартал Ханьчжэнцзе развивался довольно быстро. В 1984 г. основные и оборотные фонды всех индивидуальных предприятий квартала составляли 10 млн. юаней. Особенно быстрыми темпами шел рост товарного обращения. Если в 1982 г. товарооборот в Ханьчжэнцзе составил 16,5 млн. юаней, то в 1983 г. — уже 32,75 млн., в 1984 г. — 73,5 млн. юаней. Сравнительно быстро в квартале развивалась промышленность. В 1984 г. в кустарной промышленности квартала было занято 228 человек на 130 предприятиях. Основные и оборотные фонды всех промышленных предприятий квартала составили 390 тыс. юаней, или в среднем 1710 юаней на 1 человека. Основные отрасли промышленности — швейная и текстильная.

В квартале Ханьчжэнцзе была предоставлена возможность посетить мастер-

скую по изготовлению воротников для свитеров. В этой мастерской работают 10 человек: пятеро — члены семьи и еще пять работают по найму. Работающие по найму — все из деревни, заняты на производстве в течение трех месяцев, когда свободны от сельскохозяйственных работ. Их ежемесячный доход составляет около 300 юаней. Основной и оборотный фонды мастерской составляют 10 тыс. юаней. Основные фонды были оценены главой семьи примерно в 3—4 тыс. юаней. Ежедневная производительность труда на установленных в мастерской 4 ткацких станках — около 400 воротников на каждом станке. Каждый воротник реализуется по цене 0,5 юаня за штуку. Таким образом, ежедневная производительность труда — 200 юаней на человека. Закупка сырья идет на предприятиях города. Реализацией продукции занимается вся семья 9 месяцев в году, после того как наемная рабочая сила уходит в деревню на сельскохозяйственные работы.

Чтобы стать индивидуальным предпринимателем, надо написать заявление по месту жительства в квартальный комитет. Комитет передает это заявление в городское управление на утверждение. Для получения лицензии на самостоятельное ведение дела необходимо три условия: прописка в данном квартале, отсутствие постоянного занятия, способность к ведению дела.

С 1979 по 1981 г. индивидуальные предприниматели не выплачивали налогов. Каждое предприятие вносило ежемесячно по 3 июня — расходы на управление. С 1982 г. выплачивалось три вида налогов: налог на ведение хозяйства — 3 % выручки от реализованной продукции, подоходный налог — 0,5 и управленческие расходы — 1 %. В результате в среднем доход в индивидуальном секторе составлял в 1984 г. 300 юаней в месяц. Один из наиболее удачливых предпринимателей квартала — Цзо Фэн, 66 лет, руководитель ассоциации кустарей-единоличников Ханьчжэнцзе. До 1979 г. он влачил жалкое существование, его хозяйство называлось «трудным двором». В 1979 г. он начал вести дело, имея 400 юаней. Цзо Фэн продает мелкие товары: чулки, лески, крючки. В 1984 г. его капитал составил 13 тыс. юаней, месячный доход — 300—400 юаней. Всего в семье 10 человек, 6 человек заняты на производстве, один — пенсионер, остальные дети. Семья имеет телевизор, стиральную машину, велосипед, мотоцикл, швейную машину, у всех наручные часы. Доход остальных членов семьи, работающих в государственном и коллективном секторе, — 70 юаней в месяц. Семья выделяет государству деньги по различным займам. В 1982—1984 гг. Цзо Фэн приобрел облигаций государственных займов на сумму 1500 юаней, выделил средства на ирригационные работы на реке Хуансяохэ (Ухань) — 400 юаней и в фонд помощи детям — 200 юаней.

Развитие индивидуального сектора в Ханьчжэнцзе привело к тому, что в 1983 г. был создан кредитный кооператив, первый в КНР такого рода, который фактически является коллективной организацией индивидуальных предпринимателей. Существует акционерный совет кооператива, членами которого являются кустари-единоличники. В аппарате кооператива занято 11 человек, из них 9 человек — ушедшие на пенсию служащие, 2 — ожидающие работу. В настоящее время в обороте находится 260 тыс. юаней свободного капитала, привлеченных вкладов — 1,3 млн. выделенных средств на займы — 1,4 млн. юаней. За 3,5 месяца чистый доход составил 9 тыс. юаней при ренте за вклад 0,8 % и плате за кредит — 0,9 %. Кооператив осуществляет следующие операции: принимает вклады, предоставляет кредит, переводит вклады, принимает срочные вклады, ведет страховые дела, открывает счета, занимается поручительством, выдает векселя под кредит, предоставляет займы отдельным лицам в сумме не менее 3 тыс. юаней. В 1984 г. величина займов в среднем составляла 10 тыс. юаней. Занятые в кредитном кооперативе служащие получают зарплату — 50 юаней в месяц, премии — около 10 юаней в месяц, в течение испытательного срока зарплата составляет 30 юаней.

Все работающие в кредитном кооперативе имеют свой пай в банке и получают дивиденды, состоящие из двух частей: по внесенному в банк паю 25 % чистого дохода идет на дивиденды, согласно трудовому вкладу — 5 % чистого дохода. Кроме того, 50 % дохода идет на пополнение основного капитала, 20 % — в общественный фонд. В настоящее время 165 семей индивидуальных предпринимателей вносят в банк средства для обеспечения себя в старости.

* * *

По итогам посещения города Ухани можно сделать следующие выводы. В целом, как представляется, государственный сектор по-прежнему определяет направления и характер экономического развития КНР. Изменения, происходившие в Ухани в ходе хозяйственной реформы, незначительно затронули предприятия государственного сектора в сфере как производства, так и управления. Принятые в 1981—1983 гг. 4 временных постановления Госсовета КНР о собрании представителей рабочих и служащих, работе директора, партийных организаций всех ступеней, о государственном промышленном предприятии весьма слабо используются в повседневной производственной деятельности государственных предприятий. По-прежнему для государственных предприятий сохраняется большое количество плановых показателей, включая такие важнейшие, как общая численность занятых, план по ассортименту и общий фонд заработной платы.

Довольно активно развивается индивидуальный сектор в городах. Происходит быстрый рост промышленного производства и товарооборота в индивидуальном секторе. В крупнейшем торговом квартале Ханьчжэнцзе оживление индивидуального сектора привело к созданию первого в Китае частного кредитного кооператива, который обеспечивает индивидуальных предпринимателей займами и кредитами. Происходит рост доходов индивидуальных предпринимателей, которые заметно выше, чем у рабочих и служащих государственных и коллективных предприятий. Вместе с тем индивидуальный сектор города в настоящее время недостаточно силен экономически, чтобы представлять угрозу подрыва социалистического базиса в КНР. Во-первых, производительность труда на этих предприятиях чрезвычайно низка, а доля индивидуального сектора в валовой продукции промышленности и розничном товарообороте слишком мала. Во-вторых, их деятельность проходит под постоянным контролем торгово-промышленного административного управления, которое с помощью цен и налогов всегда может оказать на них давление.

По-видимому, наибольшее внимание следует уделить предприятиям коллективного сектора. В настоящее время предприятия коллективного сектора чрезвычайно разнородны — от объединений мелких индивидуальных предпринимателей до крупных предприятий, которые, по характеру производства мало чем отличаются от государственных предприятий. Вместе с тем все мероприятия хозяйственной реформы наиболее успешно осуществляются на коллективных предприятиях. Сюда относятся так называемое направляющее (индикативное) планирование, «плавающие» и комиссионные цены, система ответственности за прибыли и убытки, «плавающий» фонд заработной платы, система паевых взносов в производственные фонды предприятия и выплата дивидендов в конце года в зависимости от пая.

Таким образом, экономическая реформа наиболее активно развивалась в коллективном и индивидуальном секторах, что в перспективе может оказать заметное влияние на планирование экономических процессов в ходе посте-

пенного исключения коллективных предприятий из сферы государственного планирования. Однако, по всей вероятности, этот процесс будет длительным и сложным, порой противоречивым и может растянуться на многие годы.

---

¹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзинь — 1984. Пекин, 1984, с. III—69.

² См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 24.XII.1984.

³ О формах коллективных предприятий подробнее см.: «Жэньминь жибао», 18.I.1985, (Жунь Вэньцзо. Развивать многообразные формы экономики и методы управления производством), «Цзинцзи жибао», 29.XI.1984 (Чжэи Шимэи, Чжэу Сялинь. Поговорим о реформе на предприятиях).

Г. Д. ТОЛОРЯ,
кандидат экономических наук

Вот уже 40 лет по вине американского империализма Корея остается расчлененной. Раскол единой страны, единой нации имел тяжелые последствия и для хозяйственной жизни: разрубленным надвое оказался цельный экономический организм. Последствия прекращения экономических связей между двумя частями небольшой страны были особенно ощутимы в связи с тем, что до освобождения для Кореи было характерно четкое территориальное разделение труда: на Севере относительное развитие получили горнодобывающая, металлургическая промышленность (продукция которых в колониальные времена в основном вывозилась в Японию), на Юге — сельское хозяйство, легкая промышленность.

Вследствие диаметральной противоположности общественно-экономического строя Север и Юг Кореи избрали принципиально различные пути экономического строительства и преодоления колониальной отсталости и последствий раскола. Корейская Народно-Демократическая Республика на основе мобилизации собственных сил и при содействии стран социализма сконцентрировала внимание на возможно более полной утилизации имеющихся в стране ресурсов, «достройке» народнохозяйственного комплекса за счет организации отсутствовавших в стране отраслей и производств с целью повышения самообеспечиваемости национального хозяйства. Южная Корея положила на массированные инъекции иностранного капитала для создания экспорт-ориентированной экономики, функционирующей преимущественно на основе импорта сырья. Этот путь означал углубление зависимости от мирового капиталистического хозяйства.

Сегодня на Корейском полуострове сложились две различные по характеру и структуре экономические модели, которые именно в силу своего различия в определенном смысле могут быть названы взаимодополняющими. Налаживание экономического сотрудничества между Севером и Югом Кореи, безусловно, имело бы в первую очередь большой политический эффект, приблизив реализацию заветной мечты корейского народа — объединения страны. Однако, и это является особенностью экономических отношений, обе стороны даже в условиях сохранения политического статус-кво объективно заинтересованы во взаимодействии хозяйств.

Как подчеркивается ТПК и правительством КНДР, для республики на нынешнем этапе особую актуальность приобретают расширение и углубление внешнеэкономического сотрудничества¹. Это касается и отношений с мировым капиталистическим хозяйством. Однако торгово-экономические отношения КНДР с капиталистическими странами осложнены проведением правящими кругами многих из них открыто дискриминационной по отношению к республике политики. Не последнюю роль в этом

играет противодействие Сеула, стремящегося изолировать своих западных союзников от КНДР. В свете этого успех экономических контактов с Югом в какой-то мере мог бы облегчить доступ КНДР на рынки западных стран, не исключая, возможно, и США. Одновременно для КНДР отпала бы необходимость прибегать к посредничеству таких международных торговых центров, как Гонконг и Сингапур, при закупке товаров на капиталистическом рынке, что заметно удорожает импорт. Надежным каналом связи с капиталистическим рынком с точки зрения расширения и переориентации с отдаленных рынков как сбыта, так и закупок, могла бы для КНДР стать Южная Корея, довольно глубоко интегрированная в мировое капиталистическое хозяйство.

Обе стороны выиграли хотя бы от частичного восстановления прежнего внутрикорейского разделения труда. КНДР богата сырьевыми ресурсами, причем минеральное сырье и продукты его переработки (включая черные и цветные металлы, огнеупоры, стройматериалы) в начале 80-х годов составили свыше 60 % стоимости экспорта республики¹. В то же время Южная Корея, почти лишенная отечественного сырья, вынуждена тратить огромные суммы (в 1985 г. — 17,4 млрд. долл.) на ввоз сырья и топлива, на которые в 1985 г. пришлось 56,1 % стоимости импорта¹. Вместе с тем КНДР закупает на мировом рынке, в том числе в капиталистических странах, ряд товаров производственного назначения, которые вывозит Южная Корея (черные металлы, синтетический каучук, химикаты и др.). При этом для Южной Кореи в последние годы все более обостряется проблема сбыта, главным образом в связи с ростом протекционизма в западных странах — ее основных партнерах, а также из-за падения конкурентоспособности ее экспортной продукции вследствие ценового фактора².

Важное значение имело бы объединение сил в освоении природных ресурсов Кореи, что, как считают в КНДР, могло бы стать предпосылкой для продвижения к экономическому единству страны. Как подчеркивает орган ЦК ТПК журнал «Кыллоджа», «даже в условиях, когда не достигнуто единство страны, если Север и Юг будут налаживать сотрудничество и обмен в экономической области и сплоченными силами обеспечивать развитие в едином порядке национальной экономики, будет достигнуто более быстрое, чем сегодня, развитие экономики и Севера, и Юга»³.

Исходя из этих соображений КНДР в течение всего послевоенного периода неоднократно выступала с инициативами, касающимися налаживания экономических контактов Севера и Юга⁴. Налаживание экономического сотрудничества и обмена предусматривает, в частности, политическая программа деятельности объединенного корейского государства Конфедеративной Демократической Республики Корё, выдвинутая VI съездом Трудовой партии Кореи в 1980 г.⁵ Под давлением общественного мнения южнокорейские власти также были вынуждены проявлять активность в этом направлении (так, ряд вопросов экономического сотрудничества включен в южнокорейские предложения от 22 января 1982 г.). Однако многие годы напряженная обстановка конфронтации на Корейском полуострове препятствовала обсуждению вопросов экономического сотрудничества. Благоприятную атмосферу для диалога создал жест доброй воли КНДР, оказавшей материальную помощь жертвам наводнения в Южной Корее осенью 1984 г.⁶ Этот шаг вызвал широкий положительный резонанс и создал такую обстановку, когда КНДР сочла возможным начать экономические переговоры между Севером и Югом, что было подтверждено в письме заместителя премьера Административного совета КНДР Ким Хвана заместителю

премьер-министра Южной Кореи Син Бён Хюну¹⁰. В тот же период были начаты переговоры по линии Красного Креста, спортивной линии, подготовка к парламентским переговорам между КНДР и Южной Кореей.

Экономические переговоры начались 15 ноября 1984 г. в местечке Пханмунджом на военно-демаркационной линии (где в 1953 г. было подписано перемирие) в зале заседаний комиссии нейтральных стран по наблюдению за перемирием в Корее. В 10 часов утра в этот военного типа барак вошли делегации Севера и Юга, каждая из семи человек. Делегацию КНДР на всех раундах переговоров возглавлял заместитель министра внешней торговли КНДР Ли Сен Рок, делегацию Южной Кореи — генеральный секретарь совета по международной экономической политике Управления экономического планирования Южной Кореи Ким Ги Хван. Основная задача переговоров, как она сформулирована в заявлениях сторон, — налаживание экономического сотрудничества и обмена между Севером и Югом Кореи.

Такое сотрудничество, по мнению представителей Севера и Юга, должно развиваться по двум основным направлениям — товарообмен и экономическая кооперация. Вместе с тем стороны разошлись в оценке того, какая из этих форм должна быть выдвинута на первый план. КНДР считала, что экономическая кооперация, как более развитая форма сотрудничества, важнее в качестве предпосылки для «координации развития национальной экономики и достижения совместного процветания»¹¹. В качестве проектов, приемлемых для обеих сторон в области экономической кооперации, на переговорах фигурировали совместная разработка минеральных ресурсов (в том числе месторождений угля в КНДР и нерудных ископаемых на Юге), создание зоны совместного рыболовства. Стороны обменялись также предложениями о взаимных поставках товаров, которые частично совпадают. Так, в процессе обсуждения выяснилось, что КНДР могла бы поставлять антрацит, железную руду, магнетитовый клинкер, рыбу, кукурузу, а Южная Корея — соль, морепродукты (включая рыбу местных пород и нерыбное сырье), черные металлы, текстиль, мандарины¹². Для осуществления коммерческих операций признано необходимым восстановить железнодорожное, автомобильное и морское сообщение между Севером и Югом. По предложению КНДР с этой целью можно было бы использовать железнодорожную линию Синьчжу-Сеул (ныне не функционирующую), автодорогу Кэсон-Мунсан, порты Нампхо и Вонсан на Севере и Инчхон и Пхохан на Юге (некоторые из этих транспортных каналов были опробованы во время передачи материальной помощи КНДР южнокорейским жертвам наводнения).

Налаживание и развитие сотрудничества в первую очередь требует создания надежного механизма согласования и решения встающих в его ходе вопросов и урегулирования спорных проблем. Исходя из этого, на втором раунде переговоров КНДР выступила с развернутой инициативой создания Совместного комитета Севера и Юга по экономическому сотрудничеству, возглавляемого сопредседателями на уровне заместителей глав правительств. Южнокорейская сторона в принципе не возражала против этого, хотя между сторонами сохраняются расхождения по второстепенным организационным вопросам. Предложения КНДР предусматривают, чтобы в Комитет входило, помимо сопредседателей и их заместителей, по семь членов в ранге министра или заместителя министра с каждой стороны (предложение Юга — по пять членов). По мнению КНДР, они должны возглавить отраслевые подкомитеты (из пяти членов

с каждой стороны): по освоению природных ресурсов, промышленности и технике, сельскому хозяйству, рыбной промышленности, товарообороту, транспорту и связи, финансовым вопросам. Южнокорейская сторона предлагает создание только двух постоянных подкомитетов по торговле и экономической кооперации и создание временных и «малых» подкомитетов по мере надобности. Совместный комитет будет располагать совместным секретариатом — фактически рабочим органом Комитета, обеспечивающим связь и взаимодействие сторон.

В функции Совместного комитета входят обсуждение и принятие согласованных решений по ключевым вопросам экономического сотрудничества и обеспечение их реализации, в том числе и через деятельность подкомитетов. Работа этого органа, как подчеркивает КНДР, должна базироваться на трех принципах объединения страны, согласованных в результате диалога Севера и Юга в начале 70-х годов — самостоятельности, мирном характере объединения и великой национальной консолидации, уважении воли другой стороны, недопущении неравноправия в экономических отношениях. На переговорах стороны обменялись также мнениями о порядке созыва и работы Совместного комитета, периодичности заседаний и местах их проведения (попеременно в двух частях страны), некоторым процедурным вопросам¹³.

Переговоры показали, что представители Севера и Юга видят свою задачу в том, чтобы заложить прочную основу сотрудничества в будущем. С этой целью стало бы естественным заключение всеобъемлющего соглашения об организации торгово-экономического сотрудничества, в которое в качестве органической части входили бы основные положения, регулирующие деятельность Совместного комитета. На третьем и четвертом раундах стороны обменялись детальными проектами таких соглашений, согласование которых стало наиболее существенным содержанием переговоров.

В проекте КНДР, состоящем из четырех глав и 32 статей, помимо рассмотрения порядка работы Совместного комитета (о чем речь шла выше), подробно определены основные направления, формы и методы организации экономической кооперации и взаимной торговли. К числу вопросов, регламентируемых проектом соглашения, относятся: порядок организации совместных проектов по разработке естественных ресурсов, осуществления капиталовложений, взаимных поставок товаров и расчетов по ним (в клиринговой форме), установления цен (на основе мировых), урегулирования претензий, установления налоговых и других льгот. Отражены также вопросы транспортировки грузов (включая выделение пунктов передачи грузов), взаимных деловых поездок и порядка пребывания граждан одной стороны на территории другой, связи и др.¹⁴.

Южнокорейский проект, включающий 24 статьи, посвящен практически тем же вопросам, что и проект КНДР, хотя последовательность изложения несколько иная. Его особенности связаны с определением более узкого круга участников экономического сотрудничества, порядка расчетов, включением конкретных списков предлагаемых к поставке товаров и областей экономической кооперации¹⁵. Важной особенностью позиции КНДР, не разделяемой южнокорейским партнером, является четкая фиксация трех основополагающих принципов, которые необходимо соблюдать при осуществлении взаимной торговли и экономического сотрудничества: уважение вышеупомянутых трех принципов объединения страны, взаимное доверие, направленность экономического сотрудничества на упрочение самостоятельной основы национальной экономики и достижение общего процветания нации. КНДР также считает, что, поскольку речь идет о восстановлении

экономического обмена между частями единой нации, соглашение должно заключаться не от имени правительств КНДР и Южной Кореи, а делегаций Севера и Юга на переговорах. Иная позиция, подчеркивает КНДР, означала бы закрепление искусственного раскола страны.

Ход переговоров, характер обсуждения показывают, что вопрос экономического сотрудничества Севера и Юга имеет отнюдь не отвлеченное значение. Оценивая работу, уже проделанную в период проведения переговоров, можно сказать, что благодаря им достаточно отчетливо вырисовываются контуры возможного сотрудничества. Даже в случае реализации лишь части предложений, такое сотрудничество могло бы быть весьма масштабным (так, взаимные поставки товаров могут исчисляться десятками миллионов швейцарских франков). Заметным подспорьем экономическому развитию и Севера, и Юга могло бы стать технико-экономическое сотрудничество в разработке минеральных ресурсов, обмен технологией, аналогичные тому, которые и КНДР, и Южная Корея осуществляют со своими зарубежными партнерами. Напомним, что такое сотрудничество сыграло решающую роль в создании производственной базы на Юге, где за счет иностранных капиталовложений создано более $\frac{4}{5}$ всех основных производственных фондов¹⁶. Не пренебрегает внешним фактором экономического развития и КНДР, где только при советском экономическом и техническом содействии построено, восстановлено и реконструировано 64 народнохозяйственных объекта, продолжается сооружение восьми и запланировано сооружение еще четырех¹⁷.

Если бы можно было абстрагироваться от политической ситуации на Корейском полуострове, экономические переговоры между Севером и Югом правомерно было бы считать вступившими в завершающую фазу. Однако сложность состоит именно в том, что за спиной южнокорейских властей стоят США, для которых создание перманентной напряженности на корейской земле служит предлогом сохранения своего военного присутствия. Замыслам Вашингтона отнюдь не соответствует нормализация обстановки, которая явилась бы неизбежным следствием восстановления экономического обмена между Севером и Югом Кореи. Ведь это в значительной мере развеяло бы пропагандистские мифы об «угрозе с Севера», прикрываясь которыми диктатура Чон Ду Хвана подавляет демократическое движение в Южной Корее, нанесло бы чувствительный удар планам сколачивания милитаристского альянса Вашингтон—Токио—Сеул. Именно поэтому империалистические происки уже не раз ставили переговоры на грань срыва. Более чем на полгода были прерваны контакты в 1985 г. из-за совместных американо-южнокорейских маневров «Тим спирит-85». Учитывая этот печальный опыт, стремясь к развитию диалога, и не только по экономической линии, КНДР в начале 1986 г. выступила с предложением не проводить на Корейском полуострове и вокруг него крупных военных учений и прекратить всякие маневры в период проведения диалога, справедливо предупреждая, что несоблюдение этого Вашингтоном и Сеулом создало бы неблагоприятную для переговоров атмосферу. Несмотря на это, с середины февраля 1986 г. на Юге развернулись крупномасштабные совместные американо-южнокорейские маневры «Тим спирит-86». Как заявил глава делегации КНДР на экономических переговорах Ли Сен Рок, это «нельзя расценить иначе, как отсутствие намерения вести диалог»¹⁸. Естественно, что вести речь о сотрудничестве, когда говорят пушки, бессмысленно: очередной раунд переговоров был перенесен. В мире с пониманием было встречено справедливое решение КНДР о приостановлении всех форм диалога с Юж-

ной Кореей на время проведения враждебных маневров. В Заявлении ТАСС по этому поводу указано: «В СССР надеются, что Соединенные Штаты Америки и их партнеры сумеют реально оценить серьезные последствия дальнейшего нагнетания атмосферы военного психоза на юге Корейского полуострова, прислушаются к голосу миролюбивых сил и откажутся от попыток шантажировать кого бы то ни было демонстрацией военной мощи»¹⁹. Это создало бы благоприятную обстановку для успешного развития диалога, в том числе и по экономическим вопросам, и открыло бы дорогу к мирному сотрудничеству в Корее.

¹ См.: «Нодон синмун», 26.I.1984; 27.X, 12.XII.1985; 26.II.1986.

² См.: «Внешняя торговля КНДР», 1985, № 10, с. 5.

³ См.: Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1985, с. 144.

⁴ In: "Korea Herald", 4.II.1986.

⁵ Ibid., 11.I, 13.VI.1985; "Far Eastern Economic Review", February 13, 1986, vol. 131, N 7, p. 76—77.

⁶ См.: «Кыллоджа», 1985, № 5, с. 87.

⁷ См., например: Предложения КНДР по объединению страны. Пхеньян, 1982; «Нодон синмун», 17.XI.1963 и др.

⁸ См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК VI съезду партии. Пхеньян, 1980, с. 88—89.

⁹ 8 сентября 1984 г. КНДР предложила, а в конце сентября осуществила поставку 50 тыс. сок (около 7,2 тыс. т) риса, 500 тыс. м тканей, 100 тыс. т цемента и медикаментов для пострадавших. — «Нодон синмун», 1.X.1984; "Far Eastern Economic Review", October 11, 1984, vol. 125, N 41, p. 18.

¹⁰ In: "Korea Herald", 18.X.1984.

¹¹ «Нодон синмун», 18.V.1985.

¹² Южнокорейская сторона пыталась еще до завершения переговоров осуществить «показательную» торговую операцию по закупке в КНДР 300 тыс. т антрацита, однако КНДР резонно указывает на первоочередное значение не акций рекламного характера, а достижения договоренностей по принципиальным вопросам создания основ сотрудничества, что откроет дорогу и собственно торговым операциям. — «Нодон синмун», 21.XI.1985.

¹³ См.: Информационный бюллетень ЦТАК, 18.V.1985; «Правда», 18.V.1985; «Нихон кэйдай», 20.VI.1985; "Korea Herald", 21.VI.1985.

¹⁴ См.: «Нодон синмун», 19.IX.1985.

¹⁵ См. там же, 21.XI.1985; "Korea Herald", 21.XI.1985.

¹⁶ См.: Корейская Народно-Демократическая Республика, с. 246.

¹⁷ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 3, с. 56; «Экономическая газета», 1986, № 8, с. 21.

¹⁸ «Нодон синмун», 3.I.1986.

¹⁹ «Правда», 9.II.1986.

Наследственное право в КНР

*Е. Г. ПАЩЕНКО,
кандидат исторических наук*

Принятый III сессией ВСНП шестого созыва и вступивший в силу с 1 октября 1985 г. Закон КНР о наследовании¹ стал первым нормативным актом в области китайского наследственного права.

С точки зрения формирования китайского гражданского права, играющего важную роль в регулировании имущественных отношений в обществе, данный закон может рассматриваться в качестве очередного «блока» гражданского законодательства, разработка норм которого до сих пор велась путем принятия отдельных законов, отражающих нормы гражданских правоотношений².

Впервые право наследования в КНР было юридически закреплено в результате принятия первого Закона КНР о браке (апрель 1950 г.), ст. 12 которого устанавливала право мужа и жены на «взаимное наследование имущества», а ст. 14 признавала право наследования и в отношениях между родителями и детьми. При этом не делалось различия между детьми, рожденными в браке, и внебрачными (ст. 15)³.

Конституционное закрепление наследственного право получило в первой китайской Конституции 1954 г., ст. 12 которой устанавливала, что «государство, согласно закону, охраняет право граждан на наследование личной и частной собственности»⁴. Последующие Конституции КНР 1975 и 1978 гг. не содержали упоминания о наследственном праве. Вновь право граждан на наследование имущества получило подтверждение в Конституции КНР 1982 г., а отдельные нормы, относящиеся к институту наследования, были зафиксированы до ее принятия в новом Законе КНР о браке (сентябрь 1980 г.) и Временном положении КНР о нотариате (апрель 1982 г.).

Так, новый Закон о браке, развивая положения предыдущего Закона о браке, устанавливал совместную собственность супругов на имущество, нажитое за период пребывания в брачных отношениях (ст. 13). Положение о нотариате к числу действий, совершаемых нотариальными конторами, относило удостоверение завещаний в числе прочих сделок, прием завещаний на хранение, выдачу свидетельств о праве на наследство (ст. 4). Одновременно устанавливался порядок совершения завещания непосредственно самим завещателем (ст. 16)⁵.

Появление в КНР нормативной базы наследственного права в форме законодательного акта (до этого вопросы наследования решались судебной практикой⁶) связано с переменами в общественно-экономической жизни китайского общества, когда институт наследования стал гораздо активнее воздействовать на производственные отношения. Основной причиной этих широких изменений выступает нынешний курс китайского руководства на модернизацию страны, в соответствии с которым проводится политика использования частной инициативы, повышения производительности труда на основе резкого увеличения роли материальных стимулов. Введение подрядных отношений (индивидуальный, семейный, коллективный подряд) в сфере сель-

скохозяйственного и промышленного производства⁷, передача государственной и коллективной собственности (мелких предприятий, земли, орудий труда) в пользование граждан на основе подряда (аренды), значительное расширение мелкого частного предпринимательства, диверсификация видов и форм собственности в условиях многоукладности экономики ведут к увеличению доходов населения, росту имущественной массы (включая орудия труда и средства производства). Вопросы наследования приобретают гораздо большую, чем прежде, важность и в связи с ростом имущественной дифференциации населения, а также в связи с политикой «открытых дверей», привлекающей в китайскую экономику иностранную собственность в форме денежного и овеществленного капитала.

Связь права наследования не только с производственными, но и другими общественными отношениями, в том числе с брачно-семейными, дает китайскому государству посредством закона содействовать укреплению семьи, ее стабильности, искоренению пережитков в этой области, в частности еще нередко встречающихся нарушений принципа равноправия полов. Определенную роль закон призван сыграть и в деле поддержания морали, содействовать решению вопросов материального обеспечения малолетних и престарелых.

Однако особую роль китайский Закон о наследовании приобретает в силу неразрывной связи между правовыми институтами наследования и собственности граждан. Отражая эту связь, действующая Конституция КНР гласит: «Государство охраняет право собственности граждан на законные доходы, сбережения, жилище и другое законное имущество. Государство, согласно закону, охраняет право граждан на наследование частного имущества» (ст. 13)⁸. Таким образом, институт наследования обоснованно трактуется как часть более широкого вопроса о праве собственности граждан.

Китайская национальная система собственности в целом принадлежит к одному типу — социалистической системе собственности, так как построена на принципах, отрицающих эксплуатацию человека человеком, когда основные средства производства находятся в собственности государства и трудовых коллективов. Конституция КНР содержит положение о том, что социалистическая общественная собственность «ликвидирует систему эксплуатации человека человеком, осуществляет принцип "от каждого — по способностям, каждому — по труду"» (ст. 6)⁹.

Первая китайская Конституция, отражая этап развития государства, на котором закладывались основы социализма, выделяла, как отмечалось, два вида собственности граждан — личную и частную. В последующих Конституциях говорилось вообще о «праве собственности граждан» в контексте обеспечения граждан «средствами жизни», то есть подразумевался преимущественно потребительский характер собственности граждан. Принятая же в период, когда экономический строй КНР гораздо ярче, чем в 60—70-е годы, стал характеризоваться многоукладностью, когда в содержание правоспособности граждан входит и осуществление частнохозяйственной деятельности мелких товаропроизводителей, а также в известных пределах и предпринимательской деятельности, ныне действующая Конституция говорит о «праве собственности граждан на законное имущество», не выделяя личной собственности, и о «праве граждан на наследование частного имущества»¹⁰.

Поскольку конституционно не устанавливаются ни общее определение круга «законного имущества», ни социальное содержание «собственности граждан на законное имущество», фактически в Конституции речь идет о

праве собственности граждан независимо от их классовой принадлежности. Не менее важно и то, что китайское законодательство не устанавливает (во всяком случае, пока) способов приобретения «частного имущества» граждан, как общих для всех существующих в Китае видов и форм собственности, так и специфических для данного вида.

Основываясь на конституционном положении о праве наследования «частного имущества» граждан, Закон о наследовании также ставит своей целью «защиту права граждан на наследование частного имущества» (ст. 1).

Что касается имущества, которое может быть объектом наследования, то, не разделяя имущество наследодателя на трудовую и нетрудовую собственность, закон устанавливает, что «наследство представляет собой личное законное имущество, оставшееся после смерти гражданина, включая: а) доходы; б) дом, сбережения, предметы обихода; в) деревья, скот, домашнюю птицу; г) культурно-исторические ценности, печатные материалы; д) средства производства, находившиеся в законном владении; е) авторские права, вытекающие из патентного права имущественные права; ж) прочее законное имущество гражданина» (ст. 3).

Фактически в Законе о наследовании, как и в Уголовном кодексе КНР¹¹, в целом имеется в виду разнотипная собственность — личная, отношения которой лежат в основе социалистического общественного производства, в котором действует закон распределения по труду, и трудовая частная собственность, составляющая основу мелкотоварного производства, в котором действует закон стоимости и которое не составляет социалистического способа производства.

Исходя из социально-экономических характеристик современного китайского общества, можно считать, что основным объектом наследственного правопреемства выступают индивидуальные формы собственности двух видов — личная собственность трудящихся, носящая потребительский характер, и трудовая (преимущественно мелкая трудовая) частная собственность. При этом в связи с ростом масштабов мелкотоварного производства и торговли в городе и деревне объектом наследования все чаще становится трудовая частная собственность мелких производителей, не использующих наемный труд. Вместе с тем в качестве одной из новых черт китайской действительности выступает предпринимательская деятельность граждан, использующих (в завуалированной форме) наемный труд учеников, помощников, родственников и т. д. Поэтому в ряде случаев возникает возможность приобретения трудовой частной собственностью черт капиталистической, эксплуататорской.

Одновременно в связи с изменением политики китайского руководства в отношении бывшей национальной буржуазии (в основном мелких и средних капиталистов) — возвращением ей банковских вкладов в Китае и за его пределами, конфискованной в период «культурной революции» недвижимости — с целью привлечения ее представителей к экономическому строительству вопросы наследования частной собственности этой категории населения также становятся объектом регулирования закона.

Некоторые характеристики закона достаточно открыто и убедительно подтверждают его предназначение обеспечивать проведение социально-экономической политики, о которой говорилось выше. Так, в законе отсутствует положение о предельном размере имущества, переходящего по наследству. Данное обстоятельство следует расценить как направленное не только на обеспечение благосостояния населения, но и на поощрение предпринимательской деятельности граждан.

Еще одним подтверждением тесной взаимосвязи китайского закона с политикой служит следующее обстоятельство. Закон рассматривает переходящее к наследникам имущество как единое целое, то есть исходит из общего или универсального преемства. В соответствии с этим под наследованием понимается переход к наследникам после смерти наследодателя принадлежавших ему как имущественных прав, так и обязанностей (актив и пассив имущества). Ст. 33 закона предусматривает обязанность наследников погасить долги и налоги, оставшиеся после смерти наследодателя, в пределах действительной стоимости наследства. Но одновременно в качестве возможного объекта преемства закон упоминает о таком обязательстве имущественно-организационного характера, как индивидуальный подряд. «Если закон разрешает наследнику продолжать исполнение подряда, индивидуальный подряд исполняется в соответствии с договором подряда», — гласит ст. 4.

Китайскому закону о наследовании присущ ряд моментов, в которых отражаются специфические черты общественной жизни этого государства, обладающей давними традициями и обычаями. Одновременно в нем нашли отражение и общепринятые моральные нормы. Так, например, в духе уважения старших, заботы о родителях и престарелых выдержаны положения закона, в которых забота о престарелом наследодателе рассматривается в качестве обязанности наследников. Закон говорит об увеличении наследственной доли тех наследников, которые играли главную роль «в выполнении обязанности» по содержанию наследодателя или проживали совместно с ним; и наоборот, доля наследников, которые были в состоянии взять наследодателя на иждивение, но не сделали этого, при разделе наследства не выделяется или сокращается (ст. 13).

Характерные черты закона проявляются и в сочетании норм, общепринятых в наследственных институтах других государств, включая социалистические, с относительно редко встречающимися в наследственном праве. Закон, например, предусматривает возможность наследования по двум основаниям: по закону и по завещанию. В соответствии с этим общим принципом при отсутствии завещания наследование осуществляется по закону, при наличии завещания — по завещанию (ст. 5). Одновременно закон с целью заботы о нетрудоспособных, соблюдения процедуры похорон (последнему в Китае, как известно, испокон веков придавалось большое значение) содержит нестандартную с точки зрения наследственного права норму о так называемом завещательном даре, которая выступает еще одним основанием для распределения имущества наследодателя. Закон предусматривает возможность заключения при жизни наследодателя договора о завещательном даре, в соответствии с которым другое лицо берет на себя обязанность содержать наследодателя, а после его смерти позаботиться о его похоронах (ст. 5, 31). Подобного рода договорные отношения могут устанавливаться и с организацией коллективной собственности. Поскольку с точки зрения гражданского права завещание рассматривается как односторонняя сделка (для совершения которой достаточно действий одной стороны и не требуется встречного волеизъявления другой), норму о завещательном даре следует рассматривать в качестве своего рода двустороннего возмездного договора. Одной из сторон в этом договоре является наследодатель, другой — лицо, получающее право на получение определенного имущества наследодателя после его смерти. В отличие от завещания, вступающего в силу после смерти завещателя, этот договор вступает в силу после его заключения.

Рассмотрение положений Закона о порядке составления и форме заве-

щения, направленных, как и в наследственном праве других государств, на избежание сомнений и неясностей относительно последней воли умершего, также представляет интерес, ибо отражает многие реалии сегодняшней жизни Китая. Исходя из содержания ст. 17 и 20 закона, можно сделать вывод, что допускается составление завещаний в различной форме. На первое место ставится нотариально удостоверенное завещание, которое не могут отменить или изменить завещания, составленные в иной форме. Однако, учитывая, что обращение в нотариальную контору с целью составления завещания для подавляющего большинства граждан затруднено прежде всего крайне малым числом таких контор, существующих, как правило, в крупных городах, закон допускает такую форму, как собственноручное завещание, которое составляется, подписывается и датируется самим завещателем. Принимая во внимание низкий уровень грамотности населения, закон также предусматривает возможность составления завещания в письменной форме, но не самим завещателем, а одним из присутствующих при этом свидетелей; другие свидетели и сам завещатель подписывают завещание. Также в присутствии свидетелей допускается составление завещания в форме звукозаписи, а при чрезвычайных обстоятельствах — и устно. Во всех перечисленных случаях присутствие не менее двух свидетелей является необходимым условием действительности завещания. Поэтому закон предъявляет особые условия к свидетелям, устанавливая, что ими не могут выступать лица недееспособные, ограниченно дееспособные, наследники, одариваемые, а также лица, связанные интересами с наследниками, одариваемыми (ст. 18).

Подобные специфические черты нормативного регулирования института наследования в КНР, связанные с объективными условиями жизни граждан, сочетаются, как отмечалось, с общепринятыми нормами наследственного права. Но и при этом конкретное содержание последних также показывает предназначение закона обеспечивать интересы самодеятельного населения в условиях ныне проводимой социально-экономической политики. Не случайно ст. 29 закона устанавливает, что «раздел наследства (и при наследовании по закону, и при наследовании по завещанию.— Е. П.) должен содействовать производственным и жизненным потребностям, не препятствовать полезному использованию наследства».

Есть все основания полагать, что наследование по закону станет основным видом наследования в КНР в обстановке крайне низкого уровня правосознания населения, острейшей нехватки юристов, в том числе работников системы оказания юридической помощи населению.

При рассмотрении порядка наследования по закону следует иметь в виду, что, устанавливая этот порядок, иначе говоря, определяя круг законных наследников и распределение среди них наследства, законодатель исходит как из желаемого распределения наследственной массы, так и из учета типичного случая взаимоотношений между членами семьи, из представления о наиболее вероятном круге лиц, которых наследодатель призвал бы к наследованию.

Исходя из принципа равенства мужчин и женщин в праве наследования, из моментов близкой родственной связи, супружеской жизни, учитывая возможность воспитания в семье приемных детей, китайский закон относит к законным наследникам значительное число лиц: супруга, детей (включая внебрачных, приемных), родителей (в том числе приемных), братьев и сестер (полнородных, неполнородных, приемных), деда и бабушку как со стороны матери, так и со стороны отца. Кроме того, законными наследниками могут быть и внуки, в случае если ко времени открытия

наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником (наследование по праву представления). Общий суммарный перечень возможных наследников, таким образом, достаточно велик, и если бы все они призывались к наследованию одновременно, наследственное имущество чрезмерно дробилось бы, а степень родственной близости фактически не играла бы роли. Поэтому, как и в других наследственных институтах, китайский закон устанавливает очередность призвания к наследству. В соответствии с этим при наличии наследников первой очереди наследники второй очереди отстраняются от наследования. К наследникам первой очереди, наследующим в равных долях (ст. 13), закон относит ближайших родственников — супругов, детей, родителей. Однако отличительным моментом закона является то, что он допускает возможность расширения круга наследников первой очереди: за счет родственников мужа (жены) — зятя и снохи, которые играли главную роль «в выполнении обязанности по содержанию» своих свекра, свекрови, тестя, тещи (ст. 12).

Примечательно, что среди наследников первой очереди закон называет прежде всего супруга, а не детей наследодателя. Кроме того, круг законных наследников первой очереди (по сравнению с законодательством других стран) сужен: к их числу не относятся дети, зачатые при жизни и родившиеся после смерти наследодателя. Устанавливается лишь, что доля еще не родившегося ребенка должна быть предусмотрена при разделе наследства (ст. 28), то есть вопросы обеспечения таких детей оставляются на усмотрение наследников. Непризнание еще не родившегося ребенка в качестве законного наследника, видимо, отражает как стремление избежать чрезмерного дробления наследства, так и последовательно проводимую в КНР политику с ограничения рождаемости.

Пожалуй, основной отличительной чертой китайского закона, которая контрастирует с его направленностью на поддержание наследодателя (то есть прежде всего родителей) при жизни, выступает отсутствие нормы, определяющей круг обязательных наследников — ближайших родственников и посторонних лиц из числа иждивенцев, которые в силу несовершеннолетия или нетрудоспособности при всех обстоятельствах — и при наследовании по закону, и при наследовании по завещанию — должны получить твердо определенную долю. Устанавливается лишь, что при разделе наследства (в случае наследования по закону) «должно учитываться положение наследников, являющихся нетрудоспособными из-за специфических жизненных трудностей» (ст. 13), а обеспечение иждивенцев из числа посторонних лиц в этом случае допускается только как возможность (ст. 14).

Что касается пережившего супруга, то при разделе имущества, нажитого за период пребывания в брачных отношениях, ему в собственность выделяется половина этого имущества, а остальная часть считается наследством, из которого, следуя смыслу ст. 13, супруг также должен получить свою долю наравне с другими наследниками первой очереди. При этом доля супруга, выделяемая ему из совместно нажитого имущества, может быть увеличена или уменьшена в зависимости от договоренности, достигнутой при жизни наследодателя (ст. 26).

Подобное регулирование порядка наследования по закону, примененное в типичном случае, в целом достаточно определенно предусматривает цель перераспределения основной массы наследства в рамках семьи наследодателя, и прежде всего среди взрослых трудоспособных родственников. Тем самым обеспечивается большая стабильность экономической активности населения. Этому же могут содействовать и установления ст. 13 и 15, допускающие раздел наследства между принявшими его наследниками не с

учетом причитающихся им долей, а на основе достигнутого между ними соглашения, то есть в неравных долях.

При наследовании по завещанию, как известно, наследственное имущество переходит к лицам, назначенным завещателем своими наследниками. Иначе говоря, завещатель получает возможность учесть особенности случая, отличающегося от типичного. Однако и свобода завещательного распоряжения регулируется законодательно — ограничивается рамками, установленными в законе. Порядок наследования по завещанию, устанавливаемый китайским законом, тоже имеет характерную особенность. Закон не содержит нормы, в соответствии с которой завещатель может оставить свое имущество любому лицу, не входящему в круг законных наследников. Ограничивая свободу завещаний, ст. 16 гласит, что «в отношении личного имущества гражданин в завещании может указать одного или нескольких наследников по закону». Возможность выхода имущества за рамки семьи умершего допускается только в случае дарения личного имущества. Но и при этом в качестве одаряемого закон в первую очередь называет государство, коллектив и лишь потом лицо, не входящее в число законных наследников. Таким образом, регулирование свободы завещания в пользу семьи наследодателя отражает стремление государства содействовать росту семейного благосостояния, сочетается с традициями семейного строительства в Китае и одновременно преследует ту же цель, что и в случае наследования по закону, — обеспечение интересов самостоятельного населения в условиях хозяйственной реформы.

Развитие внешнеэкономических связей КНР в форме политики «открытых дверей», курс на использование капиталов китайцев, проживающих за границей, с целью экономического строительства потребовали введения в закон о наследовании норм, относящихся к сфере международного частного права, которые обычно устанавливаются гражданскими кодексами. В китайском законе указано два вида коллизионных привязок для решения наследственных дел, связанных с иностранным элементом, то есть при наследовании гражданином КНР имущества, находящегося вне Китая, и при наследовании иностранцем имущества, находящегося в Китае. В отношении движимого имущества избран личный закон наследодателя, а в отношении недвижимого имущества — закон местонахождения наследственного имущества (ст. 35, 36). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что личный закон наследодателя избран в форме закона местожительства (то есть закона государства, на территории которого данное лицо считается проживающим постоянно), а не гражданства. Подобное решение вопроса о применении иностранного закона в отношении движимого имущества в делах о наследовании позволяет более гибко учитывать интересы зарубежных китайцев и иностранцев, вкладывающих капиталы в КНР в совместные, «кооперативные» предприятия, участвующих в поручительской переработке и т. д.

Другим юридическим методом регулирования вопросов наследования с иностранным элементом, зафиксированным в законе, выступают нормы заключенных Китаем международных соглашений, имеющих то или иное отношение к данным вопросам. Это положение ст. 36 соответствует одному из основных принципов международного права — принципу добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из заключенных договоров.

С правовой точки зрения китайский институт наследования следует рассматривать, как в целом отвечающий основополагающим принципам социалистического гражданского права, имеющий много прогрессивных норм, аналогичных закрепленным в законодательстве социалистических

стран. Помимо таких норм, как равенство граждан в их правоспособности независимо от пола, признание права наследования за лицами, которые были близко связаны с наследодателем при жизни, включение супруга в круг наследников первой очереди на равных с ними основаниях и др., закон также отражает принцип сочетания личных и общественных интересов, разрешая переход наследства в пользу государства или коллектива в качестве дара; устанавливая достаточно широкий круг законных наследников, закон учитывает укрепление в китайской семье новых, социалистических отношений.

Одновременно, выступая в качестве одного из составных элементов создающегося китайского гражданского права, Закон о наследовании показывает, что эта система неизбежно будет иметь свои характерные особенности, а ее анализ будет важен для выяснения специфики строительства социализма в Китае.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 14.IV.1985.

² Председатель комиссии по правовой работе ПК ВСНП Ван Ханьбинь, выступая на очередном заседании ПК ВСНП в ноябре 1985 г., в частности, заявил, что в настоящее время проблему разработки Гражданского кодекса как всеобъемлющего нормативного акта пока решить трудно, что объясняется не только широким характером и сложностью вопросов юридического порядка, регулируемых нормами гражданского права, но и тем, что в КНР проводится хозяйственная реформа. Одновременно Ван Ханьбинь отметил, что в Китае уже существуют отдельные нормы гражданского права, закрепленные в ряде законов, принятых с 1979 г. В их числе он назвал Закон о хозяйственном договоре, Закон о браке, Закон о внешнеэкономических контрактах, Закон о патентах, Закон о товарных знаках. Ведется подготовка других законов, в частности Закона об авторском праве («Жэньминь жибао», 15.XI.1985). Результаты работы последней сессии ВСНП (март—апрель 1985 г.) показали, что китайские власти отказались от введения законченной формы регулирования гражданско-правовых отношений — гражданского кодекса — и ограничились принятием «Общих положений гражданского права» («Жэньминь жибао», 12.IV.1986).

³ См.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955, с. 476—477.

⁴ Там же, с. 34.

⁵ См.: Чжунхуа жэньминь гуньяго фалюй хуэйбянь (Сборник законодательных актов КНР). 1979—1984. Пекин, 1985, с. 205; Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984, с. 134—135, 137.

⁶ Узость нормативной базы наследственного права отразилась в указании Верховного суда КНР в феврале 1979 г. о том, что «при решении наследственных дел народные суды должны охранять законные права наследников на наследование на основе положений Конституции, Закона о браке и соответствующих политических установок». — Миньфа цзючэи (Курс гражданского права). Пекин, 1983, с. 431.

⁷ Конституция КНР 1982 г. (ст. 14) в качестве одного из «методов повышения производительности труда и эффективности экономики» закрепила подрядную систему как «различные формы социалистической ответственности». — Чжунхуа жэньминь гуньяго фалюй хуэйбянь, с. 9.

⁸ Там же, с. 9.

⁹ Там же, с. 7.

¹⁰ В ряде других законодательных актов — Законе КНР об организации народных судов (ст. 3), Законе КНР об организации народной прокуратуры (ст. 4), Уголовном кодексе КНР (ст. 2, 10, 82, 150, 152, 154, 156) — присутствует формулировка «законное имущество, находящееся в частной собственности».

¹¹ Непрямым указанием круга имущества, на которое может распространяться право частной собственности, и предназначения этого имущества служит ст. 82 Уголовного кодекса, в которой говорится: «В настоящем Кодексе под законным имуществом, находящимся в частной собственности, понимаются: 1) законные доходы, сбережения, дома и другие средства существования граждан; 2) принадлежащие по закону отдельным лицам, семьям или используемые ими приусадебные участки, домашние животные, деревья и другие средства производства». — Чжунхуа жэньминь гуньяго фалюй хуэйбянь, с. 115.

Промышленный экспорт несоциалистических стран ЮВА

*А. С. АКОПЯН,
кандидат экономических наук*

*Г. И. ЧУФРИН,
кандидат экономических наук*

Резкое ухудшение общехозяйственной конъюнктуры в начале 80-х годов происходило на фоне развития процессов глобальной перестройки структуры мирового капиталистического хозяйства и обострения его сырьевых, энергетических, экологических, валютно-финансовых, социальных и других проблем. Развертывание этих сложных, взаимопереплетенных процессов в условиях усиления межимпериалистической борьбы за сферы «интересов» непосредственным образом затрагивает весь комплекс международных экономических отношений. «Обычными» стали хронические дефициты платежных и торговых балансов большинства стран мировой капиталистической системы. Наряду с обострением конкуренции на мировом рынке, усилением колебаний цен на сырьевые товары, в 80-е годы достигла своего апогея проблема кризиса внешней задолженности, неустойчивый характер приобрела и динамика цен на готовую промышленную продукцию.

Наиболее драматичными эти события оказались для подавляющего большинства развивающихся стран, привнеся серьезные осложнения в борьбу этих государств за укрепление своей экономической самостоятельности. В сфере международных экономических отношений эта борьба находит проявление, в частности, в стремлении бывших колониальных и зависимых стран изменить свой статус поставщиков на мировой рынок главным образом минерального и сельскохозяйственного сырья. Соответственно в 60-х годах в структуре экспорта развивающихся стран стала заметно усиливаться тенденция к росту удельного веса промышленных изделий. Если в 1960 г. доля этих товаров в общей стоимости вывоза развивающихся стран составила 9,1 %, то 10 лет спустя она равнялась уже 15,9 %, причем абсолютные размеры промышленного экспорта увеличились в эти годы в 3,5 раза. И хотя в середине 70-х годов относительные размеры экспорта готовых промышленных изделий несколько уменьшились ввиду стремительного роста в этот период мировых цен на нефть, уже к началу 80-х годов рост доли промышленных товаров в экспорте развивающихся стран возобновился, достигнув в 1983 г. 26 %. Следует также подчеркнуть, что экспорт промышленных товаров является на протяжении уже почти четверти века самой стабильной статьей в структуре вывоза развивающихся стран, увеличиваясь в абсолютных размерах из года в год практически неуклонно (см. таблицу 1).

Явление это непосредственно отражает ход индустриализации в бывших колониальных и зависимых странах, и поэтому первоначально было преимущественно связано с вызовом на мировой рынок промышленной продукции тех из них, кто раньше приступил к форсированному развитию обрабатывающей промышленности. Соответственно к середине 60-х годов главными экспортёрами промышленных изделий являлись Индия, Пакистан, Аргентина,

Таблица 1

Динамика готовых прокатанных изделий в экспорте развивающихся стран

Год	1960		1965		1970		1975		1980		1981		1982		1983	
	млрд. долл.	%														

Весь экспорт, в том числе экспорт готовых прокатанных изделий*

27,4	100,0	37,7	100,0	55,9	100,0	210,9	100,0	558,6	100	545,4	100	478,0	100	448,0	100
2,5	9,1	3,9	10,3	8,9	15,9	39,4	14,4	95,7	17,1	111,3	20,4	166,5	22,7	116,5	26,0

* В это понятие международной статистикой включаются готовые изделия, которые, согласно Стандартной международной торговой классификации ООН, относятся к разделам № 5 (химические продукты), № 6 (обработанные изделия, классифицируемые преимущественно по материалам), № 7 (машины, оборудование и транспортные средства), и № 8 (разные готовые изделия), за исключением позиций 67 (продукция черной металлургии) и 68 (цветные металлы).

** Оценка.

Составлено по: Yearbook of International Trade Statistics—1982, vol. 1, New York, 1984;
Handbook of International Trade Statistics—1984, New York, 1984;
International Trade 1983/84, Geneva, 1984.

Бразилия и Мексика, на долю которых приходилось около 30 % всей стоимости промышленного экспорта развивающихся государств. Однако уже к началу 70-х годов на первое место среди экспортеров готовых промышленных изделий в развивающемся мире выходят так называемые новые индустриальные страны и территории (НИС) — Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань. В 1970 г. их доля в промышленном экспорте развивающихся стран достигла одной его трети, тогда как удельный вес вышеупомянутой пятерки сократился до 22,7 %. Следует заметить, что столь стремительный рост значения НИС в промышленном экспорте был связан не только со структурной перестройкой их экономики на базе опережающего роста отраслей обрабатывающей промышленности, но и с избранием ими экспортоориентированной модели развития, в соответствии с которой на внешний рынок направлялась основная часть продукции промышленного производства. Важно отметить и то, что становление этой модели явилось результатом внутренних закономерностей экономического роста «новых индустриальных стран», а также отразило и более общие закономерности развития мирового капиталистического хозяйства, а именно рост заинтересованности международных монополий в снижении издержек производства путем перемещения трудоемких и частично капиталоемких звеньев общей цепи производства в развивающиеся страны.

В 70-х годах в развивающемся мире наблюдалось дальнейшее расширение рядов промышленных экспортеров, в число которых вошли Колумбия, Перу, Уругвай, Марокко, Кувейт, Иордания, Шри Ланка. В Юго-Восточной Азии вслед за Сингапуром на рельсы экспортной ориентации вступили остальные члены АСЕАН — Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины.

В результате появления новой волны промышленных экспортеров произошло, во-первых, дальнейшее увеличение размеров промышленного экспорта развивающихся стран и, во-вторых, очередное перераспределение их удельного веса в стоимости этого экспорта. Соответственно совокупные размеры промышленного экспорта увеличились (в текущих ценах) в 1975—1983 гг. с 30,4 до 116,5 млрд. долл. Важным явлением в промышленном экспорте развивающихся стран стал неуклонный рост удельного веса в нем стран — членов АСЕАН. Если в 1970 г. он равнялся всего 6,6 %, то в 1975 г. достиг уже 9,5, а в 1981 г. — 13,5 %. В результате страны АСЕАН вышли на одно из первых мест в развивающемся мире по размерам вывоза готовых промышленных изделий (для сравнения — совокупная доля Бразилии и Индии в промышленном экспорте развивающихся стран в 1981 г. составила 12,5 %), причем три из них (Сингапур, Малайзия и Таиланд) вошли в число десяти крупнейших промышленных экспортеров в развивающемся мире.

Структура промышленного экспорта АСЕАН

Рост значения рассматриваемого региона в промышленном экспорте развивающихся стран основывался на ускоренном развитии обрабатывающей промышленности в государствах — членах ассоциации со второй половины 60-х годов. Результатом этого развития стало увеличение удельного веса стоимости продукции обрабатывающих отраслей в ВВП в 1967—1983 гг. на Филиппинах с 18,3 до 24,8 %; в Сингапуре — с 16,5 до 24,1; Таиланде — с 15,4 до 18,6; Малайзии — с 11,2 до 18,0 и Индонезии — с 7,3 до 12,5 %¹. Во всех этих странах использовались обе модели индустриализации: импортзамещающая и экспортоориентированная. Но при этом в 60-е годы промышленное развитие стран, входящих в АСЕАН, носило преимущественно импортзамещающий характер, тогда как в 70-е годы произошла переориента-

Таблица 2

Структура промышленного экспорта АСЕАН

№ п.п.	Товары и товарные группы	1975 г.		1979 г.		1980 г.		1981 г.		1983 г.	
		млн. долл.	%								
1.	Текстильные товары	267,3	7,3	929,2	8,7	1001,2	7,3	946,7	6,4	1012,6	5,7
2.	Одежда	246,0	6,7	986,0	9,2	1206,6	8,8	1416,8	9,5	1535,8	8,7
3.	Фабрика	193,8	5,3	435,3	4,0	473,2	3,4	568,1	3,8	1247,1	7,0
4.	Другие продукты переработки	58,9	1,6	299,0	2,8	324,5	2,4	352,0	2,4	153,8	0,9
5.	Фотоаппараты, оптика, часы	139,1	3,8	236,9	2,2	280,9	2,0	321,6	2,2	251,7	1,4
6.	Телевизоры, магнитофоны, радиоприемники, проигрыватели	263,0	7,2	915,1	8,5	1496,4	10,8	1497,2	10,1	1476,7	8,4
7.	Транзисторы, диоды, микросхемы	468,3	12,8	2063,7	19,3	2375,9	17,2	2314,3	15,6	3417,0	19,3
8.	Машины и оборудование	806,1	22,1	2362,2	22,1	3425,0	24,8	3883,5	26,1	4638,0	26,2
9.	Химические продукты	293,8	8,1	791,3	7,4	960,7	7,0	1045,8	7,0	1287,6	7,3
10.	Прочие готовые изделия	916,6	25,1	1694,1	15,2	2252,2	16,3	2516,9	16,9	2673,0	15,1
	Всего	3652,9	100,0	10712,8	100,0	13796,6	100,0	14862,9	100,0	17693,2	100,0

Составлено по: Yearbook of International Trade Statistics—1978, vol. 1. New York, 1979.
 Yearbook of International Trade Statistics—1982, vol. 1. New York, 1984.
 Handbook of International Trade Statistics—1984. New York, 1984.
 Commodity Trade Statistics 1982. New York, 1984. Series D., vol. XXXII, N 1—21;
 Commodity Trade Statistics, 1983. New York, 1985. Series D., vol. XXXIII, N 1—4. 1—15,
 1—16.

ция на максимальное развитие экспорториентированных производств. В результате в начале 80-х годов доля продукции обрабатывающей промышленности в общем объеме экспорта возросла по сравнению с 1960 г. в Сингапуре с 26 до 50 %, на Филиппинах — с 7 до 24, в Малайзии — с 6 до 28, Таиланде — с 2 до 23 и лишь в Индонезии она составила всего 5 %². Намного опережая среднегодовые темпы роста в обрабатывающей промышленности, размеры промышленного экспорта в 70-х — начале 80-х годов увеличивались в Сингапуре и на Филиппинах ежегодно на 32—33 %, Малайзии и Таиланде — на 23 %³. В целом же в 1970—1982 гг. среднегодовые темпы роста промышленного экспорта АСЕАН составили около 30 %.

Значительное место в промышленном экспорте АСЕАН занимает продукция отраслей, получивших ускоренное развитие на стадии импортзамещения, в частности текстильной и производства одежды. К концу 70-х годов на АСЕАН приходилось примерно 2,5 % мировой капиталистической торговли текстильными товарами, в том числе 10 % текстильного экспорта всех развивающихся стран (без учета территорий Тайваня, Гонконга и Южной Кореи этот показатель превышал 30 %). Хотя в начале 80-х годов наиболее быстрыми темпами текстильная промышленность развивалась в Индонезии, роль крупнейших производителей и экспортеров сохраняется пока за Сингапуром и Таиландом, на которые приходится свыше 60 % вывоза текстиля из АСЕАН.

В 1976—1982 гг. экспорт продукции текстильной и швейной промышленности АСЕАН увеличивался ежегодно в среднем на 25 %, что обусловило рост его удельного веса в общей стоимости стран — членов ассоциации. Так, доля текстильной продукции в общей стоимости вывоза в эти годы возросла в Таиланде с 8,4 до 11,8 %; на Филиппинах — с 5,5 до 8,4; в Малайзии — с 2,5 до 2,8; в Индонезии — с 0,1 до 0,8 %⁴. Вместе с тем в собственно промышленном экспорте АСЕАН удельный вес продукции этих отраслей с конца 70-х годов стал постепенно снижаться в связи с опережающими темпами роста вывоза продукции машиностроения и электроники. Так, если в 1979 г. доля текстильных тканей и одежды в стоимости промышленного экспорта АСЕАН составила 17,9 %, то в последующие 2 года она снизилась соответственно до 16,1 и 15,9 % (см. таблицу 2).

Заметную роль в промышленном экспорте АСЕАН играет продукция деревообрабатывающей промышленности, хотя со второй половины 70-х годов наблюдалось некоторое снижение ее удельного веса в общей стоимости вывоза. В Малайзии, например, этот показатель снизился в 1976—1982 гг. с 9,1 до 6,0 %; на Филиппинах — с 7,1 до 5,6; в Сингапуре — с 3,6 до 1,9; в Таиланде — с 2,7 до 0,9 %. В то же время в экспорте Индонезии он вырос более чем в 3 раза — с 0,7 до 2,4 %⁵. Деревообрабатывающая промышленность стран АСЕАН базируется на имеющихся в них значительных запасах древесины, в которых преобладают ценные тропические породы, пользующиеся высоким спросом на мировом рынке. Регион обеспечивает почти 50 % мирового экспорта древесины тропических пород — в основном из Индонезии, Малайзии и Филиппин⁶. Основные перерабатывающие операции включают распиловку, производство фанеры и мебели. Хотя деревоперерабатывающие предприятия ориентированы главным образом на внутренний рынок, тем не менее примерно 15 % выпускаемой на них продукции (особенно фанеры и мебели) предназначено для экспорта.

Важное место в промышленной структуре стран АСЕАН и его экспорте занимают отрасли, продукция которых, по существу, полностью вывозится на внешние рынки. Появление этих отраслей явилось прямым результатом экономической политики рассматриваемых государств по привлечению иностранного капитала в экспортные отрасли промышленного производства с

целью расширения источников получения иностранной валюты, повышения уровня занятости и т. д.

Количество предприятий в этом секторе обрабатывающей промышленности в 70-е годы быстро возрастало. В большинстве случаев они представляли собой отдельные звенья в рамках производственной структуры иностранного монополистического капитала, и в первую очередь ТНК, что и предопределило их анклавный характер. Основная масса этих предприятий была создана в так называемых зонах экспортного производства (ЗЭП) и зонах свободной торговли (ЗСТ). К началу 80-х годов в регионе насчитывалось 15 подобных зон, в том числе в Малайзии — 8, на Филиппинах — 3 и в Сингапуре — 2⁷. Отраслевая структура этих зон отличается пестротой, включая производство товаров широкого потребления (фотоаппаратов, зонтиков, спортивных товаров, игрушек и т. п.), производство и сборку различных электротехнических и электронных изделий, выпуск оборудования для нефтедобычи, судостроение и т. п.

Из этого набора товаров наиболее динамичную группу в экспорте АСЕАН составила продукция электротехнической и электронной отраслей. Яркой иллюстрацией может служить развитие производства полупроводников на Филиппинах, продукция которого в 1973 г. составляла всего лишь 1 % от общей стоимости экспорта страны, но уже в 1981 г. на нее приходилось почти 20 % всего вывоза, что превысило размеры традиционно крупнейшей статьи филиппинского экспорта — сахара⁸. В целом же по странам АСЕАН размеры экспорта, например, бытовой электроники увеличились в 1975—1981 гг. почти в 7 раз, а фототоваров и часов — в 2,3 раза. Быстрыми темпами увеличивался и экспорт транзисторов, диодов и микросхем, по размерам которого страны АСЕАН к началу 80-х годов заняли одно из ведущих мест в развивающемся мире. Крупнейшим производителем и экспортером этих изделий среди стран АСЕАН стал Сингапур, на предприятиях которого в 1983 г. выпускалось свыше 5 % мирового производства микросхем⁹.

Основная часть промышленного экспорта АСЕАН, то есть от 60 до 80 %, направляется в страны развитого капитализма. Так, главными потребителями текстильной продукции АСЕАН являются страны ЕЭС, доля которых возросла с 9 до 35 %. Доля других развитых капиталистических стран в экспорте текстильной продукции АСЕАН в конце 70-х годов составляла: Японии — 6,2 %, Австралии и Новой Зеландии — 9,4 %, США и Канады — 18,8 %¹⁰. Япония является одним из основных импортеров продукции деревообрабатывающей промышленности АСЕАН. Чрезвычайно важным является рынок США, ибо более 50 % американского импорта из этого региона составляют ныне готовые изделия¹¹. Со второй половины 70-х и особенно в начале 80-х годов наметилась явная тенденция к росту экспорта готовых промышленных изделий в другие развивающиеся страны, в результате чего по некоторым из промышленных товаров (например, бытовая электроника, химические продукты) доля развивающихся стран в экспорте АСЕАН составила 15—20 %. И все же именно развитые капиталистические государства остаются основным рынком для промышленного экспорта АСЕАН, что и определяет во многом его структуру, динамику и проблемы реализации.

Проблема протекционизма

По мере роста объема их промышленного экспорта страны АСЕАН стали все чаще и в возрастающих масштабах сталкиваться с трудностями его реализации на рынках основных торговых партнеров, а именно развитых

капиталистических государств. Объяснялось это прежде всего тем, что в результате обострения кризиса мирового капиталистического хозяйства с середины 70-х годов произошел длительный спад производства, увеличилась недогрузка производственных мощностей и резко усилилась безработица во всех основных его центрах — США, Западной Европе и Японии. Это вызвало существенное ужесточение государственно-монополистического регулирования внешней торговли, выразившееся в быстром и широком распространении торговых ограничений. В итоге наблюдавшаяся на протяжении почти всего послевоенного периода тенденция к либерализации мировой капиталистической торговли сменилась бурным ростом протекционизма.

Несмотря на то что на завершившейся в 1979 г. VII торговой конференции ГАТТ, получившей известность как «Токийский раунд», ее участники достигли договоренности о снижении ставок таможенных тарифов в 1980—1987 гг. на промышленные товары в среднем на 33 %, условия торговли этими товарами на мировом рынке продолжали ухудшаться. Происходило это потому, что наряду с классическими таможенно-тарифными защитными мерами развитые капиталистические страны стали активно использовать новые виды торговых ограничений нетрадиционного характера, не регулируемых правилами ГАТТ. К ним относятся так называемые добровольные соглашения об ограничении экспорта, одностороннее контингентирование импорта, ужесточение национальных систем технических норм и требований и т. д. Впрочем не все эти нетарифные ограничения выходили за рамки действующих правил ГАТТ. Так, в 1974 г. именно в рамках ГАТТ было впервые заключено, а затем дважды продлевалось Международное соглашение по текстильным товарам, налагающее ограничение на импорт текстиля в развитые капиталистические страны. Протекционистский характер носит и применение антидемпинговых и компенсационных пошлин, формально основывающееся также на заключенных под эгидой ГАТТ в 1979 г. Антидемпинговом кодексе и Кодексе по субсидиям.

При общем росте протекционизма расширяющаяся система ограничений на импорт в страны развитого капитализма в наибольшей степени затрагивает интересы развивающихся стран. О дискриминационном характере современного протекционизма в отношении развивающихся стран свидетельствуют, в частности, расчеты индонезийского экономиста Джисмана Симанджунтака, согласно которым доля регулируемого импорта из развивающихся стран в страны — члены ЕЭС в 1974 г. составляла около 55 %, тогда как доля импорта из стран развитого капитализма — 14 %. В 1979 г. эти показатели достигли соответственно 63 и 20 %¹².

В свою очередь основным объектом протекционистской политики стран развитого капитализма является трудоемкая промышленная продукция, составляющая основу промышленного экспорта развивающихся стран. Анализ внешнеторговой практики крупнейших капиталистических государств свидетельствует о том, что наиболее высокие тарифные и нетарифные барьеры воздвигаются ими на пути именно таких товаров. Как подчеркивалось, в частности, в отчете секретариата Экономической и социальной комиссии ООН по Азии и Тихому океану (ЭСКАТО) за 1983 г., «наиболее жестким нетарифным ограничениям подвергаются текстиль, одежда, обувь и другие трудоемкие промышленные товары... занимающие особо важное место в экспортной корзине многих развивающихся стран региона ЭСКАТО»¹³. В результате под протекционистские ограничения подпадает около 65 % импорта промышленных товаров из развивающихся стран, в том числе 50 % — под ограничения нетарифного характера¹⁴.

Ясно, что столь неблагоприятные тенденции в развитии мировой торговли

затрагивают интересы и экспортеров промышленной продукции из стран АСЕАН. С серьезными ограничениями на свой промышленный экспорт сталкиваются они на рынке США, в частности, по таким товарам, как текстиль, готовая одежда, обувь, телевизоры. Все шире американской стороной принимаются против экспортеров из АСЕАН антидемпинговые процедуры под предлогом противодействия субсидированию экспорта. Так, только за первое полугодие 1984 г. в министерстве торговли США было рассмотрено 13 дел, возбужденных американскими производителями текстиля, обвинявшими страны АСЕАН в применении средств экспортного субсидирования¹⁵. В начале марта 1985 г. США ввели новые ограничения на ввоз текстиля и текстильных изделий, затронувшие интересы АСЕАН. Вслед за Сингапуром и Малайзией объектом протекционистских мер на американском рынке текстиля и текстильных изделий стала Индонезия. Правительство США обвинило ее в применении методов экспортного субсидирования после того, как по размерам экспорта текстильных товаров Индонезия переместилась в список крупнейших экспортеров таких товаров в США с 22-го места в 1982 г. на 10-ое место к концу 1984 г.¹⁶ В ходе состоявшихся затем американо-индонезийских переговоров Индонезия вынуждена была пойти на подписание с США соглашения по текстилю на трехлетний период, по условиям которого были введены квоты дополнительно на экспорт 11 видов тканей и одежды и установлены общие количественные ограничения на размеры индонезийского экспорта текстильных изделий на американский рынок¹⁷.

На состоявшейся в мае 1985 г. в Маниле Конференции торгово-промышленных палат АСЕАН, в работе которой приняли участие свыше 100 бизнесменов из 6 стран — членов ассоциации, эти действия США были расценены как дискриминационные и противоречащие действующим правилам ГАТТ, которые требуют, чтобы при применении мер против демпинга и субсидирования учитывались особенности положения развивающихся стран.

В соответствии с принятым в конце 1984 г. конгрессом США законом о торговле произошло дальнейшее ужесточение протекционистских мер в отношении развивающихся стран. Так, хотя срок действия системы общих преференций был продлен на 8,5 лет, их предоставление развивающимся странам связывается ныне с ответными мерами по увеличению закупок американских товаров. Установление такой привязки выхолащивает самую суть системы взаимных общих преференций, созданной в соответствии с рекомендациями ЮНКТАД. Тем же законом установлены более жесткие антидемпинговые правила, квоты на обувь и ряд других нетарифных ограничений, которые были встречены в АСЕАН весьма негативно.

По свидетельству председателя Комитета представителей деловых кругов АСЕАН — США У. Такера, страны — члены ассоциации «воспринимают протекционистские настроения в США с чувством крайнего раздражения... и считают, что рост протекционизма демонстрирует нежелание США понять их проблемы»¹⁸. Статья, в которой содержится это признание, недвусмысленно озаглавлена «Протекционизм США угрожает АСЕАН». Именно таким образом в ассоциации и расцениваются действия США, наносящие тяжелый удар по самой идее экспортной ориентации, лежащей в основе модели экономического развития стран — членов АСЕАН.

Положение усугубляется тем, что промышленный экспорт АСЕАН сталкивается с тарифными и особенно с нетарифными ограничениями на рынках двух других крупнейших своих внешнеторговых партнеров — Японии и ЕЭС, хотя, возможно, и не в такой степени, как на американском рынке.

Что касается Японии, то основные трудности страны АСЕАН испытывают при продаже ей своих сельскохозяйственных товаров. В отношении же импорта

готовых изделий из стран — членов ассоциации Япония время от времени идет на частичные уступки. Так было, например, в апреле 1982 г., когда Япония объявила о своем решении снизить пошлины на ввоз 1653 наименований товаров из АСЕАН на 2 года раньше, чем предусматривалось соглашением, достигнутым в рамках ГАТТ¹⁹.

Вместе с тем на ряд готовых изделий, закупаемых в странах АСЕАН, Япония отказывается предоставлять какие-либо таможенные скидки либо даже вводит явные, а чаще скрытые ограничения на их импорт. Одним из таких товаров является фанера, закупаемая Японией в больших количествах в Малайзии, на Филиппинах и особенно в Индонезии. Так, за период с 1981 по 1984 г. объем японского импорта клееной фанеры из стран АСЕАН увеличился в 7 раз, причем доля Индонезии составляла в этом импорте в среднем около 90 %. Размеры экспорта фанеры из Индонезии и других стран АСЕАН могли бы быть еще больше, однако они лимитируются тем, что Япония облагает импорт из АСЕАН более высокой пошлиной, чем ввозимую из США. Так, если пошлина на индонезийскую листовую клееную фанеру составляла 20 %, то на американскую хвойную клееную фанеру — 15 %. Откровенно дискриминационный характер этой таможенной практики вызывает серьезное недовольство в странах АСЕАН, о чем и было заявлено президентом Индонезии Сухарто группе японских бизнесменов во главе с председателем Федерации экономических организаций Японии Инаямой, находившейся с деловым визитом в Джакарте в январе 1985 г.²⁰

С серьезными трудностями с конца 70-х годов сталкивается промышленный экспорт АСЕАН на рынках ЕЭС, что объясняется обострением кризисных явлений в экономике стран «Общего рынка» и, как следствие, усилением протекционистских мер в их внешнеторговой практике. Так, если в июле 1975 г. ЕЭС пошло на снижение импортных пошлин на ряд готовых изделий, ввозимых из АСЕАН, в частности фанеру, то уже в 1976—1977 гг. либерализация таможенного режима ЕЭС сменилась его ужесточением. Так, количественным ограничениям был подвергнут импорт из АСЕАН таких товаров, как фанера, текстильные изделия, готовая одежда²¹. Отрицательно на промышленном экспорте АСЕАН сказались и введение странами ЕЭС ограничений на импорт бытовой электроники, судов и судового оборудования.

Протекционизм стран развитого капитализма является попыткой скорректировать в сфере международных экономических отношений действие закона неравномерности экономического развития, иными словами, он направлен против национальных фирм тех развивающихся стран, которые в последнее время сумели укрепить конкурентоспособность своих товаров на мировом рынке. Это положение, общее для характера отношений между развитыми капиталистическими и развивающимися государствами, в полной степени относится к странам АСЕАН и самым существенным образом влияет на развитие их промышленного экспорта. Вместе с тем на характер промышленного экспорта стран АСЕАН, как, возможно, ни одной другой группы развивающихся государств, оказывает воздействие тот факт, что значительная часть этого экспорта осуществляется с предприятий, контролируемых иностранным капиталом. Действительно, в 70-е годы страны АСЕАН в силу ряда политических и экономических причин явились ареной наиболее быстрого роста прямых частных иностранных инвестиций в развивающихся странах Азии²². К началу 80-х годов в их экономику иностранным капиталом было инвестировано (без учета нефтедобычи и банковского дела) не менее 10—11 млрд. долл., из которых свыше 45 % было вложено в обрабатывающую промышленность, в том числе в создание предприятий и даже целых отраслей производства, ориентированных исключительно на экспорт²³. В результате,

по имеющимся оценкам от 30 до 40 % промышленного экспорта Малайзии, Таиланда и Филиппин и свыше 90 % вывоза готовых изделий из Сингапура оказалось под контролем иностранного капитала, причем по отдельным товарам эта доля была еще выше²⁴.

Инвестируя значительные капиталы в экспортные отрасли обрабатывающей промышленности стран АСЕАН, иностранные компании руководствовались, во-первых, стремлением создать производственные филиалы своих головных предприятий, используя при этом сравнительные преимущества стран АСЕАН (относительно низкий уровень заработной платы, наличие рабочей силы достаточной квалификации, дешевое сырье и т. п.). В результате «значительная часть возникающих новых товаропотоков представляет собой результат вертикальной специализации, которая подразумевает осуществление в развивающихся странах отдельных операций или выпуск определенных, менее сложных компонентов»²⁵. Естественно, что в этом случае продукция, вывозимая в страны нахождения головных предприятий, с ограничениями торгово-политического характера, по существу, не сталкивается. Более того, во внешнеторговом законодательстве США, например, в интересах ТНК сделаны специальные оговорки, предусматривающие взимание таможенных пошлин при импорте готовых изделий из развивающихся стран только с добавленной стоимости, созданной в процессе обработки вывезенных туда американских материалов и полуфабрикатов²⁶. Общий объем импорта, подпадающий под действие этих статей американского таможенного кодекса, составляет, по оценке Комиссии ООН по ТНК, почти 20 % стоимости американского импорта продукции обрабатывающей промышленности из развивающихся стран.

Официальной статистики трансфертных операций, как известно, не существует, и об их размерах можно судить только по некоторым косвенным показателям. По оценке ЮНКТАД, доля внутрифирменного обмена в мировом капиталистическом экспорте составляет в среднем 40 %. Что же касается экспорта продукции высоко- и средненаучеомких отраслей промышленности (например, производство электрического и электронного оборудования), то доля внутрифирменного обмена, по оценке Комиссии ООН, по ТНК составляет свыше 70 % общего объема экспорта такой продукции, производимой в развивающихся странах. Примечательно, что по существующим оценкам, доля внутрифирменных поставок в общей сумме продаж предприятий, размещенных в зоне АСЕАН и контролируемых американскими ТНК, составляет около 60 %²⁷. Аналогичный показатель для японских филиалов и дочерних компаний, деятельности которых, по словам японского ученого Т. Ватанабэ, «присуще имманентное стремление к внутрифирменному разделению труда с целью оптимизации распределения ресурсов», составляет не менее 35 %²⁸.

Во-вторых, наряду с эксплуатацией возможностей АСЕАН с точки зрения сравнительных преимуществ иностранные монополии во все возрастающей степени стремятся использовать их как плацдарм для проникновения на рынки своих конкурентов под видом местных фирм. «Одним из наиболее крупных объектов экспансии ТНК в страны Юго-Восточной Азии,— отмечают авторы монографии «Сверхмонополии в Юго-Восточной Азии»,— стала текстильная промышленность. Только за 70-е годы ТНК сумели занять прочные позиции в данной отрасли, причем пальма первенства принадлежит японскому монополистическому капиталу, который доминирует практически во всех странах региона»²⁹. Этот вывод находит подтверждение в официальных данных секретариата ЭСКАТО, согласно которым на японский капитал приходилось более 40 % иностранных инвестиций в текстильную промышленность Малайзии, Индонезии и Таиланда³⁰. Вслед за японскими компаниями со второй половины 70-х и особенно в начале 80-х годов активизировали свою инве-

стиционную деятельность в Юго-Восточной Азии гонконгские и южнокорейские фирмы. Важной причиной этого повышенного интереса Японии, Южной Кореи и Гонконга к текстильной промышленности АСЕАН стало то, что страны этого региона имеют существенные ресурсы в квотах на рынках развитых капиталистических стран. Об имеющихся же здесь возможностях свидетельствует, например, то, что страны АСЕАН в начале 80-х годов превысили квоту по экспорту текстильных изделий и готовой одежды, предоставленную им ЕЭС, только по 3 из 21 товарной позиции; более того, по некоторым из этих позиций квота ЕЭС была использована экспортерами АСЕАН менее чем на 50 %³¹.

Пример этот не единичен: аналогичные ситуации возникали в 80-х годах при экспорте из стран АСЕАН черно-белых телевизоров, воздушных кондиционеров, некоторых видов радиоаппаратуры. Иными словами, в условиях обостряющейся конкуренции на рынках развитых капиталистических стран международные монополии для преодоления протекционистских барьеров, воздвигаемых их основными конкурентами, стали активно использовать импортные квоты на продукцию обрабатывающей промышленности, предоставленные развивающимся странам. И если совершенно правомерно то, что «для выхода на внешний рынок с продукцией обрабатывающей промышленности развивающиеся страны вынуждены широко прибегать к привлечению иностранного капитала и кооперации с ТНК»³², то на современном этапе можно говорить и о том, что монополистический капитал промышленно развитых стран в свою очередь сам прибегает к использованию развивающихся стран в качестве «троянского коня» для обеспечения продвижения отдельных видов своей продукции на внешний рынок.

В качестве ответной меры страны развитого капитализма, руководствуясь законами межимпериалистической конкуренции, спешат возвести специальные барьеры на пути этой «троянской» продукции. В этих условиях в американское внешнеторговое законодательство внесена статья о происхождении товаров, а Япония и ЕЭС применяют так называемый кумулятивный, или групповой, принцип в отношении промышленной продукции, поступающей на их рынки из стран АСЕАН. В соответствии с этим принципом при определении страны происхождения необходимо представить доказательство того, что не менее 60 % стоимости товара было создано в результате переработки сырья и материалов в одной или нескольких странах АСЕАН. В противном случае товары подвергаются дополнительным импортным ограничениям. В результате страны АСЕАН несут на себе двойное бремя современного протекционизма, ибо оказываются втянутыми в водоворот межимпериалистической борьбы в качестве страдающей стороны.

***

Подводя итог анализу современного состояния промышленного экспорта стран АСЕАН, можно заключить, что его развитие находится в прямой зависимости от их экономического развития в целом, отражая его основные закономерности, характерные черты и этапы. Явившись результатом курса на экспортную ориентацию, промышленный экспорт занимает центральное место в этой экономической стратегии, тем самым обеспечивая общие ее успехи или неудачи.

Следуя курсом на экспортную ориентацию на протяжении последних полутора десятилетий (а Сингапур — уже более двух десятилетий), страны ассоциации достигли заметных успехов в развитии своего промышленного экспорта и добились более активного участия в международном капиталистическом разделении труда. Вместе с тем итоги этого развития весьма неод-

нозначны и во многом противоречивы, что самым непосредственным образом связано с ростом роли в их экономике, а, следовательно, в промышленном экспорте иностранного монополистического капитала, руководствующегося в своей деятельности не национальными интересами стран АСЕАН, а получением максимальных прибылей. С этой целью в одних случаях международные монополии отводят промышленному экспорту членов данной группировки роль низшего звена в находящихся под их контролем вертикально интегрированных производственных структурах, в других — природные ресурсы и рабочая сила стран АСЕАН используются этими монополиями в качестве экспансии на рынки третьих стран. Международные монополии стремятся также использовать растущий промышленный потенциал стран АСЕАН в межимпериалистической борьбе.

Усиление протекционизма во внешнеэкономической политике и практике стран развитого капитализма в ходе этой борьбы также наносит серьезный ущерб экономическим интересам несоциалистических стран ЮВА. Оценивая в целом влияние растущего протекционизма в международной торговле промышленными товарами на экономику развивающихся стран, можно заключить, что в результате повышения степени и эффективности контроля над импортом, часть издержек, связанных с усилением конкурентной борьбы между различными группировками монополистического капитала промышленно развитых государств, а также негативных последствий процессов структурных сдвигов в мировой капиталистической промышленности переносится на экономику развивающихся стран. Являясь одним из крупнейших в развивающемся мире экспортеров готовых промышленных изделий, страны АСЕАН становятся и одним из первоочередных объектов современного протекционизма, что создает новый узел противоречий в рамках мирового капиталистического хозяйства.

¹ In: ESCAP. Statistical Yearbook for Asia and the Pacific — 1973. Bangkok, 1973, pp. 142, 239, 335, 354, 386; UN Monthly Bulletin of Statistics. New York, February 1985, p. XCII—XCV.

² In: Donald K. Crone. The ASEAN States: Coping with Dependence. New York, 1983, p. 98; Transnational Corporations in World Development. Third Survey, 1983, N 4, p. 375.

³ In: ESCAP. Economic and Social Survey of Asia and the Pacific — 1978. Manila, 1979, p. 85; Transnational Corporations in World Development, Third Survey, p. 375.

⁴ In: Yearbook of International Trade Statistics — 1982, vol. I. New York, 1984, p. 499, 805, 971.

⁵ Ibid.

⁶ In: UNIDO. Industry in a Changing World. New York, 1983, p. 349.

⁷ In: Development Papers, SI (ESCAP) 228, p. 73.

⁸ In: "Business Day", Manila, 17.II.1983.

⁹ In: "Straits Times" (Singapore), 31.VIII.1984.

¹⁰ In: "The Developing Economics", vol. XXI. New York, 1983, p. 310—311.

¹¹ In: "Business America", Washington. Vol. 5, N 5. 1982, p. 2.

- ¹⁰ In: "The Developing Economics", vol. XXI. New York, 1983, p. 310—311.
- ¹¹ In: "Business America", Washington. Vol. 5, N 5. 1982. p. 2.
- ¹² In: Djisman Simandjuntak. Problems and Perspectives of the ASEAN-EEC Economic Cooperation. — "Indonesian Quarterly" (Djakarta), vol. XI, 1983.
- ¹³ ESCAP. Economic and Social Survey of Asia and the Pacific — 1984. Bangkok, 1985, p. 16.
- ¹⁴ См.: «Внешняя торговля», 1985, № 8, с. 49.
- ¹⁵ In: "Far Eastern Economic Review", vol. 125. 1984, n 32, p. 44—48.
- ¹⁶ Ibid., vol. 126, 1984, N 44, p. 79—80.
- ¹⁷ In: "Asian Wall Street Journal Weekly" (Hongkong), 8.VII.1985.
- ¹⁸ William C. Tucker. US Protectionism Threatens ASEAN.— "Asian Wall Street Journal Weekly" (Hongkong), 22.X.1984, p. 16.
- ¹⁹ См.: БИКИ, 15.V.1982.
- ²⁰ In: "Daily Yomiuri" (Tokyo). 25.I.1985.
- ²¹ См.: К. П. Дьяченко, С. А. Павлов, А. А. Рогожин. Экономические отношения Южной и Юго-Восточной Азии с развитыми капиталистическими государствами (современные тенденции). БИКИ, 1980, Приложение № 1, с. 21.
- ²² Подробнее см. Сверхмонополии в Юго-Восточной Азии. М., 1983.
- ²³ In: V. Kanapathy. Investments in ASEAN: Perspectives and Prospects.— "UMBC Economic Review" (Kuala Lumpur), vol. XV, 1979, N 1, p. 19.
- ²⁴ In: Transnational Corporations. Third Survey, p. 137; John Wong. ASEAN Economics in Perspective. Philadelphia, 1979, p. 180—181; Multinational Corporations. Singapore, 1978, p. 175.
- ²⁵ Н. Карагодин. Промышленный экспорт из развивающихся стран в развитые: обострение противоречий.— «МЭ и МО», 1983, № 3, с. 103.
- ²⁶ In: Thomas Morrison. Manufactured Exports from Developing Countries. New York, 1976, p. 33.
- ²⁷ In: St (ESCAP) 228, p. 216.
- ²⁸ In: "The Developing Economics", p. 332—333.
- ²⁹ См.: Сверхмонополии в Юго-Восточной Азии, с. 58.
- ³⁰ In: St (ESCAP) 228, p. 199—203.
- ³¹ In: Djisman Simandjuntak. Op. cit., p. 90.
- ³² В. Васильев. «Новые индустриальные страны» в международном капиталистическом разделении труда.— «МЭ и МО», 1985, № 2, с. 38.

Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР

II

Основная сфера научных интересов талантливого исследователя В. В. Петрова — история китайской литературы XIX—XX вв. Его первые печатные работы посвящены рассмотрению новых явлений, типичных для китайской литературы первых лет после создания КНР. Это большие обзорные статьи — «Литература нового Китая» (1950); «Новый этап. По материалам I-го Всекитайского съезда работников литературы и искусства» (1950); «Китайская литература на пути к социалистическому реализму» (1954). Статьи эти почти полностью построены на материалах китайской литературной периодики. Их основная цель — ознакомление советских читателей с наиболее характерными процессами в литературе КНР, с проблематикой и героями новых произведений.

Наибольшее внимание В. В. Петров уделяет новой китайской поэзии. Его интересуют основные тенденции ее развития (статья «Китайская поэзия наших дней», 1951), влияние советской поэзии на творчество современных китайских поэтов (статья «В. В. Маяковский и современная китайская поэзия», 1952). Темы эти были новыми для советского китаеведения, и можно сказать, что В. В. Петрову пришлось двигаться по целине, приобретая реальные знания в процессе самой работы. Существенную помощь оказали ему прямые контакты с китайскими поэтами (Кэ Чжунпин, Ли Ци, Янь Чэнь, Тянь Цзянь, Юань Шуйпо, Гэ Бичжоу, Сяо Сань и др.). С одними из них он встречался, с другими состоял в переписке. Китайские поэты присылали ему свои книги, что помогало в формировании надежной базы для исследования.

В процессе изучения современной китайской поэзии отчетливо определился особый интерес В. В. Петрова к творчеству Ай Цина — одного из самых крупных современных поэтов. Исследователь сконцентрировал усилия на изучении биографии и произведений Ай Цина, вступил в переписку с поэтом, собрал коллекцию его книг. После нескольких небольших публикаций он написал книгу об Ай Цине под названием «Ай Цин. Критико-биографический очерк» (1954). В книге рассматривается творчество Ай Цина на разных этапах, анализируются его литературно-эстетические взгляды, отличительные черты творческой манеры, его свободный стих. В. В. Петров старался делать акцент на раскрытии связи поэзии Ай Цина с эпохой, с борьбой китайского народа за национальную независимость и за победу революции, на патриотических и интернационалистских мотивах его творчества. Книга построена на оригинальных китайских материалах, ранее никем из ученых не привлекавшихся. В определенном смысле она может быть названа новаторской, поскольку до нее монографических исследований об Ай Цине вообще не было, даже в самом Китае.

В сфере научных интересов В. В. Петрова — творчество таких писателей, как Лу Синь, Го Можо, Мао Дунь, Лао Шэ, Ба Цзинь, Юй Дафу, Дин Лин. В его переводе в 1954 г. вышли «Дикие травы» Лу Синя, затем неоднократно переиздававшиеся. Следом появились статьи о Лу Синь (в 1956 г. — «Великий писатель китайского народа» и в 1958 г. — «Лу Синь и китайская поэзия»), а в 1960 г. В. В. Петров выпустил монографию «Лу Синь. Очерк жизни и творчества». Много места отвел ученый анализу его художественной прозы, подробно рассмотрел специфические черты лусиневской публицистики, на достаточно широком материале рассказал о той огромной работе, которую проделал Лу Синь, пропагандируя в Китае русскую классическую и советскую литературу. Опираясь на достижения советского китаеведения в изучении творчества Лу Синя, В. В. Петров стремился вместе с тем к наиболее полному использованию китайских источников и биографических материалов, трудов китайских лусиневедов. К жизни и творчеству классика китайской литературы В. В. Петров обращался многократно и в последующий период, опубликовал, в частности, статью «Лу Синь и Советский Союз» (1976). В 1971 г. в составе «Библиотеки всемирной литературы» было осуществлено новое издание повестей и рассказов писателя. В. В. Петров составил к этому изданию подробный синологический комментарий, который впоследствии использовался и в других изданиях произведений Лу Синя (1981, 1986).

Когда в 50-х годах издательство «Художественная литература» предприняло издание сочинений Го Можо под редакцией Н. Т. Федоренко, к работе был привлечен и В. В. Петров. Он перевел на русский язык пьесы Го Можо «Цветы дикой вишни» (1953), «Тигровый знак» (1955), «Ван Чжаоцзюнь», «Чжо Вэньцзюнь» и «Гао Цзяньли» (1958). Эти пьесы, написанные на сюжеты

из древней истории Китая, необходимо было сопроводить достаточно обстоятельным комментарием, который и был составлен В. В. Петровым и опубликован в 1958 г. во втором томе сочинений Го Можо.

В 1955 г. первый раз на русском языке были изданы рассказы Ба Цзиня. В. В. Петров предпослал этому сборнику краткое предисловие, знакомившее советских читателей с жизнью и творчеством выдающегося писателя Китая. Это явилось первым шагом и в дальнейшем привело автора к углубленному изучению творчества Ба Цзиня.

В 1960 г. В. В. Петров участвовал в подготовке к изданию двухтомника пьес Цао Юя на русском языке. Им написано послесловие. В статье «Творческий путь Юй Дафу» (1972) В. В. Петров сосредоточил внимание на раскрытии особенностей творческой манеры Юй Дафу, а также постарался осветить его литературную деятельность на рубеже 20-х и 30-х годов и в период национально-освободительной антияпонской войны. В разное время В. В. Петровым были опубликованы статьи о Го Можо, Дин Лин, Мао Дуне. Целый цикл статей посвятил автор Лу Синю: «Лу Синь и Юй Дафу» (1967), «К истории общества «Утренние цветы» (1971), «Лу Синь и Цюй Цюбо» (1975).

Углубленные занятия литературой 30-х гг. породили интерес к такой важной проблеме, как формирование идейно-эстетических основ китайской революционной литературы, которая последовательно ориентировалась на марксистскую эстетику и советскую литературу. В результате В. В. Петровым были написаны и опубликованы статьи «Ранние китайские переводы работ В. И. Ленина по вопросам литературы и искусства» (1970) и «Советская литература в Китае в 1928—1930 гг.» (1977). Для первой из названных статей характерно стремление автора воссоздать в наибольшей полноте картину появления ранних переводов на китайский язык статьи «Партийная организация и партийная литература», а также ленинских статей о Толстом. Составляющий основу статьи историко-библиографический обзор ученый сопроводил суждениями, призванными показать, какое огромное идейное влияние оказывали переводы работ В. И. Ленина на китайскую революционную литературу.

С конца 70-х годов литературоведческие занятия В. В. Петрова стали смещаться в сторону китайской литературы XIX в. Он включился в обсуждение спорных проблем периодизации и опубликовал статью «К вопросу о периодизации китайской литературы XIX — начала XX вв.» (1977). В статье рассматриваются различные варианты периодизации, представленные главным образом в книгах и статьях китайских исследователей, и предложены некоторые новые подходы к обоснованию принципов периодизации литературного процесса. Автором выдвинут на обсуждение новый рабочий вариант периодизации. Предлагая этот вариант, В. В. Петров шел от достигнутого ныне синологической наукой реального освоения литературного материала к условной схеме, а не наоборот, как это нередко случается.

Для девятитомной «Истории всемирной литературы», издаваемой ИМЛИ им. Горького, В. В. Петровым написаны разделы, посвященные китайской литературе XIX в.

В последние годы много времени и усилий потребовала от В. В. Петрова работа, связанная с изданием трудов его учителя академика В. М. Алексеева («Китайская литература», 1978; «Наука о Востоке», 1982). В этой связи можно также отметить, что В. В. Петров составил и опубликовал «Аннотированную библиографию трудов академика В. М. Алексеева и литературы о нем» (1972, 1983), сопроводив ее иероглифическим указателем авторов и произведений китайской литературы, переведенных В. М. Алексеевым.

Свою исследовательскую работу литературовед-китаист А. Н. Желуховцев начал с исследования китайской литературы эпохи средневековья. Результаты работ за 1958—1969 гг. были представлены в монографии «Китайская городская средневековая повесть хуабэнь» (1969) и ряда статей на эту тему, а также в написании разделов для «Истории всемирной литературы» (1984): «Переводная буддийская литература», «Философская проза VII—IX вв.», «Философская проза X—XIII вв.», «Сунская народная повесть X—XIII вв.».

В 1966 г. во время стажировки в Китае А. Н. Желуховцев был очевидцем события «культурной революции», что привело к переориентации его научных интересов на современность. В 1968 г. в журнале «Новый мир» были напечатаны записки очевидца «Культурная революция с близкого расстояния», которые впоследствии вышли отдельной книгой (1973). Она была переведена на ряд языков и издавалась во Франции, в ФРГ, Турции, НРБ, ЧССР, Италии. В 1969—1979 гг. А. Н. Желуховцевым была написана книга «Литературная теория и политическая борьба в КНР» (1979), а затем опубликованы многочисленные статьи на близкие темы. В частности, раздел для коллективной монографии «Судьба культуры в КНР».

Творчество отдельных выдающихся китайских писателей и судьба их наследия, их международное влияние становились предметом изучения А. Н. Желуховцевым. Лу Синю посвящены статьи «Судьба наследия Лу Синя после «культурной революции» в Китае»; «Юбилей Лу Синя в КНР»; «Лу Синь в американской синологии».

О творчестве Го Можо А. Н. Желуховцев опубликовал статьи «Последние исторические пьесы Го Можо» и «Го Можо — «герой» или жертва «культурной революции?»».

Особое внимание исследователь уделил изучению публицистики Дэн То (1912—1966). Им написаны статьи «Фельетоны Дэн То» («Проблемы Дальнего Востока, 1972, № 2), предисловие к его избранным произведениям «Вечерние беседы в Яньшани» (1974) и статья «Посмертная

судьба Дэн То» («Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 3). Творчеству Чэнь Байчэня посвящена работа «Характерные тенденции китайской литературы второй половины 70-х годов на примере исторической пьесы «Песня Большого ветра» (в кн.: «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока», 1982).

О писателе Ба Цзине А. Н. Желоховцевым опубликована статья «Ба Цзинь: писатель-патриот» («Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4).

Общие тенденции в китайской литературе и культуре 70-х и 80-х годов становились предметом рассмотрения в следующих статьях А. Н. Желоховцева: «Новая направленность китайской литературы» (в кн.: «Идеологическая борьба и современная культура», 1972); «Идеалы новой культуры» (в кн.: «Литература и культура Китая», 1972); «На распутье. Китайская литература сегодня» («Литературное обозрение», 1981, № 1).

Большой интерес представляет воздействие традиций китайской культуры на современность и влияние китайской классической литературы на литературу КНР. Этой широкой теме А. Н. Желоховцевым посвящен ряд статей, в которых рассматриваются ее отдельные аспекты.

В связи с возобновлением в 80-е годы популяризации русской и советской литературы в КНР, А. Н. Желоховцевым написаны статьи «Китайцы любят читать советских писателей» («Советская литература», 1981, № 8); «Русская классическая литература в КНР в 1977—1980 гг.» (в кн.: «Русская классика в странах Востока», 1982).

В области китайской классической литературы А. Н. Желоховцеву принадлежат статьи: «Проза сунского Китая» (предисловие к книге «Нефритовая Гуаньинь», 1972); «Литературные взгляды Хань Юя и Лю Цзуньюаня» (в кн.: «Историко-филологические исследования», 1974); «Об этимологии и значении термина бяньвэнь» («Народы Азии и Африки», 1976, № 3, совм. с Ю. М. Кролем); «Пример жизни и творчества Чжэн Баньцяо» (в кн.: «Проблемы восточной филологии», 1979).

А. Н. Желоховцев активно выступает также переводчиком современных китайских писателей.

В 1964 г. появилось исследование М. Е. Шнейдера «Творческий путь Цюй Цюбо (1899—1935)», посвященное изучению наследия видного китайского критика-марксиста, одного из руководителей КПК, писателя, поэта, переводчика. М. Е. Шнейдеру принадлежит также монография «Русская классика в Китае. Переводы, оценки, творческое освоение» (1977). Впервые в советском литературоведении воссоздана картина распространения русской литературы в Китае, очерчены этапы проникновения, популяризации и творческого освоения произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, показано влияние русской литературы на китайскую и ее воздействие на развитие общественной мысли Китая.

М. Е. Шнейдер выступил также составителем, переводчиком, автором предисловия и примечаний к книге Цюй Цюбо «Избранное» (1975).

Многочисленные работы по истории китайской литературы и письменных памятников написаны Л. Н. Меньшиковым. Одним из оригинальных его трудов является «Реформа китайской драмы» (1959). Книга посвящена истории «движения за реформу китайской классической драмы» в 50-х годах XX в. Излагается и анализируется содержание исторической, бытовой и фантастической драмы китайского театра классического типа и те изменения, которые происходили в традиционном репертуаре китайского театра в процессе реформы.

Следует также назвать работу Л. Н. Меньшикова ««Западный флигель» и его роль в истории китайской драмы» (о книге Ван Шифу «Западный флигель, где Цуй Инин ожидала луны», 1960). Статья посвящена разбору пьесы начала XIV в., одному из самых блестящих образцов китайской драмы в «золотой век» ее развития.

Несомненный интерес представляют работы Л. Н. Меньшикова по вопросам песенно-повествовательных жанров китайской литературы. К этой теме автора привели поиски истоков китайской драмы. Наибольшее его внимание привлекли произведения жанра *бяньвэнь*, обнаруженные среди рукописей, найденных в начале XX в. в Дуньхуане. Жанр *бяньвэнь* развивался в VIII—XI вв. в буддийских и даосских обителях древней столицы Чаньань и на периферии. Разработке этой темы способствовало изучение рукописей из Дуньхуана, хранящихся в ИО ИВАН (коллекция экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1914—1915 гг.), группу по описанию которых Л. Н. Меньшиков возглавляет с 1957 г. Назовем одну из главных его работ: «Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ».

Несомненно, внимания заслуживает работа Л. Н. Меньшикова «Художественные средства и литературный процесс. На материале китайской литературы» (1966). Речь идет о важности изучения формы и стилистики литературы для понимания процесса ее развития. Следует также упомянуть его труд «К вопросу о династийной периодизации истории китайской литературы» («Теоретические проблемы истории литератур Дальнего Востока», 1968).

Автором констатируется факт реального развития литературных жанров, совпадающий с так называемыми династийными периодами китайской истории, и делается предположение о формах влияния исторического процесса на процесс литературный.

Необходимо упомянуть и работу Л. Н. Меньшикова «Буддийские притчи в китайской литературе». В ней рассматривается история проникновения в Китай буддийской литературы притч и процесс усвоения Китаем индийского литературного материала, делается упор на историю

и исследование известной «Сутры ста притч» («Бай юй цзин»), написанной в V в. и еще в XX в. выдержавшей ряд переизданий и переработок.

Л. Н. Меньшиковым выполнены переводы произведений китайской литературы, в частности пьес Ван Шифу «Западный флигель, где Цуй Инин ожидала луну», Чжан Гуанцзу «Домашних духов обманув, душа Цань-нью расстается с телом» и ряда других.

В разных изданиях и журналах публиковались также сделанные Л. Н. Меньшиковым переводы стихов Ван Вэя, Ли Бо, Чжан Цзи, Гао Ши, Лу Синя, корейских поэтов, писавших по-китайски, переводы рассказов древних и современных китайских писателей.

Из работ В. И. Семанова следует назвать книгу «Лу Синь и его предшественники» (1967), которая рассказывает о связях писателя с предшествовавшей ему литературой. Ценным трудом явилась его работа «Эволюция китайского романа. Конец XVIII — начало XX в.» (1970) — исследование жанра обличительного романа. В. И. Семанову принадлежат также многие переводы произведений современных китайских писателей.

Изучению литературного наследия посвящена работа О. Л. Фишман «Китайский сатирический роман (эпоха Просвещения)», 1966. В книге содержится анализ сатирического романа, а также литературных его предшественников. О. Л. Фишман написана также работа «Три китайских новеллиста. XIII—XVII вв. Пу Сунлин, Цзи Юнь, Юань Мэй» (1980). Автор дает анализ трех крупных прозаиков Китая, рассматривает разновидность китайской новеллы, образцов прозы малых форм — *бицзи*. Специфика материала определила и необходимость использования статистического метода (таблицы, демонстрирующие состав сборников, функции сверхъестественных персонажей, шкалу моральных ценностей, топографическую и хронологическую соотнесенность рассказов и т. п.).

Усилия ряда советских сиологов-литературоведов направлены на всестороннее изучение крупнейших памятников словесно-художественного искусства Китая, к переводу их на русский язык, к освещению проблемных вопросов литературного творчества Китая в прошлом и настоящем.

Здесь следует назвать такие коллективные работы: «Литература Древнего Китая» (1969), где содержится анализ канонических памятников Шицзин, Шуцзин, Ицзин, Шицзи, рассматриваются особенности китайской мифологии, взаимоотношения литературы и фольклора и др.; «Литература и культура Китая» — сборник статей к 90-летию со дня рождения В. М. Алексеева (1972), в котором помещены материалы о научной деятельности академика, а также статьи о разных периодах истории китайской литературы; «Изучение китайской литературы в СССР» (1973) — сборник статей, охватывающих широкий круг проблем классической, средневековой и новой литературы Китая и др.

Заметным вкладом в отечественную сиологию явился выход в свет древнейшего поэтического памятника Китая «Книги песен»¹ («Шицзин»), полный текст которого впервые переведен на русский язык А. А. Штукиным.

Заслуживает быть отмеченным также выход в свет русского издания поэтических творений Цюй Юаня² (IV—III вв. до н.э.) — древнейшего поэта Китая, одного из родоначальников китайского литературного языка, основоположника поэтического жанра «Чуские строфы». Полный поэтический перевод сочинений Цюй Юаня на русский язык, как и «Книги песен», был принят впервые. Несмотря на тысячелетия, отделяющие нас от живого Цюй Юаня, нам близка муза поэта. В ней сильны такие вечные начала настоящей поэзии, как любовь к родине, к родному народу, к человеку. Поэт утвердил в своем творчестве благородные принципы гуманизма и патриотизма.

Изданные на русском языке переводы ряда крупнейших поэтов Китая позволили выпустить в свет «Антологию китайской поэзии»³ в четырех томах. Советский читатель с интересом встретил эту книгу, в которой отозвалась одаренность китайского народа, с такой неповторимо самобытной яркостью проявились патристические идеи, дух гуманизма и свободолобивые стремления выдающихся художников слова различных эпох.

«Антология китайской поэзии», явившаяся результатом научного содружества советских и китайских литературоведов и филологов, редакторов и переводчиков, по полноте материала и многообразию жанров представляет собой уникальное в своем роде издание среди хрестоматий и антологий китайской поэзии, выходящих в свет до настоящего времени за пределами Китая.

Первый том антологии включает, помимо песен, од и гимнов «Книги песен», «Чуские строфы» Цюй Юаня, произведения поэтов периода с III в. до н. э. по VII в. н. э. — пятисловные стихи знаменитого полководца Древнего Китая Цао Цао (II—III вв.) и его сыновей Цао и Цао Чжи, изумительные строки Тао Юаньмина (IV—V вв.), прекрасные народные песни — ханьские *юэфу* и др.

Второй том полностью занят творениями «золотого века» китайской поэзии — поэзией периода Танской династии (VII—X вв.), эпохи творческого расцвета плеяды бессмертных художников слова — Ли Бо, Ду Фу, Бо Цаюйи, Юань Чжэня, Ван Вэя, Мэн Хаожаня, Хань Юя и множества других поэтов, чьи имена были всегда особенно дороги сердцу китайца.

Третий том охватывает период трех династий — Сун (X—XIII вв.), Мин (XIV—XVII вв.) и Цин (XVII—XIX вв.), когда на поэтическом олимпе подвизались выдающиеся певцы Су Дунно, Оуян Сю, Лю Юн, Лу Ю, Ли Цинчжао, Синь Цицин, а затем — Линь Цзэсюй, Хуан Цзунсянь и др. В этот

период родились новые жанры, самобытные стили высокого поэтического искусства, хотя вершин Танской эпохи оно уже более не достигало никогда.

Весь четвертый том занимает новая поэзия Китая 1919—1957 гг. Наряду с поэзией таких поэтов, как Го Можо, Сяо Сань (Эми Сяо), Тянь Цзянь, Цзан Кэцзя и др., широко представлены и стихи, впервые переведенные на русский язык. Здесь помещено много стихотворений, написанных уже после победы народной власти. Ряд стихотворений посвящен В. И. Ленину и теме советско-китайской дружбы.

В этой связи следует отметить и издание под редакцией Н. И. Конрада наиболее полной на русском языке хрестоматии китайской литературы⁴, выход в свет которой, как справедливо отмечается в предисловии к этой книге, оказался возможен благодаря появлению многочисленных переводов произведений китайской литературы на русском языке. К сожалению, в хрестоматии недостаточно представлены произведения словесно-художественного искусства и не всегда оправданно помещены тексты, не имеющие прямого отношения к собственно литературному творчеству. Так, например, не включено ни одно из поэтических произведений талантливейшего художника слова китайской древности Цзя И (III—II вв. до н. э.), а помещено введение к «Трактату о военном искусстве» У Ци (начало V — конец IV в. до н. э.), которое в китайских хрестоматиях не содержится и обычно рассматривается как памятник военной мысли Китая.

Проблема китайской народной поэзии — жанр *юэфу* («музыкальная палата») — разработана Б. Б. Вахтиным, которым были впервые переведены на русский язык песенно-поэтические творения этого памятника древнекитайского художественного творчества⁵.

Поэтическое творчество танского периода — эпохи наивысшего подъема словесно-художественного искусства Китая — неизменно привлекает внимание многих литературоведов. Вопросам разработки творчества Ду Фу, одного из самых выдающихся поэтов этого периода, посвящены работы В. А. Серебрякова⁶. Поэзии другого крупнейшего художника слова Ли Бо посвящена работа О. Л. Фишман «Ли Бо». Автором этой работы выполнен также перевод танских новелл и написана статья об этом жанре⁷. Стихотворения Ли Бо вошли также в сборник «Избранная лирика», которому предпослана оригинальная статья Б. И. Панкратова⁸.

Изучению поэтического творчества Ван Вэя, принадлежащего к числу бессмертных художников слова танского Китая, посвящен сборник его избранных произведений со вступительной статьей В. А. Кривцова «О поэзии Ван Вэя»⁹. Ценность этой книги заключается, в частности, в том, что она дает наиболее полное представление о словесно-речевом искусстве Ван Вэя и помогает нам лучше понять эпоху расцвета китайской поэзии.

В плане изучения танской поэзии следует рассматривать и изданную в 1956 г. книгу, посвященную китайской классической поэзии эпохи Тан¹⁰. В ней наиболее широко представлены образцы творчества крупнейших поэтов периода танской династии. В результате дальнейшего исследования проблемы был издан сборник «Три танских поэта»¹¹ в переводах А. Гитовича.

Проблеме изучения творчества великого китайского поэта Бо Цзюйи, раскрытия своеобразия его поэтического таланта посвящены, как уже нами отмечалось, весьма ценные работы Л. Э. Эйдлина¹².

Среди работ о словесно-речевом искусстве танского периода необходимо назвать принадлежащее Л. Д. Позднеевой исследование о знаменитой «Повести об Ин-ни» Юань Чжэня и ее статью о мировоззрении поэта¹³. Однако, это лишь начало в области раскрытия своеобразия поэтического творчества Юань Чжэня.

Значительно менее освещенной остается литература сунского периода, пришедшего на смену эпохе Тан. Лишь в последнее время советские китаеведы стали изучать поэтическое творчество художников слова этого важнейшего в истории китайской литературы периода. В числе первых работ в этой связи явился сборник стихотворений Лу Ю¹⁴ с содержательной вступительной статьей Е. Серебрякова.

Первые переводы с китайского М. И. Басманова публиковались в 50-х годах — в периодике, в антологиях китайской поэзии (эпохи Тан, эпохи Сун, четырехтомном издании китайской классической поэзии). Позднее его переводы китайской поэзии вошли в однотомник «Поэзия Востока» серии БВЛ.

Отдельными изданиями вышли в свет сборники переводов стихотворений Синь Цици (1961, 1985), Ли Цинчжао «Строфы из граненой яшмы» (1970, 1974), сборник китайской классической поэзии «Цветет мэйхуа», в котором представлены Ли Бо, Бо Цзюйи, Вэнь Тинъюнь, Ли Юй, Оуян Сю, Су Ши, Ли Цинчжао, Чжу Дуньжу, Цин Гуань, Лу Ю, Синь Цици, т. е. все крупнейшие поэты Китая, писавшие в жанре *цзю*. Названные сборники сопровождаются предисловиями и комментариями М. И. Басманова. Им подготовлены также сборники женской поэзии Китая «Строки любви и печали», китайской классической поэзии в жанре *цзю* «Песнь яшмовой флейты».

В последние годы советские читатели познакомились со многими другими образцами китайской классической поэзии. В 1969 г. в сборнике «Классическая поэзия Востока» опубликованы блистательные переводы А. Ахматовой, а в 1979 г. вышла в свет книга А. Адалис «Поэты Востока. Избранные переводы».

Весьма удачным оказался опыт стихотворных переложений произведений великого китайского поэта Ван Вэя (701—761), предпринятый А. Штейнбергом, работавшим в тесном содружестве с

ученым-китаистом В. Сухоруковым, который выступил составителем книги «Ван Вэй. Стихотворения» (1979). Ему принадлежат также вступительная статья, комментарии и прозаические переводы стихов с китайского.

В том же, 1979 г. читатели получили сборник новых переводов поэтов Ван Вэй, Су Ши, Гуань Ханьцина и Гао Ци («Из китайской лирики VIII—XIV веков»), вышедший под редакцией Л. З. Эйдлина. Подстрочные переводы были сделаны В. Сухоруковым и И. Смирновым. Из крупных работ отметим также большой раздел, подготовленный Л. З. Эйдлиным для книги «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии» (серия БВЛ).

Вместе с изучением китайского поэтического творчества советские синологи-литературоведы исследуют вопросы художественной прозы. Последние годы отмечены заметными успехами в этой области. На русский язык впервые переведены крупнейшие памятники китайской прозы — романы, повести, новеллы, рассказы. Здесь прежде всего следует назвать большие романы исторического жанра: «Троецарствие» Ло Гуаньчжуана¹⁵ — героический эпос, созданный на основе бытовавших в народе сюжетов; «Речные заводы» Ши Найяня¹⁶ — крупнейший литературный памятник, отображающий социальную борьбу китайского народа против феодального господства; «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня¹⁷; «Путешествие на Запад» У Чэнья¹⁸ — сатирико-фантастический роман антиклерикальной направленности.

Указанные произведения китайской поэзии и прозы неоднократно переводились на европейские языки (английский, французский, немецкий), однако в основе этих переводов, как правило, лежат принципы, в корне отличные от принципов нашего художественного перевода. Часто, например, европейскими и американскими синологами переводится не весь текст произведения, а лишь отдельные его части либо некоторые главы. При этом сам выбор материала всецело определяется личными вкусами переводчика. Нередко он произвольно опускает трудные в языковом и этнографическом отношении места, а иногда, не проявляя заботы о сохранении китайского оригинала, доверяется своим домыслам, собственной фантазии, сбивается на свободное подражание и вольную переделку оригинала. Смысловые искажения и произвольность интерпретации — крайне частое явление переводов с китайского, например, в странах Западной Европы.

Известны многочисленные случаи, когда европейские переводы китайских художественных произведений, особенно поэтических, представляют собой лишь общий пересказ переводимой вещи, где только угадываются образы и характеры, но вовсе не сохраняются особенности оригинала, его стиль, словесно-художественная экспрессия, специфика речевого мастерства писателя. Так, например, стихотворения поэта танской династии Бо Цзюйи неоднократно переводились западноевропейскими и американскими синологами, но большинство этих переводов страдает весьма серьезными недостатками, и даже лучшие среди них — переводы на английский язык Артура Вэйли — чрезвычайно прозаичны и, следовательно, не передают главного — поэзии. Это стихи без поэзии. Нарушается художественная точность оригинала, не передается смысловая и стилистическая роль словесно-речевых средств, не воссоздается конкретная самобытность подлинника как целого, единого произведения.

Иной подход к переводу поэзии Бо Цзюйи характерен для советских китаистов-литературоведов. Произведения Бо Цзюйи переводились на русский язык в разное время, наиболее полно его поэзия представлена в книге Л. Эйдлина «Четверостишия Бо Цзюйи»¹⁹. Достаточно отметить, что до выхода в свет книги Л. Эйдлина, содержащей сто пятьдесят восемь стихотворений, на русский язык было переведено двадцать восемь четверостиший и две поэмы Бо Цзюйи. Главное достоинство книги в том, что переводчику удалось правильно понять дух поэзии Бо Цзюйи, особенности его творчества, ход мыслей и строй поэтической речи. Лаконичный, скупой китайский стих, предвещающий поэту-переводчику строгие формальные требования, Л. Эйдлин сумел столь же мастерски, сколь и точно, передать лаконичным русским языком.

Советскими китаистами-литературоведами перевод рассматривается не как «отблеск подлинника», а как искусство идейного и художественного выражения оригинала средствами словесной экспрессии родного языка. Перевод должен сохранить историческую объективность и всю возможную полноту в передаче идейного смысла оригинального текста. Мастерству перевода предъявляются у нас весьма высокие требования. Перевод должен позволить русскому читателю наиболее точно и правильно понять оригинал, создать у читателя верное представление об общественно-исторических условиях и духовной жизни изображаемой в подлиннике эпохи, передать конкретное своеобразие и специфику художественных средств оригинала.

Лучшие примеры перевода произведений китайской литературы на русский — это переводы в полном соответствии с китайским, оригинальным текстом. При этом для перевода избирается наиболее выверенное китайское издание, которое выходило при жизни его автора или же было выверено по такому подлиннику. Само собою разумеется, никаких отступлений или изменений оригинального текста не допускается. Аутентичность перевода обеспечивается контрольной сверкой китайского оригинала и русского текста. Толкование исторических фактов и литературных намеков, встречающихся в текстах переводимых произведений, строится на наиболее достоверных и объективных китайских справочниках и энциклопедиях.

Переводы китайских литературных произведений на русский язык, однако, не свободны от недостатков²⁰, порою весьма существенных. Утвердившаяся в нашей практике методика перевода обеспечивает в основном смысловую точность передачи на русский язык содержания оригинала.

Вопрос же сохранения при переводе художественного своеобразия оригинала, т. е. проблема равноценного перевода, далеко не всегда решается одинаково успешно. Здесь часто обнаруживаются существенные неточности, пробелы. В значительной мере это объясняется совершенно различной природой китайского и русского языков, их неодинаковой грамматической структурой, существенными синтаксическими и лексическими особенностями. Перевод иероглифического текста на русский язык часто превращается в своеобразную расшифровку знаков, в процессе которой происходит полная фразеологическая и композиционная перестройка. Здесь немислимо механически точно, дословно воссоздать оригинал средствами русского языка, так как наложение фразы русского языка на фразу китайского текста неизбежно нарушает точность художественную и идейно-смысловую.

И тут возникает крайне сложная проблема — помимо смысловой адекватности, требуется передать художественную точность, конкретное своеобразие, характерную манеру автора думать и выражать лишь ему свойственное видение мира, образное мышление. Иными словами, переводчику надо передать всю индивидуальную специфику писательского почерка, его художественно-речевое искусство. Мы знаем, что именно эти черты литературного творчества автора тесно связаны с содержанием, представляют собой средство раскрытия идейного смысла произведения, и, если они не получают точной передачи в переводе на иностранный язык, невозможно говорить о сколько-нибудь верной оценке художественного произведения в целом.

В работах классиков марксизма содержатся ясные указания на необходимость сохранения в переводе не только смысловой точности оригинала, но и воссоздания своеобразия стиливых особенностей авторского почерка. Энгельс в статье «Как не следует переводить Маркса», написанной в связи с английским переводом «Капитала», подчеркивает необходимость досконального знания идиоматических и самобытных выражений языка оригинала и важность воссоздания в переводе не буквального значения отдельных слов, но подлинного смысла переводимого текста²¹. Высокая требовательность к идейно-смысловой и стилистической точности языка приобретает особое значение в переводе произведений художественной литературы.

В нашей практике перевода произведений китайских писателей на русский язык слабой стороной нередко является недостаточность словесно-речевой выразительности, стиливой и художественной точности в переводе оригинала. Это происходит, в частности, из-за того, что перевод часто выполняется разными лицами: подстрочный, буквальный перевод делается знающим китайский язык, а литературная обработка — поэтом. Такой разрыв смысловой и художественной частей переводимой вещи приводит к порождению «искусственного» перевода. Происходит механическое соединение содержания и формы, так как один — владеющий китайским языком — видит свою задачу в передаче смысла подлинника, который ему доступен с точки зрения языка оригинала, а другой — поэт или писатель — занимается лишь литературной шлифовкой русского перевода независимо от литературного оригинала, который остается для него совершенно недоступным. Свою цель он видит в придании переводу «красивости», «поэтичности». Этот существенный недостаток характерен почти для всех выполняемых по указанному методу переводов с китайского языка, и прежде всего поэтических произведений, так как лишь очень немногие китаисты-литературоведы владеют поэтическим даром.

Значительны также упущения и художественные недостатки в русских переводах произведений китайской прозы. Причина их в основном таится в том, что словесно-речевые средства китайского оригинала требуют от переводчика глубокого проникновения в языковую ткань иероглифического текста, в стиливые особенности и творческую манеру писателя переводимой вещи. Однако далеко не все китаисты-переводчики владеют всем разнообразием художественно-речевых средств одновременно языка оригинала и русского литературного языка. Это лишает их возможности подходить к тексту иероглифического подлинника с максимальной конкретностью, чтобы воссоздать его на русском языке в точном соответствии с контекстом и с учетом особенностей переводимой вещи.

Тем не менее накопленный к настоящему времени опыт перевода на русский язык произведений китайской поэзии и прозы является серьезной основой для успешного решения вопроса о переводе как искусстве, как мастерстве идейного и художественного выражения оригинала средствами другого языка в наиболее совершенной, полной степени. Это позволило приступить к выпуску сорокатомной «Библиотеки китайской литературы» — издания, доселе не имеющего прецедента в нашей переводческой практике.

Смею сказать, что наш век — век превращения литературных произведений иноземных авторов в достояние духовной жизни нашего народа, народа — наследника общечеловеческих духовных ценностей.

Окончание. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 4.

¹ Шицзин. Издание подготовили А. А. Штукин и Н. Т. Федоренко. М., 1957. См. также: «Шицзин», Избранные песни. М., 1957; Н. Т. Федоренко. «Шицзин» и его место в китайской литературе. М., 1958.

- ² Цюй Юань. Стихи. Пер. с кит. яз. М., 1954, 1956. М., 1954, 1956.
- ³ Антология китайской поэзии. В 4-х томах. Пер. с кит. яз. под общ. ред. Го Можо и Н. Т. Федоренко. М., 1957—1958.
- ⁴ Китайская литература. Хрестоматия. Древность. Средневековье. Новое время. Т. 1. М., 1959.
- ⁵ Юэфу эпох Хань и Наньбэйчао — памятник народной поэзии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954.
- ⁶ Е. А. Серебряков. Патриотизм и народность великого китайского поэта VIII в. Ду Фу. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954.
- ⁷ О. Л. Фишман. Ли Бо. М., 1959.
- ⁸ Ли Бо. Избранная лирика. Вступит. ст. Б. И. Панкратова. М., 1957.
- ⁹ Ван Вэй. Стихотворения. Вступит. ст. В. А. Кривцова. М.—Л., 1959.
- ¹⁰ Китайская классическая поэзия (эпоха Тан). М., 1956.
- ¹¹ Три танских поэта. Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй. М., 1960.
- ¹² Бо Цзюйи. Четверостишия. Пер. с кит. яз. Вступит. ст. и коммент. Л. Эйдлиной. М., 1949. В 1951 г. вышло второе, дополненное издание этой книги, а в 1958 г. третье, расширенное издание.
- ¹³ Л. Д. Позднеева. «Повесть об Ин-ин» Юань Чжэня. Тезисы диссертации. М., 1946: «К вопросу об общественно-политических и философских взглядах поэта Юань Чжэня». Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952.
- ¹⁴ Лу Ю. Стихи. Пер. с кит. яз. И. Голубева. Вступит. ст. Е. Серебрякова. М., 1960.
- ¹⁵ Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Т. 1—2. Пер. с кит. яз. и коммент. В. А. Панасюка. М., 1954.
- ¹⁶ Ши Найань. Речные заводи. Т. 1—2. Пер. с кит. яз. А. П. Рогачева. М., 1955.
- ¹⁷ Цао Сюэцин. Сон в красном тереме. Т. 1—2. Пер. с кит. яз. В. А. Панасюка. М., 1958.
- ¹⁸ У Чэнэн. «Путешествие на Запад». Пер. с кит. яз. А. П. Рогачева и В. С. Колоколова. М., 1956.
- ¹⁹ Бо Цзюйи. Четверостишия. Пер. с кит. яз., вступит. ст. и коммент. Л. Эйдлиной. М., 1951.
- ²⁰ См.: М. В. Крюков. Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня.— «Советское востоковедение», 1957, № 3, с. 106—122.
- ²¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. I; Ф. Энгельс. Исследования и статьи. М., 1937, с. 231.

О литературно-эстетических взглядах Лао Шэ

З. Ю. АБДРАХМАНОВА

Культурная жизнь КНР 50—60-х годов стала ареной ожесточенной идеологической борьбы. Среди тех, кто выступал против воинствующего антигуманизма, культурного нигилизма и утилитаризма, находились и профессиональные литературоведы и искусствоведы, такие, как Ба Жэнь, Лу Лэ, Ма Ханьбин, Фэн Сюэфэн, Ху Фэн, Чжун Дяньфэй, Чэнь Цися, Чэнь Ядин и многие другие. Эти деятели культуры открыто прогневостояли господствовавшему курсу. Их выступления подвергались проработочной критике, часто завершавшейся предъявлением политических обвинений.

Наряду с ними были и писатели, артисты, художники, которые также стремились к развитию основ подлинно социалистической культуры. Некоторые из них выступали в роли литературно-художественных критиков. Это Ай У, Ба Цзинь, Дин Лин, Лао Шэ, Ся Янь, Тянь Хань, Цао Юй, Ша Тин и др.

Критическая деятельность этих крупных писателей воспринимается обычно как второстепенное, побочное для них занятие. Однако, например, Лао Шэ — пользующийся мировой известностью прозаик и драматург — в это время считал одной из главных своих задач написание критических работ. Его привлекала возможность прямо и оперативно включиться в обсуждение животрепещущих вопросов современности, оказывать определенное воздействие на развитие художественного процесса. Ху Цзецин, вдова писателя, подсчитала, что им было создано до тысячи статей и заметок¹.

Сейчас эту сторону творчества Лао Шэ словно заново открывают в Китае. Пишут о том, что «мы мало знаем Лао Шэ — оригинального критика литературы и искусства»². За последние несколько лет, конец 70-х — начало 80-х годов, вышло сразу четыре тома, содержащих его статьи, рецензии, заметки и воспоминания. Современный китайский исследователь так характеризует позицию Лао Шэ-критика: «Лао Шэ в своих статьях никогда не ориентировался на политическую обстановку своего времени, а всегда исходил из принципов смелости и правдивости»³. Он подчеркивает, что необходимо опровергнуть прошлые обвинения в недостаточной теоретической глубине статей писателя и «вести его во дворец теории литературы и искусства»⁴. Литературно-эстетические взгляды Лао Шэ стали предметом обсуждения на посвященной его творчеству конференции в городе Цзинани (1982). Выступавшими было сказано, что «под влиянием «левого уклона» произведения Лао Шэ долгое время оценивались недостаточно объективно»⁵.

Признание критических работ Лао Шэ в КНР и появление потребности вновь обратиться к ним доказывают, что их значение не утрачено и понижено. По-прежнему актуальны многие проблемы китайской литературы и искусства, затронутые в статьях Лао Шэ 50—60-х годов. Представитель интерес и его мысли о развитии литературно-художественной критики в Китае.

Изучение литературно-критической деятельности Лао Шэ дает возможность не только глубже понять все значение этого многостороннего таланта, но и расширить наши представления о критике КНР названного периода, узнать различные формы и методы борьбы прогрессивных деятелей культуры против курса, ведшего страну к ужасам «культурной революции».

Синтетическая природа критического суждения позволяет насыщать его острой публицистичностью, но не в ущерб научному, теоретико-эстетическому началу. В Китае же произошло именно последнее. В конце 50-х годов с усилением левозкстремистских тенденций в культурной политике происходит резкое снижение теоретического уровня критической мысли. Официальная критика стала все больше отходить от научного анализа, все чаще использовать литературные произведения как иллюстративный каталог идейно-политических взглядов писателя, все шире разворачивать практику «навешивания ярлыков» и организации проработочных кампаний.

Лао Шэ хорошо видел слабые места большинства выступлений официальной критики: недостаток научной объективности, перехлесты вульгарного социологизма, проявления вкусовщины и субъективизма. Он мечтал о пронизательном и эрудированном критике, писал, что «критика нуждается в суждениях профессионалов»⁶, то есть должна проникать в самую глубину произведения, рассматривать его не со стороны, а изнутри, быть посвященной во все тонкости профессионального мастерства писателя. Критические статьи, по мнению Лао Шэ, должны быть кратки и деловиты, пока же в них преобладает «обилие цитат, а собственных мыслей нет»⁷. Основным правилом критики должна стать доброжелательность тона⁸.

Лао Шэ высоко оценивал социальную роль критики, подчеркивал многообразие ее функций. «...Обязанность критика — выкинуть в само произведение, проанализировать и критически изучить его, затем раскрыть его подлинную ценность и социальную значимость. Это нужно для того, чтобы народ стал еще лучше понимать и еще больше ценить культурное наследие, чтобы

повышалась культура эстетического восприятия⁹. Лао Шэ считал, что критика должна быть поставлена на фундамент марксистско-ленинской науки¹⁰. Как видим, писатель тесно увязывает научно-теоретические и пропагандистско-педагогические задачи критики, которая в его представлении изучает произведения и выступает посредником между литературой и читателем, выявляет подлинное значение того или иного явления искусства и формирует мнение о нем широкой публики.

Адрес статей Лао Шэ двояк: они обращены и к творческой интеллигенции, и к публике. Критик понимал, что стоит двуединая задача: создавать новое искусство в русле социалистического реализма, а также добиваться его адекватного восприятия зрителем и читателем.

Как добиться того, чтобы народ, преодолев многовековую отсталость, стал действительным хозяином своей культуры? Эту проблему вновь и вновь поднимал Лао Шэ. Он предупреждал об опасности вульгаризаторского подхода к вопросу об «общедоступности» искусства. Писатель понимает его сложность: надо создавать подлинно художественные произведения, не опускаясь до примитива и шаблона, но сделать их доступными широкой массе. Для этого надо уметь «больше истины излагать ясно и просто», ибо «прекрасным будет только то произведение, которым смогут наслаждаться все, а не два-три человека»¹¹. В то время в КНР категория народности порой трактовалась узко, с позиций прагматизма. Лао Шэ выступил против искусственного сужения тематического диапазона литературы и искусства изображением только жизни «рабочих, крестьян и солдат». Он подчеркивал, что каждый писатель имеет право писать то, что ему по душе, то, о чем он больше знает¹². Весь вопрос о том, что «писатель стоит на той же платформе, что и народ — идейно и эмоционально един с ним»¹³.

Писатель боролся с консервативной пережитком традиционного восприятия искусства, в котором социально-этический подход преобладал над эстетическим. В советском Китае отмечено, что в то время «... большое число людей впервые встречались, например, с литературой реалистической и продолжали воспринимать ее по старым меркам и привычкам, т. е. прежде всего как образец для буквального подражания литературным героям»¹⁴. Лао Шэ поднимает проблему соотношения художественного образа и его прототипа. В этом он продолжает дело Лу Синя, который еще в 20-е годы боролся за правильное отношение к литературному герою, как к собирательному типу, имеющему эстетическое значение, а не как к изображению конкретного реального лица¹⁵. Лао Шэ рассуждал следующим образом: «Я пишу рассказ. Поскольку это художественное произведение, я должен создавать образы героев в соответствии с законами творчества, а не писать свою автобиографию или жизнеописание кого-либо из друзей»¹⁶.

Не случайно, перечисляя задачи критики, писатель подчеркивал: «... изучать само произведение...» Традиционное китайское литературоведение обычно подходило к литературному произведению с позиций автобиографизма. Так, в острополемиической статье «Сон в красном тереме» вовсе не сон» Лао Шэ пишет, что этот классический роман долгие годы трактуется как зарисовки из жизни его автора. В таком случае, констатирует он, ослабевает социальное звучание произведения, оно превращается в ребус, разгадывая который читатель забывает о самом романе и думает лишь о том, «сколько подружек было у Цао Сюэциня» и «кто была его тетушка»¹⁷. Писатель высмеивает подобные упражнения. «Мне неинтересно знать, сколько родников было на теле Цао Сюэциня, мне интересно, какую реальную действительность он отразил»¹⁸. Здесь видно, что Лао Шэ боролся не только против традиционной схоластики, но и против левацкого вульгаризаторства, мешавшего здоровому развитию реалистического искусства.

Осудив вульгаризаторский подход к произведениям литературы, Лао Шэ стремится раскрыть природу эстетического, специфику художественного образа. В ряде статей он, обобщая свой богатый творческий опыт и наблюдения над произведениями других авторов, воссоздает динамику рождения типического образа. Лао Шэ видит главный недостаток некоторых произведений современной ему литературы в излишней натуралистичности или, напротив, абстрактности образов. Писатель обосновывает мысль о том, что художественный образ представляет собой диалектическое единство общего и единичного, явления и сущности. Рассматривая особенности системы персонажей своей пьесы «Драконов ус», он отмечает, что старался каждого героя сделать, с одной стороны, «воплощением главной идеи произведения», а с другой — живым человеком, представленным во всей полноте «человеческих чувств»¹⁹. Лао Шэ, говоря о важности обобщения и выявления существенного, одновременно подчеркивает обязательность создания полнокровных образов. Сущностное в образе, по его мысли, должно представлять в конкретно-чувственной форме: недопустимы отвлечение от психологических и бытовых подробностей, схематизация персонажей, привнесение в образную ткань прямого дидактизма. Разбирая достоинства и недостатки своей пьесы «Жемчужина на Фан», он показал, что «изображение отдельных детали намного выразительнее выкрикивания лозунгов»²⁰. Лао Шэ не случайно говорил об этом, в то время многие писатели прибегали к дословному воспроизведению лозунгов в художественных текстах.

Создание образа, как считал Лао Шэ, возможно только при условии глубокого познания жизни. Сюда включается и чувственный опыт, и рассудочное знание. Решающую роль он отводил творческому воображению, которое синтезирует разрозненные сведения и впечатления в конкретный типичный образ. Совершенное владение материалом позволяет отбирать наиболее характерное, «в малом увидеть большое и в одном поступке отразить характер»²¹.

Таким образом, Лао Шэ выступил как против фактографичности образа, так и против превра-

шения его в рупор идей, в средство неуклюжего морализаторства и примитивной пропаганды. Он отстаивал активно творческий характер искусства, боролся за понимание его в качестве специфической формы познания, своеобразного процесса духовной переработки явлений действительности. Он подчеркивал, что искусство имеет прежде всего эстетическое значение, в то время как в официальной критике внимание сосредоточивалось на оценочной и агитационной функциях искусства, оно, по существу, превращалось в разновидность политической пропаганды²². Для большинства китайских критиков был неоспорим примат политического критерия над художественным, отсюда и происходила недооценка эстетической стороны произведения, слабость профессионального художественного анализа²³.

Лао Шэ вступает в полемику с подобными взглядами. Он, разумеется, не отрицает воспитательной роли литературы и искусства, напротив, подчеркивает, что они должны стать частью социалистического строительства²⁴, но для него дидактическая функция искусства реализуется исключительно посредством эстетического воздействия. Поскольку положение, оспариваемое Лао Шэ, было выражением глубинной сути господствовавшего тогда курса, ему приходится по возможности маскировать свою «крамольную» позицию. Лао Шэ раскрывает основной методологический принцип литературно-художественной критики: изучение произведений в единстве их содержания и формы. Но для этого он выбирает жанр не проблемной статьи, а рецензии. Критик анализирует причины большого успеха спектакля традиционной «столичной драмы» — «Согласие министра с генералом». Описывая спектакль и восхищаясь актерской игрой, автор исподволь проводит свою главную мысль о том, что настоящей причиной успеха спектакля стала незрелость для его создателей понятий художественного совершенства и идейно-воспитательного воздействия явлений искусства.

Лао Шэ стремится дать более широкое и правильное толкование самого понятия «идейное воспитание» (сысян цзюяо). В КНР в связи с еще сравнительно недавними попытками искусственно форсировать решение сложнейшей задачи социалистического воспитания народа, а также в связи с постепенно обозначившимся стремлением решать ее в немарксистском духе произошла сдвиги смысла этого понятия. В официальной пропаганде тех лет идейное воспитание стало сводиться к формальному усвоению, а точнее, к заучиванию набора актуальных политических тезисов. Подобная трактовка «идейности» механически переносилась в область литературно-художественной критики.

Перед Лао Шэ стояла задача доказать, что недопустимо к произведению искусства подходить с мерками агитационного воздействия и не видеть своеобразия его идеологического значения. Он пишет: «Зрители в нашем обществе должны смотреть идейно содержательные пьесы, поэтому все и приветствуют спектакль «Согласие министра с генералом». Обратите внимание, я говорю об идейности именно пьесы традиционного жанра, а не чего-либо еще. Спектакль непременно должен быть развлекательным. Это означает, что люди получают идеологическое воспитание, наслаждаясь благозвучными ариями, зрелищем ярких костюмов, отточенностью приемов борьбы, блестящей актерской игрой»²⁵.

Лао Шэ не только говорит о необходимости уделять внимание художественной стороне произведений, но и делает это основным принципом собственной критической деятельности. В его многочисленных рецензиях и откликах на новые книги, спектакли, кинофильмы и прочее постоянно присутствует анализ языка, композиции, системы персонажей и др. Иногда он специально выделяет его присутствие, меняет традиционный порядок разбора произведения, начиная с его формы, затем переходит к идейному содержанию. Например, в рецензии на сборник эпической поэзии народности дай собственно анализ начинается с фразы: «Сначала о языке...»²⁶. Причем наблюдения над особенностями стиля отдельного произведения синтезируются в тезис более общего характера: о своеобразии видения и изображения мира в фольклоре²⁷.

Характерна логика построения вывода рецензента: книга не только доставляет эстетическое наслаждение, но и раскрывает страницу из истории народности дай, показывает его героическую стойкость в борьбе с угнетателями²⁸. Здесь также бросается в глаза стремление критика подчеркнуть важность эстетической оценки, которую он выносит на первый план.

В полной мере осознать важность и принципиальность подобной позиции Лао Шэ поможет сопоставление ее с позицией Мао Дуя. Этот выдающийся писатель, занимавший в то время пост министра культуры КНР, почти отошел от творческой деятельности, но активно выступал в качестве критика. Сравним две рецензии Лао Шэ и Мао Дуя на один спектакль — по пьесе К. Симонова «Русский вопрос». Различны их названия: «После просмотра прекрасного спектакля «Русский вопрос» и «Воспитательное значение «Русского вопроса». У Мао Дуя в полном соответствии с названием дается характеристика воспитательного и пропагандистского значения спектакля. Главное внимание уделено социальному звучанию изображаемых событий, судьбы конкретных героев его мало интересуют, впрочем, так же как и сам спектакль. Это утверждение звучит парадоксально, тем не менее в рецензии Мао Дуя мы не найдем какого-либо анализа произведения, оно становится поводом для написания публицистической по сути статьи с разоблачением «американского образа жизни» и агрессивности внешней политики США.

У Лао Шэ подробно рассматриваются проблематика, сюжет, образы спектакля. Он отмечает трудность задачи воплощения симоновской пьесы на китайской сцене. Более того, Лао Шэ сопоставляет различные варианты ее постановки: в театре и в кинематографе. Показывая разные

трактовки образа жены главного героя пьесы, он дает и свое оригинальное прочтение его, демонстрируя глубокое понимание социально-этического конфликта произведения.

Идейно-воспитательная роль спектакля также не ускользает от внимания Лао Шэ, но поскольку вывод о ней делается после рассказа об искалеченных судьбах героев пьесы, то и образ капиталистической Америки становится ярче, объемнее.

В рецензиях чувствуется установка на разные функциональные стили. Если заметка Мао Дуня выдержана в стиле политической статьи, то в рецензии Лао Шэ преобладает тон непринужденной беседы.

Лао Шэ отдавал много сил воспитанию молодых дарований, писал статьи и брошюры, в которых делился творческим опытом, секретами мастерства²⁹. Но он никогда не забывал напомнить и подчеркнуть, как трудно стать настоящим писателем. Он выдвигал перед молодежью целый комплекс сложнейших задач: выработка марксистско-ленинского мировоззрения, усвоение норм коммунистической морали, активное участие в жизни народа, накопление богатого жизненного опыта и обширных познаний в мировой и отечественной культуре, неустанный труд и совершенствование мастерства. Кроме того, Лао Шэ пишет множество рецензий и заметок, в которых выражает свое восхищение виртуозной игрой опытных мастеров сцены, талантом известных писателей, драматургов, кинорежиссеров и художников. Так, он писал о Мэй Ланьфане, Чжоу Синфане, Ба Цинне, Чжао Шули, Оуян Юйцяне, Цао Юе, Ся Яне, Ши Байши и многих других.

Интересна заметка о «знатоке столичной драмы» и «короле гушу» (песен под барабан — жанр традиционного искусства) Лю Баоцюане. Выразительно ее название: «Воспоминание подобно новому впечатлению». В небольшой рецензии Лао Шэ очень ярко передает силу впечатления от актерской игры. Для этого он использует своеобразный прием: описание выступления Лю Баоцюаня ведется в форме репортажа из зрительного зала и только в конце сообщается, что все это впечатления 40-летней (!) давности. Главным принципом описания становится гиперболизация. Соотношение эмоционально-образительного и логико-информативного материала резко сдвинуто в пользу первого. «Репортаж» строится на параллельном изображении выступления актера и бурной реакции зрителей. Собственные ощущения автора передаются лаконично и тонко. Тщательно отобраны языковые средства. Повышенная экспрессивность заметки достигается за счет использования повторов и параллельных конструкций, ритмизацией текста, соответствующими интонационными переходами³⁰. Здесь ярко проявилось мастерство Лао Шэ: критика, в заметке не только выражено впечатление автора от игры артиста, но и ярко описаны особенности актерского дарования, поведение его на сцене, восприятие его публикой.

Проблема профессионального мастерства работников искусства была затронута и в ходе дискуссии о возможности одновременного сочетания «тенденциозности» и «художественности». Мао Дунь откровенно признавал, что, хотя «писатель не должен быть недобросовестным, но иногда в интересах революции имеет право и на топорную работу. Это означает, что он вынужден во имя скорейшего выполнения поставленной задачи писать заведомо несовершенные произведения»³¹. Такая позиция была совершенно невозможна для Лао Шэ. В одной из статей он словно отвечает своему современнику: «Писать быстро вовсе не значит халтурить. Беря на себя выполнение срочной задачи, мы должны заключить следующий договор: мы беремся за дело с радостью и решаем выполнить его отлично!»³²

Писатель резко выступил против так называемой лозунговой литературы, произведений-однодневок на злобу дня. Он считал, что «чем выше политический энтузиазм, тем строже должен быть писатель к художественной стороне своего творчества». Если же заботиться лишь о верной передаче политических установок, то произведение превратится в «бледную пропагандистскую продукцию», будет, словно «тень без плоти и крови».

В рецензиях на новые книги, спектакли и фильмы Лао Шэ едко высмеивал все безжизненное, ходульное, далекое от подлинного искусства. Так, он писал об одном фильме: «Взгляните, юноша и девушка только соберутся говорить о любви — не успеет ястреб встрепетаться, заговорят о производственной учебе или о международной обстановке. Бабушка только соберется затосковать о внучке, работающей в далеком краю, как вдруг воскликнет: «Сяо Лань, ты дочь своей страны, я не могу не быть спокойной за тебя!» Когда вопрос можно разрешить несколькими репликами, непременно появляется непробиваемый, словно деревянное яйцо, ганьбу и делает политический доклад минут на десять-пятнадцать. Таким образом кино напоминает лекцию, которую читают артисты в гриме. Разница лишь в том, что при этом тратится на несколько десятков тысяч юаней больше. Вышеприведенные примеры не совсем соответствуют действительности, факты еще ужаснее»³³.

Лао Шэ отличался высокой требовательностью к поэтике произведения, совершенству композиции, отточенности стиля, продуманности системы героев. Очень много писал о необходимости молодым писателям вырабатывать индивидуальный стиль. «В последнее время наблюдается пренебрежение к языку, считается, что если идейное содержание правильно, стиль изложения не так важен. Но это неверно. Глубокие идеи и отточенный язык взаимосвязаны»³⁴.

Высоко оценивая успехи новой литературы, Лао Шэ видел и то, что мешало ее подлинному расцвету, но не боялся говорить об этом. Так, оговариваясь, что считает участие писателя в общественной жизни обязательным, он все же писал о чрезмерной занятости писателей в многочисленных мероприятиях, им буквально не оставалось времени на творчество. Критик призывал не

подменять идейное руководство в области искусства грубым администрированием. Он с возмущением писал о примерах ущемления творческой самостоятельности писателей. Произведение, прежде чем увидит свет, должно пройти через множество инстанций и проверок, в ходе которых автору рекомендуют «исправить» то, что сочтут неверным в идейно-политическом плане. В результате нарушается цельность работы, исчезают приметы индивидуальной манеры письма. Критикуя вмешательство некомпетентных лиц в творческий процесс, Лао Шэ писал: «Если же какой-либо кадровый работник будет заставлять нас ввести в действие героя, непробиваемого, словно деревянное яйцо, то мы должны объяснить ему, что такое искусство»³⁵. Писатель саркастически отзывался также о практике выдвижения на первый план количественного критерия, забвении специфики искусства. В одном из публичных выступлений он открыто высмеивал политику «большого скачка». «Все усердно трудятся, при встрече спрашивают друг друга: «Сколько раз сыграл на сцене?» — «Шестьдесят». — «Отлично. А я двенадцать тысяч!» (Смех в зале). Подобный энтузиазм похвален, но, похоже, от этого немного страдает искусство»³⁶.

Особое раздражение у ряда официальных критиков КНР вызывали произведения сатирической направленности. Сатира была под негласным запретом. Что касается Лао Шэ, то, как подметил В. И. Семанов, «смех был его потребностью и его натурой, одной из самых глубоких черт его творчества»³⁷. Надо сказать, что эта черта проявилась и в литературно-критическом творчестве. Об этом свидетельствует ряд примеров, приведенных выше. В них ирония и гротеск становятся орудием полемики, снижения и развенчания ложных посылок.

Судьба сатиры и юмора в новой литературе чрезвычайно беспокоила писателя. Он написал ряд статей, в которых был вынужден заниматься апологией жанра, обоснованием его права на существование. Так, Лао Шэ прибегает к аргументу исторического прецедента: «Самые свирепые диктаторы не могли задуть сатирическую литературу. Напротив, чем сильнее был гнет, тем ожесточеннее сопротивление, выражаемое через сатиру»³⁸. Исползует он и другой прием реабилитации сатиры. Известно, как часто в КНР объявлялись кампании тотальной критики и самокритики, и Лао Шэ заявляет, что «сатира — это острейшая критика и самокритика, а кто может сказать, что они не нужны нам?»³⁹.

Одной из наиболее любимых народом форм сатиры были сяньшэны (традиционный китайский конферанс). Говоря о трудностях работы в жанре сяньшен, Лао Шэ напоминает о специфике этого жанра — его смеховой природе. При этом он словно демонстрирует, как нужно пользоваться орудием смеха. Заостряя до гротеска недостатки некоторых излишне политизированных сяньшэнов, он описывает, во что может превратиться такое выступление. «Артисты, вытаращив глаза, зачитывают политические тезисы, а зрители, напряженно слушая, лихорадочно записывают их...»⁴⁰

Ратуя за возрождение сатиры и юмора в новой литературе Китая, Лао Шэ стремился углубить не реализм. Он осуждал авторов, уходивших от трудных проблем современности. Но в КНР не было принято открыто говорить о неудачах и поражениях. Творческих работников ориентировали на лакировку действительности. Более того, был наложен запрет на само понятие «писать правду», которое понималось исключительно как тенденциозное очернительство. В статье «О сатире» Лао Шэ пишет о трудности пути писателя-сатирика, его произведения либо замалчивались, либо ложно истолковывались как клевета на социалистическую действительность. Недаром и самому Лао Шэ после публикации его сатирической пьесы «Этому не бывать!» («Гляжу на запад, на Чаньань») пришлось выступить с оправдательной статьей.

В подобных условиях одним из немногих возможных средств выразить свое действительное отношение к событиям, а также к произведениям, правдиво отражающим их, становится подтекст, намек. К нему и прибегает Лао Шэ в рецензии на рассказ Чжао Шули «Руки, которые не спрятать в рукавицы» (1960).

Чжао Шули был одним из немногих писателей, которые смогли продолжать творческую работу в те годы, не поступаясь своими идейно-эстетическими принципами. Исследовательница его творчества Н. П. Лазарева отмечает, что «правда его произведений такова, что она, может быть, независимо от воли автора, ставит вопросы, ответ на которые вступает в противоречие с проводимой в стране экономической политикой. Именно в этом подтексте, в скрытой иронии, с помощью которой автор выражал свое подлинное отношение к изображаемому, и проявились новые качества творческого метода Чжао Шули»⁴¹.

В 60-е годы в КНР прошли дискуссии, связанные с проблемой углубления реалистичности литературы и искусства. В частности, Шао Цюаньлинем была выдвинута концепция о необходимости сделать главным героем литературы «среднего человека». В качестве примера он называл произведения Чжао Шули, который, по его словам, «никогда не изменял принципам правдивого отражения действительности и всегда был образцом гражданского мужества»⁴². В 1964 г. творчество Чжао Шули, так же как и теория «среднего человека», было подвергнуто проработочной критике и шельмованию.

Лао Шэ в своей рецензии на рассказ Чжао Шули анализирует язык, композицию произведения, подчеркивает его главную идею — именно такие простые крестьяне, как главный герой Чэнь Бинчжэн, руки которого не умеют отдыхать в рукавицах, и строят новое общество. Не имея возможности называть вещи своими именами, то есть прямо раскрыть подмеченную им социально-критическую заостренность рассказа, критик вынужден ограничиться намеком на нее. Так, он подсказывает читателю, что авторская мысль не лежит на поверхности. Лао Шэ

дважды упоминает о скрытой между строк улыбке писателя, его «озабоченном сердце и встревоженном уме».

Современные китайские критики отмечают, что статьи Лао Шэ по своей форме и стилю выпадали из общей картины литературной критики своего времени. Например, Ван Синчжи пишет, что обычно они отличаются небольшим объемом, лаконизмом и образностью языка, в котором число фраз типа газетных клише сведено к минимуму⁴³. Этим наблюдениям нельзя отказать в справедливости, однако они не сопровождаются какими-либо объяснениями и выводами.

«...Стиль для писателя, так же как и для художника, не проблема техники, не проблема видения» (М. Пруст). Добавим, что и в критике дело обстоит подобным образом. Поэтому и причины резкого выделения статей Лао Шэ на фоне официальной критики нужно искать в особенностях его идейно-эстетической платформы.

Как уже отмечалось, критика в КНР была одним из орудий политической борьбы. В связи с этим авторы статей обычно выражали не столько свое индивидуальное отношение к произведению или проблеме, сколько мнение определенной группировки. Многим критикам в обстановке того времени приходилось выступать со статьями только для того, чтобы зафиксировать свое согласие с официально принятыми оценками.

Лао Шэ занимал принципиально иную позицию⁴⁴. В своих статьях и рецензиях он не случайно оговаривается, что не претендует на какую-либо авторитетность в затрагиваемых вопросах, а всего лишь высказывает собственные мысли и впечатления. Его восприятие искусства подчеркнуто лично. Подобная позиция, характерная для знатока и ценителя прекрасного, имела большое значение в то время, когда шел процесс искусственной девальвации эстетического, когда насаждалось однозначное и однолинейное толкование произведений искусства.

Глубоко личностный характер статей Лао Шэ создается также и благодаря тому, что они широко включают автобиографический материал. Так, Ху Цзесин отмечает: «...Он писал очень много заметок, имевших прямое отношение к нему самому. Словно разбросанные следы, они прерывистой линией запечатлели его жизнь почти на всех этапах»⁴⁵. Лао Шэ пишет множество своеобразных авторецензий, обобщающих опыт его работы над тем или иным крупным произведением. В проблемных статьях он часто делает «лирические отступления», вставляя замечания о себе — о здоровье, о друзьях, о творческих планах.

Эта особенность сообщает литературной критике Лао Шэ тон доверительной и искренней дружеской беседы. Такая черта была уникальной в тогдашнем Китае, никто не писал в подобном стиле. Причем это имело немаловажное значение. Демократизм и задушевность интонации вели к установлению близкого контакта с читателем. Проникаясь симпатией и доверием к личности критика, читатель заражался и его восторженным отношением к социалистическому идеалу, горячий заинтересованностью в создании нового искусства.

Личностность критических работ Лао Шэ неотделима от их публицистичности. Для него естественно слияние личного и общественного, собственная судьба в его представлении всегда связана с судьбой народа, страны. По складу характера и образу мыслей он был очень демократичен, социалистические идеи были органически присущи его натуре. Недаром в своих воспоминаниях о Лао Шэ известный писатель Ба Цзинь называет его «самым звонкоголосым певцом нового Китая»⁴⁶.

Неотделимость для Лао Шэ собственной жизни от жизни своего народа выразительно проявилась, в частности, в статье «Облегчил душу», написанной в 1961 г. по поводу 60-летнего юбилея восстания «боксеров» (ихэтуаней). Отношение писателя к этому историческому событию очень лично, ведь оно непосредственно затронуло семью Лао Шэ — погиб его отец, и определило многое в его собственной судьбе. Эта статья стала своеобразным послесловием к пьесе Лао Шэ «Ихэтуани»; в ней создается историко-социальный и биографический фон ее прочтения. Здесь переплетаются и взаимодополняют друг друга моменты биографический — судьба писателя и его семьи, исторический — ход и значение восстания, публицистический — обличение хищнической природы империализма и пропаганда социалистического строя.

Статья построена на подвижном сопряжении различных семантических пластов. Они разнятся по временным и пространственным характеристикам: изображено начало XX в. в маньчжурском Китае и 60-е годы в Народной Республике, здесь и мир, расколотый на антагонистические социальные системы, и бедняцкий переулок в Пекине, в поле зрения автора — и тягостный удел китайских трудящихся, и несчастья его семьи.

Чрезвычайно богата эмоциональная палитра статьи, обилие интонационных перепадов становится важным средством повышения ее экспрессивности и публицистической страстности. Здесь и теплая грусть воспоминаний о детстве, и боль, страдание из-за трагической гибели отца, и ненависть к иноземным угнетателям, и жалость к судьбе детей в старом Китае, и радость, гордость счастливым детством детей в новом Китае, здесь и убийственный сарказм в изображении «цивилизovanности» и «храбрости» иностранных убийц и грабителей, и негодование по поводу ничтожности простого человека в старом обществе, и восторженная ода социалистической нови, и встревоженность о будущем, которому по-прежнему угрожает агрессивность империалистов.

Картины из своей жизни в детстве рисуются Лао Шэ в сопоставлении с судьбой всего народа. Например, он пишет: «Что касается психического состояния, то я был ребенком, чаще грустившим, чем радовавшимся. Это потому, что я познал нужду и бедность, как только осознал

себя. Такие страдания не были тогда редкостью. Сколько же детей тогда продавалось или умирало от голода!¹⁷ Личная судьба здесь приобретает обобщенный характер, биографическое оказывается типическим.

Статья «Облегчил душу» была написана Лао Шэ в разгар антисоветской, шовинистической кампании в КНР. Известно, что писателя вынуждали создать антирусскую пьесу о восстании «боксеров»¹⁸. Но Лао Шэ написал пьесу, а затем и эту статью, в которой русские даже не упомянуты. Оценивая восстание ихэтуаней как подлинно народное и освободительное и определяя неизменность грабительской сущности капитализма, писатель показывает пример действительно классового, научного подхода к истории. Он дает достойный отпор наступлению националистических настроений, еще раз подтверждает неизменность дружеских чувств к советскому народу.

Опыт СССР имел для Лао Шэ непререкаемый авторитет. Он называл нашу страну «путеводной звездой». Под таким заголовком вышел в 1958 г. его первый сборник критики и публицистики. В нем важное место заняли статьи, посвященные советскому народу, советской многонациональной литературе и искусству. Так, статья «Записки восторженного», в которой автор делится впечатлениями о поездке в Советский Союз, представляет собой гимн достижениям дружественного народа в экономике и культуре, призыв крепить дружбу Китая и СССР. Высоко оценивал Лао Шэ историческое значение советской литературы, которая, как он писал, закладывает основы новой традиции в мировой культуре — традиции социалистического реализма. В статье «Записки об учебе» Лао Шэ подчеркивал, что опыт советской литературы должен стать первым учебником китайских писателей¹⁹.

Лао Шэ не был профессиональным критиком. Впервые обратившись к этому роду деятельности в середине 30-х годов, он стал уделять ему особое внимание после образования КНР. Писателя захватила грандиозность задач, стоявших перед его страной. Движение Китая по пути строительства социализма, создание новых социальных отношений сопровождалось глубинными сдвигами в сознании и психологии широких слоев народа. Активную созидательную роль в этих процессах было призвано сыграть социалистическое искусство. Лао Шэ остро чувствовал необходимость в развитии идейно зрелой и оперативной критики, способной стать катализатором литературно-художественного процесса. Неудовлетворенный состоянием литературной критики в тогдашнем Китае, он энергично включается в эту важную работу. Своим именем и авторитетом Лао Шэ пытается отстоять творческое начало в китайской литературе. Обширная эрудиция, тонкий художественный вкус, отточенное перо большого художника, а также острое чувство гражданского долга и страстное желание видеть расцвет национального искусства — вот основные черты Лао Шэ, литературного критика.

Довольно скоро Лао Шэ стал сознавать, что вульгарно-социологические и левозэкстремистские тенденции, все четче проступавшие в проводимой культурной политике, враждебны социалистическим идеалам. Все его литературно-критическое творчество было направлено против них. В некоторых статьях полемическая направленность высказываний особенно сильна. Остро критикуя ряд нездоровых явлений в искусстве, он писал: «Я не хочу обвинять кого-либо, не хочу призывать к ответственности, но как вспомню об этом, сердце кровью обливается!» Лао Шэ оказался в числе первых жертв «культурной революции». Прошли годы, теперь в Китае можно снова говорить и писать о Лао Шэ. Публикуются воспоминания о нем и статьи о его творчестве. Переиздаются произведения, вышли первые книги 15-томного собрания сочинений Лао Шэ, в котором, вероятно, найдет свое место и критическое наследие писателя.

Творчество Лао Шэ, пронизанное идеалами добра и справедливости, гуманизма и демократии, получило мировую признательность. Его статьи и произведения, созданные после Освобождения, — восторженная ода социализму, они особенно близки и понятны нам.

¹ См.: Ху Цзэцин. Послесловие.— В кн.: Лао Шэ шэньхо юй чуанцзо цзышу (Лао Шэ о своей жизни и творчестве). Пекин, 1982, с. 436.

² У Хуайю, Цэн Гуанцань. Бяньхоу цзи. (Послесловие).— В кн.: Лао Шэ. Вэньпинлунь цзи (Литературно-художественная критика). Хэфэй, 1982, с. 209.

³ Ван Синчжи. Бяньчжэ фуянь. (От редактора).— В кн.: Лао Шэ лунь цзюй. (Лао Шэ. О драме). Пекин, 1981, с. 301.

⁴ Там же.

⁵ Моу Гошэн. Лунь Лао Шэ чуанцзо дя дачжунхуа даолу (О стремлении Лао Шэ к творчеству, доступно массам).— «Вэньцзи чжэ», 1982, № 4, с. 19.

⁶ Лао Шэ. Вэнь..., с. 99.

⁷ Лао Шэ. Фусии цзи (Звезды счастья). Пекин, 1958, с. 89.

- ⁸ См.: Лао Шэ. Свобода и писатель.— «Народный Китай», 1957, № 1, с. 18.
- ⁹ Лао Шэ. Вэньи..., с. 40.
- ¹⁰ См. там же.
- ¹¹ Лао Шэ. Фусин цзи, с. 89—90.
- ¹² См.: Лао Шэ. Свобода и писатель, с. 18.
- ¹³ Лао Шэ. Фусин цзи, с. 81.
- ¹⁴ А. Н. Желоховцев. Литературная теория и политическая борьба в КНР. М., 1979, с. 50.
- ¹⁵ См.: Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936). М., 1959., с. 226.
- ¹⁶ Лао Шэ. Вэньи..., с. 41.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Лао Шэ. Фусин цзи, с. 5.
- ²⁰ Лао Шэ. Фусин цзи, с. 7.
- ²¹ Лао Шэ. Чукоу чэичжан (Дар слова). Пекин, 1964, с. 85.
- ²² См.: Судьбы культуры КНР (1949—1974). М., 1978, с. 23.
- ²³ См. там же.
- ²⁴ См.: Лао Шэ. Фусин цзи, с. 198.
- ²⁵ Лао Шэ. Фусин цзи, с. 18.
- ²⁶ Лао Шэ. Вэньи..., с. 60.
- ²⁷ См. там же, с. 61.
- ²⁸ См.: Лао Шэ. Вэньи..., с. 62.
- ²⁹ См.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974.
- ³⁰ См.: Лао Шэ: Вэньи..., с. 17.
- ³¹ Мао Дунь. Гучуй цзи (Славословие). Пекин, 1958, с. 14.
- ³² Лао Шэ лунь чуанцзо (Лао Шэ о творчестве). Шанхай, 1982, с. 145.
- ³³ Лао Шэ. Вэньи..., с. 159.
- ³⁴ Лао Шэ. Фусин цзи, с. 37.
- ³⁵ Там же, с. 160.
- ³⁶ Лао Шэ лунь цзюй, с. 95.
- ³⁷ В. И. Семанов. Лао Шэ о сатире и юморе.— В сб.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с. 202.
- ³⁸ Лао Шэ. Тань фэицы (О сатире).— «Вэньи бао», 1956, № 14.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Лао Шэ. Вэньи..., с. 101.
- ⁴¹ Н. П. Лазарева. Идеино-художественный анализ творчества Чжао Шули конца 50—60-х годов. Автор. диссертации..., М., 1972, с. 12.
- ⁴² Там же, с. 22.
- ⁴³ См.: Ван Синчжи. Бяньчжэ фуянь.— В кн.: Лао Шэ лунь цзюй, с. 301.
- ⁴⁴ Хотя и у него есть несколько статей, свидетельствующих об излишнем доверии к официальным лозунгам,— они были написаны в период кампании борьбы с «правыми». Однако вскоре эта доверчивость испарилась.
- ⁴⁵ Ху Цзедзин. Послесловие.— В кн.: Лао Шэ шэнхо юй чуанцзо цзышу, с. 436.
- ⁴⁶ Ба Цзинь. Вспоминаю товарища Лао Шэ.— В кн.: Таньсоцзи (Искания), вып. 2. Пекин, 1981, с. 11—18.
- ⁴⁷ Лао Шэ. Вэньи..., с. 185.
- ⁴⁸ См.: А. Н. Желоховцев. Судьба творческого наследия Лао Шэ.— «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2, с. 195—197.
- ⁴⁹ См.: Лао Шэ. Фусин цзи, с. 76.

ными. Здесь и строительство новых киностудий, и в связи с этим всестороннее развитие производственной базы, предстояла срочная разработка годовых планов, мощными были планы развития кинопроката.

В мои обязанности входило также рассмотрение тематических планов управления и студий. Трудность состояла в том, что если не все, то самые важные сценарии надо было переводить на русский язык, только после этого я мог с ними работать. Важнейшим направлением являлось обеспечение технологии кинопроизводства, в структуре китайской кинематографии все было, но все — в начальной стадии, что-то надо было укреплять, а что-то организовывать наново. Это касалось прежде всего деятельности сценарно-редакторских отделов на студиях и в самом управлении. Китайские товарищи понимали значение прогрессивных методов в развитии кинематографии, хотели их внедрить, и поэтому работать было и трудно, и легко: все время чувствовалось желание наших друзей освоить новые пути, поднять уровень своего профессионализма. Ведь среди задач, возникших перед китайской кинематографией, была и задача выхода на мировой экран. Задача советников состояла в том, чтобы на каждом направлении и этапе четко, конкретно и ясно консультировать, делясь опытом советского киноискусства. Наконец, нужно было учесть особенности национального характера многомиллионного зрителя, с его запросами и вкусами, сложившимися за многие десятилетия. Консультируя фильм «Катера в бушующем море», посвященный боевой жизни моряков торпедного флота, я быстро нашел общий язык с режиссером Ван Бином, сопостановщиком «Седой девушки». Ему пришлось по душе мои рекомендации, он применил их полностью, фильм получился динамичным и интересным, но вот в откровенном разговоре товарищ Ван Ланьси осторожно намекнул мне, мол, пресса, правда, без большого упрека, отметила, что в фильме слишком чувствуется советский стиль! Как бы там ни было, но этого следовало избегать: подражательность не привлекала ни нас, ни китайских товарищей.

Не имея опыта, подчас и образования, молодые кинематографисты росли буквально на глазах, от картины к картине. Главным недостатком были сценарные просчеты, схематизм сюжетов и образов. Особенно трудно приходилось, когда картины уже находились в производстве. Все мы проявляли чудеса изобретательности, отыскивая художественно верные решения. В процессе совместного творчества с китайскими товарищами и сам я учился понимать особенности их работы, специфику народного быта, житейского поведения, диалога.

Дело спорилось и потому еще, что китайские руководители управления широко включились в общую работу. Товарищи Ван Ланьси, Чэнь Хуанмэй, Сыту Хуэйминь, Цай Чушэн были весьма активными организаторами.

Работа моя (как и всех советников по кино) в первый период была организована следующим образом. Продумав просмотренное, услышанное или прочитанное, я сначала высказывал свои соображения руководству, мы обсуждали их по пунктам, а затем эти общие предложения высказывались китайскими товарищами авторам фильмов или сценариев. По мере накопления опыта я мог уже высказывать свои соображения непосредственно авторам сразу после ознакомления с материалом. А количество работы нарастало с каждым днем.

Особый интерес для меня представляли фильмы, посвященные корифеям классической оперы — Мэй Ланьфану, Гай Цзяотяню и Чжоу Синьфану. Было много споров, как снимать это многогранное, своеобразное искусство.

Помогало то, что в первые месяцы работы мне довелось посмотреть фильмы 1953—1954 гг. Большое впечатление произвели фильмы военные — «Ловкий захват горы Хуашань» режиссера Го Вэя — потрясающий кинодокумент о подвиге солдат НОАК, пробравшихся в тыл врага по узким щелям высоченной горы, «Партизаны на равнине» режиссеров Су Ли, У Чжаоти,

«Разведка за рекой» режиссера Тан Сяоданя. Народ, только что победивший в ожесточенной борьбе, с интересом воспринимал эти фильмы, и их было много. Были и в них схематизм, сценарная недоработка, но искренность воплощения и динамизм повествования выручали авторов. Особо хотелось бы отметить фильмы революционной тематики. Это «Три года» режиссера Чжао Мина, при участии выдающейся актрисы Чжан Жуйфан, драматический талант и яркая внешность которой способствовали успеху сложного сюжета, посвященного борьбе молодой работницы — предфабкома с изворотливым хозяином фабрики. Это «Мать» режиссера Лин Цзыфэна¹, опять-таки с участием Чжан Жуйфан. Талантливая актриса вновь исполнила роль работницы, простой женщины, которая, пройдя сквозь горнило классовых боев, становится революционеркой. Об этой картине уже можно было говорить как о произведении большого искусства. Все эти ленты дали мне возможность оперировать примерами из китайской продукции. Особенно стало легче делать это после выхода фильмов «Моление о счастье» и «Во имя мира», но о них позже.

Трудно описать всю проводившуюся работу, одно могу сказать: напряжение было огромным, и очень непросто было соблюсти необходимое условие — не прослыть легкомысленным человеком, давая советы тотчас же после просмотра или прочтения сценария. Но это было в первое время, в период, так сказать, освоения моих функций. Позже, по мере накопления авторитета, я, не опасаясь непонимания, мог давать советы сразу после ознакомления с материалом.

Иногда дни были так насыщены, что сейчас я удивляюсь, как все это выполнялось. Вот пример одного из дней, 24 февраля 1955 г.: с 9 до 10 — беседа с начальником планового отдела; с 10 до 11 — просмотр хроники; с 11 до 12 — обсуждение проб по фильму «Мэй Ланьфан»; с 12 до 13 — встреча с режиссером Шанхайской студии Сан Ху; с 13 до 14 — обед; с 14 до 16 — просмотр фильма; с 16 до 18 — обсуждение просмотренного фильма.

В первые месяцы вечернее время уходило на просмотры фильмов китайского производства. Это было необычайно интересное знакомство с современным и старым искусством кино. Я просмотрел фильмы «Мост» режиссера Ван Биня, «Стальной солдат» Чэн Иня. Довольно любопытным оказался фильм режиссера Чжан Кэ «Великое начало», посвященный рабочей тематике. Из фильмов, созданных в годы гоминьдановского режима, привлекли внимание «Уличные ангелы» режиссера Юань Мучжи, известного деятеля кино. Сильное впечатление произвели картины режиссеров Сан Ху и Хуан Ша «Лянь Шаньбо и Чжу Интай», цветная лента на материале лирической Шаосиньской оперы. Эти просмотры давали массу материала для бесед при встречах с киноработниками, ибо содержали множество творческих находок. Сильное впечатление произвел фильм «Жизнь У Сюня». Режиссер Сунь Юй и актер Чжао Дань в тесном творческом содружестве создали впечатляющий, сложный, противоречивый фильм о нищем У Сюне, который с раннего детства вкусил весь ужас сиротства и посвятил свою жизнь сбору подаяний на строительство школы для детей бедняков. На первый взгляд — благородная идея. Но вместе с тем — две серии ужасающей патологии, отвратительных унижений героя фильма, который будто призывал зрителей терпеливо сносить поношения со стороны богачей, коль скоро благородна поставленная цель. Мне рассказывали, что артист Чжао Дань, арестованный гоминьдановцами, в тюрьме увидел картинки из жизни У Сюня и так увлекся этим образом, что после выхода на волю тотчас начал искать способы реализации своего замысла. Ему удалось заинтересовать режиссера Сунь Юя, и они создали этот фильм, который пользовался большим успехом. Но затем два молодых, как мне их называли марксиста выступили с разгромной статьей по поводу «У Сюня». Разгорелся спор. Фильм был снят с экрана.

Ознакомление с произведениями китайской кинематографии разных эпох сыграло несомненно положительную роль в моем понимании творческой специфики китайской режиссуры, работы актеров, литераторов и художников. Поэтому я был почти во всеоружии, когда с 1 по 20 февраля 1955 г. в Пекине было проведено Всекитайское творческое совещание сценаристов, режиссеров и актеров художественного кино. Управление, организовав это совещание, ставило задачу широкого обсуждения насущных проблем, путей дальнейшего развития и совершенствования киноискусства. 18 дней шел горячий деловой разговор, во время которого сценаристы, режиссеры, руководство и актеры предъявляли друг другу счета недостатков и причин, их порождающих. Режиссеры и сценаристы обвиняли друг друга в схематизме. Много говорилось о режиссерском произволе, часто искажающем основной замысел сценариста. Актеры жаловались, что нечего играть в предлагаемых им сценариях. Были интересные доклады руководителей Ван Ланьси и Чэн Хуанмэя, режиссеров, актеров. Ван Ланьси сделал доклад о советском кино. Все сходились на одном: что дальше так работать нельзя, надо бороться со схематизмом, глубже изучать жизнь народа, служить которому призвана кинематография. Разговор был очень доказательный, интересный и свидетельствовал о том, что недостатки ясны и есть огромное желание их устранить. Приводились примеры из фильмов, которые я уже видел, поэтому мне было легко слушать синхронный перевод товарища Мэн Гуанцзюня. Много говорилось и о нововведениях по советской системе, о производственной дисциплине, экономике фильмопроизводства. Слушая ораторов, я понимал, что все жалобы правильны, что внедрение нового технологического режима требует кропотливой работы. Я ощущал потребность разъяснить основы советского кинопроизводства и все это высказал во время своего выступления-отчета. Оно заняло и дневное, и вечернее заседания, поскольку шло с переводом. Я говорил о советской кинематографии, об ее организационной структуре, о воспитании кадров творческих и технических работников, о ВГИКе, о творческих достижениях за прошедшие годы. Я раскрыл панораму кинематографии, уже выработавшей свой производственно-творческий стиль. Все положения доклада были построены на конкретных примерах деятельности С. Эйзенштейна, Г. Александрова, И. Пырьева, М. Ромма, М. Калатозова, А. Птушко. Я рассказал о росте молодежи — Ю. Озерова, Г. Чухрая, В. Ордынского и многих других. Конкретные примеры из производственной практики сценарно-редакторских отделов и художественных советов производили впечатление. Со многими нашими фильмами китайские кинематографисты были знакомы, фильмы пользовались большим успехом, и это придавало весомость положениям доклада. Для становления китайской кинематографии это было очень важно. О китайском кино, о его кадрах и фильмах я не сказал ни слова, посчитав, что мне еще рано выходить с обобщениями или критическими замечаниями, тем более что подобные замечания уже высказаны самими творческими работниками КНР и представителями руководства. На совещании выступили с большими докладами заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПК товарищ Чжоу Ян и заместитель министра культуры, заместитель начальника 2-й канцелярии Госсовета товарищ Цянь Цзюньжуй. Докладчики широко осветили проблемы кинематографии, отметили несомненные успехи и достижения в целом ряде фильмов, отметили актерские удачи, успехи сценаристов. Вместе с тем товарищ Чжоу Ян очень остро критиковал недостатки — все тот же схематизм, абстрагирование, господство логики над чувством, отсутствие юмора, нежизненность конфликтов. Вызвав сочувственный смех, Чжоу Ян заметил, что в фильмах полностью игнорируется такое чувство, как любовь. Важными в его речи были слова о том, что зрители в жизни видят больше, чем в произведениях киноискус-

ства. Он подчеркнул, что в картинах недостаточно показывается классовая борьба, отпор контрреволюции. Оба докладчика одобрительно отозвались о работе киногоруппы советников. Позже документалисты положительно восприняли все наши советы, применяли их на практике, часто советовались с нами и в итоге за 1955 и 1956 гг. создали прекрасные специальные выпуски, посвященные 1 мая и 1 октября, которые имели огромный успех. Очень сильное впечатление произвел документальный фильм «Два пути» — о судьбе двух диверсантов, проникших на территорию Народного Китая. Один из них, увидав новую жизнь своей Родины, пришел с повинной, был прощен, получил работу и жилье. Второй, тщательно замаскировавшись, начал действовать, но вскоре был разоблачен. Органы безопасности разрешили снять скрытой камерой делишки этого агента. На экране было видно, как он выходит из дома, возвращается домой, как, прийдя к зданию банка, долго ходит около входа, не решаясь зайти за переведенными ему из-за границы деньгами. И венцом этих съемок явился арест. Документалисты тайно установили осветительную и съемочную аппаратуру и в соответствующий момент распахнули дверь в помещение, где он вел передачу по радию...

С Пекинской студией у меня связано много воспоминаний, особенно с фильмом «Сценическое искусство Мэй Ланьфана», посвященным творчеству выдающегося, всемирно известного артиста Пекинской музыкальной драмы, исполнителя женских ролей. Мэй Ланьфан пользовался в Китае грандиозным успехом, и правительство приняло решение о создании специального фильма. Опыт подобного рода был явно недостаточным — единственная лента о замечательном актере Гай Цзяотяне². Новая постановка была поручена режиссеру У Цзугуану, знатоку китайской классической оперы. Работа над фильмом шла чрезвычайно трудно. Режиссер никак не мог найти решения: снимать фильм в декорациях или в сукнах, снимать ли крупные планы артиста, как снимать знаменитые условности оперы, например подъем по отсутствующей лестнице или круг по сцене, обозначающий переход исполнителя из города в город. Шли многочисленные пробы, но все они вызвали общую неудовлетворенность. Актер был бессилен чем-либо помочь, хотя был готов бесчисленное множество раз исполнять свои мизансцены. Я помогал своими советами как мог, много беседовал с самим Мэй Ланьфаном и подружился с ним, но работа долго не давала желаемых результатов. Наконец фильм был отснят и сохранил для истории мастерство великого актера. В Шанхае эта проблема была решена куда проще. Крупнейший актер Пекинской классической оперы Чжоу Синьфан просто снял несколько опер в великолепных декорациях, и все получилось прекрасно.

В поездках по стране

Чанчуньская студия была сравнительно молодой: ее построили в начале 30-х годов, затем переоборудовали японцы. После Освобождения прогрессивные кадры студии, а их было немало, сразу перешли к созданию революционных фильмов и картин, посвященных строительству нового Китая.

При мне на студию был назначен новый директор, профессор, ректор одного из периферийных университетов товарищ Ли Яма, и студия сразу пошла в рост. Здесь были созданы такие фильмы, как «Седая девушка», «Мост», «Стальной солдат», оптимистический детский фильм «Цветы Родины». Сильное впечатление произвел военный фильм, посвященный подвигу солдата НОАК Дун Цуньжуня, который в 1948 г. в момент наступления го-

миньдановцев ценой собственной жизни взорвал стратегически важный мост. Фильм «Дун Цуньжуй» пользовался большим успехом у зрителей.

Помещение студии производило хорошее впечатление: крупный центральный корпус с шестью большими навильонами, многочисленные цеха, лаборатории, театр киноактера. Действовал дубляжный цех, первым фильмом которого был «Александр Матросов» режиссера Лукова. С Чанчуньским коллективом мне работалось легко. Большинство творческих работников я узнал еще на совещании в Пекине, слышал их критические выступления, знал их стремление к обновлению китайской кинематографии. Почти все они хотели поскорее перенять советский опыт работы как в творческом, так и организационном отношении. Контакт установился сразу.

Директор студии товарищ Ли Яма был человеком глубоко образованным, энергичным, смелым, хотя и новым в кинематографии. Он присутствовал на всех моих беседах, прислушивался к высказываниям и советам. В Чунчуне помогало еще и то, что вместе со мной работал куратор группы советских специалистов товарищ Сыту Хуэйминь. Сам в прошлом кинорежиссер, он хорошо знал профессию, ценил опыт советского кино. Вместе с ним мы смотрели материалы к фильмам, находящимся в производстве, беседовали с режиссерами и сценаристами. Товарищ Сыту очень быстро и чутко улавливал суть возникавших проблем и помогал в разрешении их, понимая и китайскую, и советскую специфику стилей. Например, не всегда было возможно смонтировать фильм в энергичном темпе, как это бывает у нас, без подробного показа всех мест передвижения. Переход стремительный и краткий вызывал непонимание: как же это могло так получиться?! Помощь Сыту была в таких случаях чрезвычайно полезной.

При студии никак не могли найти себе достаточного применения театр киноактера и оркестр. Картин было не настолько много, чтобы всех актеров и музыкантов загрузить полностью. Пришлось заняться и этой проблемой. Наши предложения по организации концертной деятельности оказались простыми, выполнимыми, они вполне устроили китайских товарищей.

К моменту первой встречи с шанхайскими кинематографистами, с этим большим и разнообразным коллективом, я уже в значительной мере разобрался в феномене китайского кино, нашел соответствующую манеру общения в работе и потому был готов к преодолению сложного психологического барьера, который, по словам бывалых людей, ожидал меня в этом городе. В Шанхае зародилась китайская кинематография. Здесь традиции пустили глубокие корни, существовало своеобразное понимание роли и значения киноискусства, многие режиссеры имели в прошлом богатый творческий опыт. Был даже один режиссер, который поставил 100 фильмов! Казалось, что ему можно было советовать?

...Встреча на вокзале была очень теплой. В просторном зале студии сразу приступили к делу. Мой доклад был, по существу, развитием и детализацией выступления в Пекине, где многих шанхайцев не было. Но если там я ни слова не говорил о китайской кинематографии, сейчас я мог уже оперировать примерами местными, из фильмов, которые я видел. Едва ли не с первых слов я заметил, что аудитория слушает внимательно и присутствующие воспользовались своими блокнотами-красавцами. Мой рассказ о теории кинодраматургии шумно и единогласно попросили повторить. С этого момента я был принят аудиторией, и встреча затянулась допоздна. Были многочисленные практические вопросы по фильмам, все старались выверить свои творческие позиции. Спрашивали, насколько правильно выстроены фильмы «Мать», «Три года» и можно ли было что-нибудь сделать для обострения их сюжета. Шел разговор о роли и значении монтажа, о его законах, о мизансценах, о работе с актерами и, конечно, о борьбе

со схематизмом. В общем, все то же самое, что и в Чанчуне, но в Шанхае намного шире и разнообразней.

В плане студии были масштабные фильмы: историко-революционные — «Сун Цзинши», биографические — «Сценическое искусство Чжоу Синьфана», об участии интеллигенции в революционной борьбе — «Во имя мира», фильмы о крестьянстве — «Звуки свирели», «Летняя история». Жанровое разнообразие, различные режиссерских почерков, уровень опыта и знаний осложняли работу, но делали ее особо привлекательной и интересной.

Фильм «Во имя мира» ставился крупным режиссером театра и кино Хуан Цзолинем¹ по сценарию известного кинодраматурга Кэ Лина. Я не раз встречался с их интересным коллективом. Сценарий был сделан профессионально крепко. Отснятый материал мы просмотрели неоднократно, и все, казалось, было в порядке. Актерский ансамбль был весьма квалифицированным, профессора Цзяна играл Чжао Дань, его жену — Бай Ян, остальные актеры тоже были подобраны удачно. Но когда материал был смонтирован целиком, оказалось, что как говорили мне сами авторы, фильм не складывается. Выявились недочеты сценария, пришлось всем нам немало поломать голову, прежде чем найти решение. Когда это было сделано, фильм получился и был отлично принят как в КНР, так и в Москве, на фестивале китайских фильмов.

После моего доклада и практических собеседований по фильмам объем работы стал принимать угрожающие размеры. Все режиссеры, сценаристы и актеры хотели встретиться со мной. Накапливалось большое количество вопросов, требовалось время, чтобы их осмыслить. Для выполнения этой работы мне, Лошкареву и Беляеву было предложено выехать в Ханчжоу («на небе — рай, а на земле — Ханчжоу», как гласит народная поговорка). И там, в гостинице на берегу красивейшего озера, в уютном номере, располагающем к размышлению, я проработал очень продуктивно. Изредка выкраивал время для прогулок на лодках или для посещения дома Гай Цзяотяня. Пожилой артист не прекращал своей творческой деятельности, мечтал о Москве и сетовал, что его сын изучает мастерство отца и удачно копирует его, но душа его полностью в мире техники!

По возвращении в Шанхай были завершены все собеседования о намеченных фильмах. По картине о Ли Шичжэне (великом китайском фармакологе, авторе трактата «Основы фармакологии») режиссер Шэнь Фу создал репетиционный спектакль. В небольшой декоративной выгородке примерно за 40 минут прошел, по существу, весь фильм, ярко просматривались образы героев, чувствовался ритм фильма. Успех нашего общего эксперимента был полным.

В городе — колыбели китайской кинематографии чувствовалось зарождение нового стиля производства, новых художественных приемов. Кроме творческих проблем, были также и организационные. В Шанхае за 300 дней прошло 178 заседаний худсовета, а результата не было заметно. Однако с организаторской работой было все же легче, там были графы, цифры, были кадры опытных, образованных специалистов в деле планирования и поддержания финансовой дисциплины. Значительно труднее было найти пути сокращения режиссерских сценариев с 6—7 тыс. полезных метров до 3 тыс. оптимальных, при соблюдении традиционно плавного развертывания сюжета.

Производственная база шанхайской кинематографии состояла из павильонов, прежде принадлежавших частным фирмам, довольно примитивных, часто с земляными полами и разбросанных по всему городу. Управление студии размещалось в большом благоустроенном доме. Коллектив — многочисленный, работоспособный, дружный. Основной проблемой был разнородный состав режиссеров. Имелись опытные мастера, которые знали, как делать филь-

мы, но еще не знали новой аудитории. Молодежь требовалось учить, но для этого не было времени. Росли потребности проката, партия ставила вопрос об увеличении количества фильмов. Всем категориям работников предстояло браться за дело по-новому, ни на час не останавливая производства. Поэтому такими своевременными были проезд советских специалистов и их помощь.

Театральный режиссер и актер Чжоу Синьфан весьма удачно снимал фильм со своим участием. Удачно работал и режиссер, поставивший 100 фильмов, которые оказались все классическими операми. Набирали силу и режиссеры Сан Ху, Тан Сяодань, Чэнь Сихэ, Су Ли, У Чжаоти, пришедшие из армейских коллективов и хорошо знавшие жизнь своего народа. Вместе с начальником управления товарищем Ван Ланьси мы выезжали в города Гуанчжоу (Кантон), Куньмин, Чэнду, Ухань, Сиань. Поездки эти преследовали две цели: осмотр мест строительства будущих кинематографических объектов — студий, фабрик киномеханической и пленочной промышленности, а также встречи с писательскими организациями для вовлечения литераторов в сценарную работу. У моих гостеприимных хозяев была еще одна цель — ознакомить меня со страной, с ее народом, его обычаями, праздниками, бытовыми особенностями, которые всегда лучше увидеть, чем слушать о них. Эти поездки дали мне массу впечатлений. Встречи с писателями, просмотры в провинциях своеобразных классических опер — это было истинным обогащением.

Согласно плановым наметкам, надо было выпускать при самых малых лимитах (два сценария на режиссера) сотни фильмов. Где взять сценарии для них, если не всколыхнуть писательскую массу? И эту задачу мы выполняли с товарищем Ван Ланьси. Он произносил вступительное слово о развитии китайской кинематографии, о количестве фильмов, выпускаемых в данный момент, о перспективах развития, о необходимом количестве сценариев и главное — о роли писателей. Затем выступал я, рассказывал о специфике сценарного творчества, кинематографического образа, о монтаже, который почему-то всех страшно пугал, поэтому первым всюду был вопрос о значении монтажа. Часто я приводил примеры, как классики литературы «монтировали» эпизоды. Это было очень наглядно и убедительно.

Жизнь писателей в КНР была в те годы своеобразной, в массе своей они работали по разным учреждениям, времени для творчества было мало. Мы с Ван Ланьси старались увлечь писательскую массу, рисуя перед ними привлекательные картины авторства в кино. И я думаю, что было найдено удачное решение — создать учебные пособия по сценарному мастерству. Не знаю, как в дальнейшем сложились взаимоотношения китайской кинематографии с писателями, но в дни поездок и позже руководство весьма положительно оценивало их значение.

А я увидел страну, и не только общим планом, когда перед моими глазами проходили стотысячные отряды строителей железной дороги, красочные праздничные демонстрации с участием, например, отлично одетых капиталистов Кантона под кумачовым лозунгом: «Перевоспитаем себя скорее!» Был и «крупный план» — встречи с замечательными людьми. Запомнилась интересная встреча в Куньмине с товарищем, который от имени правительства проводил работу с национальностями, находившимися на крайне низкой ступени развития. С потрясающим терпением работники этого важнейшего участка партийной и государственной работы без малейшей доли принуждения, только мерами воспитательными, настойчивыми, но не назойливыми, вовлекали отсталые народности в общее дело социалистического строительства.

Последний год

В 1956 г., на второй год моего пребывания в Китае я, если можно так выразиться, мог пожинать плоды проделанной работы. Ощущались реальные итоги наших советов. Уже был организован всекитайский конкурс на лучшие литературные сценарии. Внедрялись поэтапная периодизация, планирование работы над фильмом, репетиционные спектакли, режиссерские экспликации и другие формы. Многие сделали советники Д. И. Лошкарев и В. И. Беляев. Помогли развитию Нанкинского киномеханического завода советники товарищи Баев и Кондрашин.

В 1956 г. удалось осуществить давнюю мечту китайских кинематографистов: создать во всей полноте его структуры Всекитайский киноинститут — с режиссерским, актерским, операторским и экономическим факультетами. Советский Союз оказал широкую помощь китайским друзьям, командировав в качестве организаторов института режиссера Б. Г. Иванова, декана ВГИКа, операторов Ю. А. Желябужского и А. Н. Симонова, педагога по актерскому мастерству товарища Кажанского и экономиста Б. В. Антоненко. Прибывшие товарищи сразу включились в дело, просмотрели много фильмов и быстро взялись за организационную работу. Был проведен набор слушателей, преимущественно производителей, составлены с учетом специфики абитуриентов учебные планы. Своих кандидатов командировали также художественные учреждения. Сейчас легко рассказывать об этом, а сколько было вложено труда в каждый этап организации! Энергия и опыт Б. Г. Иванова сыграли большую роль в успешном выполнении этого задания. Хорошо прошло торжественное открытие института, и начались, как говорят, трудовые будни.

Не освобождая меня от текущей работы в управлении, от поездок по стране, начальник управления товарищ Ван Ланьси дал мне особые задания по двум фильмам. Это были «Во имя мира» и «Моление о счастье». Первый фильм готовился для демонстрации на фестивале китайских фильмов в Москве. Вторым, цветным, предназначался для торжественного просмотра на юбилейном вечере, посвященном Лу Синю. Придавая большое значение этим фильмам, руководство возложило на меня особые полномочия по углубленному просмотру материала и помощи в его улучшении. Особенно это касалось фильма «Моление о счастье», снимавшегося на Пекинской студии художественных фильмов. По этому фильму было решено организовать работу максимально приближенно к современному стилю производства. С режиссером Сан Ху это было выполнить совсем нетрудно. Обаятельный, культурный, тонкий художник работал легко, чутко прислушиваясь к советам, переснимая то, что поначалу не удавалось. Артистка Бай Ян, исполнительница главной роли, с удовольствием приняла метод предварительных репетиций, на съемках являлась образцом творческой собранности. Фильм был сделан в срок, принят с отличной оценкой и с большим успехом демонстрировался на юбилейном вечере. Фильм «Моление о счастье», по мнению Сергея Герасимова, показал высокий класс новой китайской кинематографии.

С фильмом «Во имя мира» случилось непредвиденное: при просмотре рабочего позитива выявились большие недочеты по линии драматургии, в монтаже, в трактовке образов. Остродраматический сюжет из жизни профессора Цзяна, от беспартийной аполитичности приходящего к активной революционной деятельности и героической гибели, растерял эту свою остроту. Сроки истекали, в управлении нарастала тревога. Мне было поручено принять срочные меры. Режиссером, сценаристами и мною был заново про-

смотрен весь рабочий позитив. Прежде всего я высказал положительную оценку материала в целом. Затем мы стали просматривать его по частям с глубоким анализом каждой сцены, ее значения и результата воплощения на экране. За два дня, проделав огромную работу, мы единогласно пришли к выводу о необходимых доснимках, монтажных перестановках сцен и эпизодов. Товарищи Кэ Лин и Хуан Цзолинь возвратились в Шанхай, срочно выполнили все, что мы наметили, и фильм в срок был доставлен в Москву и получил высокую оценку.

...Незаметно пролетели два года моей необычной и напряженной деятельности в Китайской Народной Республике. Задание по передаче советского опыта молодой китайской кинематографии было выполнено. С чувством огромного удовлетворения я возвратился на Родину, на свой «Мосфильм».

Летом 1986 г.

Тридцать лет спустя неожиданно раздался звонок из Госкино и мне сообщили, что в Москву прибыла делегация китайских киноработников и что ими выражено пожелание встретиться со мной. В частности, эту просьбу высказал... товарищ Мэн Гуанцзюнь, ныне председатель «Китайского общества мировой кинематографии». Как это было неожиданно и радостно! На следующий же день в кабинете генерального директора нашей студии произошла долгожданная встреча.

Первым в моих объятиях — Мэн! Почти не изменившийся внешне, мой бывший переводчик радостно приветствует меня, торопливо что-то сообщают другие, все смешалось, я слышу приветы чуть ли не от каждого, кого я упоминал выше, — товарищей Ся Яня, Ван Ланси, Сыту Хуэйминя, Чэнь Хуанмэя, Сан Ху, Бай Ян, Чжан Жуйфан и многих других... Все живы, относительно здоровы, но все — на различных, в том числе и высоких постах. Все помнят о нашей совместной работе.

Руководитель делегации заместитель министра ТВ, радио и кинематографии Дин Цяо. В мое время он был главным редактором студии документальных фильмов, мы вместе работали, в том числе над экстренным выпуском о майском празднестве на Тяньаньмэне. Среди делегации — один из старейших режиссеров Народного Китая Бай Чэнь. В беседе, которую проводил главный редактор студии «Мосфильм» Абдурахман Мамилов, Бай Чэнь добром помянул о моей помощи по фильмам «Сун Цзинши» и «Семья профессора Цзяна». Так же высказывается товарищ Дин Цяо, рассказывая о том, как прививались мои советы, как помнят обо мне все, с кем приходилось работать.

Но главным в рассказах было то, как за последние три года ожила страна, как неузнаваемо изменились города и села, как возрос материальный уровень жизни народа. Особенно приятны были вести об улучшениях в кинематографии, об увеличении производства художественных фильмов — до 130 в 1985 г. Значительно возросло и их качество. Не зря прошли наши многочисленные поездки по стране. Многие из намечавшихся в ту пору кинообъектов сейчас действуют в полную силу.

На другой день товарищ Мэн был у меня дома, встретился с моей семьей, изумился, как выросли мои сыновья, обрадовался, как по-прежнему приветлива и гостеприимна моя жена. Мы вместе полистали альбомы моих фотографий, сделанных мною в Китае, просмотрели кадры из памятных фильмов, вспомнили события, сопровождавшие каждое фото. Поразило и обрадовало, с какой стойкостью выдержали все испытания верные своему долгу кинематографисты нового Китая.

Во время встречи было и радостно и грустно. Радостно, потому что вспомни-

лось много доброго и грустно оттого, что это в прошлом. Осталась память о моей замечательной командировке.

С открытым сердцем

Представлять читателям мемуариста, видимо, нет необходимости. Не уйдут из памяти его фильмы «Приемыш» (1929), «Космический рейс» — первый советский научно-фантастический фильм (1936), «Пятнадцатилетний капитан» (1946), «Неразлучные друзья» (1953). В воспоминаниях, которые вы только что прочли, В. Н. Журавлев предстает в еще одном, малоизвестном, качестве.

Аккумулируя в себе творческий опыт советской кинематографии, Василий Николаевич с открытым сердцем, бескорыстно отдал немалую долю живой души своей братскому народу, ступившему на путь строительства социалистического общества в Китае. Долг интернационалиста возобладал над личными планами — надо было помочь братской стране вывести кинематографию из многолетней разрухи военных лихолетий, восстановить (точнее, создать заново, ибо это была часть радикальной, социалистической перестройки культурного фронта) производственную и организационную базу, наладить воспитание кадров социалистической формации, определить идеологические, тематические, художественные направления развития киноискусства в целом и помочь в исправлении конкретных недостатков по каждому из снимавшихся фильмов. Иными словами, надо было их «вывести на мировой уровень». В общем работы было более чем достаточно.

Представьте себе кинематографию Китая начала 50-х. Студии оснащены вконец изношенной аппаратурой. Даже в Чанчуне, где японские оккупанты учредили и широко разрекламировали кинокомпанию-марионетку «Манэй», оборудование оказалось вполне «колониального» уровня. Что касается прогрессивной кинематографии, то в последние три года антияпонской войны она вообще вынуждена была прекратить производство, и лишь в освобожденных районах теплился ручеек документалистики — но в каких условиях! Юань Мучжи вспоминает, что они испытывали даже нехватку воды для проявления пленки, не говоря уже о самой пленке, которую исхитрялись использовать дважды.

Но, помимо, разрухи, на пути развития искусства кино возникло и другое препятствие. В тех же освобожденных районах, в Яньани, на рубеже 30—40-х годов вызрел и комплекс «особых» идей. Это те «идолы», о которых в 1962 г. с душевной болью писал Цюй Байинь: они «опутывают художника по рукам и ногам» своими догматическими внехудожественными требованиями, и тому не остается ничего другого, как спастись за ширмой «стереотипов».

В. Н. Журавлев оказался в довольно сложной ситуации. Незадолго до его приезда в КНР там прошла первая из политических кампаний «перевоспитания». Центром ее оказался художественный фильм «Жизнь У Сюня», поставленный опытным режиссером Сунь Юем. Немногие сейчас могут похвастаться тем, что видели этот фильм. То, что о нем писали тогда, разумеется, далеко от художественного анализа. Тем ценнее свидетельство В. Н. Журавлева, назвавшего «Жизнь У Сюня» фильмом впечатляющим.

«Проблема У Сюня» очень и очень непроста. Фильм снимался до провозглашения КНР, в условиях гоминьдановского господства, и идея просвещения народа, провозглашавшаяся им с экрана, хотя и не была революционной, но звучала ярко прогрессивно. Выпущенный на экраны в 1950 г., фильм

этот без доработки не мог «вписаться» в панораму и атмосферу социалистического строительства. Новому общественному строю нужны были не такие герои, а борцы, люди революционного действия. Однако методы, которыми проводилась эта «критическая кампания», оказались вредными для всего киноискусства. Резко сократилось кинопроизводство, начались публичные проработки, кинематографисты партиями отправлялись на «перевоспитание». Сунь Юй, постановщик «Жизни У Сюня», в середине 50-х годов возвращенный к профессиональной деятельности, уже не смог поставить ничего, что по художественным критериям встало бы вровень с этим фильмом и интересными картинами 30-х годов. В 1985 г. эта кампания была признана ошибочной.

Руководство КНР в 1954 г. решило пригласить советских специалистов в помощь перестраивавшейся кинематографии. Почему именно советских? Помимо политической ориентации на дружбу с нашей страной, которую в тот период проводило китайское руководство, сказались и другие факторы. Организационная структура кинематографии Народного Китая, жившего под знаменами строительства социализма, также должна была соответствовать этому социальному строю. Кино становилось частью общепартийного дела, страна уже знала ленинские слова о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино» — именно в силу его огромной агитационно-пропагандистской и эстетической мощи. Кинопроизводство мелких частных фирм не могло выполнить эту новую общественную функцию. И кто как не советские кинематографисты мог передать накопленный опыт, рассказать о пройденном пути, исканиях, находках, уроках.

Социалистический идейный фундамент советского киноискусства, подлинно народный ракурс отражения действительности, коммунистические идеалы, воплощенные в высокой художественной форме, — эти черты давно привлекали к себе внимание китайских кинематографистов. В декабре 1926 г. в Шанхае на закрытом сеансе был показан «Броненосец "Потемкин"». Тянь Хань, один из крупнейших деятелей театра и кино Китая, отмечал тогда: «В тот вечер после просмотра мы поняли, что послереволюционная Россия не только добилась великих успехов в политико-экономических преобразованиях, но и в области киноискусства пришла к прекрасным и уверенным результатам». Кстати, именно с Тянь Ханем связан один из первых опытов «совместного производства»: будучи в тот же период в Шанхае, советский писатель Б. Пильняк принял активное участие в съемках фильма Тянь Ханя «В народ», который затем гоминьдановская цензура не позволила довести до конца.

Конечно, в 30-е годы советских фильмов было в прокате мало. И все же 4 апреля 1931 г., в тот самый год, когда тучи японской агрессии стали надвигаться на Китай, в Шанхае состоялся первый публичный показ советского фильма. Это был «Потомок Чингисхана» В. Пудовкина. В 1933 г. состоялась демонстрация «Путевки в жизнь» Н. Экка, вызвавшей широчайший резонанс: 8 статей и 14 заметок в одном только киноприложении к газете «Шэньбао», публикация переведенного Ся Янем сценария (первое знакомство с произведением советской кинодраматургии) и — самое интересное — отечественный аналог: режиссер Цай Чушэн (тот самый, чья «Песня рыбаков» в 1935 г. получила специальный приз Московского международного кинофестиваля) признавался, что на создание фильма «Заблудшие овцы» о китайских беспризорниках его вдохновила «Путевка в жизнь» (китайский вариант сделан с поправкой на время и общественный строй: «путевки в жизнь» беспризорники не получают, финал трагичен). А потом были «Встречный», «Златые горы», «Чапаев», который

настолько полюбился великому Лу Синю, что тот в письмах специально рекомендовал друзьям смотреть этот прекрасный фильм.

Советские фильмы открывали сердца и передовой интеллигенции, и широких зрительских масс. Роман Кармен отснял в Китае на рубеже 30—40-х годов несколько десятков тысяч метров пленки, смонтировав затем волнующий документ эпохи. В своей книге «Год в Китае» он писал позднее: «Китайский зритель очень любит советские кинокартины. Миллионы людей смотрели «Чапаева», «Мы из Кронштадта», «Волочаевские дни», «Петра I», «Балтийцев», «Цирк», «Ленин в Октябре»... Очень часто фасады китайских кинотеатров, в которых идет американский сверхбоевик, украшены огромной рекламой не этого боевика, а трехсотметрового выпуска советской кинохроники, идущей в программе».

Органичное соединение высокого художественного уровня с призывным обращением к массам, с умением дойти до сердца каждого зрителя, присущее лучшим произведениям советского киноискусства, и привлекало к нему прогрессивных китайских кинематографистов. Они давно уже пытались разобраться в теоретическом механизме этого социального и художественного феномена. В 1928 г. Ху Шэнь опубликовал перевод знаменитого исторического документа С. Эйзенштейна, В. Пудовкина и Г. Александрова, озаглавленного «Будущее звуковых фильмов», сделав этот документ оружием в борьбе кинематографистов за прогрессивное киноискусство. В 30-е годы переводятся советские теоретические работы (в том числе статьи Луначарского, Пудовкина), публикуются аналитические обзоры, один из которых написал Ся Янь, нынешний Председатель Союза китайских кинематографистов. Нельзя не отметить важной роли известного режиссера Юань Мучжи, одного из талантливейших кинематографистов Китая (В. Н. Журавлев упоминает его картину 1937 г. «Уличные ангелы», в 1983 г. показанный в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран; американский кинематографист Джей Лейда сопоставляет уровень этого китайского режиссера с постановочным мастерством Р. Клера и Кавальканти). В середине 40-х годов Юань Мучжи был послан на стажировку в Советский Союз и в Алма-Ате ассистировал С. Эйзенштейну, когда тот работал над «Иваном Грозным». Режиссер Гань Сюэвей, в 1983 г. возглавлявший делегацию КНР на Московском международном кинофестивале, в статье, опубликованной в 1980 г. в журнале «Дяньин ишу», вспоминал, что Юань Мучжи, вернувшись из СССР, нередко рассказывал им, начинающим кинематографистам, о стиле работы великого режиссера, сея в китайскую почву семена высокого таланта и отточенного профессионализма.

Лу Диньи, один из руководителей органов пропаганды КНР, заявил в 1950 г.: «Желательно больше советских фильмов дублировать на китайский язык, эта задача — одна из важнейших для нашей кинематографии». «Рядовой Александр Матросов», в 1949 г. дублированный в Чанчуне на Дунбэйской студии (через несколько лет ее переименовали в Чанчуньскую — так она фигурирует и в воспоминаниях В. Н. Журавлева), стал первым советским фильмом, зазвучавшим на китайском языке в КНР (до 1949 г. фильмы субтитровались). В последующие годы количество дублировавшихся советских лент уже исчислялось десятками. В посвященном развитию кинематографии Постановлении Госсовета КНР (1953), сыгравшем важную роль в становлении организационной структуры и положительно повлиявшем на идеологические процессы в китайском кино, особо отмечалась роль советских фильмов и необходимость их широкого проката в стране.

В 1948 г. советские фильмы в Китае посмотрели около 1 млн. человек,

в 1949 г. — свыше 6 млн., в 1950 г. — уже 48 млн., в 1951 г. — около 65 млн. зрителей. Фильм «Падение Берлина» собрал в общей сложности аудиторию в 14 с лишним млн. человек, «Сталинградская битва» — более 7 млн., «Молодая гвардия» — свыше 5 млн., «Овод» — почти 7,5 млн. человек. Ван Ланьси, один из руководителей кинематографии КНР, о котором с таким уважением вспоминает В. Н. Журавлев, в 1952 г. констатировал: «Советские кинофильмы наравне с китайскими народными кинофильмами стали насущной духовной пищей народных масс нашей страны». «Высокоидейное и высокохудожественное, самое передовое киноискусство Советского Союза, — писал Чэнь Хуанмэй, — служит примером для нас, помогает нам учиться и совершенствоваться». После просмотра «Поднятой целины» зрители писали о том, что советский фильм помог им разобраться в сложностях китайской действительности: «На примере Нагульнова мы видим, как исправить наши собственные ошибки азарта».

Вот почему обращение к советским киноспециалистам в первые годы КНР было оправданно и уже подготовлено в кинематографической среде, в культурных сферах.

Советские фильмы, как и литература, и в целом искусство Советского Союза, постепенно перестали быть некоей «зарубежной диковинкой», которой интересовались, но не впускали в свою внутреннюю жизнь, — они превратились в неотторжимую часть духовного бытия китайского народа. Это верно и сегодня. Экранизация романа Ван Мэна «Да здравствует юность!» в мае 1984 г. демонстрировалась на Ташкентском кинофестивале. Школьницы 1952/53 учебного года обсуждают танец Улановой, вешают на стенку, когда собираются изменить «феодалный облик» комнаты, портрет Зои Космодемьянской (о которой они знают из повести и фильма), поют «Калинку», читают «Как закалялась сталь», примеряя на себя духовный облик Павки, смотрят в кинотеатре «Счастливую жизнь», как с определенным символическим подтекстом именовались в китайском прокате «Кубанские казаки». Роман был написан в 1953—1956 гг., это отражение духа того времени. И герой рассказа 1980 г. «Грезы о море», вспоминая свою молодость 50-х годов, не смог обойтись без песни из кинофильма «Семеро смелых», романтическая взволнованность которой олицетворяла для него искания тех лет, пафос дальних дорог, на которые вышли «молодые капитаны».

Для того и приехал в КНР советник из Советского Союза, чтобы научить тому, что знал он сам, предостеречь от повторения вовсе не обязательных «ошибок роста». Конечно, не все одинаково смогли воспринять эту науку. Джей Лейда замечает, что «были имитации всех уровней, в зависимости от целей и интеллигентности кинематографистов». Он выделяет «низшую ступень механической имитации» (фильм «Женщина-машинист»), «более вдумчивую, но еще тоже поверхностную» («Стальной солдат»), и творческое восприятие урока («Повесть о новых героях», один из «сильнейших фильмов новой Пекинской студии», чьи истоки он видит в герасимовской «Молодой гвардии»).

В публикуемых мемуарах хорошо вскрывается сложный механизм творческого взаимодействия Журавлева-советника с китайскими кинематографистами, когда далеко не все усилия приносили достойные плоды («Сценическое искусство Мэй Ланьфана», к сожалению, не стало художественно адекватным мастерству великого артиста), нередко приходилось перекраивать картину, уже доведенную до конца, но профессионально явно не выверенную («Во имя мира»). Однако совместные усилия приносили мгновения ярких творческих удач, как, например, сотрудничество с

Ван Бинем (к сожалению, рано ушедшим из жизни) в постановке «Катеров в бушующем море» или с Сан Ху в работе над «Молением о счастье» — фильмом, которым китайское кино по праву гордится.

Можно утверждать, что опыт советской кинематографической школы, переданный В. Н. Журавлевым и его коллегами, лег в основу и сегодняшних успехов китайского киноискусства. Ведь, например, режиссер Ван Хаовэй, в 1983 г. привезшая в Москву на международный кинофестиваль свою работу «Улица Заходящего солнца», училась в Пекинском институте кинематографии как раз в те годы, когда там вели преподавание советские мастера (не столь существенно, что она принадлежала к мастерской китайского профессора, — методика ведь была общая, разработанная на основе ВГИКовской). Двумя курсами старше учился в Пекинском институте кинематографии У Игун, который в 1983 г. принес китайскому киноискусству первый в его истории главный приз международного кинофестиваля — за художественный фильм «Давняя история в южном предместье». В последние годы были успехи в Белграде, Западном Берлине, Загребе, Калькутте, Лондоне, на других фестивалях.

Наша память сохранила сделанное в 1958 г. признание известного режиссера Цай Чушэна, тогдашнего Председателя Союза кинематографистов, впоследствии погибшего: «Советское киноискусство является для китайского народа родным и близким. Оно давно уже стало хорошим наставником и верным другом широких масс китайских зрителей и работников кинематографии».

*С. А. ТОРОПЦЕВ,
кандидат филологических наук, член Сою-
за кинематографистов СССР*

---

¹ Одна из последних работ этого режиссера, фильм «Рикша», вышел в советский прокат летом 1986 г. (здесь и далее прим. ред.).

² Ее постановщиком был Бай Чэнь. С одной из его последних работ, художественным фильмом «Под мостом», советские зрители познакомятся вскоре.

³ В советском прокате — «Семья профессора Цзяна».

⁴ На Ташкентском кинофестивале 1984 г. демонстрировался фильм «Да здравствует юность», поставленный его дочерью Хуан Шунинь.

Верещагин и Япония

И. Н. КОЖЕВНИКОВА

Василий Васильевич Верещагин (1842—1904) с молодости мечтал побывать в Японии. Первое упоминание об этом относится к марту 1874 г. В письме¹ художнику И. Н. Крамскому он писал: «...хочу объехать Амур, Японию, Китай, Тибет и Индию и отправляюсь на этой неделе» (с. 29). Об этом же он пишет и своему другу, критику В. В. Стасову, и просит посоветовать книги «из описывающих путь с его природою и людьми» (с. 30).

Но план путешествия почему-то изменился — в апреле Верещагин был уже в Индии, куда приехал морским путем из Одессы через Суэцкий канал.

Второй раз вопрос о поездке в Японию возник в 1880 г., но она опять не состоялась.

Желание Верещагина осуществилось только в 1903 г.

К этому времени Верещагин — всемирно известный художник — был уже и бывалым путешественником. Можно с уверенностью сказать, что никто из его русских собратьев по кисти не исколесил столько дорог, как он. Кавказ, Туркестан, где он участвовал в боях, места, где проходили события Отечественной войны 1812 г., русский Север, Крым, Болгария, в которой он сражался в рядах русской армии за освобождение болгар от османского ига. Верещагин неоднократно бывал почти во всех столицах Европы, дважды — в Индии и США, в Палестине, на Филиппинах, Кубе.

Устойчивый интерес Верещагина к Японии можно объяснить и обстоятельствами его жизни. Во время его учения в Морском кадетском корпусе вышла книга «Фрегат «Паллада» И. Гончарова, восторженно встреченная читающей публикой. Яркое описание путешествия по дальним морям и океанам, неведомым странам, образ таинственной Японии — «запертый ларец с потерянным ключом», по словам Гончарова, — привлекли внимание любознательной молодежи, готовившейся после окончания учения пуститься в такое же плавание. А вскоре — новые привлекшие к себе внимание драматические приключения русских моряков в Японии: экспедиция Путятина на фрегате «Диана», кораблекрушение во время цунами около города Симода, строительство вместе с японцами шлюпа «Хэда» и возвращение на родину. Верещагин, который ради призвания художника отказался от морской службы, хотя первым окончил Морской корпус, на всю жизнь сохранил добрые отношения со своими прежними товарищами, например, будущим адмиралом Скрындровым, и, вероятно, много слышал «из первых уст» о плаваниях в эту далекую страну.

А начало его пути художника — Верещагин учился и подолгу жил и работал в Париже — совпало с открытием Европой японской гравюры, что, конечно, не могло пройти мимо его внимания.

И еще одно.

В. В. Стасов, на протяжении многих лет близко знавший художника, с жаром протестовал против причисления Верещагина к «баталистам». Он писал, что «это прозвище самое неверное и менее всего к нему идет. Все его значение и все его достоинство состоит именно в том, что он не «баталист» и никогда им не был». Стасов доказывал, что картины Верещагина, показы-

вающие античеловеческую сущность войны, по своему существу антибатальны. Они ярко показывают, до какой степени и «батальная живопись», и «баталисты» фальшивы, негодны и не должны существовать. Стасов также писал, что «обращать внимание только на одни военные картины Верещагина — огромная ошибка, огромное заблуждение и односторонность». Действительно, всю жизнь Верещагина наряду с картинами, изображающими войну и горести с ней связанные, создает картины мирной жизни, портреты (у него есть книга «Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей»), пейзажи — снега Гималаев, пронизанный солнцем Крым, полные прелести тихие уголки Москвы, Ярославля, Вологды со старинными церквями и уютными двориками.

Сам Верещагин писал, как ему мучительно больно изображать войну: «Я слишком близко принимаю к сердцу то, что пишу; выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого» (с. 123). И по воспоминаниям сына, говорил, что после батальных сцен должен «отдыхать» на картинах другого рода. Видимо, для Верещагина давно задуманная поездка в Японию мыслится как возможность дать отдых нервам после работы над серией картин о войне 1812 г. и отдаться живописным задачам в новом для него месте, с необычными цветовыми сочетаниями, с формами, непохожими на те, что встречались раньше. По словам Стасова, его всегда влек к себе Восток «живой, свежей, нетронутой природой», азиатские народы, «живущие живописно и оригинально» и окруженные «великолепными остатками древности».

И своеобразная природа, и необычные краски и формы, и старинные храмы — все это ждало Верещагина в Японии, но время было неподходящим. Шел август 1903 г. Слово «Япония» не сходило с первых полос газет. Война висела в воздухе. Писали о закупке Японией орудий Круппа, о положении в Маньчжурии, о недружелюбных высказываниях в адрес России.

От Владивостока до японского порта Цуруга Верещагин плыл на японском пароходе «Айкоку-мару», а из Цуруга поездом ехал до станции Санномия, где пересел на поезд, идущий в Токио.

Мы достоверно знаем, как протекало пребывание Верещагина в Японии, особенно его первая часть, благодаря самому Верещагину. Он обладал хорошим слогом, острой наблюдательностью и многолетней привычкой вести дневник. Свои записи он потом публиковал под заголовком «Из записной книжки» и подписывал «Художник Верещагин» — это звание он считал для себя превыше всего.

По воспоминанию скульптора Ильи Гинцбурга, перед отъездом Верещагина на Дальний Восток редактор одной газеты предложил ему быть ее специальным корреспондентом с гонораром 5 тыс. руб., на что тот ответил: «Пришлю Вам корреспонденции, но еду я художником Верещагиным, а не специальным корреспондентом»².

Очерки Верещагина печатались в «Новостях и биржевой газете» уже после возвращения художника домой. Хотя русско-японская война должна была вот-вот разразиться (а два очерка были опубликованы после того, как она уже началась), нельзя не отметить тот доброжелательный и объективный тон, каким художник писал о Японии и японском народе.

В очерках и в письмах жене Верещагин пишет о трудолюбии японцев, о порядке на улицах, о вежливости в обращении. Поборник женского равноправия, он внимательно приглядывался к жизни японской женщины. Он с горечью писал о «бедных девушках», идущих в публичные дома, чтобы помочь своим родителям. Писал добрые слова о матерях и о их отношении к детям. Сетовал на тяготы жизни японских тружениц, которые быстро старятся: «И то сказать, что работа японской женщины по дому и в поле с ребята-

ми очень тяжела; одно тасканье детей при поясе во время самой работы, когда матери приходится нагибаться и разгибаться, имея при себе одну или две качающиеся во все стороны сонные головки, чего стоит!»

Из писем и записок Верещагина видно, что перед поездкой в Японию он познакомился по книгам с ее искусством и знал, что он хочет там посмотреть. Его интересовали старинные храмы Никко и Киото, и большую часть времени он провел именно в этих местах.

Первое место, куда приехал Верещагин, было Никко: «Живу в самой романтической обстановке в маленьком домике не то лесника, не то садовода, близ самих храмов» (с. 202).

Так как в Никко всегда бывало много посетителей, Верещагин работал главным образом утром и вечером, а днем старался выбирать самые отдаленные уголки. Его как художника захватила красота этого своеобразного места. «Есть японская пословица, — писал он, — кто не видел Никко, тот не может сказать, что он знает прекрасное. Пословица эта в значительной степени справедлива, потому что весь Никко прекрасен, но его прекрасное трудно передать словами, так как оно состоит не только из красоты линий и гармонии красок храмов, но и из возвышающей эти прелести обстановки, из громадных криптомерий, гор, бурных, шумящих потоков, громадных, крытых зеленым мохом камней и т. п. Нужно видеть все это вместе, то есть не только любоваться филигранной отделкой зданий, но и прислушиваться к шуму деревьев, грохоту водопадов; нужно видеть массы нарядного, любознательного народа, с религиозным благоговением толпящегося с утра до ночи в самих храмах и во всех аллеях и подходах к ним, чтобы понять впечатление, производимое этим местом.

У нас святые места посещаются, преимущественно, в великие дни календаря, а также в праздники местных святых, в Японии же храмы Никко посещаются столько же из религиозного чувства, сколько из желания удовлетворить потребность восторженного поклонения изящному, бесспорно врожденному в народе; их посещают как храм, музей и школу искусства».

Внимательным глазом художника Верещагин старался разобраться в новом для него японском искусстве. Ему, воспитанному, по его словам, на образах «греческой и римской архитектуры, полных величественной простоты», храмы Никко казались «заваленными», перегруженными всякими украшениями. Действительно, храмы Никко, построенные во времена эпохи Токугава, отражали стремление к пышности и великолепию, что в живописи достигалось яркими красками часто на золотом фоне, в архитектуре — обилием декоративных деталей. Зато отдельные части, писал он, «удивительно хороши».

В своих записках Верещагин с неподдельным интересом подробно описывал барельефы на колоннах входных ворот в храм со сценками из жизни зверей, птиц, растений — «просто маленькие шедевры, наивных, верных природе изображений». На заборе, окружающем главный храм, его внимание привлекли горельефы из жизни птиц.

«Трудно передать, — писал он, — наивную прелесть этих изображений и техническое совершенство исполнения их — многое может быть принято за окаменевшую природу. Рисунок этих птиц, их позы, выражения, робко шаловливые у птенцов, заботливые — у самок, и боевые — у самцов, так подмечены и переданы, как это мог сделать только большой художник. В Европе такой мастер, несомненно, заслужил бы не только большую славу, но и большие деньги, а здесь, вероятно, он был вознагражден грошами».

Такое же восхищение русского художника вызвали и рельефные изображения драконов, обвивающих деревья на воротах, ведущих в главный храм: «Морда дракона, рисунок гибкого тела, мощь лап и хвоста переданы замеча-

тельно хорошо». И несколько рядов в боковых комнатах главного храма «совершенно отличных один от другого по рисунку и цвету орнаментов, которым нужно пожелать возможно скорого появления на свет на изучение любителей искусств». И деревянные ворота, ведущие к могиле Иэясу Токугава, выкрашенные в белый цвет, с бронзовыми золочеными пластинами и красными решетками по обе стороны — «когда я проходил первый раз этими воротами, солнце, пробиваясь через густую зелень, ударяло там и сям по этим краскам и зеленому мху, отчего эффект был поразительный».

Верещагин один из первых среди европейцев заметил особенность японской архитектуры — умение добиваться слияния постройки с пейзажем. «Как уже замечено выше, прелести храмов Никко много помогает обстановка, — отмечал он. — И, думаю, я не ошибусь, если скажу, что, постройся на ровном месте среди жиденькой растительности, они не производили бы того своеобразного впечатления, которое производят теперь среди гор, на фоне чудесных многовековых криптомерий, — краски и позолота на темном фоне выступают особенно сильно. При этом надобно знать, что улицы, подъезы и лестницы выложены по сторонам огромными плитами натурального камня, от сырости климата покрывшегося густым зеленым мхом, что придает впечатление старости, седой старины — из всех расщелин выглядывают листья, ветки, лишай, побеги, будто целые столетия смотрят сквозь них».

Верещагин высоко оценил врожденный художественный вкус японцев и умение ценить прекрасное. «Красивый пейзаж, великолепный храм, изящный букет цветов, красиво подобранный наряд, непременно привлекают внимание японцев, и они в состоянии предаваться по этому поводу нелицемерным восторгам. И не только в высших, обеспеченных слоях общества, но и в низших, недостаточных, в которых забота о насущном хлебе, казалось бы, должна была вытеснить удовольствия и наслаждения отвлеченного, созерцательного характера».

Верещагин восхищался искусством японских ремесленников — гончаров, резчиков, ткачей. Он любил ходить по лавкам, где продается посуда, статуэтки, вазы, ткани, предметы из дерева. Он писал о прелестных «нэцкэ», среди которых попадаются «маленькие шедевры». Любовался женскими кимоно из шелков, «дающих чудные мягкие складки». Поражался их красками — «цвета до того хороши, ярки, смелы и в то же время гармоничны, что представляют какой-то разгул красок, самых неожиданных сочетаний». Не обходил вниманием и хлопчатобумажные материи для повседневного пользования — «всевозможных, часто очень пестрых узоров и преоригинальных рисунков». Среди них попадались и очень яркие — для детских кимоно. Одетые в них «группы деток представляют из себя сплошные цветники». Многие из понравившегося ему Верещагину покупал — его груз из Японии был велик, как ни из одной другой страны. Это были подарки родным и близким, предметы народного искусства, повседневного обихода — они нужны были Верещагину для задушной им серии японских картин; «покупки, — по его словам, — нужного мне и как художнику, и как человеку не с каменным сердцем, то есть любящему изящные вещи».

Собранная Верещагиным огромная коллекция предметов японского искусства и домашнего обихода была выставлена после его гибели на выставке в галерее Лемерсье в Москве, в Салтыковском переулке. Это были ширмы, панно, вышивки, веера, нэцкэ, свитки-какэмоно, гравюры, маски, фонари, посуда, одежда, эмаль, бронза, изделия из черепахи, лака, дерева, фарфора — всего двести семьдесят девять предметов¹. По воспоминаниям сына художника, среди привезенных вещей был трехпудовый камень из японского сада. «На привезенной скале росли две карликовые сосенки и еще какие-то растения.

В дороге они погибли, но оставались столь живописными и изящными, что эту скалу поместили на деревянной колонне в мастерской. Она отчетливо видна на нескольких сохранившихся фотографиях мастерской, сделанных в 1904 г. перед посмертной выставкой. Там же можно видеть ряд других предметов коллекции: несколько панно, фонарики, вазочки, резной столик из орехового дерева со стоящей на нем бронзовой лилией. На фотографии, снятой от западной стены мастерской возле большой картины «Гробница королей» (из «палестинской» серии), видны несколько японских этюдов, среди которых легко узнается небольшая, но очень красивая этюд-картина «Шинтонский храм в Никко» на мольберте, а под ней на полу — «Японка»⁴.

Верещагин привез из Японии двадцать этюдов и наброски, готовясь сделать дома «японскую» серию картин. Это была одна из особенностей работы художника. Он считал, что одна картина не передает полного впечатления от места или события, поэтому, стремясь к «полифонии», создавал свои «серии» (туркестанская, индийская, балканская, война 1812 г. и т. д.). Наброски и этюды Верещагина, привезенные из Японии, по словам Стасова, были полны, «подобно картинам индийским, только мирных красот, японской изящной природы, света, красот и чудной архитектуры»⁵.

Но сделать задуманную серию Верещагину не пришлось. Он вернулся домой в ноябре 1903 г. с последним пароходом, шедшим из Японии во Владивосток, а в феврале 1904 г. началась русско-японская война. Война не была для Верещагина неожиданностью. Он чувствовал ее приближение, понимал, сколько она принесет горя и человеческих жертв, видел неподготовленность к ней России и легкомысленные, «шапкозакладательские» настроения многих влиятельных лиц. Вероятно, именно поэтому в очерках о Японии Верещагин всячески обращал внимание читателей на четкость, организованность, порядок. «Япония. — писал он, — может считаться государством благоустроенным: у нее хорошие пути сообщения, высокая сельская культура, поголовная грамотность, масса вкуса и изящества в ремесленном производстве, нет пьянства, брани и скандалов на улице; детей они не бьют и проч., и проч., и проч.».

Начатая японским правительством война не поколебала уважения Верещагина к этой стране и ее народу. Статью о начавшейся войне «Воинственные японцы» он закончил словами: «Жаль, еще раз повторяю это, очень жаль, потому что Япония в высокой степени интересная и по-своему благоустроенная страна, а японский народ трудолюбив и проникнут чувством преклонения изящному».

Меньше чем через три недели Верещагин едет на фронт. Он считал, что обличать войну — его долг, и ничто не могло его остановить. Художнику в это время было уже за шестьдесят. Здоровье его оставляло желать лучшего. Мучала тропическая малярия — «память» об Индии. Давала о себе знать рана, полученная в Болгарии, когда он вместе со своим сотоварищем по Морскому корпусу лейтенантом Скрындловым, будущим адмиралом, предпринял отчаянно дерзкую атаку на турецкий военный корабль. Нервы Верещагина были измотаны титанической работой, постоянными осложнениями с выставками, непониманием и часто открытой враждебностью царского двора, не желавшего приобретать его картины, а художник хотел, чтобы они остались в России. Кроме того, его постоянно терзали заботы о материальном благополучии семьи.

Верещагин был заботливый семьянин. Со своей второй женой Лидией Васильевной, урожденной Андреевской, они жили душа в душу. У них было трое маленьких детей — сын Василий, двенадцати лет, дочери Анна и Лидия десяти и шести лет. Верещагин знал, что война есть война и всякое может случиться. Перед отъездом он составил завещание, а в письме своему другу

В. А. Киркору писал: «Многоуважаемый, милый и хороший Василий Антонович. Прощайте! Надеюсь, до свидания! Не оставьте советом и помощью жену мою в случае, если она обратится к Вам» (с. 207).

В своих воспоминаниях сын художника описывал, как болезненно было прощание Верещагина с близкими: «Отец стоял на пороге, лицо его выражало страшное волнение, а глаза, в которых явно блестели слезы, он быстро переводил с одного из нас на другого. Продолжалась это не более одной или двух секунд, после чего он резко повернулся и вышел».

И снова, как несколько месяцев назад, Верещагин в железнодорожном вагоне едет на Восток. Он посещает Порт-Артур, Лаоян, Мукден, бывает непосредственно на местах сражений, делает зарисовки. Он следует своему твердому убеждению: «...Дать обществу картины настоящей, неподдельной войны нельзя, глядя на сражение в бинокль из прекрасного далека, а нужно самому все почувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытывать голод, холод, болезни... Нужно не бояться жертвовать своею кровью, своим мясом, иначе картины будут не то»⁶.

Знакомый с Верещагиным художник Н. И. Кравченко рассказывал о встречах с ним и о том уважении, которым он пользовался.

В частности, он описал следующую сценку в Порт-Артуре.

«Группа молодых офицеров стояла у гостиницы.

— Господа, Верещагин идет! — крикнул кто-то.

И почти моментально все глаза устремились на стройную, легкую фигуру В. В. в синей пиджачной паре, быстрыми шагами проходившего мимо. Его красивая белая борода, под лучами горячего солнца отливала серебром. На голове была барашковая шапка.

Он прошел прямо к почтовому ящику, видно было, как он опустил туда большой пакет, заглянул в отверстие и потом таким же мерным, спокойным шагом пошел назад к станции»⁷.

Это было 30 марта 1904 г. Письмо, опущенное Верещагиным в почтовый ящик, было адресовано его жене. В нем он писал: «Сейчас еду на адмиральский корабль «Петропавловск», с которого вот уже 3 ночи ездил на сторожевое судно встречать брандер, но без успеха. Хочу поехать и сегодня. Вчера выходили в море, но неприятеля не видели. Я подбиваю Макарова пойти подальше, но не знаю, согласится ли» (с. 210).

На следующий день, 31 марта, Верещагин выходит в море на флагманском корабле адмирала Макарова «Петропавловск». По свидетельству очевидцев, Верещагин все время находился на капитанском мостике, набрасывая в блокноте панораму берега и силуэты японских боевых кораблей. После боевой операции преследуемая превосходящим по численности противником эскадра вернулась к Порт-Артуру.

«Наши суда, имея впереди себя флагманское судно адмирала Макарова «Петропавловск», медленно продвигались к рейду, — описывал разворачивавшиеся события Н. И. Кравченко, — и начали делать поворот, чтобы остановиться на месте своей стоянки на внешнем рейде.

«Миноносцам войти в гавань», — прочел кто-то адмиральский приказ, и утлые быстрые лодки одна за другой начали проскакивать в порт. Все смотрели на неприятеля и ждали выстрелов, но ничего не было. Они мирно стояли на своих местах и чего-то ожидали. Так прошла, может быть, минута-две...

Вдруг прозвучал глухой мягкий выстрел... Тотчас же, почти непосредственно за ним другой.

Что это? Зали? Около носа «Петропавловска» взвился столб белого дыма, а за ним ближе к середине судна клуб оранжево-бурого. Все невольно замерли.

Боже, он тонет! Да, тонет. Нос его начал быстро опускаться, и сам броненосец крениться на правый бок. Бурый дым повалил гуще, кое-где показались языки пламени. Корма приподнялась, из воды показался левый винт, который все еще продолжал вертеться. Густой дым покрыл все, и только виднелась сильно накренившаяся корма, по которой двигались какие-то точки. Когда крен дошел до 40—45°, эти же точки показались на поверхности борта и свалились в воду. Огонь показался на корме, его языки облизывали борт; винт сделал несколько слабых поворотов, и все скрылось под водой...

Эскадра точно замерла. Ни малейшего звука, ни малейшего движения. Никто не верил своим глазам».

С кораблей стали быстро спускать шлюпки, но среди немногих спасенных Верещагина не оказалось. Погиб он, погибли его бумаги, наброски, заметки, неосуществленные планы.

Гибель Верещагина вызвала большой отклик в России и во всем мире. Все газеты поместили об этом сообщения на первой полосе. В «Новостях и биржевой газете», где Верещагин сотрудничал, появился некролог, подписанный В. В. Стасовым. Мысли, вызванные гибелью Верещагина, ярко выразил в своих воспоминаниях видевший его перед гибелью Н. И. Кравченко:

«Бедный Василий Васильевич! Ведь это тот самый В. В. Верещагин, который первый открыл всем глаза на войну и показал весь ее ужас, все то, что скрывается за подвигами храбрых, чем создаются громкие дела и слава полководцев.

Мы знали одну лишь красивую, лицевую сторону медали, а на другую — оборотную — и не могли, и не хотели смотреть. И, кроме бедных матерей, жен и детей убитых и раненых, никто почти не чувствовал всего ужаса каждого громкого дела, каждой победы или поражения.

И вот эту-то другую сторону побед показал всему миру наш В. В. Верещагин. Он, бывший на войне, слышавший вокруг себя свист пуль, видевший груды убитых и раненых, он дал человечеству целый ряд картин, изображавших войну со всеми ее ужасами, со всеми деталями, полными глубокой драмы.

Василий Васильевич был первым и самым серьезным противником войны, и от нее же он и погиб. Погиб на своем посту, стоя на палубе с альбомом в руке, в который и зарисовывал то, что видел. Так говорили спасенные с «Петропавловска» матросы».

Среди многих печатных откликов на гибель знаменитого художника в «С.-Петербургских новостях» были и такие строки: «Макарова оплакивает Россия, Верещагина оплакивает весь мир...»⁸.

Гибель Верещагина не прошла незамеченной и в Японии. Уже в мае в «Хэймин симбун» («Газете простых людей»), первой газете японских социалистов, самой прогрессивной газете того времени, появилось эссе писателя Кайдзана Накадзато, озаглавленное «Оплакиваем Верещагина». Оно настолько примечательно, что хочется привести его целиком:

«Как возликовали шовинисты обеих стран, узнав, что капитан Хиросэ погиб на поле брани, а морская пучина поглотила адмирала Макарова! Но мы, пацифисты, с глубочайшей скорбью оплакиваем смерть миролюбивого художника Верещагина. Так же, как и Толстой, который ведет пропаганду мира силой слова, наш Верещагин кистью старался показать людям, что война — самая ужасная, самая нелепая вещь на свете.

Мы не знаем многого о нем, мы только с восхищением рассматриваем фотографические снимки двух нарисованных им картин — Наполеон, сверху глядящий на Москву, и треугольный холм черепов. На первой из них изображен непобедимый герой. Он стоит на горе, среди клубящихся туч, смотрит

вниз, на столицу России — Москву, и по всему его лицу разлито самодовольство: «Пришел, увидел, победил». И ведомо ли сейчас этому заносчивому корсиканцу, как скоро военная хитрость превратит этот город в пепел и как легко принудит его отступить, оставив сто тысяч солдат, погибших от голода и холода. Как отчетливо изображена на этой картине глупость и трагедия войны! Говорят, что это шедевр из шедевров Верещагина.

На второй картине виден только холм из нескольких тысяч черепов, низко над ним кружит стая воронов, слетевшихся сюда за человеческим мясом. Вот уж воистину, на этом полотне ожила пословица: «Успех генерала — на костях множества солдат». Огромный талант Верещагина особенно сильно проявился в такого рода картинах, где он пытается внушить людям необходимость мира.

И когда разразилась японо-русская война, именно с этой целью он направился на поле брани. Он был гостем адмирала Макарова на флагманском корабле, и тут его неожиданно настигла беда. Но как величественна его смерть! Он не искал военных наград, он хотел показать людям трагедию и глупость войны, и сам пал ее жертвой. Он пожертвовал своей жизнью ради призвания. Но проявил ли он в этом, как гуманист, поистине высокое человеческое достоинство?

Мы завидуем России, где живет Толстой, и, узнав о смерти Верещагина, не можем еще раз не почувствовать к этой стране уважения и почтения. Народ Великой японской империи! Откровенно говоря, что значит твое «величие»? Какие идеалы есть у писателей Великой японской империи, кроме того, чтобы превозносить убийства и предаваться ничтожному самовосхвалению? Какие идеалы, какие стремления есть у художников Великой японской империи, кроме того, чтобы рисовать ура-патриотические картинки? Не мешало бы подумать об этом».

Кайдзан Накадзато (1885—1941), выходец из обедневшей самурайской семьи, окончивший школу английского языка, был представителем той части японской интеллигенции, которая не поддавалась военному угару. Рано попав под обаяние гигантской личности Толстого, Накадзато на всю жизнь стал его верным последователем: превратил свое имение в миниатюрную Ясную Поляну, открыл школу для крестьянских детей, читал им сказку про Ивана-дурачка в своем переводе с английского. В годы русско-японской войны японская интеллигенция с восторгом следила за антивоенными выступлениями Толстого, который во всеуслышание заявил, что он «не за Россию и не за Японию, а за трудовой народ этих стран, ведущий войну против своих убеждений и религии». Восхищение к Толстому вызвало, вероятно, у Накадзато и его единомышленников интерес и к его соотечественнику — художнику Верещагину, обличавшему войну своей кистью. Японцы, пристально следившие за событиями культурной жизни Европы и Америки, могли встретить его имя в журналах и газетах — выставки Верещагина, проходившие в столицах многих европейских государств, в Нью-Йорке и Чикаго, неизменно вызывали острые столкновения мнений — восторженное восхищение одних и яростное осуждение других. Известно, что на некоторые его выставки власти запрещали ходить солдатам и юношеству под тем предлогом, что они могут подорвать их патриотизм. Японцы могли видеть и репродукции работ Верещагина, особенно его знаменитой картины «Апофеоз войны» — на ее раме было написано посвящение: «Всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим». Известно, как шокировала эта картина германского фельдмаршала Мольтке, а Верещагин, четко произнося слова, повторял: «Посвящается всем завоевателям. Всем».

Японские художники могли знать имя Верещагина от Х. Ямамото — он

учился в Париже у известного живописца Ж. Л. Жерома, в мастерской которого в молодости работал Верещагин, или от художника Сэйки Курода, учившегося во Франции и интересовавшегося русским искусством. Курода следил за выставками в Париже русских художников и за оценками их творчества французами. Трудно сказать, как узнал о Верещагине художник Хякусуи Хирафуку, но вслед за эссе Кайдзана Накадзато в газете «Хэймин симбун» 19 июня 1904 г. был напечатан портрет Верещагина его работы, перерисованный, очевидно, с фотографии. В статье под заголовком «Покойный русский художник-пацифист Верещагин» говорилось о картине «Апофеоз войны», название которой на японском языке звучало как «Воплощение войны».

В то время, когда Верещагин уединенно жил в Никко, выбирая для работы над этюдами самые малолюдные уголки, он, конечно, не представлял себе, как жаждал познакомиться с ним двадцатидвухлетний Кунитаро Косуги (1881—1964), в будущем известный художник и поэт. Он интересовался европейской живописью, был членом общества «Белой лошади», организованного художниками Сэйки Курода и Кумадзи Аояма, вернувшимися из Франции, а после его роспуска вошел в общество «Кофукай», возглавлявшееся поклонником европейского искусства Сётаро Кояма. Косуги был участником первой выставки японских художников европейского направления.

В это время он тоже жил в Никко и узнал о Верещагине от своего учителя Бунъя Ёсиро. Можно представить, как импонировал молодому Косуги Верещагин с его мировой славой, с неординарной внешностью — несмотря на свои шестьдесят лет, он был быстр в движениях, седая борода подчеркивала выразительное лицо с орлиным носом и пронзительными карими глазами. Косуги был знаком с хозяином дома, где жил Верещагин («живу в маленьком домике не то лесника, не то садовода»). Косуги, по его словам, просил хозяина показать ему в отсутствие Верещагина его комнату — ему хотелось, вероятно, посмотреть сделанные этюды, — но хозяин, к великому сожалению юноши, ему это не позволил.

По некоторым данным, Косуги вместе с Бунъя Ёсиро присутствовал на встрече местных художников с Верещагиным. Это происходило в Хатниси-тё, в доме издателя Кинсиро Кибира — тот издавал путеводители по Никко и привлекал к их оформлению европейских художников. С Бунъя Ёсиро Верещагин, вероятно, был знаком ближе — уезжая, он подарил ему на память блокнот, который тот бережно хранил.

Потом Верещагин вернулся в Россию, а Косуги, когда началась русско-японская война, оказался на фронте, в Маньчжурии и Корее. Там он узнал о гибели Верещагина, потрясшей его до глубины души. Косуги пишет стихотворение, посвященное Верещагину. По его словам, оно «свидетельство моего уважения к художнику — чужестранцу и единомышленнику». Стихотворение называется «О художнике, написавшем картину «Пирамида черепов». В прозаическом пересказе оно выглядит так:

«Твоя картина «Пирамида черепов» написана для назидания людям, призванным на совместные убийства. Ты говоришь с ними как апостол мира. Мальчишки, изображающие из себя героев, останавливаются, потрясенные перед твоей вдохновенной картиной, увидев свое будущее.

...Когда разразилась кровавая бойня и дети двух стран стали убивать друг друга, ты призвал их к войне против войны.

...Семь русских военных кораблей вели бой, но удача от них отвернулась: флагманский корабль подорвался на mine — в одно мгновение его поглотил

ла бездна. Пятьсот моряков во главе с героем адмиралом Макаровым ушли на морское дно. И среди них был ты — апостол мира с кистью в руке.

...Люди желтой и белой расы, море и земля — все смешалось в пороховом дыму, и ты стал жертвой этой бессмысленной битвы. Своей собственной судьбой ты еще раз подтвердил правду твоей картины «Апофеоз войны», говорящей о преступности войны. Ты погиб во имя высокого идеала, и твой дух вернулся в наш сад. И мы, скорбя о тебе, будем продолжать твоё дело — будем бороться против войны, в которой люди убивают один другого».

Находясь в действующей армии, Косуги (как художник он известен под именем Мисэй) делал зарисовки с натуры, собирая материал для будущих картин. Но получалось так, что на его листах рядом с рисунком возникали стихи, как бы дополняя собой изображение, как издавна было принято в Японии. Эти стихи Косуги посылал в журналы «Кохакү» и «Тэнкү». Вскоре, в том же 1904 г., они вышли отдельной книгой под названием «Стихи с фронта» («Дзинтү сихэн»). Они положили начало поэтической деятельности Косуги, который вошел в литературу как Хоан Косуги.

«Стихи с фронта» поражают своей страстной антивоенной направленностью. Хоан Косуги пишет об убитых и раненых солдатах, о санитарной повозке, везущей раненых, о несчастной матери, молящейся за убитого сына. Стихи Хоана Косуги печатались в сопровождении его рисунков. Он выразительно рисует ненасытного бога войны с его зловещими трофеями — человеческими черепами. Хоан пишет известную поэму «Грех войны», она печаталась в 1-м и 2-м номерах журнала «Тэнкү», который издавал Рэйун Таока, близкий к социалистам. Уже после окончания войны, в 1907 г., он заканчивает задуманную еще на передовой картину «Пленный и его брат» — прощание русского военнопленного с умершим братом, который будет похоронен на чужбине. Она полна сострадания к горю человека, причиненному войной.

Перед стихами, посвященными Верещагину, Косуги написал, что, вернувшись с фронта, он снова приехал в Никко и прошел мимо дома, где жил русский художник. «Там, — пишет он, — скорбно пели осенние цикады. А возвращаясь домой, я встретился с похоронной процессией — несли прах погибшего ефрейтора».

Так, чисто по-японски, поэт выразил свои чувства уважения к Верещагину, русскому художнику, отдавшему свой талант на то, чтобы показать людям трагедию войны.

Личность Верещагина, антивоенный пафос его картин, его трагический конец вдохновили на стихи «Памяти Верещагина» и другого поэта — Нобуюки Уцуми. Взгляды и творческая эволюция этого поэта в какой-то мере были типичны для молодых интеллигентов того времени. Сначала романтические стихи, участие в обществе новой поэзии «Синсися» и сотрудничество в журнале этого общества «Мёдзё» («Утренняя звезда»), душой которого был поэт Тэкан Есано. Потом влияние социалистических идей Сюсуй Котоку, высказывавшего на страницах газеты «Хэймин симбун» антивоенные взгляды. В этой газете Нобуюки Уцуми прочитал страстную антивоенную статью Толстого «Одумайтесь!» — ее перевел с английского Котоку.

«Да когда же это кончится? — восклицал Толстой. — И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: «Да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов».

Эти страстные слова яснополянского старца затронули сердца многих поэтов. Поэтесса Акико Есано, автор романтического сборника «Спутанные

волосы», жена Тэкан Есано, публикует страстные антивоенные стихи «Не отдавай, любимый, жизнь свою». Поэт Такубоку Исекава, тоже начинавший как романтик, создает свое известное стихотворение «На смерть адмирала Макарова». И в то же время его соратник по Обществу новой поэзии — Нобуюки Уцуми — пишет стихи «Памяти Верещагина», где славит мужественного художника, своей кистью обличавшего войну и славившего мир. Такие стихи уже не подходили для романтически-эстетного «Мёдзэ», и, по свидетельству современников, Тэкан Есано предложил молодому поэту печатать их в журнале «Новый голос». Там в 1906 г. и было опубликовано стихотворение «Памяти Верещагина» и другие антивоенные стихи — «Весна мира», «Колокол», посвященное другу-поэту, погибшему на войне.

Имя Верещагина прозвучало и в публичном выступлении известного японского писателя Рока Токутоми в Первой высшей нормальной школе после его возвращения из России, где он встречался с Толстым⁹.

Война закончилась победой Японии, гремели литавры, но свою речь Токутоми назвал «Печаль победы». Выступая перед молодежью, он призывал ее к человечности, к человеколюбию. И слово свое он начал с рассказа о картине «Апофеоз войны», виденной им в Петербурге.

Картина эта не раз вспоминалась и позже. Так, в 1916 г., когда между Россией и Японией установились мирные отношения, газета «Кокумин симбун» опубликовала на своих страницах письма японских юношей, адресованные русской молодежи. Они были перепечатаны в «Русском слове» и были встречены с интересом. Известно, что поэт Велимир Хлебников начал переписываться с авторами этих писем. Среди его корреспондентов был Ситаро Яmano, писавший в «Кокумин симбун»: «О, как чудны добрые сношения между юношами обеих стран, только недавно смотревшими друг на друга взором злобы и ненависти! Слезами радости невольно наполняются мои глаза от этой мысли... Ныне дорогие ваши соотечественники единодушно сражаются за отечество. В эти минуты меня чрезвычайно трогает глубокое впечатление, которое остается у меня в голове от «Апофеоза войны», этой знаменитой картины великого русского живописца В. В. Верещагина...»¹⁰

Прошли десятилетия. Стихи Хоана Косуги и Нобуюки Уцуми стали классикой. Они вошли в историю японской литературы. В представительном «Собрании сочинений эпохи Мэйдзи» («Мэйдзи бунгаку дзэнсю») они опубликованы в 83-м томе, посвященном социалистической литературе тех лет. Они напоминают читателям о страшном злодеянии войны и о русском художнике, обличавшем ее.

Имя Верещагина и его работы прочно вошли в историю русского искусства. Они известны во всем мире. Известны они и в Японии. Многочисленные японцы, приезжающие в нашу страну и посещающие Третьяковскую галерею и Русский музей — среди них был и племянник Кайдзана Накадзато русист Мития Накадзато, — видели картины Верещагина, и, конечно, самую известную на их родине «Апофеоз войны». Репродукцией с этой картины открылась вышедшая в 1981 г. книга о Кайдзана Накадзато.

Японские гости могли видеть и работы Верещагина, сделанные в Японии. Одна из них — «Прогулка в лодке» — экспонировалась в 1967 г. в Токио в Музее западного искусства. По ним видно, какими глазами смотрел Верещагин на Японию. На его этюдах — лица простых людей, пейзажи, храмы Никко и Киото. Они написаны очень точно, с какой-то необычной для художника мягкостью.

Он, обличавший своей кистью войну, писавший о страшном злодеянии, лишавшем людей их главного права — жить, показывали другое: красоту и тепло жизни, дарованные человеку и требующие от него защиты.

¹ Все письма В. В. Верещагина цитируются по книге «Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма». М., 1981.

² Илья Гинцбург. Воспоминания о В. В. Верещагине. Спб., 1914.

³ Каталог выставки картин и рисунков покойного художника В. В. Верещагина и собранной им коллекции японских предметов (принадлежащих вдове его Л. В. Верещагиной). М., 1910 (?).

⁴ В. В. Верещагин. Воспоминания сына художника. Л., 1978, с. 117.

⁵ В. Стасов. Каталог выставки картин и рисунков покойного художника В. В. Верещагина и собранной им коллекции японских предметов. М., 6. г.

⁶ В. В. Верещагин. На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. М., 1902, с. 58.

⁷ Н. И. Кравченко. Последние дни и смерть В. В. Верещагина. Спб., 1914.

⁸ Цит. по: А. Лебедев, Г. Бузова. В. В. Верещагин и В. В. Стасов. М., 1953, с. 162.

⁹ Л. Л. Громковская. Рока Токутоми. М., 1983, с. 129.

¹⁰ «Кокумин симбун», 11.IX.1916.

Славные
имена ученых

**Выдающийся
историк-дальневосточник**
(К 80-летию академика
А. Л. Нарочницкого)

*В. С. МЯСНИКОВ,
профессор*

Творчество Алексея Леонтьевича Нарочницкого, крупного ученого и общественного деятеля, члена КПСС, действительного члена Академии Наук СССР и Академии педагогических наук СССР, лауреата Государственных премий СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора исторических наук, профессора, столь обширно и многосторонне, что общую его оценку вправе дать лишь коллектив специалистов различных профилей. А. Л. Нарочницкий является автором и редактором более 400 научных работ по всеобщей и отечественной истории, историографии и источниковедению, внешней политике и дипломатии европейских держав, истории и современному развитию международных отношений и внешней политики СССР. Десятки его работ переведены на иностранные языки. Для советских востоковедов, особенно тех, которые занимаются историей международных отношений стран Азии и Тихого океана, историей связей России и СССР со странами Востока, последние десятилетия отмечены и ролью возрастающим влиянием и ролью трудов в этой области академика А. Л. Нарочницкого и ученых его школы. Поэтому в нашем кратком очерке мы уделяем главное внимание работам А. Л. Нарочницкого, относящимся к дальневосточной проблематике. Разумеется, их следует рассматривать лишь в неразрывной связи с другими направлениями творчества выдающегося ученого, ибо каждое из этих направлений укрепляет значимость других и способствует их взаимному обогащению.

Жизненный путь академика А. Л. Нарочницкого — это постоянное приумножение природного таланта исключительным по своим масштабам и напряженности трудом. Об этом неоднократно рассказывалось на страницах научных изданий¹. А. Л. Нарочницкому было всего 19 лет, когда на основе архивных источников он подготовил первую научную работу, опубликованную два года спустя в академическом издании². А еще через два года (в 1930 г.) молодой ученый закончил Киевский университет, обучение в котором он совмещал с работой преподавателя средних школ.

Интересы А. Л. Нарочницкого как историка складываются в середине 30-х годов, то есть в тот период, когда на Дальнем Востоке начал разгораться очаг новой мировой войны, когда международная ситуация в азиатско-тихоокеанском регионе приобрела особую остроту. Поиски ответов на вопросы, выдвигавшиеся событиями в Китае, Монголии, Японии, повлияли на всю дальнейшую исследовательскую деятельность А. Л. Нарочницкого. Являясь специалистом широкого профиля, в поле зрения которого находится вся система международных отношений современного мира, он уделяет особое внимание ситуации в Азии и в первую очередь на Дальнем Востоке. Это сказалось на одной из ранних его публикаций — рецензии на вышедшую в 1939 г. книгу С. Б. Окуня «Российско-американская компания»³.

Творческая манера А. Л. Нарочницкого лучше всего, пожалуй, может быть

охарактеризована пушкинской строкой: «Мечты поэта, историк строгий гонит вас!» Его мастерство историка складывалось под воздействием трех основных факторов. Во-первых, в 1934—1937 гг., когда А. Л. Нарочницкий учился в аспирантуре при кафедре новой истории Московского государственного университета, шел активный процесс упрочения и развития советской марксистско-ленинской исторической науки, связанный с принятием известных партийных документов о развитии общественных наук в нашей стране. Во-вторых, сам объект исследования — внешняя политика, дипломатия — требовал особой скрупулезности анализа. И, наконец, в-третьих, на всю деятельность А. Л. Нарочницкого повлияло его общение с учителями, такими выдающимися историками как Е. В. Тарле, Е. А. Косминский, Н. И. Лукин, В. И. Пичета, С. Д. Сказкин, В. М. Хвостов, которые, помимо огромного объема знаний, дали молодому исследователю образцы исключительно требовательного, принципиального, взыскательного отношения прежде всего к самому себе, к своему труду.

В основе исторических знаний всегда лежит владение источниками и литературой. Уже в 1940 г. А. Л. Нарочницкий публикует «Указатель литературы по новой истории (1789—1819)», но основная точка опоры историка — это документы. Поэтому многие годы А. Л. Нарочницкий посвящает изучению огромного количества архивных источников, связанных с внешней политикой России, других ведущих государств мира. Черпать в архивах богатства фактического материала, строить обобщения только на точном знании документов — этот стиль работы был выработан А. Л. Нарочницким уже в те годы.

При подготовке первого в СССР обобщающего труда по истории дипломатии В. П. Потемкин, возглавивший авторский коллектив, включил в него вместе с Е. В. Тарле и В. М. Хвостовым А. Л. Нарочницкого, оценив его способность к оригинальности суждений и обобщениям, блестящее владение методологией исторического исследования. В первом издании «Истории дипломатии», вышедшем в 1941 г. и удостоенном Государственной премии I степени (1942), А. Л. Нарочницкий был автором глав «Европейская дипломатия в годы французской буржуазной революции (1789—1794)» и «Дипломатия в годы термидорианской реакции и директории (1794—1799)». Именно эта работа сделала имя молодого историка широко известным, а вручение высокой награды явилось признанием глубины и общественной полезности его труда.

Для второго издания «Истории дипломатии» (1959) А. Л. Нарочницким были дополнительно написаны главы «Европейская дипломатия во время революций 1848—1849 гг.», «Дипломатия в Индии, на Среднем Востоке и в Китае в конце XVIII и в первой половине XIX вв.», «Дипломатия на Дальнем Востоке в 50—60-х годах XIX в.», «Дипломатия на Среднем Востоке в 50—60-х годах XIX в.». Одновременно Алексей Леонтьевич подготовил к новому изданию главы, принадлежавшие перу Е. В. Тарле.

Эта работа А. Л. Нарочницкого способствовала тому, что дипломатия нового и новейшего времени стала рассматриваться не только как деятельность европейских держав, касающаяся непосредственно европейских проблем, а как явление мирового порядка, охватывающее огромные просторы азиатского континента, где действовали свои субъекты международных отношений — великие державы Востока — Индия, Китай, Япония, которые подвергались колониальной экспансии капиталистических держав. При этом на основе марксистско-ленинского анализа политики европейских держав в Азии раскрывались особенности политики России, которая, сама являясь азиатской державой, в течение длительного исторического периода главной своей целью, например, на Дальнем Востоке, ставила налаживание добрососедских отношений с Китаем и Японией, исходя из реальных интересов стран. Объективно

эта позиция препятствовала расширению колонизаторских «опиумных» войн Англии и Франции, что даже привело к их вооруженным действиям против России на Дальнем Востоке в период Крымской войны.

Благодаря трудам А. Л. Нарочницкого в советской исторической науке была всесторонне исследована и такая проблема, как защита революции дипломатическими средствами. Решение этой проблемы на материале Великой французской революции и революций 1848—1849 гг. позволило определить принципиально новые моменты в дипломатии революционных правительств, а также рассмотреть такой кардинальный вопрос, как становление традиций интернациональной солидарности пролетариата.

Читая в 1944/45 учебном году в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б) курс лекций по международным отношениям накануне и во время французской буржуазной революции, а также по международным отношениям европейских государств с 1794 по 1871 гг.⁴, Алексей Леонтьевич одновременно готовит цикл работ по внешней политике якобинской республики. В этот цикл вошли «Робеспьеровский комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев», «Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.», «Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г.», «Крушение дипломатии Дантона в июне — июле 1793 г.»⁵. В это же время Алексеем Леонтьевичем специально рассматривается значение политики России для развития международных отношений в XVIII—XIX столетиях⁶.

Не оставляя исследований в области дипломатии европейских великих держав⁷, Алексей Леонтьевич в то же время все больше внимания уделяет разработке узловых проблем международных отношений на Дальнем Востоке. В ряде выступлений он подвергает детальному разбору американскую литературу по этим проблемам⁸.

В 1955 г. Алексеем Леонтьевичем защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Агрессия европейских держав и США на Дальнем Востоке в 1882—1895 гг.» А уже в следующем году в Издательстве Академии Наук СССР вышел труд А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895». Это исследование по своему объему, уровню теоретических обобщений, насыщенности фактическим материалом, комплексному рассмотрению проблем дальневосточной политики держав относится к выдающимся произведениям советской исторической литературы.

Работа А. Л. Нарочницкого заложила новое направление в исследованиях советских историков, ибо ему первому удалось показать взаимосвязь и взаимозависимость европейской политики держав с их политикой колониального разбоя на Дальнем Востоке, в странах Тихого океана, в Азии в целом. Следует отметить, что и сегодня, 30 лет спустя после выхода в свет этой книги, она остается непревзойденной по глубине исследования узловых проблем и актуальности научных результатов.

У книги есть и еще одно свойство: она дает возможность проверять, отличается ли нынешняя политика ведущих империалистических держав в Азии по своим целям, характеру и средствам от той, что проводилась столетие назад. В этом плане примечательна характеристика политики США, данная А. Л. Нарочницким: «Вопреки утверждениям многих буржуазных историков, США, так же как и западноевропейские державы, вели политику колониальной экспансии и агрессии на Дальнем Востоке, используя неравноправные договоры с Китаем, Японией, а затем и Кореей... Ввиду недостаточности собственных сил на Дальнем Востоке США в интересах своей экспансии стремились использовать поднимающуюся новую капиталистическую державу —

Японию и ее руками проложить дорогу для американской торговли в Корею и на о-в Тайвань. Цель этой политики заключалась также и в том, чтобы, используя Японию, ослабить на Дальнем Востоке позицию европейских держав и, прежде всего, главного соперника США — Англии и подчинить своему влиянию Японию»⁹.

Разработка А. Л. Нарочницким дальневосточной проблематики способствовала тому, что изучение международных отношений в этом регионе заняло достойное место во всем комплексе работ советских историков. В 1951 г. вышло в свет первое издание коллективного труда «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)», в подготовке которого А. Л. Нарочницкий принял самое деятельное участие, написав разделы о дальневосточной политике США, Англии и Франции во второй половине XIX в. Эта работа проливали свет на то, как узлы противоречий между империалистическими державами, завязывавшиеся еще в конце прошлого столетия, послужили факторами, ускорившими начало второй мировой войны на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана.

В 1956 г. эта книга вышла вторым изданием, хронологически охватывавшим бóльший период¹⁰. Она открывалась подготовленной А. Л. Нарочницким главой «Международные отношения на Дальнем Востоке во время «опиумных войн» и тайпинского восстания (30—60-е годы XIX в.)». В другой его главе события на дальневосточном участке мировой политики рассматривались в период 1871—1894 гг., то есть на этапе империалистической борьбы за раздел мира.

Перу Алексея Леонтьевича принадлежит большая часть первого тома нового издания «Международных отношений на Дальнем Востоке», вышедшего в издательстве «Мысль» в 1973 г. Здесь им подготовлены разделы «Западные державы и государства Восточной Азии в XVI—XVIII вв.», «Международные отношения на Дальнем Востоке во время «опиумных войн» и тайпинского восстания (30-е — 60-е годы XIX в.)», «Обострение борьбы за раздел мира между капиталистическими странами на Дальнем Востоке (1871—1898)».

Фактически ученому удалось воссоздать широчайшую картину международных отношений в Восточной Азии за три столетия. При этом впервые в советской историографии были рассмотрены основные принципы внешней политики феодальных государств Дальнего Востока, показаны их внешнеполитические связи до вторжения западных держав и коренные изменения, привнесенные колонизаторами. Взаимосвязь внешней и внутренней политики в странах Дальнего Востока выражалась и в том, что колониальные державы разрушали традиционный экономический уклад, консервируя при этом наиболее реакционные формы политического правления, прямо выступали против революционного и национально-освободительного движения народов азиатских стран.

Одновременно с присущей ему смелостью А. Л. Нарочницкий анализирует острейшие проблемы политики России в отношении Китая и Японии, рассмотрев их в известной статье «К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX в.»¹¹

Для творчества А. Л. Нарочницкого характерно то, что он никогда не замыкается в одной теме, в одной области исторических исследований, живо откликается на насущные, животрепещущие проблемы современности. Образцом такого рода актуальных выступлений явилась его статья «Традиции революции 1848—1849 гг. в Венгрии и современность»¹².

А. Л. Нарочницкий постоянно уделяет большое внимание теории и методологическим проблемам исторической науки. Без этих фундаментальных работ невозможно проведение дальнейших исследований, особенно в новых

областях, таких, как обеспечение безопасности на региональном и глобальном уровнях, что особенно актуально для азиатско-тихоокеанского региона. Значительным явлением в этой связи была статья А. Л. Нарочницкого «О теории и методологии истории международных отношений»¹³, которая затрагивала принципиальные вопросы методологии изучения внешней политики нового и новейшего времени и явилась основополагающей для многих последующих работ в этой области. Возвращаясь к этой теме несколько позже, Алексей Леонтьевич намечает ряд проблем истории внешней политики СССР и истории международных отношений, подлежащих первоочередной разработке¹⁴. Это было связано с тем, что ученый большое внимание уделял подготовке коллективной монографии «Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография», вышедшей в издательстве «Наука» в 1981 г. Коллективом авторов под руководством А. Л. Нарочницкого были проанализированы и обобщены все работы советских историков фактически более чем за 60-летний период их деятельности в области изучения внешнеполитического курса России на европейском театре мировой политики, в Азии и на Дальнем Востоке. К этому же циклу следует отнести и сборник статей (подготовленный под руководством Алексея Леонтьевича) который называется «Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России» и вышел в издательстве «Наука» в 1986 г.

Ученого по-прежнему волнуют актуальнейшие проблемы современности. Алексей Леонтьевич выступает со статьей «Внешняя политика СССР и проблемы европейской безопасности между двумя мировыми войнами»¹⁵.

Под редакцией А. Л. Нарочницкого выходит ряд фундаментальных работ, без которых невозможно рассмотрение сегодняшних вопросов истории международных отношений в Азии, на Дальнем Востоке. Сюда следует отнести такие научные издания, как «Проблемы международных отношений и освободительных движений» (1975); «Советский Союз и Организация Объединенных наций», две книги, первая из которых охватывает период 1956—1970 (1975), а вторая — 1971—1975 гг. (1981), «СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945» (1976); «Ленинские традиции внешней политики Советского Союза» (1977); «60 лет борьбы СССР за мир и безопасность» (1979); «Социализм и мир: (История, теория, современность)» (1983); «СССР в борьбе за мир и безопасность народов — исторический опыт» (1984). Названия этих книг говорят о том, что проблемы обеспечения безопасности и мира являются главной заботой выдающегося историка-международника. Об этом свидетельствует и статья А. Л. Нарочницкого «Новые явления в дипломатии и проблема обеспечения мира в 1919—1939 гг.»¹⁶.

Все творчество Алексея Леонтьевича Нарочницкого характеризуется особым вниманием к документальным источникам. С 1957 г. он в качестве эксперта-консультанта Министерства иностранных дел СССР является руководителем большого коллектива историков, готовящих фундаментальную публикацию — «Внешняя политика России XIX и начала XX века (документы Российского министерства иностранных дел)».

Эта публикация выходит в двух сериях. С 1960 по 1972 гг. были изданы 8 томов первой серии, охватывающие историю международных отношений и внешней политики России с 1801 по 1815 гг. Среди документов этой серии большое место занимают источники, относящиеся к дальневосточной политике России. В частности, в них отразилась история посольства Ю. А. Головкина в Цинскую империю, содержатся данные о русско-китайской торговле через Кяхту, а также сведения о визите кораблей первой русской кругосветной экспедиции в китайский порт Гаунчжоу. Необходимо отметить высокий научный уровень подготовки этой публикации, снабженной богатым

научно-справочным аппаратом, а также исключительно быстрые темпы ее издания. С 1975 г. начала выходить вторая серия: увидел свет девятый, а в 1976 г. — десятый том. К настоящему времени издано 14 томов документов, большинство которых хранится в Архиве внешней политики России МИД СССР и ранее не публиковалось. Алексей Леонтьевич является редактором всех опубликованных томов этого издания.

С 1984 г. начала выходить документальная серия «Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX веков»¹⁷, главным редактором которой является Алексей Леонтьевич. Эта серия увязывает азиатскую и тихоокеанскую проблематику в источниковедческой деятельностью А. Л. Нарочницкого в единый комплекс.

Азиатско-тихоокеанский регион играет все возрастающую роль в международных отношениях современности. Рассматривая особенности положения в этом регионе, М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечал, что «в этом обширном районе немало запутанных узлов противоречий, да и политическая ситуация в отдельных местах неустойчива»¹⁸.

Как известно, Советский Союз выступил с предложениями о создании в азиатско-тихоокеанском регионе системы безопасности, которая явилась бы важной составной частью всеобщей системы безопасности в современном мире. Советские историки-международники активно включились в подготовку работ, связанных со всем комплексом внешнеполитических проблем в азиатско-тихоокеанском регионе. Создание серьезных и глубоких исследований в этой области, разумеется, невозможно без изучения генезиса международных отношений в этой части земного шара. Марксистско-ленинский принцип историзма как методологическая основа наших исследований азиатско-тихоокеанских проблем делает сегодня необходимым обращение к трудам тех советских историков, которые уже давно ведут исследование истории международных отношений на Дальнем Востоке. Фундаментальные труды, подготовленные А. Л. Нарочницким, показали, что многие проблемы сегодняшних отношений государств Восточной Азии друг с другом, а также с западноевропейскими государствами и США были заложены еще в XVIII—XIX столетиях. Соединенные Штаты, а также Англия, Франция и другие европейские державы проводили на обширных территориях Восточной Азии колониальную политику с целью порабощения местных народов иностранным капиталом, лишения их суверенных прав и возможности играть роль активных субъектов международных отношений.

Обращаясь к работам Алексея Леонтьевича Нарочницкого, мы обращаемся не к прошлому советской исторической науки, а к ее сегодняшнему и завтрашнему дню: продолжают выходить фундаментальные исследования, проведенные под его руководством и им лично. В этой связи необходимо вновь упомянуть сборник статей «Проблемы методологии источниковедения истории внешней политики России» (1986).

Научно-исследовательская и научно-организаторская деятельность А. Л. Нарочницкого многогранна и плодотворна. Рамки данной статьи не позволяют описать ее всесторонне. Только цикл работ Алексея Леонтьевича по международным отношениям и национально-освободительному движению на Балканах принес ему широкое признание, и в 1981 г. Алексей Леонтьевич был избран Иностранчым членом Сербской Академии наук и искусств (СФРЮ).

В течение 25 лет А. Л. Нарочницкий возглавлял кафедры новой и новейшей истории в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина и Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина. А. Л. Нарочницкий является автором и редактором большого количества учебных пособий, его учебник «Новая история» (ч. I) выдержал четыре изда-

ния (последнее в 1986 г.). Одновременно на протяжении ряда лет Алексей Леонтьевич возглавлял экспертную комиссию по истории в Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР. Им подготовлено свыше 70 кандидатов и более 20 докторов наук.

С 1974 по 1979 г. А. Л. Нарочницкий был директором Института истории СССР АН СССР, с 1975 г. — заведующим сектором истории внешней политики России, с 1979 г. — заведующим отделом истории внешней политики СССР и России Института истории СССР. С 1972 г. Алексей Леонтьевич возглавляет Научный совет «История внешней политики СССР и международных отношений» при Отделении истории АН СССР, член Бюро Отделения истории.

С 1962 по 1974 г. А. Л. Нарочницкий находился на посту главного редактора журнала «Новая и новейшая история», в течение 1957—1964 гг. и с 1981 г. по настоящее время — член редакционной коллегии журнала «Вопросы истории», в 1974—1981 гг. входил в состав редакционной коллегии журнала «История СССР».

Наряду с этим А. Л. Нарочницкий внес значительный вклад в развитие исторической науки в СССР в качестве члена редакционных коллегий и редакционных комиссий таких фундаментальных трудов, как «Всемирная история», «История СССР с древнейших времен до наших дней», «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», «Исторический опыт трех российских революций» и др.

Имя Алексея Леонтьевича Нарочницкого известно далеко за пределами нашей страны и не только как выдающегося историка, но и как крупного общественного деятеля. Он является вице-президентом Общества «СССР — Мексика» ССОД СССР, членом бюро Национального комитета историков Советского Союза, членом Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, членом Научного совета АН СССР по исследованию проблем мира и разоружения. А. Л. Нарочницкий активно укрепляет научные связи советских историков с историками зарубежных стран, участвуя во многих конгрессах и конференциях, возглавляя советскую часть Комиссии историков СССР — СФРЮ (с 1974 г.), проводя работу в Комиссии историков СССР — ГДР.

Многообразная научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность академика А. Л. Нарочницкого отмечена высокими правительственными наградами. В 1983 г. за разработку проблем дипломатической истории второй мировой войны в двенадцатитомном труде «История второй мировой войны» Алексей Леонтьевич был вторично удостоен Государственной премии СССР. За заслуги в развитии советской исторической науки он награжден орденами Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени.

Свой юбилей академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий встречает полный сил и энергии новыми трудами и новыми творческими замыслами.

Советские востоковеды-дальневосточники, как и вся научная общественность, желают Алексею Леонтьевичу крепкого здоровья и дальнейших успехов во всех областях его деятельности, в том числе и в разработке истории и современных проблем международных отношений на Дальнем Востоке.

¹ См.: Новая и новейшая история», 1977, № 2; «История СССР», 1977, № 1; «Вопросы истории», 1977, № 2; «Советские архивы», 1977, № 2; БСЭ, 3-е изд., т. 17, с. 289—290; Советская историческая энциклопедия, т. 9, с. 985—986; «Новая и новейшая история», 1982, № 1; «Вопросы истории», 1982, № 2.

² А. Л. Нарочницкий. Дела о плодородии земель Новгород-Северского наместничества за 1787—1796 гг.— Научные записки Историко-филологического отделения АН УССР, т. XVII, Киев, 1928. Ныне эта работа является уникальной, так как в годы войны значительная часть документов Черниговского областного архива, в том числе использованных и обобщенных в исследовании А. Л. Нарочницкого, была уничтожена гитлеровцами.

³ «Историк-марксист», 1940, кн. 8 (84), с. 127—129.

⁴ Эти лекции были опубликованы в 1946 г. четырьмя отдельными изданиями.

⁵ «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. 2, № 6, М., 1945, с. 407—424; «Вопросы истории», 1945, № 3—4, с. 123—134; Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, т. 37, вып. 3, М., 1946, с. 107—158; Доклады и сообщения истфака МГУ, вып. 6, М., 1947, с. 3—18.

⁶ А. Л. Нарочницкий. Русские документальные публикации по вопросам внешней политики России и международных отношений нового времени, изданные до 1917 г.— «Исторический журнал», 1945, № 1—2, с. 62—73.

⁷ Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.— К 100-летию революции 1848 г., М., 1948, с. 31—96; Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г.— Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. 58, вып. 2, М., 1949, с. 63—104. Международные отношения в Европе в июле-декабре 1849 г.— Там же, с. 105—130; в книге «Революции 1848—1849 гг.» (т. 1, М., 1952) автор статей «Международные отношения накануне революции 1848 г.», «Международные отношения в 1848 г.», там же, т. 2: статьи «Международные отношения в 1849—1850 годах».

⁸ А. Л. Нарочницкий. Англия, Китай и Япония накануне японо-китайской войны 1894—1895 гг.— «Исторические записки», т. 19, М., 1946, с. 189—214; его же рецензия: Гаррингтон Ф. Г. «Бог Маммон и японцы».— «Вопросы истории», 1947, № 2, с. 122—124; Реакционная американская литература о дальневосточной политике США (1938—1945).— «Вопросы истории», 1954, № 4, с. 131—148 и др.

⁹ А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956, с. 818.

¹⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949). М., 1956.

¹¹ «Вопросы истории», 1974, № 6, с. 14—35 (совместно с Л. Г. Бескровным).

¹² «Коммунист», 1957, № 3, с. 53—69.

¹³ «Вопросы истории», 1976, № 2, с. 64—85.

¹⁴ А. Л. Нарочницкий. Актуальные проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений.— «Вопросы истории», 1981, № 10, с. 12—31.

¹⁵ «Новая и новейшая история», 1974, № 5, с. 16—24.

¹⁶ «Вопросы истории», 1985, № 7, с. 35—51.

¹⁷ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. М., 1984.

¹⁸ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 70.

Мы публикуем четыре письма великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, написанных им в 1922—1924 гг. Три из них, хранящиеся в советских архивах, публикуются впервые. Четвертое письмо — в адрес Ляо Чжункая и других высших деятелей Гоминьдана 20-х годов — было опубликовано в КНР в журнале «Цзиньдайши Цзыляо» (1980 г.).

Эти письма — ценнейший источник для изучения новейшей истории Китая, истории формирования дружественных советско-китайских отношений. Они рассказывают о борьбе Сунь Ятсена за создание единого демократического Китая, о его неудачных попытках достичь этой цели, опираясь на милитаристские силы (письма от 23 июня 1922 г. и 4 августа 1923 г.).

В 20-е годы Сунь Ятсен вел интенсивную переписку с Советским правительством, в которой, в частности, обращался к СССР за помощью и поддержкой. Значительная часть документов на эту тему уже опубликована. Здесь мы публикуем еще один документ — телеграмму Сунь Ятсена от 15 мая 1923 г., в которой он благодарит Советское правительство за решение оказать Китаю помощь и поддержку.

Известно, что Сунь Ятсен поддерживал инициативы Советского государства в деле установления с Китаем отношений на принципах мира, равенства и добрососедства. Письмо от 9 июня 1924 г. — дополнительное тому свидетельство.

№ 1

Письмо Сунь Ятсена Народному Комиссару Иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину
С корабля «Юнзнь», Вампу (Кантон)
23 июня 1922 г.

Многоуважаемый Чичерин.

Пишу Вам несколько строк в связи с Вашим письмом, переданным мне Далиным*.

Я переживаю серьезнейший кризис, созданный Чэнь Цзюнь мином, человеком, который решительно всем мне обязан. Далин передаст Вам о том, что я намерен делать при известных обстоятельствах.

Привет Вам и Ленину.

Искренне Ваш Сунь Ятсен.

Пер. с англ., печ. по арх.

№ 2

Письмо Сунь Ятсена Ху Ханьминю, Чэн Цяню, Ляо Чжункаю и Ян Шуканю
4 августа 1923 г.

К сведению уважаемых коллег Чжаньтана, Сунюня, Чжункая, Цаньбая** с письмом ознакомился. Находясь вне Кантона, я сосредоточиваю все свое внимание на военных делах, не отвлекаясь ни на что другое; все административные дела поручается вести уважаемому коллеге Чжаню.

Что касается непредусмотренных дел, которые могут возникать, прошу Вас, четырех уважаемых коллег, решать их, вынося на совместное обсуждение. Если мнения совпадут, то надо немедленно приступать к осуществлению решения без предварительного доклада (мне), во избежание проволочек, сообщив об этом уже после исполнения.

Если же возникнут разногласия во мнениях в связи с каким-либо делом, то право решения в этом деле оставляю за собой. Всегда с наилучшими пожеланиями Сунь Вэнь. 12 год Миньго. 4 августа. (Второй Исторический архив КНР. Публ. по «Цзиньдайши цзыляо», 1980, № 43, с. 11).

№ 3 Шанхай.

Телеграмма Сунь Ятсена в Народный Комиссариат Иностранных дел СССР.
Копия Полномочному представителю СССР в Китае.
15 мая 1923 г.

Ваша телеграмма от 1 мая дает нам большие надежды. 1. Мы благодарим Вас за великодушные обещания; 2. Мы принимаем все ваши предложения; 3. Мы посвятим большую часть нашей энергии для их выполнения. Мы пошлем наших представителей в Москву, чтобы обсудить детали.

Сунь Ятсен

Пер. с англ., печ. по арх.

№ 4

Письмо Сунь Ятсена Полномочному представителю СССР в Китае Л. М. Карахану. 9 июня 1924 г.

Я сейчас направляю президента Гуандунского Университета Цзоу Лу в качестве члена Комиссии по вопросам возмещения боксерского долга России^{***}. Пока он находится в пути, профессор Ли Сычан из Пекинского университета займет его место.

Пожалуйста, имейте это в виду.

Сунь Ятсен

Пер. с англ., печ. по арх.

Письмо Сунь Ятсена Полномочному представителю СССР в Китае Л. М. Карахану 9 июня 1924 г. // ПДВ. 1987 № 1. с.150-151.

* С. А. Далли, советский коммунист, был направлен к Сунь Ятсену дипломатической миссией РСФСР в Пекине. Он доставил Сунь Ятсену письмо Г. В. Чичерина от 7 февраля 1922 года (см. Документы внешней политики СССР, т. 5, М., 1962, с. 83—84) — ответ на письмо Сунь Ятсена в НКВД РСФСР от 28 августа 1921 г. (см.: Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 84—85).

В письме Г. В. Чичерина выражалось удовлетворение по поводу установления непосредственных связей с гоминьданом. «Наше Правительство и народ, — писал Чичерин, — являются самыми искренними друзьями китайского народа и горячо желают, чтобы Китай стал объединенным прогрессивным государством, руководимым народным правительством и полностью свободным от политического или экономического давления извне». Г. В. Чичерин подчеркивал: «Товарищ Ленин также прочитал Ваше письмо с величайшим интересом и следит за Вашей деятельностью с горячей симпатией» (Прим. Р. А. Мировицкой).

** Подлинные фамилии раскрыты в заголовке письма (см. комментарий журнала «Цзинь-даши цзыляо»).

¹ В письме Полномочному представителю РСФСР в Китае от 20 декабря 1922 г. Сунь Ятсен писал следующее: «Я работал в течение последних нескольких месяцев над тем, чтобы создать положение, которое дало бы мне возможность просить содействие Вашего правительства в практических делах... Мы нуждаемся в оружии, амуниции, технической помощи и экспертах и т. д.»

1 мая 1923 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР направил Сунь Ятсену телеграмму, в которой отмечалось, что Советский Союз готов оказать поддержку освободительному движению китайского народа, в том числе советниками-инструкторами, материально-техническую поддержку. (См. по этому вопросу «Новейшая история Китая», 1917—1927 гг., М., 1983, с. 132—133).

² В августе 1923 г. Сунь Ятсен направил в Москву военно-дипломатическую миссию во главе с Чан Кайши, в то время его сподвижником, для обсуждения вопросов советской помощи Китаю («Новейшая история Китая», 1917—1927 гг., с. 146). (Прим. Р. А. Мировицкой).

^{***} Согласно статье XI советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г. Советский Союз отказался от русской части боксерского возмещения (Документы внешней политики СССР, т. VII, М., 1963, с. 335). Одновременно стороны совместно заявили, что русская часть боксерского возмещения «будет использована и полностью направлена на создание фонда улучшения просвещения китайского народа». Для распределения и управления фондом была образована комиссия из трех лиц, из коих два назначались китайским правительством, одно — правительством СССР (Документы внешней политики СССР, т. VII, с. 338). (Прим. Р. А. Мировицкой).

ВОСПОМИНАНИЯ

Память о дорогом Воспоминания, которые бессильно стереть время

СЯО САНЬ

Сяо Сянь (10.X.1896 — 4.II.1983) — китайский коммунист, интернационалист, поэт. Необычно сложилась его жизнь — он действовал чаще на международной арене, чем внутри страны, долгие годы прожил в СССР, внес немалый вклад в пропаганду китайской революции и дружбу советского и китайского народов, активно способствовал популяризации китайской культуры в СССР, особенно новой, революционной литературы. Сяо Сянь был другом и соратником многих выдающихся деятелей культуры Китая и СССР — Цюй Цюбо и Лу Синя, А. М. Горького и А. А. Фадеева.

Уроженец провинции Хунань, он был одноклассником Мао Цзэдуна по начальной школе уезда Сянсян, потом они вместе учились в г. Чанша в педагогическом училище, сотрудничали в журнале «Сянцзян пиндунь». Эта дружба сохранилась на всю жизнь. Студентом Сяо Сянь принял участие в антиимпериалистическом движении «4 мая» 1919 г., затем в 1920 г. уехал учиться во Францию.

Там Сяо Сянь познакомился с марксистско-ленинской литературой, вступил в китайский молодежный социалистический союз, организатором которого был молодой Чжоу Эньлай, встречался с вьетнамским революционером Нгуен Ай Куоком (будущим Хо Ши Мином). В 1922 г. он становится членом Французской коммунистической партии, а потом — КПК.

Во Франции Сяо Сянь избрал себе литературный псевдоним Эми Сяо, который впоследствии стал широко известен. Этот псевдоним был практичен для жизни в Европе и СССР. Эми — французское имя, а Сяо — китайская подлинная фамилия поэта в английской транскрипции.

Осенью 1922 г. Сяо Сянь из Франции приезжает в Москву. Он становится студентом Коммунистического университета трудящихся Востока, переводит на китайский язык «Интернационал» (вместе с Чэнь Яньнянем), ему выпала честь стоять вместе с Жэнь Биши в почетном карауле у гроба В. И. Ленина в январе 1924 г.

Я прошел за людьми, их был миллион,
Я вошел в Колонный зал.
Вился траурный марш вокруг черных колонн.
Я у тела вождя стоял.

(Эми Сяо. Хунанская флейта. М., 1940, с. 54)

Так написал об этом событии поэт 25 лет спустя в стихотворении «Могила отца». Летом 1924 г. Сяо Сянь возвращается в Китай, ведет комсомольскую работу в родной провинции Хунань, потом на севере Китая в г. Чжанцзякоу, потом в крупнейшем центре революционного движения тех лет — Шанхае. В 1927 г. он участвует в V съезде КПК. Тяжелая болезнь заставила его выехать на лечение в СССР.

В Москве Сяо Сянь работает преподавателем, встречается с советскими писателями и поэтами, начинает активную творческую деятельность, посвящая свой талант теме китайской революции. В 1930 г. он участвовал в Харькове в съезде Международного объединения революционных писателей. Первая книжечка его стихов вышла в 1932 г. с предисловием, которое подписали Бела Иллеш, Анатолий Гидаш и Бруно Ясенский: «Его тема — героическая борьба китайских рабочих и крестьянских бедняков за социальное и национальное освобождение» — говорится в нем.

Борьба с китайской реакцией была тяжелой и жестокой, революция знала трудные дни, не раз терпела поражения, и требовала больших жертв. Стихи Сяо Сяня не приукрашивают суровую действительность тех лет, правдиво обличают реакционный террор, проникнуты верой в конечную победу. Поэт писал в стихотворении «Кровавое письмо»:

Тебе деревяшка была пером,
Бумагой — ключок сорочки.
Ты прогрыз себе руку и выжал кровь
И писал кровавые строчки:

«Поражения, жертвы — мать побед.
Товарищи, выше знамя!
Я знаю, последнее слово в борьбе —
За нами!»
Дорогой мой товарищ, любимый друг!
Ты на верном пути погиб.
Нам не надо плакать, товарищ и друг:
Не сломали тебя враги!

(Эми Сяо. Стихи. М., 1932, с. 17—18)

В 1934 г. Сяо Сань присутствует на I съезде советских писателей. Годом раньше он написал стихотворение «Максиму Горькому», в котором рассказал, какой успех имел китайский перевод его повести «Мать» в Шанхае:

В маленьком киоске слабый свет,
но от покупателей отбоя нет.
Каждый, кто выходит, книжку несет:
небольшая книжка, скромный переплет.
Каждый, кто выходит, спешит ее прочесть
от корки до корки, всю как есть:
Хорошо написано! Вот так рассказ!
Про старую Россию — а словно про нас!

(Эми Сяо. Кровавое письмо. М. 1935, с. 67)

В СССР Сяо Сань под именем Эми Сяо выпустил шесть сборников стихов на русском и китайском языках, а также очерки и рассказы. С русского его произведения переводились на другие европейские языки; в 30-х гг. имя поэта пользовалось международной известностью, но было малоизвестным в самом Китае.

Весной 1939 г. Сяо Сань вернулся в Китай в освобожденный район, в Яньань. Он развернул там кипучую деятельность партийного пропагандиста, преподавателя, редактора, поэта, переводчика. Кроме собственных стихов и очерков, он пишет статьи, популяризирующие творчество А. М. Горького и В. В. Маяковского, переводит с русского «В. И. Ленин о литературе и искусстве», пьесы «Слава», «Фронт» и др., стихи А. С. Пушкина и В. В. Маяковского, выступая активным пропагандистом советской культуры в Китае.

После образования КНР Сяо Сань стал «бойцом международного фронта за мир». Участие в движении сторонников мира — главное в его многогранной общественной деятельности. В 50-х и 60-х гг. он опубликовал четыре сборника стихов, сборник воспоминаний, литературоведческую работу «Эстетические взгляды Горького» (Пекин, 1953). Сяо Сань сознавал себя выполняющим ответственную миссию посредника между культурами СССР и Китая, и трудился по мере сил.

...Я думаю лишь об одном на свете:
Чтоб стать достойным двух великих стран
Наследником труда тысячелетий.

(Эми Сяо. Хунанская флейта. М. 1940, с. 100)

В период «культурной революции» творческая деятельность Сяо Саня прервалась на десять лет, он вернулся к общественной жизни уже в возрасте 80 лет. Но ни возраст, ни слабое здоровье не помешали ему активно работать над воспоминаниями и переиздать книгу избранных стихотворений (1981). Гонорар за нее поэт пожертвовал в пользу крестьян, пострадавших от бедствия в провинции Сычуань.

Всю свою жизнь китайский интернационалист, поэт и революционер Сяо Сань был верным другом родины Ленина. И в Москве, и в гоминьдановском Шанхае, и в военной Яньани, и в столице нового Китая — Пекине он всегда, в любую погоду, оставался верным идеалам своей юности, своей клятве, которую он дал, стоя в почетном карауле у гроба В. И. Ленина в московском Доме Союзов. И светлым чувством проникнуты написанные в 1982 г. его воспоминания о том, как в голодную, опустошенную гражданской войной и разрухой Советскую Россию со всех концов Земли спешили революционеры за опытом Октябрьской революции, в поисках истины марксизма-ленинизма.

У нас в СССР хорошо знают и помнят поэта и революционера Сяо Саня (Эми Сяо), большого друга нашей страны.

В 1983 г., после кончины автора, в Пекине и Тяньцзине были изданы сборники его воспоминаний и прозаических произведений, в которые включены страницы, написанные Сяо Санем в последние годы жизни. Как и все им написанное, эти воспоминания, фрагменты из которых публикуются ниже, представляют интерес не только для китайской, но и для советской общест-

Полгода на «Востфаке»

Зимой 1922 года я прибыл в Москву из Парижа через Берлин, проделав тысячеверстный путь, мечтая о священной земле Октябрьской революции. Тогда молодая республика Советов еще не вырвалась из тисков трудностей и с материальным снабжением было очень туго. На первой же станции Советской России я во время стоянки поезда разговорился по-французски с единственным пассажиром-попутчиком, бельгийским военно-морским офицером, и потом пошел пообедать. Он написал на клочке бумаги: «Я хочу кушать», с этой запиской в руке я вошел в буфет и протянул ее официантке. Она засмеялась и подала мне тарелку супа (простой кипяток, в котором плавали несколько кусочков соленой рыбы) и кусочек черного хлеба с травой внутри, отрубленный топором. И несмотря на все это, не было числа революционерам, которые стремились в Москву, чтобы овладеть опытом Октябрьской революции и обрести истину марксизма-ленинизма.

В Москве с помощью молодого красноармейца я нашел здание Коминтерна. Там я встретил Лю Жэньцзина, которого знал еще в Китае, и тот отвел меня в гостиницу «Люкс», где размещались делегаты, прибывавшие на Конгресс Коммунистического Интернационала и где я встретился с Чэнь Дую, Цюй Цюбо, Жэнь Биши, Ло Инуном, Пэн Шучжи и представителем Коминтерна при китайской компартии У Тинканом. В тот же вечер товарищ Цюй Цюбо энергично похлопотал, чтобы обеспечить меня жильем и питанием.

На следующий день утром Цюй Цюбо зашел за мной и отвел к Чэнь Дую. «Я посоветовался с Цюбо и другими товарищами,— сказал мне Чэнь.— Пока останетесь здесь, будете учиться на «Востфаке», а потом опять поговорим».

Так я поселился в большой комнате на втором этаже дома № 53 по Тверской (ныне улица Горького). Вместе со мной там жили Сюй Чжичжэнь, Се Вэньцзинь, Сяо Цзингуан, Пэн Шучжи, Чжан Боцзянь...

«Коммунистический университет трудящихся Востока» («Востфак») открылся летом 1921 года, специально для обучения представителей малых народностей советского Дальнего Востока, а также таких стран, как Иран, Турция, Китай, Япония, Корея. Почетным ректором был Сталин, который несколько раз приезжал в университет и выступал с лекциями. Я начал учебу в группе французского языка вместе со знаменитым турецким поэтом Хикметом. У нас был русский преподаватель, владевший французским языком. Мы изучали исторический материализм, политэкономию и другие науки. Через несколько месяцев я попросил, чтобы меня перевели в китайскую группу. Со мной учились Се Вэньцзинь, Ян Чао, Фу Дацин, Сяо Цзингуан, Чжоу Чжаоцю, Жэнь Юэ, Ху Шилянь, Хуа Линь, Ли Чжунъу, Цзян Гуанчи (Гуанцы), Пу Шици (впоследствии предавший партию и перешедший на сторону врага), Жэнь Цзоминь, а также Пэн Шучжи, секретарь нашей комсомольской ячейки, которого мы прозвали «Конфуцием». Пэн Шучжи часто делал доклады и выступал с заключительным словом на собраниях, постоянно всех поучал, выговаривая нараспев с хунаньским акцентом банальные истины, вроде: «Больному человеку нужен врач, больному обществу нужна революция». За это ему и дали «изысканное» прозвище.

Когда меня перевели в китайскую группу, мой стол оказался напротив стола Се Вэньцзиня. Мы сидели рядом и вскоре почувствовали симпатию друг к другу. Он был человеком среднего роста, не очень-то хорошего здоровья, но крепкого сложения, говорил с сильным чжэцзянским акцентом и уже давно учился в университете. Мы всегда вместе готовились к занятиям. У него был пылкий нрав, и открытая душа. Се Вэньцзинь учил меня петь

русские песни, особенно любимую советскими людьми и широко распространенную тогда песню «К свету». Все мы очень любили этот торжественный, героический марш, полный боевого задора и захотели перевести его на китайский язык. За два дня мы справились с этой задачей. Помню, в песне были такие слова:

Товарищи, к солнцу, к свободе
К свету идем!
Мрак развеяи,
Заря впереди!

Сидевшие рядом с нами китайские товарищи, услышав слова перевода, запели вместе с нами — сначала первый ряд, а потом и вся группа. Вскоре эта песня попала в Китай, стала популярна в Восьмой армии и Новой четвертой армии. Бойцы и революционеры полюбили ее. Се Вэньцинъ после возвращения на родину стал заведующим орготделом в шанхайском местном комитете КПК, в 1925 году отправился на партийную работу в Нанкин и в конце года был арестован милитаристом Сунь Чуанфаном. Солдатия захихнула его в мешок, затем начала колоть штыками. В конце концов мешок бросили в Янцзы, запретив вылавливать его. Так погиб мученической смертью товарищ Се Вэньцинъ. Река унесла его труп в океан, но дух самопожертвования и беззаветности, наша дружба на «Востфаке» навсегда останутся в моей памяти.

В марте 1923 года на «Востфак» приехали Чжао Шиянь, Ван Жофэй, Чэнь Яньнянь, Чэнь Цяонань, Юань Цинъюнь, Юй Лия, Гао Фэн, Юань Цзычжэнь, Чжэн Чаолинъ, Инь Куан, Ли Вэйун (впоследствии сменил имя и погиб в Циндао), Сюн Сюн, Ли Линь, Ван Гуй и другие товарищи из Германии и Франции. Настало жаркое лето, и студенты «востфака» выехали на летние каникулы в подмосковную деревню Васютино, что в 70 километрах от Москвы. Среди однокурсников был паренек среднего роста, румяный, приветливый и красивый — товарищ Чэнь Цяонянь. Мы вместе проводили каникулы. Еще прежде во Франции мы оба оказались под глубоким воздействием «Интернационала». И вот теперь решили перевести «Интернационал» на китайский язык.

Мы работали с французским оригиналом, пользуясь и русским переводом. Тут же вместе с однокурсниками проводили спевки. Главной задачей мы считали доступность китайского текста. Все очень быстро выучили слова песни. Позднее наши однокурсники возвратились на родину и привезли с собой «Интернационал», который быстро распространился. У нас в Китае вплоть до конца 50-х годов пели «Интернационал» в том самом переводе, который выполнили мы с Чэнь Цяонянем, конечно, с небольшими поправками¹.

Чэнь Яньнянь и Чэнь Цяонянь были братьями, родом из уезда Хуайнин провинции Аньхой. Они были сыновьями Чэнь Дусю, но оба боролись против правооппортунистической линии своего отца. Яньнянь в 1924 году был назначен секретарем комитета КПК провинции Гуандун. Это был политически зрелый, активный товарищ, с высоким чувством ответственности, способный к самостоятельной деятельности. Он работал в постоянном контакте с товарищем Чжоу Эньлаем, вместе с ним решал политические проблемы, встречался с Лу Синем. На V съезде КПК Яньнянь был избран членом ЦК и внес большой вклад в подготовку Северного похода во время Великой революции. В 1927 году он был арестован в Шанхае и погиб. Цяонянь после возвращения на родину стал заведующим орготделом парткома Северного Китая, на V съезде КПК был избран членом ЦК, затем работал заместителем заведующего орготделом ЦК. Потом его перевели в Шанхай на должность за-

ведущего орготделом провинциального комитета провинции Цзянсу. В 1928 году Цяояня арестовали, и 6 июня он был замучен палачами.

В 1923 году в Москве стало известно о кровопролитии во время забастовки рабочих-железнодорожников в Китае. Студенты китайской группы пылали негодованием и решили устроить вечер памяти жертв. Мне было поручено написать пьесу. Так родилась пьеса в несколько актов. У одного из ее персонажей — Линь Сянцзяня — был подлинный прототип, герой забастовки. Когда актер выкрикивал: «Пусть отрубят голову, пусть прольется кровь, но работать не заставите!» — в зале гремела овация. Я сам в этой пьесе исполнял роль молодой работницы и выходил на сцену в юбке с красной косынкой на голове. На ногах у меня были кожаные сапожки (модные тогда у советских девушек). Перед спектаклем декан «Востфака» Бройдо зашел к нам за кулисы и, увидев меня, переодетого женщиной, засмеялся: «Хорошенькая девушка из тебя получилась!..» Вечером Жэнь Биши и Сяо Цзингуан выступили с танцем, а я из-за кулис аккомпанировал им на фисгармонии. Программа наша была бедной, но зрителей собрала очень много: в клубе все места были заняты, многие стояли. Одновременно открылась выставка: на стенах развесили призывы, лозунги, карикатуры. Самое большое впечатление произвел рисунок товарища Ван Жэньда. Он нарисовал собаку с человеческой головой и лицом генерала У Пэйфу.

В январе 1924 года скончался великий учитель Ленин. Жэнь Биши и я вместе с печальным и строгим потоком людей вошли в Дом Союзов, чтобы проститься с Лениным. Мы простояли пять минут в почетном карауле у его тела. Пять минут в человеческой жизни — краткое мгновение, но эти пять минут запечатлелись в моей душе на всю жизнь. Перед этим, по слову Горького, «Многописавшим человеком», я про себя произнес клятву довести революцию до победного конца.

Товарищ Жэнь Биши нарисовал портрет Ленина и повесил на лестнице, ведущей из общежития в читальный зал. Многие говорили, что портрет удался. Впоследствии, вернувшись на родину, Жэнь Биши со своей женой товарищем Чэнь Цзунъин открыл художественный салон, служивший прикрытием для подпольной работы.

Всякий раз, напевая песню «К свету», слушая пение «Интернационала» или вспоминая кипучие годы на «Востфаке» и своих товарищей по борьбе, писавших историю собственной горячей кровью, я всей душой погружаюсь в поток бурных чувств и каждый раз все сильнее чувствую легшее на мои плечи бремя ответственности. Ни бег времени, ни длинная вереница лет не смогли притупить и ослабить это чувство. Дорогие воспоминания навечно отложились в моей памяти, стали на всю жизнь той силой, которая вела меня вперед.

Вскоре в Китае изменилась обстановка, был создан единый фронт, начался подъем рабоче-крестьянского движения, ощущалось приближение революционной бури. Родина звала нас, молодая кровь кипела, мечты уносили в заоблачные дали. Летом 1924 года я вместе с Цзян Гуанчи, Сяо Цзингуаном, Инь Куаном и другими товарищами выехал на многострадальную Родину и окунулся в гущу борьбы.

Апрель 1982 года

В почетном карауле у тела Ленина

В начале 1924 года я учился в Москве в Университете трудящихся Востока, но, к несчастью, заболел и университетская медчасть направила меня

на лечение в подмосковный санаторий. Стоял январь, разгар лютой зимы, кругом лежал ослепительно белый снег. Наш шофер хорошо знал дорогу и быстро ехал среди белого поля по едва различимой дороге. Я уже не помню, долго ли мы ехали, но к полудню добрались до жарко натопленного дома. Нас препроводили тотчас в просторную палату. Со мной вместе жило несколько болевших студентов с нашего «Востфака». Это были кавказцы. Все мы были знакомыми и сразу же подружились. Кроме нашей палаты, больные студенты с «Востфака» занимали еще две или три. В печах, которые топилась дровами, жарко пылало пламя, и каждый день приходил специально выделенный человек, который приносил дрова и закладывал их в печи. Кормили хорошо, и было не то три, не то четыре человека медперсонала. Одна из медсестер была особенно заботлива и внимательна. Я там не только лечился и отдыхал: это был прекрасный случай совершенствоваться в русском языке, потому что приходилось волей-неволей говорить самому. Одна женщина-врач в свободное время охотно со мной занималась.

Вечером 21 января я поужинал и пошел в палату спать. Там я увидел, что один кавказец сидит на постели и плачет. Не разобравшись, в чем дело, я попробовал утешать его. И вдруг услышал разговор из столовой и, хотя голоса были тихие, понял слова: «Ленин умер». Какое величайшее потрясение было это для меня! Я выбежал из палаты, чтобы расспросить о случившемся. В гостиной и столовой группами стояли люди, лица были скорбными, хмурыми; кто-то рыдал, повалившись головой на стол. Я выговорил только одно слово по-русски: «Когда?».— «Сегодня утром»,— ответили мне. И отвечавший сам разрыдался.

Ленин ушел от нас! Ушел из жизни великий человек, великий вождь и учитель пролетариата, сокрушитель старого мира, созидатель новой эпохи! С трудом возвратился я в свою палату, слезы текли ручьем.

Врачам и сестрам выпала нелегкая работа: им приходилось и утешать, и успокаивать, и ухаживать, да и сами они все время утирали слезы. Только глубокой ночью врачам и сестрам удалось уговорить всех лечь. Но никто не спал. Кончилось тем, что врач дала мне две таблетки снотворного, и тогда я впал в забытие.

Наутро следующего дня из города приехали несколько человек из нашего университета. Одна из приезжих, женщина, повязанная красным головным платком, была одета в короткую шинель кофейного цвета и черные валенки (тогда женщины-работницы и красноармейки одевались одинаково). Она стала разговаривать с нами песню-прощание с Лениным. Это были новые слова, написанные на музыку Шопена, помнятся мне две-три строчки: «Ильич, ты ушел навеки, но мы вечно будем тебя помнить, вечно!»

Я не мог усидеть в санатории и после полудня вернулся в Москву вместе со своими товарищами из университета и другими больными. В городе мы увидели полные народом улицы и бесконечную очередь, которая медленно ползла к Дому Союзов. Тело Ленина было помещено в Колонном зале Дома Союзов для прощания. Когда я вернулся в общежитие, где жила китайская группа университета трудящихся Востока, то увидел, как глубоко опечалены все мои товарищи.

Мне рассказывали, как они ходили прощаться с Лениным: кто отморозил себе уши, кто отморозил нос, а кто — руки или ноги. Причина была в огромной очереди. Люди стояли и день и ночь напролет, чтобы попасть в Дом Союзов.

Было уже позже десяти вечера, когда я прямо в одежде повалился на кровать. Так же поступили и многие мои однокурсники. Горели лампочки всю ночь, никто не спал. Люди листали свои записи, вносили новые на

память в блокноты, оклеивали фотографии Ленина черной бумагой, и в траурной рамке развешивали их на стенах. Другие садились за стол, писали стихи и заметки, посвященные памяти Ленина...

В это время прибежал с улицы Жэнь Биши и прошептал мне на ухо: «Вставай, Сяо! Пойдем к Ленину прощаться. Пойдем вместе с партячейкой университета (тогда всюду были партячейки), не надо будет стоять в очереди».

Биши уже тогда хорошо владел русским языком и учился на русском, он хорошо знал всех товарищей из партячейки университета. Моей радости не было границ, я тотчас вскочил с постели и надел свое большое пальто — это была серая красноармейская шинель, переобулся в валенки и вместе с Жэнь Биши спустился вниз, где собралась партячейка (всего около ста человек, ректор тоже присутствовал), и мы вышли со знаменами. Наш «Востфак» помещался недалеко от Дома Союзов, но на всех улицах и площадях сгрудились толпы народа, так что все время возникала давка. Горели костры, потому что последние несколько дней были особенно холодными, доходило до сорока градусов мороза. На улицах стояли самые простые люди: рабочие, москвичи и приехавшие из деревень крестьяне. Кроме того, было немало организованных колонн. Наша маленькая колонна, хотя и говорили о ней «внеочередная», все же простояла на улице больше часа, прежде чем смогла войти в Дом Союзов.

Внутри царил торжественная и суровая атмосфера. Распорядители направляли потоки людей, но их было мало, говорили они тихо, никто не повышал голос. Из коридора мы прошли в большой зал и медленно описали круг, подойдя сначала к правому плечу Ленина, затем вокруг его ног и снова приблизились к нему вплотную, но уже с левой стороны. Этот круг все совершили в молчании, не отрывая взгляда от Ленина. Когда мы вышли из зала, нашу маленькую колонну разделили на группы для почетного караула, в каждую из которых входило четыре человека. Я был определен в третью группу, третьим, а Жэнь Биши — четвертым. Когда мы вчетвером снова вошли в зал, я встал у правой ноги Ленина, а Жэнь Биши — у правого плеча Ленина. Каждая группа стояла только пять минут. Я стоял в двух чжанах от тела Ленина и ясно видел лицо Учителя. Оно было совершенно спокойным, с необыкновенно высоким лбом, вдвое большим, чем у обычных людей. Рот был закрыт, но казалось что он вот-вот заговорит. Под ярким светом ламп Ленин был совсем как живой. Точно сказано: и после смерти как живой. Такой родной! Такой пылкий, добрый, прямой, веселый и строгий великий вождь и учитель! Что пережил и прочувствовал я за эти краткие пять минут — разве все перескажешь? Как я почитал, как я любил этого «многopисавшего человека», вождя и учителя, проложившего всему человечеству путь к счастью! И теперь, когда его нет среди нас, горе наше безгранично. Я склонил голову и до последней секунды моей очереди в почетном карауле смотрел неотрывно на спокойно спящего вечным сном Ленина.

Еще осенью 1920 года, во время учебы в колледже во Франции, я прочел «Коммунистический манифест», который с большим трудом перевел товарищ Цай Хэсэнь, потом сам купил и с трудом одолел брошюру Энгельса «Социализм: от утопии к науке». Я также прочитал несколько сочинений Ленина в переводе на французский язык. Все эти книжки были в красных обложках, страницы книг нужно было разрезать самому (тогда во Франции было принято не разрезать новые книги). Это были «Государство и революция», потом «Детская болезнь левизны в коммунизме», «Пролетарская революция и ренегат Каутский»... Тогда я еще плохо знал французский, но прилежно листал словарь, спрашивал совета у преподавателей и в конце концов понял общий смысл этих книг. И с тех пор я всегда мечтал увидеть этого необыкновенного

человека, который на голову выше всех и так остро владеет пером! Но я приехал в Москву в конце 1922 года, когда последнее выступление Ленина уже состоялось (доклад на IV конгрессе Коминтерна). С тех пор он болел, и до самой его кончины 21 января 1924 года мне так и не удалось его увидеть.

И вот я увидел Ленина, я мучился от горя, но чувствовал себя счастливым. Пусть пять минут всего лишь мгновение, но память о них осталась во мне неизгладимой на всю жизнь! Я стал еще прилежнее вчитываться в ленинские сочинения и сквозь написанные им строчки становилось еще яснее его величие. С тех пор я не раз и не два посетил Мавзолей Ленина. В 1939 году, уезжая из Москвы на родину, я накануне отъезда специально пришел в Мавзолей и написал об этом стихотворение «Пришел я снова в Мавзолей Ленина», где старался высказать свою безграничную преданность и уважение перед великим учителем революции, Лениным.

Январь 1980 года

Поэзия и я

Вырос я в деревне, моя натура формировалась под влиянием обширных пространств отечества, а трудовой народ стал моим учителем в поэзии. Я был еще ребенком, когда подбегал к крестьянам, трудившимся на полях. Они высаживали рисовую рассаду и притапывали поля, напевая песни, а я слушал их и сам учился петь. В уезде Хэньян провинции Хэнань есть красивая гора Наньюэшань. Из дверей нашего дома видна самая высокая вершина — Чжююфэн. На самом деле до горы очень далеко! Но когда наступали летние денечки, я то и дело заглядывался на величественно вздыбившиеся скалистые вершины, на изумрудно зеленые полосы лесов, на прихотливо извивающиеся горные ручьи... И бесконечной вереницей по большой проезжей дороге мимо порога родительского дома тянулись верующие на поклон к мудрецам. Они брели, почтительно распевая: «О Южная, о Гора! О священная, о божественная...»

Мелодия их молитвенных песнопений поразила мое юное сердце, в душе возникало чувство чего-то сокровенного и святого, и постепенно я стал сам подпевать им.

Моя мать была неграмотной, но она знала много народных сказок и песен. Я еще в пеленках засыпал под колыбельную песню, которую напевал мне ее сладкий голос, любил слушать, как поют мои старшие сестры. Начало часто было одинаково: «Не будем петь про небо, не будем петь про землю, а споем про то-то или то-то». Как я любил их слушать!

Мой отец был человеком, который много раз неудачно пытался сдать экзамен на чиновничью должность, но вынужден был стать учителем в частной школе. Меня и братьев он учил «напевать стихи и подбирать парные выражения». К нам приходил родственник, сючай, обладатель первой ученой степени, бедняк. В старости (а он дожил до 96 лет) он собрал множество деревенских пословиц и присловий. Бумагу купить ему было не на что, и он писал разведенной красной глиной на обрывках старых книг, клочках бумаги и даже на плоских камнях, которые каждый день ходил собирать в горы — у него в доме на столе, на лавках всюду лежали исписанные камни. Потом я удостоился чести переписать для него часть из собранного.

Вот что вдохнуло в меня страсть к поэзии, вот что укрепило во мне интерес к народному слову.

Когда я поступил в начальную школу верхней ступени (теперь это называлось бы младшими классами средней школы) учителями родного языка

по большей части были прежние сюэцзи и цзюйжэни, обладатели ученых степеней. По школьным правилам полагалось требовать, чтобы каждое воскресенье утром ученики писали сочинение, после чего разрешалось идти отдыхать. Однажды нам задали тему «Весна», и я написал сочинение, где в каждой фразе хотя бы один раз да встречалось слово весна. Учитель Чжоу, увидев сочинение, очень обрадовался и написал на нем строчки:

Цветы персика текущая вода уносит в беспредельность,
Существует далекий край вне суетного мира людей.

Другой раз он написал на моем сочинении:

Чтобы воздвигнуть высокий дворец стропила и балки нужны,
С чистым взором и громкой песней юноша есть у меня

На меня производило большое впечатление то, что учитель оценивал наши сочинения в стихах. Однажды на каникулах мы попросили его каждому из нас написать парные стихотворные строки, и он написал мне:

Поднимаю голову и гляжу на ясную луну,
В груди переполненной рождаются облака и тучи.
Я помню эти строчки до сих пор.

Мне было около пятнадцати лет, когда я написал стихотворение «Дума о родных», из которого теперь вспоминаю одну строчку: На платье простом складки как шрамы, так смято платье... Учитель оценил это стихотворение так: «Послушный сын и способный юноша! Продолжай так, как начал».

Однажды в доме у своих дальних родственников я увидел парное изречение, начертанное рукой Цзо Цзунтана:

Вершитель дел часто выглядит бездельником,
Кто понимает речь других, всегда сам способен сочинять.

Иероглифы были начертаны твердо и энергично, так что надпись произвела на меня глубокое впечатление.

Во время учебы в пединституте города Чанша я любил декламировать наизусть «Триста танских стихотворений» и увлеченно читал книгу «Юань Цзыцай о поэзии». Они оказали большое влияние на мои стихи.

Кроме того, я увлекался музыкой, любил петь, сам играл на фисгармонии, на дунсяо и флейте, научился исполнять мелодии «Западный дворец» и «Цветы сливы». Музыка помогла мне усвоить чувство ритма и гармонии.

Все это вместе воспитало во мне чувство любви к стихам и песням, и я начал писать стихи сам, заносая их в тетрадку с надписью «Чему научился», пока она не была заполнена стихами целиком. Потом эту книгу я потерял.

Когда я работал учителем в начальной школе, то всегда, кроме родного языка и литературы, вел уроки музыки.

Мое первое опубликованное стихотворение было помещено в июльском номере журнала «Сянциань пинлунь» за 1919 год, причем это было повествовательное стихотворение на разговорном языке, которое в те времена не признавалось за поэзию. Потом я писал агитационные стихи и песни и даже листовки в стихах, пропагандируя китайскую революцию и марксизм-ленинизм, писал лозунги в стихах. Но никаких черновиков у меня не сохранилось.

По-настоящему собственные стихи родились только в 1930 году. Я тогда лечился в Москве и начал писать стихи, чтобы быть полезным революции.

Прочитав статью Ленина «Партийная организация и партийная литература», я понимал, что литература и искусство служат политике, что они — боевое оружие революции, так что стихи и статьи я считал «снарядами и штыками», считал серьезным революционным делом. Я вступил в область поэзии, твердо уверенный в «утилитаризме литературы и искусства», решившись в поэтической форме пропагандировать китайскую аграрную революцию, рабоче-крестьянскую Красную армию, пропагандировать Лу Синя, Мао Дуня и левую литературу, разоблачать преступления реакции, истреблявшей революционный народ. Стихи этого периода были переведены тогда же на русский, английский, французский, немецкий, испанский, болгарский и другие языки, их влияние было значительным. Мое первое стихотворение называлось «Так велит судьба», и описывало Красную армию и советское движение. В нем было чуть ли не двести строк, но, к сожалению, оно утрачено. Несколько строк я еще примерно помню:

Тихим голосом сказал Ван старик,
 Но среди других прозвучал он ясно.
 Так велит судьба по воле неба,
 Урожай этого года скуден очень.
 Дурной прав у нашего господина и хозяина
 Хочет он нас согнать прочь с земли,
 Помню в прошлом году об эту пору
 Я едва ли не лишился своей головы...

Потом рассказывалось, что сын старика Вана вступил в Красную армию, семье выделили земельный надел и она воспрянула к жизни. В то время товарищ Дун Биу учился в Москве в ленинской школе, я пошел к нему и прочитал это стихотворение. «Я сам пишу только стихи старой формы. — сказал он мне. — У тебя это стихотворение получилось просто замечательно. Здорово!»

Тогда я вместе с русским поэтом-переводчиком А. Роммом перевел стихотворение «Так велит судьба» на русский язык, и оно было напечатано в журнале «Интернациональная литература». Вот так начались мои скитания в поэтических сферах.

В 1941 году я опубликовал короткое стихотворение «Мой манифест», в котором изложил свою позицию:

Надеюсь, что стихи будут приятны для глаза и легки при чтении,
 Не смею верить, что они будут общедоступны и популярны,
 Но так стремлюсь писать, чтобы написанное читалось просто,
 как разговор...

«Пусть лучше меня из поэтов выключат, все равно буду так петь и так писать» — вот таким оставался в течении нескольких десятилетий девиз моего поэтического творчества. Я очень ценю слова Лу Синя: «надо думать о народе, стараться писать простые, общепонятные произведения, чтобы народ мог усвоить их и полюбить». «Стихи должны обладать формой, они должны быть легко запоминающимися и легко понятными, их должно быть легко петь и приятно слушать, но никакая форма не должна быть слишком строгой. Рифма должна быть, но не обязательно рифмой старой поэзии, лишь бы сохранялось благозвучие, и уже будет хорошо».

Поэтому я не считаю нужным писать темные, трудные для понимания стихи, хотя иногда и писал такие, специально для узкого круга близких лично

мне людей — в жизни этого не избежать. Но если у поэта большая часть стихотворений станет «темной», то я сомневаюсь, что найдутся люди, желающие почитать его стихи.

Я также не сторонник поэзии старых форм. Новая поэзия, по моему мнению, должна учиться у народных песен, учиться у древних стихов, и песен и обретать национальную форму на такой двойной основе. Иногда говорят, что отдельные строчки моих стихотворений рождены из недр старой поэтической формы. Например, «Лес на обоих берегах вздымается неровной полосой» («Плыву на лодке по течению в праздник фонарей»), или: «Дождем слез орошенные цветы не расцветут» («Вспоминаю сестрицу Тао»). Иногда говорят, что стихотворение «Памяти Мэй Ланьфана» полностью выдержано в раз-мере классического семисловного стиха. Однако мы больше не пишем на литературном письменном языке. Так почему же поэзия непременно должна следовать старым поэтическим формам? Трудно научиться старым поэтическим формам, еще труднее самому сочинять в таких формах. Конечно, я не против, если кому-то удастся так писать, но поощрять только эти формы было бы проявлением вкусовщины, с душком преклонения перед стариной.

В этом духе действовал гектографированный журнал «Синь шигэ» («Новая поэзия и песня»), главным редактором которого был я сам еще в яньаньский период. Тогда в нем участвовал Кэ Чжунпин, а также такие ныне здравствующие товарищи, как Гун Му, Чжу Цзыци, Фэн Му, Лю Юй, Ли Лэй, Чжан Пэй. Они активно участвовали в вечерах декламации и приносили рукописи в «Синь шигэ». В дело воспитания молодых поэтов и развития новой поэзии и песни журнал внес свой посильный вклад.

После возникновения нового Китая я принимал деятельное участие в работе Общества китайско-советской дружбы, стал активным борцом за мир, вошел в число участников международной революционной борьбы. Все мои произведения этого времени отражают народную борьбу как внутри Китая, так и за границей.

В годы необузданного произвола «банды четырех» культура и искусство оказались в оковах, и я тоже был вынужден на десять с лишним лет прервать свою творческую деятельность. Затем я воспел в стихах и песнях наступление весны, написал стихотворение «К своему 83-летию», а также стихи, посвященные памяти Кэ Чжунпина, Хэ Шухэна, Чжоу Эньлая, Ли Цзи, Го Сяочуаня, Сун Цинлин. Недавно я написал оду в честь наших волейболисток и горжусь тем, что состою в общем хоре нашей социалистической родины. Некоторые молодые поэты называют мои слабые стихи «эпосом революции», но я того не стою. Но я хотел бы, если еще немного проживу, продолжать писать стихи. Чтобы поддержать самого себя, я повторю здесь сказанное мною 21 год тому назад: «Жить до старости и учиться — до старости, перевоспитываться до старости, работать и творить — петь песни — тоже до старости».

История идет вперед, и наша литература полна оптимизма. Много крепнущей и мужающей с каждым днем молодой поросли вступает в наши поэтические ряды, и это очень радует и утешает.

Январь 1982 г.

Воспоминания о Цюй Цюбо

Я познакомился с товарищем Цюй Цюбо в конце 1922 года во время IV конгресса Коминтерна.

Стояла суровая морозная зима, и европейская равнина покрылась бело-

снежным ковром. Я приехал на поезде из Парижа в Берлин, там сел на пароход до Риги, а оттуда снова на поезде приехал в Москву. Уже стемнело, когда я подошел к зданию, в котором размещался аппарат Коминтерна. Я направился в проходную. Там за окошечком сидело несколько товарищей, все женщины. Они спросили, кто я и кого мне надо. Я достал свой паспорт. Одна женщина поглядела на него и стала звонить по телефону. Скоро ко мне вышел китаец. Его я узнал, это был Лю Жэньзин, которого я знал еще на родине. У него еще не кончился рабочий день, поэтому он только отвел меня в гостиницу «Люкс», где проживали делегаты-иностранцы.

Когда мы вошли в большой номер, там толпилось множество людей, среди них были Чэнь Дусю, Чжан Тайлэй, У Тинкан и многие другие, с кем я не был знаком. Когда начали знакомиться, меня представили товарищу Цюй Цюбо. Он сразу произвел впечатление проницательного, мудрого, широко образованного и многосторонне одаренного человека, с изысканно интеллигентной речью, так что с самого начала было видно, что он относится к сливкам интеллигенции. Однако он был очень прост и добр в общении с товарищами, без тени позерства. Отнесся ко мне Цюй Цюбо очень тепло и расспрашивал меня с большим вниманием и участием.

Я рассказал, как добирался в Москву, о том, что китайские студенты, которые во Франции одновременно учились и работали, организовали «молодежную компартию» (фактически это был социалистический молодежный союз), рассказал о нашей работе, учебе, жизни, о трудностях, с которыми мы боролись. Цюй Цюбо и другие слушавшие меня товарищи в один голос стали говорить: — Приезжайте в Москву на «Востфак» (имелся в виду Коммунистический университет трудящихся Востока), здесь лучше.

Когда он спросил меня о моих дальнейших планах, я замаялся. Тогда они предложили поучиться короткое время на «Востфаке», а потом вернуться на родину. Их горячо поддержали присутствовавшие при разговоре Жэнь Биши, Ло Инун и другие товарищи. Вот почему я решил остаться. — Боюсь, вы еще не ели, — сказал мне Цюй Цюбо. — Пойдемте, я провожу вас. Он повел меня в столовую и накормил, использовав собственные продовольственные карточки.

После ужина опять-таки товарищ Цюй Цюбо лично устроил меня на временный ночлег — на складе, который размещался в подвале здания Коминтерна. Там всю ночь горели электрические лампочки, стояло множество кроватей и лежали сеники. «Эту ночь вы останетесь здесь, один раз переночуете, а завтра утром я приду за вами», — сказал Цюй Цюбо. Как только он ушел, я повалился на кровать как был, не раздеваясь, и заснул, потому что был утомлен до последней крайности. Ночью я проснулся, потому что стало холодно, навалил на себя сверху один из сеников и снова уснул уже до самого утра. Утром Цюй Цюбо пришел за мной, отвел в гостиницу «Люкс», позвал меня позавтракать.

Когда я встретил Чэнь Дусю, тот сказал мне: «Я советовался с Цюй Цюбо и другими товарищами, вы пока остаетесь здесь, будете учиться на «Востфаке», а потом посмотрим».

Товарищи с «Востфака» приняли меня к себе, мне выдали студенческую форму, а также верхнюю зимнюю одежду: валенки, красноармейскую шинель и шапку.

Мы жили на Тверской улице (ныне улица Горького) на втором этаже дома номер 53, в большом просторном номере.

Когда я поступил на «Востфак», то сначала был во французской группе, а потом перевелся в китайскую. Товарищ Цюй Цюбо работал там ассистентом преподавателя и переводчиком, вел диалект и политэкономия. Он часто при-

ходил к нам в номер, расспрашивал о работе, учебе, быте, был внимателен и заботлив. В скором времени товарищ Цюй Цюбо возвратился на родину, где ему партия поручила руководить отделом пропаганды.

В период Великой революции товарищ Цюй Цюбо вел большую теоретическую работу. Он руководил изданиями ЦК партии «Синь циньянь», «Сяндао» и «Цяньфэн» в качестве редактора или главного редактора и активно пропагандировал марксизм-ленинизм. Он был также заведующим учебной частью в первой партийной школе для революционных кадров, которую организовала наша партия — в шанхайском университете, руководил факультетом общественных наук. Он сам читал теорию обществоведения. Его лекции всегда были живыми и волнующими, глубокими по содержанию, но вполне доступными, так что во время лекций люди теснились в дверях и стояли под окнами, бурно реагировали на его слова.

В 1925 году товарищ Цюй Цюбо написал статью «Китайская национальная революция и теория Дай Цзитао», в которой вскрыл реакционную сущность теории Дай Цзитао и подверг мощной критике его реакционные взгляды. В своих известных брошюрах, таких, как «Спорный вопрос китайской революции — Третий Интернационал или Четвертый?» он решительно боролся против правооппортунистических ошибок Чэнь Дусю и его феодального самоуправства, завоевав поддержку всей партии. Товарищ Цюй Цюбо перевел на китайский язык речь Сталина о Ленине и дал переводу новое заглавие: «Ленинизм или троцкизм?» Он написал такие статьи, как «Современные вопросы Коммунистического Интернационала», «Вопросы профсоюзного движения», «Против Чэнь Дусю и оппортунизма», «Китайская революция и коммунистическая партия».

В 1926—1927 годах, работая в Шанхае в ЦК партии я часто встречался с товарищем Цюй Цюбо. Обсуждая на собраниях указания Коминтерна по китайской революции, товарищ Цюй Цюбо после своего выступления всякий раз сам переводил свою речь на русский язык (поскольку представитель Коминтерна присутствовал на собраниях) и не утруждал переводом товарища Ван Ифэя (товарищ Ван Ифэй погиб очень рано, он был родом из провинции Чжэцзян). Цюй Цюбо блестяще владел русским языком, понимал французский и английский.

В конце 1928 года я приехал в Москву и снова встретился с Цюй Цюбо. Он был участником VI съезда компартии Китая, после которого остался в Москве и в качестве делегата китайской компартии участвовал в работе Коминтерна.

В этот период товарищ Цюй Цюбо посвятил себя теоретическим исследованиям. Он разрабатывал конституцию советского Китая, законы о земле, о труде, о браке, проблему латинизации китайской письменности.

Еще в начале 30-х годов по инициативе китаеведов А. Драгунова и А. Шпринцина на Дальнем Востоке в Хабаровске и Владивостоке среди трудящихся китайцев началось распространение латинизированного письма на северном языке. Использовался латинизированный алфавит, выработанный товарищем Цюй Цюбо вместе с Го Чжишэнгом, правда, несколько усовершенствованный. Был создан комитет, и началась популяризаторская работа от Ленинграда и Москвы до самого Владивостока. Находившиеся тогда во Владивостоке товарищи У Юйчжан и Линь Боцуй одобряли и поддерживали эту работу. В Хабаровске издавалась газета на новой письменности «Синьвэньцзы бао», читателей у нее было много, она имела большой успех среди трудящихся китайцев. Многие, потратив на учебу только несколько месяцев, уже могли с помощью новой письменности писать письма и даже газетные заметки. Это стремление к реформе письменности впоследствии привело к созданию Об-

щества изучения новой письменности в Пограничном районе Шэньганьинь, а после освобождения всей страны — к созданию комиссии по реформе письменности, комитета за распространение путунхуа — общего обиходного языка. Это стремление до сих пор не угасло, но, если говорить об его истоках, то наибольшая заслуга здесь по праву принадлежит товарищу Цюй Цюбо... В тот период он отдавал себя работе в области революционной культуры, вместе с Лу Синем руководил деятельностью Лиги левых писателей в движении за революционную литературу и искусство, выдвинул лозунг литературы для масс. Отношения между Цюй Цюбо и Лу Синем были очень близкими. Лу Синь однажды преподнес ему парную папирус такого содержания:

В человеческой жизни достаточно встретить одного человека, который тебя поймет,
В наше время должно с общими помыслами смотреть на жизнь.

Этого совершенно достаточно, чтобы утверждать, что они оба были близкими людьми и глубоко понимали друг друга. В период своей работы в подполье товарищ Цюй Цюбо многократно находил убежище от преследований в доме Лу Синя.

Товарищ Цюй Цюбо сам составил «Избранную публицистику Лу Синя» и написал к ней предисловие, что явилось важным вкладом в анализ идейного содержания творчества Лу Синя. Написанные им фельетоны нередко публиковались под именем Лу Синя, а иногда Лу Синь собственные произведения публиковал под его именем.

Товарищ Цюй Цюбо перевел много произведений русской литературы с оригинала. Впоследствии Лу Синь издал их в двух томах под заглавием «Изречения, пришедшие из-за моря». Он также написал большую поэму на обиходном языке и шанхайском диалекте «Японцы двинули войска».

В тот период Лу Синь, Цюй Цюбо и я переписывались (увы, я вернулся на родину и не привез с собой ни одного письма Цюй Цюбо). Он получал от меня сборники стихов на русском языке. Потом я поступил в Институт красной профессуры (университет, специально подготовивший научных работников, проагандистов и теоретические кадры в области марксизма-ленинизма). Товарищ Цюй Цюбо рассказал об этом Лу Синю, и тот отозвался с похвалой: «Теперь у нас будет человек, который сможет по-настоящему изучать литературу».

В мае 1939 года я возвратился в Яньань, а в северной Шэньси май как раз та пора, когда небо безоблачно, воздух чист и прозрачен до самого горизонта. Однажды вечером я был в гостях у председателя Мао, распрощался с ним и собрался уходить. Председатель ехал на встречу с гостями к Южным воротам и пригласил подвезти меня. Доехали до Университета искусств имени Лу Синя (я тогда жил там), и машина сломалась. Понадобился ремонт. Выйдя из машины, мы стали прогуливаться при лунном свете. Я заговорил о погибших товарищах: Хэ Шухэне, Цай Хээне, Цюй Цюбо... Очень сожалел о двоих последних, которые погибли во цвете лет, полные сил. Такое несчастье, такая потеря! Председатель Мао Цзэдун долго молчал, а потом с горечью сказал о Цюй Цюбо: — Да, если б он был жив, как было бы хорошо! Он руководил бы культурным движением в Пограничном районе.

Я вспоминаю также, как в конце 20-х годов, когда Пэн Шучжи отказался в «Сяндао» публиковать продолжение «Доклада по обследованию крестьянского движения в Хунани», именно товарищ Цюй Цюбо опубликовал его полный текст в Ухани отдельной брошюрой и широко распространил. Предисловие к ней Цюй Цюбо написал сам, причем там были такие слова: «Пэн Бай был крестьянским царем в Гуандуне, а Мао Цзэдун — крестьянским

царем в Хунани». Тогда председатель Мао был болен и лечился в Учане. Он увидел эту брошюру и был глубоко тронут и взволнован.

Сколько довелось пережить и вынести товарищу Цюй Цюбо, но его преданность революции и нации была непоколебимой, он неустанно боролся, пока не пал жертвой гоминьдановской реакции. Перед казнью товарищ Цюй Цюбо пел «Интернационал» и отважно принял смерть, показав небывалую на земле моральную стойкость коммуниста. Кому могло придти в голову, что через тридцать лет, во время десятилетия смуты, Линь Бяо и «банда четырех» оболют покойного товарища Цюй Цюбо ушатами клеветы и грязи. Однако Лу Синь правильно сказал: «Человека можно убить, но произведения убить невозможно, они неистребимы!». Исторические заслуги Цюй Цюбо навсегда останутся в памяти людей.

Июнь 1980 года

Публикация и перевод кандидата филологических наук А. Н. Желоховцева

---

¹ 25 июня 1923 года журнал «Синь циннянь» в № 1 напечатал «Интернационал» в переводе товарища Цюй Цюбо с указанием, что ноты помещаются на последней странице журнала. Но этот перевод не получил распространения среди китайцев ни в самом Китае, ни за границей. Когда мы переводили «Интернационал», об этом переводе не знали. По счастливому совпадению, оба перевода были сделаны почти одновременно (Прим. авт.).

По свидетельству китайской печати в настоящее время в стране отмечается серьезная диспропорция между потребностями народного хозяйства в кадрах и возможностями их подготовки. Нехватка кадров, особенно квалифицированных, становится одной из сложных проблем в ходе решения задач модернизации промышленности, экономики КНР в целом.

Поиску путей решения этой проблемы было посвящено Всекитайское рабочее совещание по вопросам образования, проходившее в Пекине в мае 1985 г. Выступавшие на совещании, как писала «Жэньминь жибао» (31.V.1985), обсуждали программы дальнейшего развития просвещения в КНР, предлагали мобилизовать в целях реализации их партийное и административное руководство, работников просвещения, всю общественность страны. Ставилась важная задача — добиться эффективного сочетания преобразований в сфере просвещения с хозяйственной реформой в городе и на селе. В Китае перестройка системы образования, ее структуры должна обеспечить достаточный приток профессионально подготовленной молодежи в сферу производства. При этом в КНР считают, что решение проблемы прежде всего заключается в охвате молодежи профтехобразованием.

Выступая на упомянутом совещании член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Вань Ли расценил просвещение как «важную область капиталовложений». Определяя первоочередные задачи проходящей в стране реформы образования, он особо подчеркнул необходимость «направить все силы на развитие профтехобразования». Необходимость этого Вань Ли усматривает в том, что в настоящее время «в подавляющем большинстве стран мира, особенно развитых, профтехобразованию уделяется первостепенное внимание и оно является важнейшей составной частью современной системы образования». В Китае же, констатировал Вань Ли, «развитие профтехобразования идет сравнительно медленно» и в настоящее время оно «по-прежнему является самым слабым звеном в сфере образования». Такое положение, по мнению Вань Ли, возникло в результате существующей нерациональной структуры среднего образования, приведшей к «образованию диспропорции между кадрами специалистов высшего и среднего уровня и квалифицированными рабочими». Вань Ли имел в виду тот факт, что подавляющее большинство выпускников средних школ вынуждено в настоящее время устраиваться на работу без какой-либо профессиональной подготовки. Судя по публикациям в китайских газетах, из числа выпускников средних школ лишь 4 % имеют шанс поступить в вузы, около 6 % — в средние специальные учебные заведения и, следовательно, каждый девять из десяти выпускников необходимо как-то трудоустроить. При этом основная масса их не имеет профессии.

С начала 80-х годов в КНР на это обстоятельство стали обращать особо серьезное внимание, школы обязали решать не только общеобразовательные задачи, но и осуществлять подготовку квалифицированной рабочей силы. Печать КНР подчеркивала, что делаются «важные повороты»: от погоня за процентом поступивших в вузы — к подготовке трудовых резервов, от внимания, уделяемого общеобразовательным средним школам, — к практике сочетания общего образования с системой профтехобучения. Еще в мае 1983 г. было принято решение «Относительно перестройки структуры среднего образования в городах и развития профессионально-технического обучения». В решении ставилась задача к 1990 г. уравнивать число учащихся в сети профтехобразования и в общеобразовательных средних школах.

Для выполнения этого решения в общеобразовательных школах стали формироваться специальные классы профтехобучения, многие школы преобразовывались в профессионально-технические училища. Эта работа еще далека от завершения, и нехватка профессионально подготовленных молодых кадров, как говорилось на упомянутом совещании 1985 г., «серьезно влияет на возможности использования новой техники, внедрения новой технологии, влияет на повышение производительности труда и улучшение качества продукции». В связи с модернизацией народного хозяйства, процессом перехода на современную технологию в производстве, проблема кадров становится все более серьезной и, если не уделять ей внимания, она «может повлиять отрицательно на дальнейшее развитие экономики и общества», — констатировалось в документах совещания. Было определено, что причин медленного развития профтехобразования много, но самая главная на данном этапе — это устаревшая система трудоустройства. Диплом об окончании профтехшколы еще не стал главным документом при оформлении на работу.

В период проведения Всекитайского рабочего совещания по вопросам образования было завершено составление Решения ЦК КПК о реформе структуры образования. Этот

документ, опубликованный 29 мая 1985 г. в «Жэньминь жибао», тщательно готовился, обсуждался на различных уровнях, вплоть до секретариата ЦК КПК. Документ определяет основные направления развития образования в Китае. Особое внимание в нем уделяется профтехобразованию. «Жэньминь жибао», комментируя решение ЦК, еще раз констатирует, что профессионально-техническое обучение не получило должного развития, несмотря на то, что оно остро необходимо при огромных масштабах экономического строительства в стране. Социалистическая модернизация требует не только большой армии научно-технических специалистов высокого класса, но и миллионы специалистов среднего и низшего уровня, заключает газета.

Решение ЦК КПК призывает «прилагать еще более энергичные усилия для развития профтехобразования, продолжая при этом уделять достаточно внимания общему среднему и высшему образованию». Ставится задача добиться такого положения, когда каждый поступающий на работу имел бы необходимую профессиональную подготовку, чтобы претворялся в жизнь принцип: «Сначала подготовка — потом устройство на работу».

В документе ЦК КПК выделяются две конкретные проблемы, которые надо преодолеть для успешного развития профтехобразования и даются рекомендации по мерам, которые необходимо предпринять для их решения.

Это, во-первых, решение вопроса нехватки квалифицированных преподавательских кадров в системе профтехобразования. Решением ЦК намечается «создать стабильные каналы пополнения преподавательских кадров» и, в частности, открыть для этого несколько специальных педагогических вузов, а в крупных специальных вузах — сформировать соответствующие педагогические факультеты. Считается целесообразным поручить подготовку преподавательского состава для профтехшкол и ряду крупных научно-исследовательских организаций, а также привлекать на преподавательскую работу по совместительству специалистов предприятий и организаций, научно-технических работников. В решении ЦК подчеркивается, что государство не может взять на себя целиком и полностью эту задачу и указывается, что ответственность за организацию среднего профессионально-технического обучения несет главным образом руководство на местах, исходя из конкретных условий.

Во-вторых, как говорится далее в документе ЦК КПК, необходимо изыскать средства на строительство профтехшкол и обеспечение их оборудованием. Здесь также предлагается использовать местные ресурсы.

Конечной целью в решении ЦК КПК ставится задача по созданию системы профтехобразования, в которой все должно быть взаимосвязано — от низших ступеней до высших, чтобы была обеспечена отраслевая комплексность, тесная и гибкая увязка профтехобразования с потребностями экономического и социального развития страны.

На состоявшемся в июле 1986 г. в Пекине Всекитайском совещании по проблемам политехнического обучения в той или иной мере затрагивались проблемы профтехобразования, несмотря на то, что главной темой совещания была обстановка в средних специальных и технических учебных заведениях. Выступавшие, как писала «Гуанмин жибао» (6.VII.1986), отмечали, что многие выпускники средних технических учебных заведений устраиваются на работу не как техники, а как рабочие, несмотря на нехватку средне-технического персонала.

Как уже указывалось, ответственность за развитие профтехобразования возлагается прежде всего на местные власти. Об этом часто напоминает китайская печать. Так, в «Жэньминь жибао» от 31 июля 1986 г. обобщается «положительный опыт развития профтехобразования в Шанхае». В первую очередь газета указывает на «быстрые темпы перестройки». Если в 1980 г. набор учащихся в городские профтехшколы и специальные профтехгруппы составлял всего 2 тыс. человек, то в 1985 г. — уже 25 тыс. человек. В 1985 г. в Шанхае действовало 95 профтехшкол, 5 районных центров профтехобразования. Кроме этого в 249 общеобразовательных средних школах созданы группы профтехобразования и в них занималось около 50 тыс. человек. Этот успех, считает газета, был обеспечен прежде всего «хорошим развитием сотрудничества между производственными ведомствами и административными органами просвещения в городе». Еще в начале 1983 г. городское правительство Шанхая утвердило «Временные правила о профтехшколах и профессиональных группах при средних школах». Этот документ вырабатывался совместно тремя министерствами, ведающими вопросами образования, труда и финансов. Такое коллективное сотрудничество в организации профтехобразования, как показала практика, имеет много преимуществ. Прежде всего, пишет «Жэньминь жибао», были расширены каналы связи профтехобразования с промышленно-экономическими ведомствами, что позволяет «инициативно и гибко обеспечивать экономическое строительство». Органы просвещения оперативно, в соответствии с запросами экономических ведомств, определяют состав абитуриентов по количеству и специализации, изменяют учебные программы. В свою очередь промышленные ведомства берут на себя решение многих проблем, связанных с обеспечением учебного процесса, в том числе соответствующим оборудованием, квалифицированными инструкторами. Важно, говорит газета, что при такой организации в случае необходимости можно

изменить структуру производства на предприятиях, заблаговременно подготовить кадры рабочих-специалистов.

Преимущества организации профтехобразования на коллективных началах целым рядом ведомств очевидны, указывает «Жэньминь жибао», и в настоящее время по этому принципу в Шанхае действует 96 % учебных заведений в системе профтехобразования. При совместной организации обучения, с одной стороны, облегчается трудоустройство выпускников, а с другой — обеспечение кадрами предприятий. Так, пишет газета, в одном из районов Шанхая (Пудуне) в ближайшее время официально вступит в строй действующих предприятий газовый завод, и тысяча с лишним учащихся профтехшкол, которые придут на него работать, уже начали проходить в его цехах производственную практику.

При организации профтехобучения на указанных выше началах, отмечается в «Жэньминь жибао», становится проще решение проблемы обеспечения учебных заведений преподавательскими кадрами. Обе заинтересованные стороны как бы дополняют друг друга. Из 2100 преподавателей спецдисциплин в профтехшколах Шанхая две трети было направлено производственными ведомствами. В то же время почти все преподаватели общеобразовательных дисциплин — направлялись в систему профтехобучения из обычных школ.

На опыте Шанхая в качестве положительного момента «Жэньминь жибао» выделяет также и принцип «сначала подготовка — потом устройство на работу». Первое торговое управление Шанхая, пишет газета, совместно с городским отделом образования создали три профтехшколы и специальные профтехгруппы в 15 средних школах города, которые за последние годы подготовили 5200 человек. Это позволило в 1983—1984 гг. свыше 90 % новых служащих набирать в управление шанхайской торговли из числа выпускников профтехшкол и профтехгрупп.

В заключение можно отметить, что в китайской печати, несмотря на большое внимание, уделяемое развитию профтехобразования, практически не поднимается проблема упорядочения этой формы обучения, включения ее в целостную общегосударственную систему образования. Видимо, причиной этого являются объективные, в первую очередь экономические, факторы. В самом деле, профтехобразование в Китае на нынешнем этапе развивается пока на местном уровне. Это порождает ряд новых проблем — таких, например, как значительный отрыв системы профессионально-технического обучения от системы образования в рамках вузов. Для выпускников профтехшкол дорога в вузы оказывается практически закрытой, поскольку недостаточна их общеобразовательная подготовка. Дальнейшее решение проблемы требует существенного расширения инвестиционных возможностей страны.

Б. Н. БАСОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Фундаментальный труд о выдающемся китайском революционере

С. Л. Тихвинский. Завещание китайского революционера. Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов.— М., Политиздат, 1986. 224 с., с ил.

12 ноября 1986 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. Эта дата широко отмечалась в Китайской Народной Республике торжественными заседаниями в Пекине, в других городах Китая, связанных с жизнью и деятельностью Сунь Ятсена, научными симпозиумами и конференциями, посвященными изучению его взглядов и наследия. Завершено издание «Полного собрания сочинений Сунь Ятсена», вышли в свет многочисленные журнальные и газетные публикации о нем, проведены другие юбилейные мероприятия.

Научные конференции, другие юбилейные мероприятия, посвященные этой дате, состоялись и в СССР. Советские люди всегда с большим уважением относились к Сунь Ятсену — славному сыну китайского народа, горячему поборнику китайско-советской дружбы, проявляли большой интерес к жизни и деятельности этого, по оценке В. И. Ленина, «революционного демократа, полного благородства и героизма»¹. Анализ экономических, политических, философских взглядов Сунь Ятсена посвящено большое количество книг и статей. Особое внимание заслуживает второе, исправленное и дополненное, издание «Избранных произведений Сунь Ятсена» под редакцией академика С. Л. Тихвинского (книга вышла в свет в 1985 г., а первое издание — в 1964 г.). Это второе издание, куда включены текст письма Сунь Ятсена японскому политическому деятелю Инукаи и труд Сунь Ятсена «Три народных принципа» — лекции, ранее не публиковавшиеся в Советском Союзе, дает возможность широкому кругу со-

ветских читателей получить более разностороннее представление о революционной деятельности, общественно-политических и философских взглядах Сунь Ятсена.

К 120 летию Сунь Ятсена Издательство политической литературы опубликовало фундаментальный труд председателя Общества советско-китайской дружбы, академика С. Л. Тихвинского «Завещание китайского революционера (Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов)».

Академик С. Л. Тихвинский много лет занимается изучением жизни и деятельности Сунь Ятсена. Главные его темы — антиимпериалистическая борьба Сунь Ятсена, эволюция взглядов китайского революционера-демократа на задачи и тактику этой борьбы; дружба и сотрудничество Сунь Ятсена с Советской Россией, критика фальсификации деятельности и взглядов Сунь Ятсена буржуазными историками. Существенно переработан и дополнен новым материалом свою книгу «Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа 1885—1925 гг.)», которая вышла в свет более 20 лет назад небольшим тиражом². С. Л. Тихвинский обратил внимание на актуальность воззрений Сунь Ятсена и в наши дни — в условиях борьбы всех миролюбивых и прогрессивных сил за мир, равноправие всех стран и народов, ликвидацию отсталости и дальнейшее развитие.

С. Л. Тихвинский начинает книгу с рассказа о молодых годах Сунь Ятсена. Автор рассматривает основные факторы, оказавшие влияние на формирование его мировоззрения: традиции антиманьчжурской борьбы населения Гуандуна — южной провинции Китая, где родился Сунь Ятсен; поражение Китая во франко-китайской войне (1884—1885); знакомство с буржуазно-демократическими идеями западных мыслителей. «Реформаторский период» во взглядах Сунь Ятсена советский историк характеризует на основе одной из первых работ Сунь Ятсена — «Представление Ли Хунчжану» (1894), где отразились взгляды Сунь Ятсена на внутреннее

² Назвав эту книгу одним из наиболее значительных советских исследований, посвященных Сунь Ятсену, В. Н. Никифоров в статье «Послеоктябрьский период деятельности Сунь Ятсена в советской историографии» («Новая и новейшая история», М., 1978, № 5) подчеркнул, что она стимулировала интерес советских исследователей к дальнейшей разработке проблемы контактов Сунь Ятсена с СССР, ввел в научный оборот новых архивных и мемуарных материалов, позволивших советским историкам показать в истинном свете отношение Сунь Ятсена к советскому опыту и политике СССР, значение помощи советской и международному коммунистическому движению Сунь Ятсену, национально-освободительной борьбе китайского народа.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

и международное положение Китая, свидетельствовавшие о том, что «Сунь Ятсен глубоко переживал угнетение Китая иностранными державами, искал пути возрождения страны и повышения ее международного престижа» (с. 14).

Однако упомянутое «Представление» осталось без ответа, а увиденные молодым патриотом Китая во время поездки на Север страны продажность и гнилость цинского чиновничества и феодального правительственного аппарата, поражение китайских войск в начавшейся войне с Японией привели Сунь Ятсена к отказу от мысли о проведении реформ при существующем строе и возможности каких-либо компромиссов с маньчжурским правительством. Сунь Ятсен становится на путь революционной борьбы с цинской династией. Его антиманьчжурские выступления, как показывает автор рецензируемой книги, описывая деятельность «Союза возрождения Китая», попытки первых вооруженных восстаний против маньчжуров, его деятельность в эмиграции, «были объективно направлены против колониального владычества империалистических держав в Китае, так как призывали к свержению их главной опоры в стране — маньчжурской монархии — и предусматривали создание сильного и суверенного китайского государства...» (с. 37).

Остановившаяся на деятельности Сунь Ятсена на посту руководителя Китайского революционного объединенного союза (Чжунго гэмин тунмэнхой) и его программе, сформулированной на основе разработанных Сунь Ятсеном трех народных принципов — национализма, народовластия и народного благосостояния, автор рецензируемой монографии уделяет значительное место анализу основного внешнеполитического документа Союза — «Воззвания к иностранным державам», в котором, по словам С. Л. Тихвинского, проявились и прогрессивный характер, и исторически обусловленная ограниченность внешнеполитической программы Сунь Ятсена. Не возлагая, как раньше, надежд на помощь революции со стороны одной какой-либо иностранной державы, стремясь к созданию независимого, суверенного Китая, Сунь Ятсен старался обеспечить нейтралитет держав в ходе антиманьчжурской революции, не понимая истинной природы связей империалистических государств с реакционным маньчжурским режимом.

Приводя в книге много фактов о связях китайских революционеров с русской революционной эмиграцией в Японии, с японскими социалистами, индийскими и вьетнамскими борцами за независимость, С. Л. Тихвинский справедливо приходит к следующему выводу: «Не вызывает сомнений глубокое сочувствие Сунь Ятсена национально-освободительной борьбе народов колониальных стран и резко критическое отношение его к агрессивной внешней политике капиталистических держав. Однако сам он в 1905—1911 гг. не выступал с открытыми антиимпериалистиче-

скими лозунгами, прежде всего из тактических соображений» (с. 57—58).

Однако уже в период 1905—1911 гг. под влиянием «эпохи пробуждения Азии», вызванной русской революцией 1905 г., во взглядах Сунь Ятсена происходят определенные сдвиги в оценке политики капиталистических держав и характера их помощи Китаю, что С. Л. Тихвинский убедительно иллюстрирует относящейся к 1906 г. перепиской между Сунь Ятсеном и русским народником Н. К. Русселем (Судзиловским). В своих письмах Сунь Ятсен, как указывает исследователь, проявил трезвый критический подход к суждениям Русселя о возможности привлечения капиталов и специалистов из капиталистических стран для нужд экономического строительства Китая. Слова Сунь Ятсена о невозможности бескорыстной помощи делу промышленного развития Китая со стороны американских и европейских капиталистов и о категорическом отказе от принятия ее на неравноправных условиях сохраняют свое значение и в современных условиях, когда в работах буржуазных политологов часто появляются тезисы о том, что передача передовой западной техники и технологии Китаю зависит от того, будет ли Китай вести себя в международных делах так, как это выгодно капиталистическому миру. С. Л. Тихвинский приводит следующее высказывание Сунь Ятсена из его письма к Русселю: «Возможно, я неправильно понял Вас в связи с Вашим обращением к американским капиталистам, но если имеется в виду не чисто альтруистический подход, я не вижу в этом ничего хорошего. Они не настолько глупы, чтобы совершить коммерческое самоубийство, помогая Китаю обрести собственную индустриальную мощь и стать независимым. Я твердо убежден, что если мы проявим хотя бы малейшую склонность стать на этот путь, то весь капиталистический мир Европы и Америки потрясет крик об индустриальной желтой опасности. Таким образом, совершенно очевидно и понятно, что их интересы состоят прежде всего в том, чтобы навсегда превратить Китай в жертву промышленной отсталости...» (с. 52).

При характеристике деятельности Сунь Ятсена на посту временного президента Китайской республики на широком фоне событий Синьхайской революции и враждебного отношения иностранных держав к Сунь Ятсену и его сторонникам, выдвигавшим требования защиты национального суверенитета Китая, ученый уделил значительное место откликам печатных изданий большевистской партии в России и ее вождя В. И. Ленина на борьбу китайских революционных демократов против внутренней и внешней реакции.

От главы к главе, от раздела к разделу своего труда советский историк проводит мысль о том, что при всех поражениях и неудачах, отступлениях и кризисных ситуациях Сунь Ятсен накапливал знания и политический опыт, которые стали основой каче-

ственных изменений во взглядах Сунь Ятсена в начале 20-х годов. Под влиянием нарастающей волны национально-освободительного движения китайского народа, перво-го знакомства с опытом Советской России и контактов с ее представителями, а также в связи с крахом иллюзий о помощи прогрессивным силам Китая со стороны капиталистических стран или возможности блокирования с какими-либо группировками китайских милитаристов Сунь Ятсен, — как пишет С. Л. Тихвинский, — все в большей степени приходит к пониманию того, что только избавление от гнета империалистических держав приведет к объединению страны, к уничтожению милитаристских кланов.

На страницах рецензируемой монографии на большом документальном материале подробно прослеживается отнюдь не простой процесс оформления новых взглядов Сунь Ятсена на перспективу китайской революции. Академик С. Л. Тихвинский далек от идеализации политической программы Сунь Ятсена. Он отмечает наличие в ней буржуазно-националистических пережитков и положений и раскрывает их корни. Вместе с тем в книге подчеркивается, что в последние годы жизни Сунь Ятсен отошел от многих прежних националистических представлений, сделал упор на необходимость солидарности с Советской Россией участников антимпериалистической борьбы жизненно важное значение тесного союза Китая и СССР. Свои имеющие важное научное и политическое значение выводы ученый делает на основе тщательного анализа выступлений и писем Сунь Ятсена 1922—1924 гг. — Письмо к Инукаи Цуёси, переписки Сунь Ятсена с Г. В. Чичериним и А. А. Поффе, лекций «Три народных принципа» и др.

В эти годы Сунь Ятсен развертывает все более активную пропаганду опыта Великой Октябрьской социалистической революции в России, страстно призывает развивать и укреплять китайско-советскую дружбу, ведет решительную борьбу против правых элементов в гоминьдане, выступавших против союза с СССР, с Компартией Китая и народными массами. Все эти действия Сунь Ятсена отражали интересы широких кругов китайского народа: национальной буржуазии, крестьян, рабочих, интеллигенции. Он пришел к осознанию единства целей и задач революционного движения китайского и русского народов. В ноябре 1923 г. в беседе с корреспондентом в японском порту Нагасаки он заявил: «Цели китайской революции совпадают с целями русской революции... Китайская и русская революции идут по одному пути» (с. 209).

Продолжая и углубляя критику буржуазной историографии, нередко искажающей взгляды и смысл деятельности Сунь Ятсена, С. Л. Тихвинский включил в свой новый труд раздел «Отношение Сунь Ятсена к СССР в кривом зеркале противников совет-

ско-китайской дружбы», где аргументированно раскрыл новые тенденции в исследованиях 70-х — начала 80-х годов о Сунь Ятсене у буржуазных историков и идеологов. Проанализировав основные положения книг и статей К. М. Уилбурга (США), Г. К. Киндермана (ФРГ), Г. Шифрина (Израиль) и др., советский историк пришел к следующему выводу: «...Западные идеологи не прекращают усилий, направленных на то, чтобы попытаться вбить клин в отношения между Китаем и Советским Союзом. Эти попытки обречены на провал, ибо народы наших двух стран связаны многолетней традицией дружбы, у истоков которой стояли великий Ленин и выдающийся китайский революционер-демократ Сунь Ятсен» (с. 223).

Жизнь Сунь Ятсена оборвалась в период наивысшего расцвета его деятельности, в разгар осуществления его надежд и планов. Перед смертью он оставил «Завещание», в котором призвал довести до конца дело национальной революции, а также «Послание Советскому Союзу», в котором написал: «Дорогие товарищи! Прощайтесь с нами, и хочу выразить свою пламенную надежду — надежду на то, что скоро наступит рассвет. Настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы» (с. 213).

Новая книга видного советского историка и китаеведа С. Л. Тихвинского не только свидетельствует о глубоком уважении советских людей к личности выдающегося китайского революционера-демократа, к демократическим, революционным традициям Китая, но и важный вклад в исследование с марксистских позиций идейного наследия и опыта борьбы Сунь Ятсена за национальное освобождение и возрождение Китая. Разумеется даже в таком фундаментальном труде невозможно перечислить все вопросы, связанные с идейным наследием Сунь Ятсена. В частности, ждут дальнейшей разработки проблемы, связанные с принципом «мишюань», соотношением традиционного и нового в идеологии Сунь Ятсена, его гуманистическими взглядами и их влиянием на идейно-политическую борьбу в Китае в последующее время.

Дальнейшее изучение деятельности и взглядов Сунь Ятсена могло бы стать плодотворной сферой научного сотрудничества советских и китайских историков, которая способствовала бы более широкому ознакомлению советской и китайской общественности с выдающимся вкладом Сунь Ятсена в борьбу с империализмом, в развитие дружбы между Советским Союзом и Китаем.

*М. Л. ТИТАРЕНКО,
доктор философских наук*

О новом справочнике по КНДР

Корейская Народно-Демократическая Республика. М., «Наука», 1985, 272 с.

Рецензируемая работа подготовлена группой специалистов Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР и является новым монографическим исследованием из серии «Экономика и политика зарубежных стран социализма». В ней подведены итоги 40-летнего развития Кореи по пути строительства нового общества, создания основ социализма, раскрывается стратегия социально-экономического развития КНДР на 80-е годы, показано содержание интернациональной помощи стран социалистического содружества в решении сложных экономических и внешнеполитических проблем КНДР, рассматривается развитие взрывоопасной ситуации на Корейском полуострове в целом, а также роль КНДР в борьбе за мирное урегулирование на Корейском полуострове, за обеспечение безопасности на Дальнем Востоке. Созданная в 1948 г. Корейская Народно-Демократическая Республика самоотверженным трудом народа в сотрудничестве с другими социалистическими странами в исторически короткие сроки навсегда покончила с колониальной отсталостью и превратилась в социалистическое государство с развитой индустрией, крепким сельским хозяйством, передовой наукой и культурой. Впечатляют темпы индустриального развития КНДР. Только за вторую семилетку — с 1978 по 1984 г. — валовой объем промышленной продукции возрос в 2,3 раза¹. Страна добилась осязаемых успехов в продвижении к провозглашенной цели — социализму. Окрепили международные позиции КНДР, обогатились ее связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Процесс утверждения в Северной Корее народно-демократического строя и социалистических преобразований подтвердил научную обоснованность марксистско-ленинской теории о действии общих закономерностей, присущих развитию всех социалистических стран. В то же время строительство социализма в КНДР имеет свои индивидуальные черты, обусловленные, как отмечается в монографии, своеобразными объективными факторами, к которым относятся колониальное прошлое, состояние раскола страны, сохраняющийся военно-

политическая конфронтация с проамериканским режимом Южной Кореи, последствия агрессии США. В нем проявились также закономерности, присущие странам, миновавшим или миновавшим капиталистическую стадию развития.

В книге дан обстоятельный анализ двух основных этапов социально-экономических преобразований в КНДР — общедемократического этапа революции и социалистического переустройства общества (1945—1960 гг.) и этапа «собственно социалистического строительства» (с 60-х годов) (с. 34). Рассматривается национальная концепция перехода КНДР к социализму, составной частью которой является тезис о необходимости продолжения в условиях победившего социалистического строя трех революций: идеологической, технической и культурной — в соответствии со стратегией перехода к социализму в условиях слаборазвитой страны, не прошедшей стадию капиталистического развития (с. 39).

Структурная политика как составная часть разработки концепции социалистического строительства в КНДР формировалась, указывают авторы, в ходе непосредственного экономического развития, проверялась временем, учитывала опыт братских стран, в частности в проведении кооперирования в сельском хозяйстве, социалистической индустриализации, заимствовала ряд черт хозяйственного управления на ранних этапах социалистического строительства в СССР. Она разделяется на четыре этапа: восстановление народного хозяйства (1946—1949, 1954—1956 гг.); создание базы социалистической индустриализации (1957—1960 гг.), что одновременно с социалистическими преобразованиями означало завершение строительства основ социализма; период развернутой индустриализации и крупных структурных сдвигов в народном хозяйстве (1961—1970 гг.); техническая реконструкция и модернизация народного хозяйства (1971—1984 гг.) (с. 43).

Современный этап развития КНДР, начавшийся с шестилетнего плана (1971—1976 гг.) и продолжавшийся в годы второй семилетки (1978—1984 гг.), решая главную стратегическую задачу всего переходного периода — создание материально-технической базы, соответствующей полностью победившему социалистическому обществу, и резкое повышение материального и культурного уровня жизни народа, — выдвигает новые проблемы, связанные с переходом экономики КНДР на качественно более высокий этап развития. Основной упор делается на развертывание научно-технической революции.

Рассматривая специфику решения основных экономических проблем в КНДР, авторы монографии указывают на сложные политические условия строительства социализма в этой стране: национальный раскол Кореи, нестабильность обстановки на Корейском полуострове, угроза безопасности КНДР, которую создают американские войска, расквартированные в Южной Корее, и растущая милли-

¹ См.: «Правда», 22.V.1985.

таризация южнокорейского режима, непрекращающиеся провокации против КНДР. Все это вынуждает КНДР отвлекать значительные материальные и людские ресурсы на поддержание на должном уровне своей обороноспособности.

Вместе с тем стратегия строительства материально-технической базы социализма в КНДР неизменно включает задачу поддержания высоких темпов экономического роста. Важная роль в осуществлении модернизации народного хозяйства КНДР отводится развитию науки, переводу на новый научный фундамент производственно-технологических процессов, методов производства и хозяйственной деятельности (с. 48).

В монографии рассматриваются экономическая политика, развитие основных отраслей промышленности и транспорта, аграрная политика и социальная политика. На основе обширного фактического материала показаны основные факторы и условия экономического роста КНДР, структура народного хозяйства и его размещение по экономическим районам, развитие отдельных отраслей промышленности, транспорта, связи, а также сельского хозяйства.

Большой интерес представляет анализ социальной политики Трудовой партии Кореи. Забота о повышении уровня жизни народа выдвинута в КНДР в качестве высшего принципа деятельности партии и государства (с. 111). На реализации социальной политики ТПК положительно сказались позитивные сдвиги в международной обстановке начала 70-х годов. Известное смягчение напряженности на Корейском полуострове в это время позволило правительству КНДР сократить расходы на оборону с 30 % от общей суммы расходов госбюджета в 1966—1971 гг. до 16—17 % в последующие годы. Одновременно были существенно увеличены расходы на социально-культурные мероприятия. Впечатляют достижения КНДР в области образования. В 1975 г. в КНДР было введено всеобщее обязательное образование, включающее одногодичное дошкольное и 10-летнее школьное. Число высших учебных заведений увеличилось к началу 80-х годов до 162 (включая заводские вузы) (с. 119).

Большое место в рецензируемой работе отводится рассмотрению внешней политики КНДР. Весьма обстоятельно анализируются внешнеэкономические связи КНДР, политика ТПК и правительства КНДР, направленная на укрепление экономического и научно-технического сотрудничества, прежде всего с СССР и другими социалистическими странами.

Авторы отмечают то обстоятельство, что внешняя торговля КНДР в 60-е годы росла более быстрыми темпами в сравнении с показателями других социалистических стран, однако в 70-е годы наметилось отставание в этой области. Главная причина заключалась в первую очередь в том, что в 70-е годы страны СЭВ приступили к реализации инте-

грационных мероприятий для достижения общих целей. Социалистическая экономическая интеграция открыла новые возможности в мобилизации и использовании в общих интересах внутренних ресурсов и резервов роста взаимного товарообмена. В этой связи указывается на то, что «в КНДР остаются незадействованными многие резервы, связанные с использованием преимуществ более широкого вовлечения в международное социалистическое разделение труда» (с. 152).

В настоящее время наибольший удельный вес во внешнеторговом обороте КНДР по-прежнему продолжают занимать социалистические страны: на них приходится около 60 % корейского экспорта и импорта, в том числе около 40 % — на страны СЭВ (из них почти 30 % — на СССР). Советский Союз, как и в прошлом, остается главным внешнеторговым партнером КНДР.

Трудно переоценить значение экономического сотрудничества с СССР для развития народного хозяйства КНДР и укрепления ее мощи. В общем объеме производства КНДР удельный вес продукции всех предприятий, сооруженных в народной Корее при помощи СССР, составил в 1982 г.: электроэнергия — около 63 %, стали — 33, чугуна — 11, проката черных металлов — 38, нефтепродуктов — 50, кокса — 25, тканей — 20, химических удобрений — 14, добычи железной руды — 42 % (с. 174—175). Предприятия, сооруженные при содействии СССР, составляют костяк национальной экономики КНДР, охватывая практически все основные отрасли народного хозяйства страны. Важное и весомое содействие развитию экономики КНДР оказывают и европейские социалистические страны. КНДР не входит в состав СЭВ, однако в соответствии с Уставом СЭВ участвует в качестве наблюдателя в работе некоторых его органов, в частности принимает участие в работе Организации сотрудничества железных дорог, Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи, в работе Объединенного института ядерных исследований (с. 196).

Между КНДР и социалистическими странами Европы активно развиваются связи в области культуры, науки, спорта и здравоохранения, осуществляется сотрудничество в области радио и телевидения.

Активно развивается сотрудничество КНДР и с социалистическими странами, не входящими в СЭВ, в частности с Китайской Народной Республикой. КНР является вторым после Советского Союза торгово-экономическим партнером КНДР. После окончания войны в Корее 1950—1953 гг. Китай предоставил КНДР безвозмездную помощь в размере 800 млн. юаней, способствовал восстановлению народного хозяйства КНДР и созданию материально-технической базы страны в последующий период. В начале 80-х годов на Китай приходилось примерно 20 % внешнеторгового оборота КНДР (с. 160).

Как показал опыт, сотрудничество со странами социализма имеет огромное значение для экономического и политического развития КНДР. Расширение и обогащение связей КНДР с ними служит важным фактором и условием ускорения процессов становления на корейской земле общества полностью победившего социализма (с. 210). «Твердая поддержка и солидарность социалистических стран с социалистическим строительством нашего народа и делом объединения родины, — писал орган ЦК ТПК, журнал «Кыллоджа» — еще раз наглядно показывают, насколько прочны узы дружбы, связывающие наш народ с народами Советского Союза и других европейских социалистических стран, насколько глубоки и искренни классовая дружба и товарищеские отношения между народами братских стран социализма. Для успешного строительства социализма наряду с максимальной мобилизацией и использованием сил своего народа и внутренних источников своей страны необходимо активно развивать экономический и технический обмен и сотрудничество с братскими социалистическими странами»².

Несколько схематичной, хотя и относительно привязанной к основной теме монографии, представляется IV глава 3-го раздела «Глобальная стратегия империализма на Дальнем Востоке. Превращение Южной Кореи в военно-политического союзника США и Японии». В ней делается попытка показать место южнокорейского военного плацдарма и Японии в глобальной стратегии американского империализма. Беглый экскурс в историю американской агрессивной политики в Корее, а также отношений между Токио и Сеулом (с. 218—229) создает достаточное представление о нынешней военно-политической ситуации в регионе. Нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что создание треугольника Вашингтон — Сеул — Токио является главным дестабилизирующим элементом политической ситуации на Дальнем Востоке, направленным не только против социалистических стран, но и против всех азиатских народов, угрожает миру и безопасности в регионе. Вспомогательный характер носит и включенная в 3-й раздел глава V — «Южная Корея в 60—80-е годы», содержащая краткий обзор внутриполитического и экономического положения Южной Кореи за последние два десятилетия.

Заключительная часть монографии посвящена борьбе КНДР за мирное объединение Кореи, ослабление напряженности на Корейском полуострове и создание благоприятных условий для самостоятельного воссоединения расчлененной Кореи (с. 252). Выработанная Трудовой партией Кореи и правительством КНДР конструктивная и рациональная программа мирного урегулирования в Ко-

рее, предусматривающая замену соглашения о перемирии мирным соглашением, подписание декларации Севера и Юга о ненападении, развитие контактов и экономического сотрудничества между ними и образование единого корейского конфедеративного демократического государства, пользуется поддержкой абсолютного большинства корейского народа и международной общественности. Наряду с комплексной программой ослабления напряженности и мирного решения корейской проблемы КНДР предлагает объявить Корейский полуостров безъядерной зоной.

Надежным союзником корейского народа в его справедливой борьбе являются страны социалистического содружества, которые не ограничиваются моральной поддержкой в его борьбе за право на самостоятельное мирное решение своей судьбы. Благодаря СССР и братским странам социализма, КНДР имеет все необходимое для надежной защиты социалистических завоеваний и противостояния агрессивным проидам империализма и его пособников.

Важнейшим гарантом суверенитета КНДР, мира и стабильности на Дальнем Востоке является советско-корейский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный в июле 1961 г. Высоко оценивая значение помощи и поддержки СССР, Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи Ким Ир Сен отмечал: «В прошлом советский народ ценой крови помог нашему народу в его борьбе за возрождение родины, оказал нам моральную поддержку и материальную помощь в годы отечественной освободительной войны против агрессии американских империалистов и в тяжелый период послевоенного восстановления и строительства. И сегодня он оказывает нашему народу активную поддержку и содействие в его борьбе за построение социализма и самостоятельное мирное воссоединение родины. Об этом наш народ всегда помнит и благодарен за это»³.

Рецензируемая монография, несомненно, с большим интересом будет воспринята советской общественностью. Она будет полезной и для ученых, и для страноведов, а также для пропагандистов. Читатели могут почерпнуть в ней много новых сведений о достижениях корейского народа, о проблемах, которые стоят перед ним в деле социалистического строительства, в его борьбе за мирное урегулирование на Корейском полуострове.

*Ю. И. ОГНЕВ,
кандидат исторических наук*

² «Кыллоджа», № 5, 1985.

³ «Правда», 24.V.1984.

«Тихоокеанское сообщество»: планы и перспективы

Е. Б. Ковригин. Противоречия и перспективы формирования «тихоокеанского сообщества». М., «Международные отношения», 1986, 176 с.

Еще в середине прошлого столетия, предвидя рост значения Тихоокеанского региона в системе мировых хозяйственных связей, К. Маркс писал: «Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море — роль великого водного пути для мировых сношений»¹.

Это предсказание полностью оправдалось. Сегодня Тихоокеанский регион, где расположено несколько десятков государств и проживает более половины всего человечества, является важным центром мировой экономики и международной торговли. На его долю приходится более половины мирового промышленного производства и почти треть внешнеторговых связей. В целом для региона характерны относительно высокие по сравнению с Западной Европой темпы экономического роста. Сравнительно быстро развиваются и внутрирегиональные торгово-экономические отношения.

Все это не может не вести к взаимовыгодному экономическому сближению стран и территорий Тихоокеанского бассейна, к росту их значения в мировой экономике и международных отношениях.

Учитывая это, США с помощью своих союзников пытаются превратить Тихоокеанский регион в еще один, восточный фронт борьбы против стран социализма и в первую очередь против Советского Союза, организационно оформив его путем создания так называемого «тихоокеанского сообщества» (ТОС). Планы и перспективы его создания анализируются в книге Е. Б. Ковригина «Противоречия и перспективы формирования «тихоокеанского сообщества».

Как подчеркивается во введении, «...в нынешней интерпретации идеи ТОС заложено стремление влиятельных политических и деловых кругов ряда индустриальных капиталистических стран региона консолидировать свои силы, не допустить дальнейшего сок-

ращения своего контроля над народами, проживающими в бассейне... Если говорить об общих целях замысла для ТОС, как и для любой капиталистической интеграции, неизменной остается цель «эффективнее выступить против сил социализма и национально-освободительных движений» (с. 6, 7).

Анализ связанных с темой исследования проблем автор начинает с рассмотрения вопроса об особенностях развития стран и территорий Тихоокеанского бассейна (глава I).

Несоциалистические страны Тихоокеанского бассейна обладают значительными людскими и природными ресурсами, их экономика развивается быстрыми темпами. Они в состоянии обеспечить себя практически всеми необходимыми полезными ископаемыми и энергоносителями. Входящие в регион Япония и частично США (западное тихоокеанское побережье) находятся сейчас на переднем крае научно-технического прогресса. Большинство развивающихся стран региона достигло такой стадии экономического развития, когда создаются благоприятные предпосылки для поддержания прочных, активных связей с индустриально развитыми капиталистическими государствами.

В связи с этим автор указывает, что «теоретически объединение, пусть даже неполное, рассмотренных выше стран и территорий способно создать такой мощный экономический блок, по сравнению с которым европейский Общий рынок превратился бы, как писал один американский журнал, «в незначительный отросток на массиве азиатского материка» (с. 37).

Вместе с тем автор отмечает, что «от теоретической возможности до реализации «тихоокеанской идеи» дистанция огромного размера» (там же). Важнейшими факторами, сдерживающими, по словам автора, «полную интеграцию» стран региона в «тихоокеанское сообщество» являются перепады в уровнях их социально-экономического развития, различия культур, религий, традиций и обычаев, а также значительная географическая удаленность этих стран друг от друга.

В главе, посвященной вопросам разработки концепции «тихоокеанского сообщества» (глава II), автор подробно останавливается на истории возникновения и развития идеи о хозяйственном объединении государств и территорий Тихоокеанского бассейна. При этом особый акцент делается на рассмотрение японского и американского вариантов «тихоокеанского сообщества», разработанных инициаторами и вдохновителями этой идеи, хотя они и пытаются доказать, будто бы в ее реализации больше заинтересованы развивающиеся страны региона.

На основе многочисленных фактов автор наглядно показывает, что идея создания «тихоокеанского сообщества» не только всесторонне обсуждается в регионе на всех, в том числе и на правительственном, уровнях, но и постепенно обрастает организацион-

¹ К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 233.

ными формами в виде различных национальных и региональных организаций по вопросам тихоокеанского сотрудничества. Автор подчеркивает, что за «планами правящих кругов Японии и США стоит не забота о процветании региона, а своекорыстные соображения» (с. 51), направленные на использование этого богатейшего региона мира в интересах японских и американских монополий, в стратегических целях империализма.

Это наглядно подтверждается политическими и дипломатическими мероприятиями США и Японии по проталкиванию «тихоокеанской идеи», подробно рассмотренными в третьей главе монографии. В связи с этим анализируются также и позиции других стран по вопросу «тихоокеанского сообщества».

Следующие главы посвящены конкретным экономическим проблемам региона, которые рассматриваются через призму возможного создания «тихоокеанского сообщества».

Анализируя, в частности, проблему внутрирегиональной торговли (глава IV), автор приходит к выводу, что «широчайшие связи внутри региона порождают исключительно сильные противоречия едва ли не в каждой паре торговых отношений» (с. 99), а именно: между двумя ведущими державами региона — США и Японией; между США и Японией, с одной стороны, и развитыми капиталистическими странами среднего калибра (Канада, Австралия, Новая Зеландия), с другой; между каждой из развитых стран и их партнерами из числа развивающихся государств, в частности, членами АСЕАН и островными государствами южной части Тихого океана; между развитыми капиталистическими государствами и восточно-азиатскими «новыми индустриальными странами» и т. д. Поэтому «на нынешнем этапе существующие противоречия скорее мешают оформлению интеграционной группировки в Тихом океане, чем стимулируют ее возникновение» (с. 102).

В пятой главе рецензируемой работы показано, что с целью увеличения прибылей и повышения своей конкурентоспособности на мировых рынках национальные и транснациональные корпорации американского, японского, австралийского и другого происхождения все чаще размещают свои предприятия в развивающихся странах региона, удаленных от источников сырья, но располагающих дешевой рабочей силой. В результате возникновения в этих странах обширных зон иностранного предпринимательства здесь обостряются экологические проблемы, загрязняется окружающая среда, сеются семена новых международных конфликтов. В главе подробно анализируются противоречия, возникающие в связи с вывозом капитала в развивающиеся страны региона, а также отношение последних к принимаемому все более широкие масштабы процессу проникновения иностранного капитала в их экономику, который ведет к увеличению зависи-

мости от экономических структур крупных капиталистических стран.

Особое место в монографии занимает седьмая глава, посвященная проблеме членства в предполагаемом «сообществе».

Обращаясь к истории вопроса о составе планируемой группировки, автор напоминает, что первоначально речь шла о вхождении в нее лишь высокоразвитых капиталистических стран региона, включая Японию, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Однако по мере развития концепции от идеи таможенного союза между указанной «пятеркой» к проекту создания более широкой группировки, дающей возможность этой «пятерке» беспрепятственно эксплуатировать богатства развивающихся стран и территорий региона, среди ее возможных членов стали называться и будущие объекты эксплуатации. В связи с этим появилась идея о включении в будущее «сообщество» стран АСЕАН — Филиппин, Индонезии, Малайзии, Таиланда, Сингапура, а также присоединившегося к Ассоциации в 1984 г. Брунея. Несколько позже возникла идея о включении в планируемую группировку так называемых «новых индустриальных стран» — Южной Кореи, Гонконга и Тайваня. Наконец, в последнее время высказывается мнение о возможности включения в «сообщество» латиноамериканских стран Тихоокеанского бассейна, в том числе Мексики, Чили, Панамы и Коста-Рики.

Проблемы членства в планируемом «сообществе», как это отмечается в монографии, продолжают обсуждаться и по сей день на самых различных уровнях. И это вполне естественно, так как решить этот сложный принципиальный вопрос без общего согласия всех заинтересованных стран региона практически невозможно. А такого согласия пока что нет и в ближайшее время, видимо, не предвидится. Но дело еще и в том, что сам ход и характер обсуждения вопроса о будущих членах «сообщества» вызывает серьезную настороженность у социалистических стран региона, которых явно пытаются отстранить от решения проблем. Вопрос о возможности участия или хотя бы формального приглашения в тихоокеанскую интеграцию СССР, КНДР и социалистических стран Индокитая практически замалчивается. Это не может не наводить на мысль о том, что инициаторы «тихоокеанского сообщества» стремятся превратить его в замкнутую группировку, направленную против социалистических стран региона. Такой ход событий вынудил Советское правительство выступить 23 апреля 1986 г. с Заявлением, в котором, в частности, подчеркивается: «Судя по всему, определенные политические круги в США и Японии не представляют будущего азиатско-тихоокеанского района иначе, как в форме противоборства различных стран. В практическом плане в этих целях пытаются создать структуру и механизм так называемого «тихоокеанского сообщества», которое в перспективе может быть трансформировано

в замкнутую региональную группировку, в еще один милитаристский блок»².

Советский Союз как великая тихоокеанская держава, будучи непосредственно заинтересован в обеспечении мира и всеобщей безопасности в регионе и во всем мире, выступает против этих реакционных планов. Он исходит из того, что Тихий океан должен объединять, а не разъединять проживающие на его берегах народы, должен быть океаном мира и дружбы. «Основой дружественных отношений, укрепления доверия и взаимопонимания между народами в этой части мира, как, впрочем, и в других регионах,— подчеркивается в связи с этим в упомянутом Заявлении Советского правительства,— может и должно стать не противопоставление одних государств другим, а развитие равноправного, открытого для всех сотрудничества. При таком подходе — а именно в этом заинтересованы все народы — не может быть места сколачиванию блоков и контрблоков, созданию всякого рода «осей», «треугольников», формированию замкнутых группировок, культивированию протекционизма и дискриминационных мер при осуществлении взаимных торгово-экономических связей»³. Исходя из этого, Советский Союз в том же Заявлении еще раз выдвинул предложение начать широкий обмен мнениями между всеми заинтересованными странами этого региона по вопросам налаживания и развития равноправного, взаимовыгодного и устойчивого торгово-экономического, технологического, научного и культурного сотрудничества.

Все это свидетельствует о том, что Советский Союз, верный основополагающим принципам своей миролюбивой внешней по-

литики, последовательно и энергично выступает за включение азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Конкретные пути движения к этой цели предложены, как известно, в речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке. С учетом специфики региона она является дальнейшим развитием основных положений Программы мира, принятой XXVII съездом КПСС, и всеобъемлющих мирных советских предложений, изложенных М. С. Горбачевым 15 января 1986 г. и направленных на то, чтобы уже до конца текущего столетия полностью и навсегда освободить Землю от ядерного оружия. Так же, как и новая миролюбивая инициатива СССР о продлении до 1 января 1987 г. одностороннего моратория на испытания ядерного оружия, она продолжает вызывать все больший интерес во всем мире.

Небольшая, но содержательная монография Е. Б. Ковригина, посвященная рассмотрению одной из сложных и неоднозначных проблем международной обстановки на Тихом океане, будет с интересом встречена советским читателем, так как поможет ему лучше понять особенности современного этапа развития мировой политики. Однако, как это подчеркивает автор, работа не претендует на исчерпывающую полноту и не охватывает всех аспектов проблемы. Серьезные процессы, происходящие сегодня в странах Азии и Тихого океана и оказывающие все более заметное влияние на глобальное развитие, нуждаются в дальнейшем, более глубоком и всестороннем исследовании со стороны советских ученых — специалистов в области мировой экономики и международных отношений.

² «Правда», 24.IV.1986.

³ Там же.

Р. Д. ХЛЫНОВА,
кандидат экономических наук

Внешняя политика Японии в 80-х годах

«Комплексное обеспечение безопасности открытого государства Японии». Доклад Общества по изучению проблем мира («Кокусай кокка нихон-но андзэн хосэ сэйсаку». Хэйва мондай кэнкюкай хокусё). Токио, 1985, 91 с.

Важной предпосылкой смягчения глобальной международной напряженности является оздоровление ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе. Немалую роль в возрождении тенденций разрядки в этой части планеты мог-

ла бы сыграть Япония — вторая по экономической мощи держава капиталистического мира и одна из наиболее развитых стран Азии. Поэтому закономерен интерес, который вызывает подход японского руководства к сегодняшним реалиям международной жизни.

Рецензируемая работа представляет собой доклад, подготовленный по указанию премьер-министра Японии Я. Накасонэ Обществом по изучению проблем мира — исследовательской организацией, которой по решению японского правительства предоставлен с 1983 г. статус консультативного органа для выработки рекомендаций по наиболее важным вопросам внешней и внутренней политики.

В подготовке доклада приняли участие ученые, представители деловых кругов, эксперты правительственных ведомств. Авторы задались целью найти оптимальный путь к резкому усилению влияния Токио в мировой политике к

концу 80-х годов, добиться большей соразмерности возможностей японской дипломатии и экономического могущества страны.

Ключевым понятием, которое используется в рекомендациях общества, является «комплексное обеспечение безопасности». Причем оно трактуется довольно широко — не столько в плане защиты от гипотетической военной угрозы, сколько в смысле обеспечения максимально благоприятных внешних условий для реализации классовых целей японских правящих кругов в международных политических и экономических отношениях.

Действия японской дипломатии, по мнению авторов доклада, должны быть направлены, во-первых, на предотвращение конфликтов, в которые может быть втянута Япония в непосредственной близости от своих границ; во-вторых, против угрозы перебоев в поставках стратегического сырья и топлива; в-третьих, против возникновения прямого военного столкновения Японии с каким-либо государством. Исходя из многообразия факторов, воздействующих на безопасность страны, авторы пришли к заключению о необходимости так называемого комплексного подхода к осуществлению стратегических задач. «Комплексным, — говорится в докладе, — является обеспечение безопасности на основе проведения согласованных мероприятий политического, экономического и военного характера» (с. 68).

Хотя в рекомендациях общества уделено внимание вопросам стабилизации снабжения энергоносителями и продовольствием, а также задачам в области наращивания вооружений, основной акцент авторы сделали на разработке внешнеполитических установок. В докладе, по существу, дана развернутая программа деятельности правящих кругов Японии в мировой политике в конце 80-х — начале 90-х годов.

Оценивая современную международную обстановку, японские политологи выдвигают на передний план тезис о «многополюсной структуре» мира, которая пришла на смену «двухполюсной», характерной для первых послевоенных десятилетий. Имеется в виду повышение роли государств Западной Европы, Японии и ряда других стран в мировой политике при одновременном ослаблении доминирующих позиций США и СССР. Отсюда следует вывод о наличии объективных предпосылок для перенесения Японией акцента с двусторонних отношений с отдельными государствами на многостороннее сотрудничество (с. 33—34).

Какова же цель этой установки? Чем вызваны попытки переосмысления привычных представлений о партнерах и союзниках?

Очевидно, на модификацию устоявшихся стереотипов в подходе к международным связям Токио толкает неудовлетворенность правящего лагеря темпами увеличения политического влияния страны. «Никак нельзя согласиться с тем, что до сих пор Япония не в полной мере вносит свой вклад в формирование, поддержание и руководство международ-

ным порядком», — говорится в докладе (с. 30). И постановка вопроса о необходимости расширить круг партнеров в мировом сообществе отражает стремление подкрепить свои претензии ссылкой на глобализацию политических интересов страны.

Заявляя о своих претензиях на более активное участие в решении международных вопросов общечеловеческого значения, авторы рекомендацией формулируют цели, выходящие далеко за рамки собственно национальных интересов страны. Безопасность Японии, как это особо подчеркивается, предполагает «устранение источников международной нестабильности, несущей угрозу всеобщему миру, или ее ослабление; поддержку усилий, направленных на смягчение напряженности между противоборствующими сторонами...» (с. 24).

Такой подход вынуждает японских политологов признать в общей форме необходимость развития диалога между странами различных общественно-политических систем, поиска путей к преодолению взаимного недоверия, проведения переговоров между всеми заинтересованными странами, прежде всего СССР и США, по широкому кругу проблем, начиная с вопросов мира и разоружения.

Мысль о необходимости снижения уровня напряженности в мире получает развитие и на тех страницах доклада, где говорится о советско-японских отношениях. Трудно не согласиться с мнением относительно того, что обострение международной обстановки в начале 80-х годов помешало японской стороне в полной мере оценить положительные результаты и опыт сотрудничества СССР и Японии в осуществлении совместных проектов разработки природных ресурсов Сибири в 70-х годах (с. 38).

Активизация всего комплекса советско-японских связей отвечает коренным интересам народов обеих стран, целям оздоровления обстановки на Дальнем Востоке. Невозможность игнорировать эту истину закономерно подводит авторов к выводу о необходимости «продолжать переговоры и развивать контакты, которые могут открыть разнообразные перспективы в плане преодоления застойных явлений в отношениях между Японией и Советским Союзом» (там же).

Однако в то же время японские политологи не дают объективной оценки причин имевшего место на рубеже 70—80 годов охлаждения в советско-японских связях, фактически вызванного отсутствием готовности Токио развивать отношения с СССР на взаимовыгодной, равноправной основе, без каких-либо предварительных условий и ограничений, введенных японской стороной под надуманными политическими предложениями.

Рассматривая отношения с СССР под углом зрения целей японской дипломатии в «многополюсном» мире, японские политологи считают их лишь частью курса на расширение круга своих международных партнеров. В развитие этого курса выдвигается задача углуб-

ления сотрудничества Японии с другими странами Азиатско-тихоокеанского региона, которому Токио будет уделять возрастающее внимание в ближайшие десятилетия (с. 28).

В русле этого направления предполагается сосредоточить усилия на формировании «тихоокеанского сообщества», которому в обозримой перспективе японские политологи отводят роль региональной экономической организации. В нее намечается включить наряду с США, Японией, Австралией, Новой Зеландией страны АСЕАН, а также Южную Корею и Тайвань.

Тем не менее осуществление этих планов, как отдают себе отчет авторы доклада, сопряжено с урегулированием глубоких противоречий между предполагаемыми участниками новой группировки (с. 38). Речь идет прежде всего о нежелании государств АСЕАН присоединяться к «сообществу» из-за опасений относительно превращения его в замкнутую группировку, наделенную, помимо экономических, военно-политическими функциями. В такой организации развивающиеся страны неизбежно окажутся в подчиненном положении по отношению к империалистическим державам.

Следует отметить, что в рекомендациях общества ничего не говорится о государствах Индокитая — Вьетнаме, Лаосе, Кампучии. Авторы доклада воздержались даже от упоминания о намерении Японии стать посредницей в урегулировании отношений между ними и АСЕАН, хотя эта идея активно пропагандировалась японскими правящими кругами на региональном уровне начиная со второй половины 70-х годов. Это определенно указывает на отсутствие у японского руководства решимости предпринимать конкретные шаги для содействия нормализации обстановки в ЮВА.

Оценивая перспективы развития ситуации на Дальнем Востоке, японские политологи уделяют особое место Китайской Народной Республике. Они признают существование глубоких противоречий между империалистическими державами, с одной стороны, и социалистическим Китаем — с другой. Явная обеспокоенность высказывается по поводу постепенного улучшения межгосударственных связей КНР с Советским Союзом.

Внешняя политика Китая после XII съезда КПК, подчеркивается в докладе, опровергла многие расчеты японских и западных прогнозистов 70-х годов. Ставится под сомнение способность буржуазной политологии правильно предвидеть дальнейшие изменения во внешнеполитическом курсе КНР. Акцент в рекомендациях общества в целом перенесен с установки на всестороннее сотрудничество с Китаем на необходимость учета его влияния в мировой политике «как в высшей степени независимой силы» (с. 39).

Сдвиги в оценке перспектив японо-китайских отношений предопределили стремление японских политологов поставить вопрос о формировании новых структур, способных в какой-то мере компенсировать размывания фундамента американской военной стратегии на

Дальнем Востоке и участие в ней Японии. В этом плане в докладе уделено внимание отношениям Токио с Южной Кореей, на которую особую ставку в своей «силовой игре» делает Вашингтон. Констатируя отставание уровня политических связей с Сеулом по сравнению с японо-южнокорейскими экономическими отношениями, авторы указывают на необходимость скорейшей ликвидации этого несоответствия за счет форсированного развития всестороннего сотрудничества с режимом Чон Ду Хвана (с. 39—40).

Несмотря на определенные оговорки, активизацию основных направлений внешнеполитической деятельности авторы доклада рассматривают как первоочередное условие усиления влияния Японии в мировой политике. Означает ли это, что под сомнение поставлена целесообразность курса безоговорочного следования за США, который вызывает справедливую критику не только в мировом сообществе, но и в демократическом лагере самой Японии?

Приходится констатировать, что в этом плане говорить о «новизне подхода» японской политологии нет оснований. Осуществление целей, которые ставятся перед японской дипломатией в обозримой перспективе, мыслится исключительно в тесной увязке с обязательствами, вытекающими из японо-американского «договора безопасности». Отношения с Вашингтоном по-прежнему объявляются «краеугольным камнем» японской политики. Лишь при сохранении безусловного приоритета связей с США предусматривается некоторое расширение взаимодействия со странами Западной Европы.

Отстаивая притязания Японии на роль «великой политической державы», авторы доклада в то же время фактически сводят вопрос лишь к частичному повышению статуса Токио в союзе с США. «Многополюсность мира», — как говорится в докладе, — не означает полной независимости Японии и Западной Европы по отношению к США. Речь идет лишь о том, чтобы, укрепляя сотрудничество с США, добиваться усиления своей роли... в его рамках» (с. 35).

Вряд ли курс, обрекающий Японию на роль послушного проводника политики Вашингтона (даже в тех случаях, когда это не соответствует ее национальным интересам), может привести к повышению международного престижа страны. Усиление роли Японии в мировой политике невозможно без подлинно независимого национального курса. Решение этой задачи неизбежно сопряжено с известной ломкой сложившихся приоритетов.

Расширение сферы взаимодействия с США, осуществляемое под прикрытием деклараций о равноправном партнерстве, только повышает опасность втягивания Японии в авантюры союзника, в инспирируемые США конфликты в разных точках планеты. Курс на безоговорочную поддержку США не имеет ничего общего с рассуждениями о заинтересованности Японии во всеобщем мире и ослаблении

международной напряженности, которыми изобилует доклад.

Что же будет определять лицо Японии в мире 80—90-х годов? Стремление к активизации участия в милитаристских приготовлениях, осуществляемых империалистическими державами под руководством США? Смогут ли получить развитие те позитивные тенденции, которые в принципе заложены в программе, предложенной в докладе?

В сфере международных связей Японии в последнее время происходят некоторые позитивные сдвиги, которые можно рассматривать как частичный отказ от политики ограниченных контактов со странами социалистического содружества. В январе 1986 г. состоялся визит в Токио члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Стороны имели возможность обсудить не только вопросы двусторонних отно-

шений, но и важнейшие международные проблемы, а также предложения Советского Союза, направленные на оздоровление обстановки в мире. Хотя японская сторона оказалась не готовой дать позитивный ответ на советские инициативы, сам факт их обсуждения имел большое значение с точки зрения укрепления советско-японского диалога.

Налицо определенный, хотя и небольшой, положительный сдвиг позиции Токио в отношении связей с внешним миром. Реальность покажет, насколько обоснованными окажутся надежды на вклад Японии в снижение уровня противостояния в Азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире.

А. Д. БОГАТУРОВ,
кандидат исторических наук

Яркий феномен японской культуры

В. А. Пронников. Икэбана, или Вселенная, запечатленная в цветке. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985, 175 с.

Японское слово «икэбана» не нуждается в переводе на русский язык. Популярность этого вида национального японского искусства в стране повсеместна и заслуженна. Великолепные композиции икэбаны, встречающиеся на выставках, или их снимки на страницах иллюстрированных журналов, как правило, никого не оставляют равнодушными. Однако подобные беглые впечатления зачастую весьма поверхностны и недостаточны для понимания сложного внутреннего мира икэбаны. С выходом в свет книги В. А. Пронникова советские читатели обогатятся обширными сведениями о ярком феномене японской культуры.

Автору удалось провести глубокое, многоплановое исследование, нацеленное в первую очередь на проникновение за кулисы творческого процесса, в самые глухие уголки сознания мастера, в секреты всеобъемлющего восприятия произведений высокого жанра. Наряду с решением этой не легкой задачи в книге содержится развернутая характеристика той среды, в которой икэбана эволюционировала на протяжении последних полутора тысяч лет и на которую она сама активно воздействовала.

Тщательное исследование основной темы монографии позволило автору наглядно показать животворную взаимозависимость основ-

ных формообразующих элементов материальной и духовной культур японского общества, диалектическое единство возвышенного, художественного и заземленного, практического в повседневном быту японцев — противоречивость универсальных, общечеловеческих ценностей и ценностей локальных, детерминированных национальной и социально-классовой принадлежностью. Не остались вне авторского поля зрения и технические приемы цветочной аранжировки, передающиеся из поколения в поколение специалистами различных школ, приверженцами различных стилей и сохраняющие черты торжественного ритуала.

Знакомясь с трудом В. А. Пронникова, не устаешь поражаться обилию фабульных поворотов, которые оказываются абсолютно необходимыми для описания столь подчеркнуто строгого, отстраненного от всякой украшательской мишуры и недолговечного «сооружения», каким выглядит каждый конкретный образец икэбаны.

Поучителен, например, рассказ о метаморфозах искусства икэбаны на извилистых тропинках японской истории. Придя в Японию из Индии через Китай и Корею вместе с буддизмом, икэбана первоначально не мыслилась вне религиозного контекста. Жертвенные подношения божеству мастерски оформленных цветочных компоновок были обязательной частью храмовых церемоний. В дальнейшем, однако, последовал бурный процесс секуляризации, в ходе которого икэбана, сохраняя свои позиции у алтарей, вторглась в императорский дворец, в чертоги аристократии, а затем и в каморки горожан, в «веселые кварталы», в крестьянские хижинки. Умножилось и количество поводов, требовавших присутствия умело составленного набора цветов, ветвей, травы: празднование совершеннолетия, венчание, проводы война в поход и т. д.

Автор подчеркивает демократический ха-

раक्टर этого процесса, разрушившего «элитарную замкнутость» искусства икэбаны, сделавшего его «достоянием всех слоев общества» (с. 39). Массовое приобщение населения к этому изысканному жанру художественного творчества имело и идеологическую подоплеку.

Конечно, культовая реликвия и деталь интерьера разделены дистанцией достаточно внушительного размера. И наводящее грусть напоминание о бренности земного существования зачастую уступает место по преимуществу гедонистической модели мировидения. Неотрывность обучения искусству икэбаны от формального и неформального образования, от процесса формирования личности вообще явилась одним из могучих стимулов общенационального интенсивного эстетического воспитания, не только вводящего индивида в тесное соприкосновение с миром прекрасного, но и превращающего его самого в художника, в творца.

Тем не менее приобщение широких масс к искусству аранжировки цветов, составляющему в течение длительного времени исключительную и высоко ценимую привилегию верхушечных слоев общества, не было итогом игры стихийных сил. Оно представляло собой важное звено политики господствующего класса, призванной сплотить население Японского архипелага иллюзорной общностью культурного наследия, тождественностью разделяемых сверху донизу воззрений, укрепить на этой основе лояльность всех социальных ячеек — от семьи до нации — и в конечном счете добиться нерушимого консенсуса в отношении любых сколько-нибудь серьезных вопросов, которые могли встать перед страной.

Интересно отметить, что, адаптируясь к постоянно обновляющимся условиям окружающей обстановки, икэбана неизменно сохраняет свою уникальную, неповторимую сущность. В. А. Пронников исследует ее в различных ракурсах, создавая цельную, объемную картину. Он, в частности, неоднократно и оправданно возвращается к тезисам о сочетании в икэбане фольклорной непретенциозности с принципиальным отвержением прилизительности, дилетантизма, оригинальности и самобытности с академизмом, точным воспроизведением стилевых канонов, раскрывает ее глубокую символичность.

«Икэбана, обладающая широким полисемантизмом, — пишет автор. — доступна для понимания на одном уровне каждому, но, по сути, она адресована посвященным, владеющим ее глубинным смыслом, который высказан в ней на особом, понятном только немногим языке образов-символов. Тем самым икэбана словно апеллирует к надежде на некое интимное духовное братство. Искусство икэбаны принципиально противопоставит поверхностным, а потому ложным, лишенным истинного смысла связям с массой людей, оно по природе своей диалогично, обращено к

«своему зрителю», который поймет ее с полуслова» (с. 95).

Благодаря тонким наблюдениям, продуманным чередованиям иллюстраций и умозаключений, живым и доходчивым разъяснениям, содержащимся в книге, читателю удается занять позицию того самого «своего зрителя», который способен постигать символику икэбаны, мысленно вступать в залушенный диалог с аранжировщиком о воплощенном и не состоявшемся в его произведениях.

Нельзя не согласиться с мнением В. А. Пронникова, усматривающего глубинную цель искусства икэбаны в отображении единства и борьбы противоположностей «инь» и «ян» — света и тьмы, женского и мужского начал. Графические и цифровые обозначения этих противоположностей, присутствующие в классических китайских текстах, прежде всего в «Книге перемен», послужили создателям цветочных композиций своеобразной опорной базой для вольного экспериментирования.

Соотнесенность триграммных и гексаграммных комбинаций, в которых сплошные линии олицетворяют мужское, а линии с центральной разрывом — женское начало, с симбиозом рождения и ухода в бытие, вечного покоя и вечной динамики, с бесконечной сменяемостью дня и ночи, месяцев, сезонов, с эротическими контактами, позволяет исполнителю закодировать намечаемую цель в специфической форме, дислокации, изгибе стеблей, листьев, бутонов, веток, в материале, орнаменте, размерах вмещающих сосудов.

Аналогичные символические функции выполняются и геометрическими фигурами (например, прямоугольником, квадратом, треугольником, шаром, конусом, пирамидой), в контуры которых «укладываются» образцы икэбаны, и числами (например, единицей, тройкой, пятеркой, шестеркой, семеркой, десяткой), ориентировка на которые определяет количественные пропорции ее структуры, и цветовым спектром, вызывающим точно адресованные ассоциации.

Имеет смысл привести здесь хотя бы некоторые из многочисленных авторских зарисовок, предлагающих варианты прочтения поэтических тайн икэбаны.

Так, «сочетание трех цельных линий выражает абсолютное господство мужской силы — это великое «ян», лето, сочетание трех прерванных линий символизирует господство женской силы — это великое инь, зима; триграмма, в которой нижняя линия цельная, воплощает начало роста мужской силы — это молодое ян, весна, а триграмма, в которой нижняя линия прерванная, олицетворяет рождение и укрепление сил женского начала — это молодое инь, осень»; «метаморфозами числовых отношений создано пять первоэлементов (у син): металл, дерево, вода, огонь, земля. Эти пять первоэлементов являются представленными в икэбане в виде разно-

образных знаков или символов: земля или металл воплощаются в сосуде (керамическим или бронзовым), вода, естественно, поверхностью воды в сосуде (область инь), огонь — красным цветом сосуда или цветка (область ян), элемент дерево представляют растения; «японцы восприняли из древних китайских, а также из индийских верований веру в то, что в центре Земли высится священная гора Сумер. Попытка воплотить ее облик в икэбаны привела к конструированию формы в виде конуса, то есть в проекции на плоскость треугольника, что выражало суть этой горы»; «начало весны (то есть Новый год по лунному календарю) встречаются в зеленых одеяниях, в день наступления лета надевают красное, на исходе лета — желтое, осень же приветствуют в белых одеждах, а дыхание зимы — в темных, часто черных одеждах. Все эти значения каждого цвета и связанных с ними оппозиций учитываются при построении икэбаны» (с. 98—99, 101, 103).

Декодирование В. А. Пронниковым сложных криптограмм икэбаны обнажает ее нерасторжимую, органичную связь со всем миром классических искусств. Одни и те же выставленные на всеобщее обозрение, напоказ, и подспудные механизмы, управляющие живописью, поэзией, традиционным театром, каллиграфией, чайной и трапезной церемониями, и даже дзюдо, стрельбой из лука, фехтованием на деревянных мечах, вмонтированы в причудливую ткань икэбаны, придавая ей легко узнаваемую национальную окраску.

Не приходится сомневаться в том, что близость, взаимодополняемость, переплетенность различных видов и жанров искусств во многом обусловлены наличием объединяющего идейного стержня в виде учения дзэн, обладающего для японцев большой притягательной силой. Автор обращает наше внимание на совпадение в них путей овладения мастерством (бесконечные повторы каждого технологического «шага» вплоть до выработки подсознательного автоматизма), на общую вдохновляющую роль медитаций с достижением состояния «просветленности», на стремление к прорыву барьеров обыденности мышления, к «нетривиальной гармонии», на устремленность к возвеличиванию быстротечного мгновения, к внутренней содержательности при внешней сдержанности.

Именно вкрапленность в одну и ту же концептуальную систему снимает какие бы то ни было препоны с совместного экспонирования произведений разных жанров классического искусства и традиционных церемоний. Икэбана, к примеру, является непременным спутником чайной церемонии, многозначным предметом сценического декора в спектаклях театров Но и Кабуки, в домашних алтарях (токонома) она располагается бок о бок со свитками, на которых изображены пейзажи, животные, птицы или начертаны каллиграфические шедевры.

Но этим дело не ограничивается. Классические искусства свободно обмениваются

друг с другом творческим материалом, обнаруживают недюжинные способности к интегрированию в монолитный комплекс, способные, придающие им дополнительную эстетическую ценность. В рецензируемой книге широко представлены самые разнообразные нюансы этого процесса слияний, который берет начало в глубокой древности и продолжается до сих пор, не оставляя вне сферы своего плодотворного воздействия ни один вид.

Вот как об этом пишет В. А. Пронников: «Искусство икэбаны теснейшим образом связано с живописью, эскиз для нее нередко создавался художниками, чаще всего мастерами жанра «цветы и птицы». Однако то, что живописец делал тушью и красками на плоскости, мастер икэбаны конструировал в реальном трехмерном пространстве из реальных объектов природы». «Исполнительский характер искусства (икэбаны.— В. Р.), его подобие театру (в икэбанах растение будто разыгрывает старинную пьесу) проявились уже в раннем средневековье»; «икэбана вместе с тем и зримый образ классических японских краткостишй, она построена по тем же законам поэтики, которые полагаются на специфические японские онтологические и гносеологические принципы, они предопределяют и гномическую форму»; «дискретность мышления, остановка на одном самостоятельном иероглифическом знаке сказались и на структуре икэбаны: она организована по принципу построения иероглифа — на точном соотношении линий и пустот, в ней особый пласт образован каллиграфической выразительностью»; «даже в таких различных формах, как дзюдо и икэбана, можно найти эту общность: в композиции икэбаны есть тот же принцип податливости, гибкости растения, которое склоняется, чтобы устоять в борьбе и победить, который отлучает и дзюдо»; «в икэбанах есть сходство и с японской кухней, в которой часто прибегают к приправе, усиливающей свойства основного блюда, как и заполнители в композиции икэбаны выявляют своеобразие красоты (ср.— В. Р.) основных трех элементов» (с. 11—12, 138, 144, 145—146, 150, 156).

Взаимопроникновение классических искусств, разумеется, не мешает любому из них, в том числе и икэбана, оставаться глубоко самостоятельным объектом любования, способствующего снятию стрессовых нагрузок и генерирующего празднично-игровой тонус, свойственный укладу внепроизводственной жизни японцев. В этой связи правомерно указать, что, хотя авторское утверждение «как кто творит, так и живет» (с. 157) и несколько гиперболично, всячески выделяемый в рецензируемой монографии факт неослабного влияния искусства на стиль быта неопровержим.

Что бы там ни говорили, прежде всего в качестве объекта любования, в качестве важной составляющей стиля быта икэбана все смелее выходит за рубежи Японии, шествует

по планете, пополняя сокровищницу мировой культуры. И эта ее постепенная, но неуклонная «интернационализация» делает книгу В. А. Прошикова как нельзя более своевременной. Она, безусловно, ускорит процедуру знакомства советских людей с одним

из превосходных способов проведения досуга, с действенным средством формирования безукоризненного художественного вкуса.

В. Б. РАМЗЕС

Политика крупного капитала во внутренней торговле Японии

И. С. Целищев. Внутренняя торговля в современной Японии. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985, 160 с.

В 70-х — начале 80-х годов на улицах и площадях Токио перед универмагами довольно часто можно было видеть шумные демонстрации мелких лавочников, требовавших «защитить их от большого торгового бизнеса», принять законы, ограничивающие деятельность универмагов, супермаркетов и других крупных предприятий розничной торговли. Казалось парадоксальным, что отстаивающая интересы большого бизнеса правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП) прислушивалась к этим требованиям и контролируемый ею более 30 лет парламент раз за разом ужесточал принятый в 1956 г. в Японии Закон об универмагах, который ограничивал количество единиц их в стране, а также размеры предприятий, время работы. Закон 1956 г. пересматривался в 1974, 1979, 1982 и 1984 гг. и дополнялся новыми положениями, все более стеснявшими деятельность крупных фирм розничной торговли.

В монографии И. С. Целищева убедительно показано, что такая политика правящих кругов Японии не столько уступка лавочникам, сколько долгосрочная стратегия высшего эшелона монополистического капитала страны, создавшего и эффективно использующего в своих интересах систему государственно-монополистического регулирования, в том числе и во внутренней торговле. Объективно существование крупных фирм — необходимое условие экономического роста хотя бы потому, что крупное производство дает возможность поднять производительность труда, а что касается административно-законодательного регулирования в сфере внутренней торговли, внутреннего протекционизма в отношении мелкого бизнеса — все это, напротив, фактически сдерживает рост. Тем не менее представители Министерства внеш-

ней торговли и промышленности призывают крупный торговый капитал «поступиться некоторыми сиюминутными интересами во имя сохранения существующей социально-экономической системы» (с. 27). Для японского крупного капитала, как неоднократно и по разным поводам отмечали исследователи, характерен отказ от сиюминутных выгод в интересах долгосрочной стратегии.

Мелкие торговцы в современной Японии, как показывает автор монографии, составляют многочисленную прослойку населения (более 4 млн. человек). Для правильной оценки их роли в стране следует учитывать, что, как правило, это политически активные, оказывающие большое влияние на формирование общественного мнения «лидеры» улиц, районов и общин. И правящие консервативные круги Японии имеют в виду возможность и необходимость при определенных условиях сделать ставку на мелких предпринимателей во внутривнутриполитической борьбе. Этот аспект в монографии И. С. Целищева разработан весьма подробно. «До сих пор, — делается автором вывод, — именно наличие широкого социального «центра» — многочисленной мелкой буржуазии, лояльной по отношению к существующей общественной системе, является одним из важнейших факторов, предопределяющих меньший накал внутривнутриполитических и социальных конфликтов в Японии по сравнению с большинством развитых капиталистических стран и обеспечивающих относительную стабильность положения японских правящих кругов. Торговая мелкая буржуазия неизменно выступает одним из основных поставщиков голосов находящейся у власти Либерально-демократической партии (ЛДП) на выборах в парламент и местные законодательные органы» (с. 25).

Характерно, что при этом сами мелкие торговцы подвергаются жестокой эксплуатации, но мирятся с ней в силу мелкобуржуазной психологии. «Стремясь во что бы то ни стало сохранить «собственное дело», часто переходящее по наследству из поколения в поколение, они с готовностью идут на такие социальные издержки, как фактически неограниченный по продолжительности рабочий день и невысокий уровень дохода, значительно уступающий, например, средней зарплате наемного рабочего крупной корпорации» (с. 19.)

Защищая и поддерживая мелких розничных торговцев, представители власти Японии предусматривают решение важной социальной задачи — безработицы. И. С. Це-

лищен показывает, что из-за высокой трудоемкости и разного рода препятствий на пути роста производительности труда «торговая сфера объективно способна служить каналом для поглощения выбрасываемой рядом других отраслей избыточной рабочей силы» (с. 5). Автор делает вывод, что в современной Японии «происходит определенная деформация объективных экономических закономерностей развития розничной торговли под воздействием социально-политических факторов» (с. 33). Объективным предпосылкам для увеличения доли крупных современных предприятий в оптовых и розничных продажах «противостоит и будет противостоять вмешательство государства, преследующее прежде всего социально-политические цели» (с. 39).

Однако, как показано в монографии, в этих условиях внутренняя торговля остается слабым в технико-экономическом отношении звеном национального хозяйства, что является причиной «низкой международной конкурентоспособности японских торговых предприятий». Государство вынуждено поддерживать значительные ограничения на пути проникновения в отрасль иностранного капитала, что вызывает резкие протесты со стороны США и западноевропейских стран (с. 149). Технико-экономическое отставание торговли увеличивает уязвимость японской экономики в целом по отношению к кризисным воздействиям изнутри и извне. Не случайно США оказывают массированное давление на Японию, требуя либерализации ее внутренней торговли. За этим стоят долгосрочные соображения государственно-монополистического капитала США — использовать

в конкурентной борьбе существующее преимущество США в уровне общенациональной производительности труда. Это преимущество во многом обусловлено отставанием Японии в сфере внутренней торговли, где США намерены дать бой Японии как конкуренту на мировых рынках¹.

Конечно, монография И. С. Целищева затрагивает не только социально-политические аспекты внутренней торговли Японии. Большая часть работы, и это естественно, посвящена чисто специальным проблемам — эффективности, научно-техническому прогрессу в отрасли, изменениям в структуре торговых предприятий. Глубоко проанализирован в монографии процесс формирования крупномасштабных вертикальных систем функционально связанных между собой предприятий: оптовых, розничных, промышленных. Автор показал обстановку в одной из крупных и важных отраслей экономики Японии, важной прежде всего потому, что внутренняя торговля тесно связана с социальными проблемами страны.

Работа представляет интерес для широкого круга читателей — лекторов-международников, страноведов, специалистов в различных областях общественных наук.

Н. П. ПЕТРОВИЧЕВ

¹ Подробнее см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3, с. 25.

Демографическая ситуация в странах ЮВА

А. Р. Вяткин. Юго-Восточная Азия: демографический анализ. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984, 215 с.

В современном мире демографическая ситуация в значительной мере определяется динамикой воспроизводства населения в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Происходящие ныне в этих районах интенсивные сдвиги в воспроизводстве населения, его территориальной подвижности и социальной мобильности оказывают существенное долгосрочное воздействие на динамику мирового развития, приводят к обострению многих его глобальных проблем.

Международные конференции под эгидой ООН на межправительственном уровне (Бухарест, 1974, и Мехико, 1984) привлекли внимание мировой общественности к сложным социально-экономическим проблемам демографической политики в современном мире. Принятый этими конференциями при активном участии Советского Союза и других социалистических стран Всемирный план действий ООН в области народонаселения знаменует значительное расширение социальных сфер демографической политики, затрагивающих узловые проблемы развития стран, освободившихся от колониальной зависимости в области занятости, образования, здравоохранения, развития социальной инфраструктуры. Программы планирования семьи, регулирования естественного движения населения ныне все более тесно увязываются с планами социально-экономического развития. Вследствие этого научное изучение демографических проблем в государствах, освободившихся от колониального гнета, является важной задачей марксистской демографии, приобретает серьезное идеологическое и практическое значение.

Исследование А. Р. Вяткина посвящено анализу проблем народонаселения и вопросам осуществления демографической политики в странах Юго-Восточной Азии, одного из интереснейших и достаточно сложных с демографической точки зрения регионов мира. Цель работы, как поставил ее перед собой автор, — показать особенности демографического развития ЮВА в сравнении с другими регионами, а также определить общие характеристики и закономерности, присущие и другим странам развивающегося мира.

Основные тенденции процессов народонаселения стран Юго-Восточной Азии исследуются автором с позиций концепции демографического перехода — то есть постепенной смены традиционного типа воспроизводства населения, для которого характерны высокие коэффициенты рождаемости и смертности, современным типом воспроизводства, которому присущи сравнительно низкие величины этих показателей.

Важность исследования, выполненного автором, определяется тем, что в нашей демографической литературе практически нет работ, специально посвященных изучению демографических проблем стран ЮВА.

Закономерно и оправданно, что в первой главе автор анализирует формирование историко-демографического развития региона. Это непростая задача ввиду значительного числа противоречивых оценок динамики воспроизводства населения для отдельных стран. На основе использования ретроспективного демографического анализа автору удалось пересмотреть традиционную точку зрения на характер населенности Юго-Восточной Азии в XVIII и XIX вв. и дать более обоснованные оценки динамики населения в странах региона в этот период. Исследование основных характеристик демографического развития ЮВА с конца XVIII в. и до начала второй мировой войны позволило установить, что рост численности населения происходил за счет снижения смертности и увеличения числа внешних миграций. При этом концентрация населения в районах с наиболее благоприятными природными условиями, выгодно расположенных с точки зрения экономики и торговли в населенных пунктах и центрах средоточия политико-административной власти, достигла исключительно высокого уровня. Миграционная подвижность коренного населения региона отражала бурное развитие капитализма, привела к разрушению традиционных социальных связей. Возникли заметные диспропорции возрастно-половой структуры крупных городских центров и местностей, где широко использовался труд иммигрантов.

Автор опирается в своих выводах на репрезентативную демографическую статистику (с. 18—55). Ему удалось раскрыть эволюцию основных исторических этапов формирования социально-экономического механизма воспроизводства населения. Это позволяет использовать выводы А. Р. Вяткина для обос-

нованных перспективных оценок динамики населения в странах ЮВА в обозримом будущем (до 2000 г.).

Работу выгодно отличает от других подобных исследований подробный анализ материалов не только первичной, но и вторичных обследований, других второстепенных данных учета населения.

В отдельной главе рассматриваются особенности миграции населения в ЮВА. Автор выделяет проблемы, связанные с разрушением традиционных путей миграций коренных народов. В работе обосновывается вывод, что со второй половины XIX в. особо важное значение приобрели межрегиональные миграции, которые оказали значительное влияние на демографические, и на социально-экономические структуры и политические процессы в ЮВА, что прежде всего относится к трем основным миграционным потокам — европейскому, индийскому и китайскому. Внутренние миграции населения в колониальную эпоху в большей части региона не играли существенной роли.

Анализ автором тенденций современных миграций заслуживает высокой оценки, ибо источниковедческая база по данной теме крайне недостаточна. В работе выделены главные тенденции в характере миграционных потоков после победы национально-освободительного движения и создания независимых государств: 1) снижение значения и размеров международных миграций; 2) абсолютный и относительный рост объема внутри-страновых миграций по двум основным направлениям: «село — город» и «село — село». Упоминаются и спорадически возникавшие в регионе с начала 40-х годов военные и политические миграции, пересекавшие как страновые, так и региональные границы.

Серьезное внимание в работе уделяется проблемам урбанизации в Юго-Восточной Азии, ее экологическим аспектам. Значительно возросла роль городов ЮВА как внешнеторговых центров в колониальный период, наибольшее развитие получили портовые города. Со второй половины XIX в. крупные города региона стали местом притяжения мигрантов из Индии и Китая, так как миграциям сельского населения в города препятствовали низкий социальный статус города и относительная сбалансированность трудовых ресурсов в сельской местности. Но в послевоенный период произошло изменение национального состава городского населения и существенно снизилась роль иностранцев во всех областях жизни стран ЮВА.

Многие экологические проблемы стран ЮВА теснейшим образом взаимосвязаны, как справедливо указывается в работе, с интенсивностью демографических процессов. О нарушении экологического равновесия дают представление данные об увеличении плотности населения (с 20 до 116 человек на 1 км² с 1900 по 2000 г.), причем неравномерное размещение населения по территории обостряет экологические проблемы, особен-

но на отдельных перенаселенных территориях — островах Индонезии и Филиппинах, в долинах крупных рек.

Автор верно указывает на то, с какими трудностями сталкивается осуществление экологической политики в странах региона вследствие невысокого промышленного уровня, наиболее впечатляющего вида загрязнения среды, связанного с неразвитостью промышленности в этих странах и стремлением стран ЮВА всемерно ускорять экономическое развитие, не считаясь с его отрицательными последствиями для окружающей среды. Причем специфика экологического кризиса заключается в том, что преодоление его на территории одного государства часто не представляется возможным, что выдвигает необходимость регионального подхода к решению экологических проблем при участии международных организаций.

Заключительный раздел работы посвящен проблематике демографической политики в регионе. Демографическая политика в странах ЮВА носит, как справедливо подчеркивает автор, долгосрочный характер. Она теснее, чем в других странах, освободившихся от колониальной зависимости, связана с социальными программами. Авторы и теоретики этой политики признают, что перенаселение оказывает блокирующее воздействие на решение проблем занятости, продовольственного обеспечения, здравоохранения, достижение населением соответствующего уровня образования. Вместе с тем типично буржуазный кругозор концепций демографической политики предопределяет приоритетное значение мер планирования семьи и подходе к вопросам регулирования воспроизводства населения в целом. А. Р. Вяткин справедливо показывает сильные и слабые стороны программ планирования семьи.

Анализируя современную демографическую ситуацию в ЮВА, автор совершенно правильно указывает на то, что многих трудностей удалось бы избежать, если бы активную демографическую политику в странах региона начали проводить раньше. Подтверждением этому, в частности, могут служить многочисленные публикации в китайской печати, где китайские демографы сетуют на то, что рождаемость необходимо было активно ограничивать еще в начале 50-х годов.

В регионе ЮВА реальностью сегодняшнего дня является расширение сфер демографической политики за счет стыковки программ планирования семьи с другими направлениями развития здравоохранения и социального обеспечения. Хотя эти программы поддерживаются общественным мнением и правительственными кругами, реальное их содержание нам представляется узким. Автор, по нашему мнению, недостаточно освещает это обстоятельство.

Опыт стран ЮВА в проведении демографической политики действительно уни-

кален. В ряде стран без кардинальных изменений в социально-экономической структуре и образе жизни достигнуты некоторые результаты по снижению общего коэффициента рождаемости и массовому переходу к малодетным семьям. Но сравнительная эффективность программ в данном случае отнюдь не исчерпывает, по нашему мнению, решение других острых социальных проблем населения — высокого уровня детской смертности, нерациональной миграции, архаичности института брака, и решить их лишь на основе стимулирования мер планирования семьи не представляется возможным. Поэтому, хотя автору удалось показать относительную эффективность мер планирования семьи в регионе, недостаточно раскрытой осталась, по нашему мнению, другая кардинальная проблема, а именно социально-экономическое содержание мер демографической политики, которая далеко выходит за рамки пропаганды норм детности или рамок планирования семьи.

Недостатком книги, с нашей точки зрения, является сужение концепции демографического перехода рамками тенденций естественного движения населения. Здесь вывод автора о демографическом переходе не представляется нам полностью обоснованным, ибо в книге как раз показан широкий спектр изменений в социально-демографической структуре и воспроизводстве населения, предстающий перед нами как единство его естественного прироста, территориальной подвижности и социальной мобильности. Нам представляется, что одна из кардинальных нерешенных проблем социально-демографической политики в странах ЮВА заключается в ее неудовлетворительной увязке с практикой планирования и программирования социально-экономического развития на длительную перспективу. Помимо этого, следовало бы более подробно указать на социально-политические проблемы, связанные с проведением мер демографической политики. Ведь зачастую демографические программы фокусируют в себе некоторые аспекты напряженной социально-политической ситуации. Именно поэтому международная помощь странам ЮВА в осуществлении демографической политики имеет социально-классовый характер. Соотношение интенсивности естественного движения населения, территориальной и социальной мобильности как раз и раскрывает кардинальные изменения в демографической ситуации ЮВА в длительной исторической перспективе.

Работе присущи некоторые другие недостатки, в частности схематичность и перегруженность статистическим материалом второй главы. Желателен все же (несмотря на «ординарность», по мнению автора, возрастно-половой структуры для социально-экономического развития) специальный раздел, посвященный возрастно-половой структуре стран региона, анализ которой имеет особое значение при рассмотрении последствий

демографического взрыва, в частности обострение вопросов занятости. Но эти недостатки не снижают ценности рассматриваемой работы.

Рецензируемая книга является крупным шагом вперед в разработке проблем народонаселения развивающихся стран. Она пред-

Французские политологи о проблеме беженцев из Индокитая

Les réfugiés originaires de L'Asie du Sud-Est. Collection de rapports officiels. La Documentation Française. Paris, Mai 1984.

Правительство Ф. Миттерана изменило политику Франции в отношении государств Индокитая, придав ей большую гибкость и реализм. Последнее обстоятельство отражает подготовленное по заказу правительства исследование, проведенное специалистами по проблемам ЮВА, близкими к социалистической партии. Они проанализировали положение во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии, в частности вопрос о беженцах из этих стран, активно муссировавшийся недругами индокитайских народов.

Известно, какой поток грязи вылила империалистическая и иная враждебная пропаганда на правительства Вьетнама, Лаоса и Кампучии, когда шла речь о беженцах из этих стран. В списке обвинений фигурировали «коммунистическая тирания» и стремление избавиться от китайского национального меньшинства, желание «экспортировать» свои экономические трудности в соседние государства и даже намерение извлечь материальную выгоду из страданий людей.

Французские исследователи не согласны с этими обвинениями. Их вывод прост: главной причиной массового выезда из Вьетнама и Лаоса были последствия войны. Войны, напомним, навязанной этим народам американским империализмом, который сейчас пытается встать в позу обвинителя. «Экономические трудности,— подчеркивают авторы,— самый фундаментальный фактор выезда беженцев из Вьетнама» (с. 17). США разрушили в Южном Вьетнаме 9 тыс. общин (из 15 тыс.), 10 млн. га пострадали от дефолиантов (а всего за годы войны в Южном Вьетнаме было выведено из строя 43 % сельхозугодий.— И. Г.). За счет беженцев и людей, изгнанных из своих деревень, городское население Юга, состав-

ляет собой серьезное и актуальное научное исследование, интересное не только специалистам-демографам, но и широкому читателю.

*Е. С. БАЖЕНОВА,
А. П. СУДОПЛАТОВ*

лявшее в 1960 г. 20 % населения, в 1973 г. возросло до 43 %, а если сюда прибавить пригородные «центры для беженцев» — до 65 % населения (с. 14—15).

Что касается Лаоса, то авторы правильно указывают: «...невозможно понять проблему беженцев, не принимая во внимание положение, в котором страна оказалась после 1975 г.: большая ее часть была разрушена американскими бомбардировками, экономическая инфраструктура практически отсутствовала, рисовые поля были заброшены, поголовье скота приходилось восстанавливать буквально с нуля, население было рассеяно, поколению 20—30-летних устроили основательное кровопускание, единства всех лаотянцев только предстояло добиваться» (с. 214).

Проведенный авторами анализ социальной и профессиональной принадлежности лиц, выехавших, например, из Вьетнама, показывает, что из страны бежали в первую очередь те, кто не сумел или не захотел вписаться в новую структуру общества: бывшие военные, деклассированные элементы, безработные, отказавшиеся поехать в новые экономические районы, интеллигенция старого склада (ее удельный вес в числе выехавших много больше, чем доля в южновьетнамском обществе). Необходимо, впрочем, оговориться, что многие «беженцы» лишь выдавали себя за врачей, инженеров, агрономов, техников и т. д. Дело в том, что «принимающие страны» в первую очередь впускали специалистов и квалифицированную рабочую силу. То есть, распинаясь о гуманизме и «скорбях» о бедах населения Южного Вьетнама, они занимались «импортом мозгов» (с. 23).

Важнейшую роль в поощрении бегства людей из Вьетнама сыграла западная пропаганда. «Любая новость о расширении помощи беженцам ощущалась... как дополнительный стимул, чтобы покинуть страну» (с. 39). «Международное сообщество (имеются в виду враждебные народам Индокитая силы.— И. Г.) сделало все возможное, чтобы поощрить выход утлых суденышек с беженцами в море»,— пишут по этому поводу авторы (с. 43).

Значительную часть выехавших из государств Индокитая составляли, как известно, хуацяо. Выводы авторов исследования подтверждают, что причиной выезда хуацяо из Южного Вьетнама были социально-экономические преобразования в сфере торговли и промышленности, именские целью поставить под контроль государства частный бизнес (а хуацяо держали в своих руках 80 % торговли и банковского дела) (с. 16).

Авторы исследования отдают все же дань расхожим утверждениям, что немаловажной причиной бегства из Вьетнама и Лаоса были попытки «вырваться от коммунистического тоталитаризма», «полицейской слежки», «обрести свободу» и т. п. Однако приводимые ими на этот счет свидетельства эмигрантов звучат весьма неубедительно. В самом деле, подобная аргументация не может объяснить тот простой факт, что из полпотовской «Демократической Кампучии» гораздо больше людей бежало во Вьетнам (по одним данным, 150 тыс. человек, а по другим — значительно больше), чем в Таиланд — «оазис свободы и демократии» (лишь 45 тыс. человек) (с. 69).

В качестве одной из причин эмиграции из Лаоса на Западе указывалась и такая, как «вьетнамское присутствие». По этому поводу составители докладов, однако, вынуждены констатировать: «Вьетнамцы всячески старались так расквартировать свои войска, чтобы поменьше контактировать с местным населением. Очень многие из опрошенных беженцев (а тут данные весьма репрезентативны) свидетельствуют, что никогда вообще не видели вьетнамцев» (с. 199).

В книге, в целом отличающейся спокойным подходом и стремлением дать реальную оценку дел, явно выделяется в худшую сторону доклад о мео (хмонгах), бежавших в Таиланд. Вопреки общезвестным фактам в нем утверждается, что хмонги-горцы всегда жили не вмешиваясь в политику или войну, а их единственной заботой было вырастить достаточно продовольствия на пропитание своей семье и побольше опиума в качестве лекарства от ревматизма, а также для обмена на самое необходимое (с. 236). Однако хорошо известно, что французская колониальная администрация, а позднее лаосские правые использовали подкупленную племенную верхушку мео для формирования групп «коммандос», выявлявших и уничтожавших отряды Патет-Лао. Позднее «специальные войска» из мео, созданные и полностью оплачивавшиеся непосредственно из бюджета ЦРУ, стали ударной силой в борьбе против лаосских патриотов.

Представляют значительный интерес имеющиеся злободневное политическое звучание доклады о беженцах из Кампучии. При этом авторы подчеркивают, что характер бегства людей из полпотовской «Демократической Кампучии» и в первые годы после ее краха коренным образом отличается от эмиграции из СРВ и ЛНДР. Они выделяют три периода бегства от полпотовцев: первые дни (в основном китайские торговцы), первые две недели («идеологические причины»), а затем — «все без исключения слои общества» («идеологические и иные причины исчезают, все перекрывает ужас и попытка просто спастись») (с. 65, 126).

Полпотовский геноцид (людям было казненно больше, чем погибло от голода и болезней) делал бегство единственной альтернативой смерти или медленному, длившемуся не-

сколько лет умиранию, пыткам и казням в руках полпотовских тонтои-макутов. Однако тот факт, что лишь немногие пытались бежать из страны, авторы объясняют не столько тем, что полпотовцы контролировали дороги, сколько тем, что кхмеры ждали, что называется, «до последнего», когда бежать уже не было ни возможностей, ни сил. Свою роль сыграл и парализующий ужас перед режимом Пол Пота, который обращался с населением «так, как редко с кем обращались в истории человечества» (с. 109).

Среди трудностей бегства, помимо дальнего расстояния, были дистрофия, отсутствие пищи и медикаментов, в особенности против малярии, репрессии «красных кхмеров», патрулировавших местность, незнание дороги. С 1977 г. ситуация еще более осложнилась. Полпотовцы заражали источники питьевой воды, минировали и патрулировали границы, устраивали западни с заостренной бамбуковой лучиной. Группы тайландских грабителей рыскали вдоль границы, тайландская погранохрана зачастую расстреливала пытавшихся перейти границу (с. 67, 127).

Во Вьетнаме же беженцы из «Демократической Кампучии» встречали благожелательный прием. С июля-августа 1975 г. большие группы кхмеров, перешедших границу, размещались в специальных лагерях, одним из которых стал большой храмовый комплекс вблизи Хошимина. Беженцы могли найти себе средства к существованию и за пределами этих лагерей, для чего выставляли соответствующие документы (с. 129).

Кхмеры признают авторы, могли свободно переходить границу с Вьетнамом и после 7 января 1979 г. Многие делали это в поисках родственников или просто переживая, когда в Кампучии улучшится положение с продовольствием. Жить им позволялось не только в лагерях, но и в семьях кхмеров или вьетнамцев, которые соглашались их принять. Начиная с 21 декабря 1979 г. вьетнамские власти стали поощрять возвращение беженцев в Кампучию, подчеркивая, что отныне те, кто хочет остаться в СРВ, должны жить в специальных лагерях (с. 86).

После того как в Пномпень вступили войска сил освобождения, можно было ожидать, пишет в своем докладе М. Мартэн, прекращения притока беженцев и, более того, возвращения беженцев из Таиланда обратно в Кампучию. Произошло, однако, обратное. Количество беженцев значительно увеличилось (с. 69). Это дало повод для многочисленных спекуляций о том, что вьетнамские войска стоняли-де население с земли, конфисковали продовольствие, вызвав голод, пытались обезлюдить Кампучию, чтобы заселить ее своим «избыточным населением», и т. п. Французские исследователи, опросившие тысячи кхмеров о мотивах их бегства, утверждают с полной уверенностью: «В течение по крайней мере целого года — с января по декабрь 1979 г. — причиной бегства являлись последствия полпотовщины, которые просто сработали с неко-

торым замедлением, что верно по крайней мере для 80 % случаев. Бежали те, кто хотел это сделать в течение четырех лет, но не смог. Но и после 1980 г. мотивы тех, кто бежал, напрямую связаны с режимом Пол Пота — прежде всего это страх перед возвращением полпотовцев» (с. 136). «Могут ли крестьяне спокойно выращивать рис и не опасаться за свой урожай? Не будут ли они бояться репрессий солдат красных кхмеров, подобных тем, что они уже увидели в 1979 г. и после?» — спрашивает М. Мартэн. «Опыт говорит, что они предпочитают бежать из страны. Население клянёт этот режим, от которого оно столь пострадало и который оно ни за что не хочет вновь видеть у власти в Пномпене. Единственная политическая альтернатива ему — присутствие вьетнамских войск» (с. 99).

Важнейшей причиной, по которой массы беженцев появились на границах Таиланда и Вьетнама, был голод, обрушившийся на Кампучию. Хотя в 1979 г. риса в стране в принципе должно было хватить, чтобы дотянуть до нового урожая, он в основном кончился уже к марту (с. 156). Дело в том, что перед отступлением полпотовцы сожгли склады риса возле Пномпена, Баттамбанга и в других местах, закопали рис, побросали его в пруды, взорвали дамбы, подорвали немногочисленные насосы и водоподъемные сооружения, разрушили каналы.

В числе других мотивов бегства кхмеров указывается на «страх перед вьетнамской оккупацией» (с. 136). Существовало убеждение, что вьетнамцы, которых полпотовская пропаганда изображала как «традиционных врагов», окажутся такими же жестокими, как «красные кхмеры» (с. 128). Многие опасались, что вьетнамские части будут действовать так же, как и «красные кхмеры» (короткий период «свободы», после чего последует перепись населения, а затем репрессии и казни). Этим, кстати, объясняется, что многие представители интеллигенции, военнослужащие лонноловского режима и др. в течение года и более не сообщали о том, кто они такие, маскируясь под крестьян.

Ж. Эллюль в этой связи замечает, что в 1979 г. бежали от Пол Пота, после 1980 г.

бежали от Пол Пота, голода и «вьетнамцев», но в 1979 г. бежало 700 тыс. человек, а в 1980 г. — только 60 тыс. Провалился прогноз американского посольства в Бангкоке, которое предсказывало, что только в феврале 1980 г. в Таиланд должен был прибыть миллион беженцев. «Тем не менее этот прогноз использовался для дискредитации режима в Пномпене и пропагандистских утверждений о том, что Вьетнам стремится двигаться все дальше и дальше, вплоть до Малайзии» (с. 152).

Страну покинуло немало хуацяо, которым не разрешили заниматься «коммерцией» (с. 73). Среди них были и представители интеллигенции. Некоторые авторы подбрасывают, впрочем без особого нажима, мысль о том, что они не ужились с новыми властями. Другие же пишут, что эти представители интеллигенции «ничего не имеют против порядков, но захотели покинуть место, с которым у них было связано столько страданий» (с. 76). «Они настолько истерзаны четырьмя годами мучений, что сейчас предпочитают переждать несколько лет за границей» (с. 99).

После 1980 г. относительно небольшое число беженцев из Кампучии, пишут французские авторы, покинуло страну в основном в поисках более зажиточной жизни, а также из-за личных конфликтов с властями (с. 128). Таким образом, авторы фактически признают, что из Кампучии эмигрируют в основном те, кто не нашел себе места в новом обществе, не готов или не способен приспособиться к трудным временам периода национального возрождения.

В настоящее время проблема «беженцев» из стран Индокитая теряет былую остроту. Происходит это прежде всего потому, что для государств Индокитая наиболее трудные времена остались позади, а также благодаря проникнутой доброй волей конструктивной позиции правительств Вьетнама, Лаоса и Кампучии. В конечном счете это признают и составители рецензируемого исследования.

И. С. ГАЛИЧЕВ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ДОКУМЕНТЫ.

Постановление 6-го Пленума ЦК КПК (12-го созыва)

Руководствуясь стратегической установкой XII Всекитайского съезда КПК на всемерное строительство социалистической духовной культуры наряду со строительством материальной культуры, а также духом решений Всекитайской партийной конференции 1985 года, требованиями проводимой ныне глобальной реформы, 6-й Пленум ЦК КПК 12-го созыва рассмотрел и обсудил достижения в строительстве духовной культуры за последние годы и стоящие перед нами в этом отношении вопросы. Пленум считает, что дальнейшее развернутое разъяснение руководящего курса в строительстве социалистической духовной культуры и усиление работы в этой области имеют важнейшее актуальное и перспективное значение для обеспечения успешного развития дела социалистической модернизации.

1. Стратегическое место строительства социалистической духовной культуры

Общая схема нашей социалистической модернизации такова: взявшись за экономическое строительство как за центральное звено, твердо и решительно проводить реформу хозяйственной системы, реформу политической структуры, усиливать строительство духовной культуры при взаимосокоординировании и взаимостимулировании всех этих аспектов. Именно с такой высоты все товарищи в нашей партии должны правильно оценивать стратегическое место строительства социалистической духовной культуры.

Направляемая марксизмом социалистическая духовная культура являет собой важную характерную черту социалистического общества. При социализме материальная культура создает материальные условия и предоставляет практический опыт для развития духовной культуры, а последняя в свою очередь дает духовный импульс и интеллектуальное обеспечение развитию материальной культуры, служит надежной идеологической гарантией ее развития по правильному пути. Строительство социалистической духовной культуры — дело большой важности, от него зависит судьба социализма.

Со времени 3-го Пленума ЦК 11-го созыва по мере успешного выправления ошибочного и восстановления правильного, развертывания всеобщей реформы и развития строительства материальной культуры существенные сдвиги были сделаны и в области строительства социалистической духовной культуры. Наша партия, расковав свое сознание и отстояв идеологическую линию реалистического подхода к делу, развил дальше научный дух и творческую силу марксизма, прорвала заслон закоряченных представлений и подняла на новую ступень понимание социализма. В стране создалась обстановка стабильности и сплоченности, шаг за шагом совершенствуется демократия и законность, заметно возросла активность широких слоев кадровых работников и народных масс. Широко развертываются массовые мероприятия по духовно-культурному строительству, накоплен многообразный свежий опыт. Уважение к знаниям, к знающим людям становится нормой общественной жизни, все более намечается процветание в области просвещения, науки и культуры. Развиваются лучшие традиции партии, улучшаются партийный стиль и общественная атмосфера. Это главная сторона дела. Вместе с тем надо видеть, что строительство духовной культуры во многом не отвечает требованиям социалистической модернизации, проведения реформ и расширения внешних связей; недостаточно осознается важность духовно-культурного строительства; не совсем еще разрешен вопрос о руководящем курсе в практической работе; в партии и обществе наблюдаются серьезные негативные явления, ликвидация которых требует от нас больших усилий. Лишь всесторонне оценя состояние духовно-культурного строительства, полностью осознав актуальность активизации строительства духовной культуры и необходимость приложения в этом деле длительных усилий, можно твердо и решительно поднять эту работу на должную высоту, в противном случае понесет урон все наше дело в целом.

Осуществление реформ представляет собой самосовершенствование и развитие социалистического строя. Их развертывание во всех сферах красноречиво свидетельствует об огромных переменах, происшедших в жизни нашей страны за последние годы. Всесторонние реформы и расширение внешних связей придают делу социализма огромную жизненную силу, служат мощным толчком строительству духовной культуры. По мере развития социалистического товарного хозяйства и совершенствования социалистической демократии происходят глубокие изменения в сознании и духовном состоянии людей и вместе с тем выдвигаются новые, более высокие требования к духовному и культурному строительству. Сумеем ли мы в соответствии с этими требованиями сформировать общественное мнение в пользу

социалистической модернизации и глобальной реформы, необходимые ценностные воззрения, культурные условия и социальную среду, сумеем ли мы действительно противостоять тлетворной буржуазной и феодальной идеологии, не сбиться с верного пути, сумеем ли мы добиться того, чтобы народы нашей страны преисполнились огромного энтузиазма, творческой инициативы и усилиями нескольких поколений построили социалистическую современную державу, — все это ставит перед нами серьезное историческое испытание. Надо верить, что если только, при наличии правильного руководства партии, направляющей роли марксизма, основных атрибутов социалистической экономики и основных социалистических экономических установок, при наличии народно-демократической власти и социалистической законности, особенно при решительной поддержке социалистического строительства и реформ со стороны широких народных масс, мы будем наряду со всемерным форсированием строительства материальной культуры усиленно создавать социалистическую духовную культуру, то наша цель — осуществление социалистической модернизации — непременно будет достигнута.

Словом, стратегическое место строительства социалистической духовной культуры обуславливает, что оно должно способствовать делу социалистической модернизации, содействовать проведению всесторонних реформ и расширению внешних связей, неуклонно следовать четырем основным принципам. Таков основной руководящий курс в строительстве социалистической духовной культуры.

2. Коренные задачи строительства социалистической духовной культуры

Коренные задачи строительства социалистической духовной культуры состоят в том, чтобы в соответствии с требованиями социалистической модернизации воспитать наших людей целеустремленными, нравственными, культурными и дисциплинированными социалистическими гражданами, поднять сознание и моральные качества, научный и культурный уровень всей китайской нации.

Качественное состояние людей, являясь продуктом истории, в то же время оказывает могучее воздействие на ход истории. В условиях социализма всемерное улучшение качественного состояния всех граждан неизбежно приведет к росту производительности общественного труда, к непрестанному развитию новых взаимоотношений между людьми, основанных на общественной собственности, к глубокому изменению облика всего общества. В этом заключается необходимое условие успешного осуществления социалистической модернизации в нашей стране.

Строительство духовной культуры, охватывающее работу как в сфере идеологической и нравственной, так и в сфере просвещения, науки и культуры, пропитывает собой все области строительства материальной культуры и воплощается во всех сторонах экономической, политической, культурной и общественной жизни. Поэтому задача строительства духовной культуры лежит не только на органах идеологической и культурно-просветительской работы, но и на всех ведомствах всех фронтов строительства, является общей и долговременной задачей всей партии, всей армии, всех рабочих, крестьян, интеллигенции и других труженников и патриотов нашей многонациональной страны.

После завершения в основном социалистических преобразований в нашей стране серьезным промахом нашей партии на протяжении многих лет было то, что она не перенесла центра тяжести работы на экономическое строительство, а по-прежнему продолжала ставить во главу угла классовую борьбу, пренебрегала строительством в области просвещения, науки и культуры, чрезмерно преувеличивала серьезность классовой борьбы в области идеологии, что привело в конечном счете к такой смуте, как «культурная революция». Подытожив исторический опыт, наша партия со всей четкостью указала, что главным противоречием нашего общества на нынешнем этапе является противоречие между растущими материальными и культурными потребностями народа, с одной стороны, и отсталым общественным производством, с другой, что классовая борьба хотя и будет еще долго существовать в известных рамках, но больше уже не представляет собой главного противоречия и что противоречия нашего общества в большинстве своем не носят характера классовой борьбы. Усилия строительства духовной культуры, необходимо крепко помнить уроки истории, правильно разрешать многообразные противоречия социалистического общества, в разрешении вопросов идеологического порядка неизменно полагаться на такие методы, как обсуждение, приведение доводов, критика и самокритика, другими словами, прибегать к методам воспитания и убеждения. Следует во всем делать упор на строительство, сосредоточить внимание на сплочении народа, на полном выявлении его социалистической активности и творческой инициативы, на удовлетворении его культурных и духовных запросов, на усилении строительства в идеологическом и нравственном плане, а также в области просвещения, науки и культуры и в конечном счете на всемерном стимулировании развития общественных производительных сил.

История всего мира и Китая нового времени свидетельствует о том, что при отказе от заимствования передовой зарубежной науки и культуры невозможны развитие и прогресс

ни одного государства, ни одной нации. Отгораживание от внешнего мира может привести только к застою и отсталости. Мы решительно отвергаем буржуазную идеологию и капиталистический строй, отстаивающие эксплуатацию и угнетение, отвергаем все то тлетворное и прогнившее, что присуще капитализму. Вместе с тем необходимо преисполниться твердой решимости и приложить огромные усилия для того, чтобы овладеть передовой наукой и техникой, опытом хозяйственного и административного управления, имеющими всеобщее значение, а также всем полезным, что есть в культуре зарубежных стран, в том числе и развитых капиталистических стран, к тому же проверять и развивать их в практической работе. Поступить иначе было бы невежеством, ибо тогда осуществление модернизации было бы невозможным. Расширение сношений с зарубежными странами является одной из незыблемых основных политических установок нашей страны, которая благоприятствует созданию как материальной, так и духовной культуры.

Китайская нация — великая нация с многотысячелетней историей и культурой, которая веками шла впереди в истории древней цивилизации. Она отстала в период новой истории из-за гнилости феодального строя и агрессивии империализма. Революция 1911 года, движение «4 мая» и великая народная революция, руководимая КПК, круто изменили историю Китая. После создания нового Китая началось возрождение великой китайской цивилизации на основе социализма. Со времени знаменательного 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва наша страна вступила в новый период исторического развития, что придало возрождению новую могучую жизнеспособность и силу. В ходе этого возрождения будет создана не только высокоразвитая материальная культура, но и высокоразвитая социалистическая духовная культура, которая, руководствуясь марксизмом, критически наследуя исторические традиции, будет в полной мере воплощать дух эпохи, будет твердо стоять на собственной почве и в то же время обращена лицом ко всему миру.

3. Общими идеалами цементировать и поднимать многонациональный народ

Общим идеалом нашего многонационального народа на нынешнем этапе является построение социализма с китайской спецификой и превращение нашей страны в современное социалистическое государство с высокоразвитой культурой и демократией. Наша страна по своему экономическому уровню достигнет к концу нынешнего столетия «среднего достатка», а к середине следующего века приблизится к уровню развитых стран мира. В этом общем идеале концентрируются интересы и чаяния рабочих, крестьян, интеллигенции и других тружеников, патриотов нашей страны. Это наше мощное духовное оружие политического, морального и духовного сплочения и единства всего народа, преодоления любых трудностей и завоевания победы. Во имя осуществления этого общего идеала нужно уважать, оберегать и развивать все те позитивные взгляды и стремления, которые благоприятны для осуществления четырех модернизаций, возрождения китайской нации и объединения родины, содействуют национальному сплочению, социальному прогрессу, счастью народа и направлены на создание лучшей жизни собственным честным трудом. Таким образом, в вопросе сплочения всех сил, которые могут быть сплочены на строительство социализма, можно будет действительно преодолеть ту узость взглядов, которая на протяжении длительного времени наносила огромный вред делу сплочения, добиться того, чтобы тесно сплотились все коммунисты и некоммунисты, марксисты и немарксисты, верующие и неверующие, соотечественники внутри и вне страны, словом, чтобы все труженики, все патриоты активизировались и включились в борьбу во имя достижения общих идеалов.

Высшим идеалом нашей партии является создание коммунистического общества, в котором осуществляется принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Этот идеал был и остается источником силы и духовной опорой наших коммунистов и передовых элементов. А построение социализма с китайской спецификой есть необходимая стадия в осуществлении высшего идеала. Борьба за построение социализма с китайской спецификой для нас, коммунистов, и есть борьба за высшие идеалы партии, кто не проявляет преданности и энтузиазма в нынешней реальной борьбе, тот, сознавая или не сознавая этого, порывает с высшим идеалом партии и не является сознательным борцом за коммунизм. Поэтому коммунисты, комсомольцы и передовые элементы должны вместе с широкими массами рабочих, крестьян и интеллигенции увязывать общие идеалы с целями развития и задачами строительства каждой данной отрасли, района и коллектива, с обязанностями на каждом трудовом посту и с устремлениями в жизни, преисполниться решимости вести строительство, преобразования, упорно и самоотверженно бороться, трудолюбиво и бережливо строить государство, надежно и по-деловому заниматься созданием. В наше время почетом окружают всех тех, кто, проявляя упорство и непоколебимость в преодолении любых трудностей, вносит выдающийся вклад и служит замечательным образцом в деле строительства и защиты родины.

Чем значительнее наши успехи в деле социалистической модернизации, тем тверже вера широких народных масс в осуществление наших общих идеалов. Наши реальные достижения

в деле строительства и в ходе преобразований, а также собственный опыт масс надо умело использовать и вести наглядное воспитание в духе наших идеалов. Вместе с тем нужно, применяя многообразные формы, помочь широким слоям кадровых работников и масс, особенно молодежи, шаг за шагом глубоко овладеть марксистским мировоззрением и законами общественного развития, знать замечательную историю и революционные традиции нашей нации, понесенные ею тяжелые бедствия в последнее столетие и ее героическую борьбу против империализма и феодализма, помочь им осмыслить прогресс и противоречия современного мира, а также перспективы человечества и тем самым усилить чувство национального достоинства и гордости, веру в силы своей нации, подвести под наши идеалы научный фундамент.

Наш патриотизм тесно связан с интернационализмом. Развитие и прогресс Китая — составная часть всего мирового развития и прогресса. В ходе общения с народами зарубежных стран китайский народ неизменно следует принципам мира и дружбы, равенства и взаимной выгоды, взаимной поддержки и учебы. Победа дела социалистической модернизации в Китае будет вкладом в дело борьбы против гегемонизма, в защиту мира во всем мире, за прогресс человечества.

4. Утверждать и развивать нормы социалистической морали

Основные требования социалистической нравственности включают любовь к родине, к народу, к труду, к науке и к социализму. Надо, чтобы эта любовь проявлялась во всех сферах общественной жизни, чтобы между всеми национальностями страны, между рабочими, крестьянами и интеллигенцией, между армией и населением, между кадровыми работниками и массами, в семье и между соседями, а также во всех взаимоотношениях внутри народа установились и развивались социалистические отношения нового типа, отношения равенства, сплочения, дружбы и взаимопомощи.

Мораль представляет собой отражение экономического базиса, а не абстрактное понятие, оторванное от хода исторического развития. В нашей стране, находящейся на первоначальной стадии социализма, нужно не только осуществлять принцип распределения по труду, развивать социалистическое товарное хозяйство и конкуренцию, но и в течение довольно длительного исторического периода развивать многоукладную экономику при доминировании общественной собственности, поощрять приход к зажиточной жизни сначала части людей в целях достижения всеобщей зажиточности. В этих исторических условиях в деле нравственного строительства в масштабах всей страны признается вытекающая из вышесказанного рациональная разница в сфере распределения, поощряется в народных массах социалистический дух коллективизма, сочетающий интересы государства, коллектива и личности, уважение интересов целого, честность и верность слову, дух взаимопомощи и дружбы, а также помощь бедным. Социалистической морали чужды корыстолюбие, туеядство, кредо «деньги превыше всего», злоупотребление властью, мошеннические проделки, вымогательства и все подобные взгляды и действия. Она вовсе не отрицает принципа распределения по труду и товарного хозяйства, а потому нельзя принимать уравниловку за норму нашей общественной морали, наряду с этим следует отметить, что социализм представляет собой поступательное историческое движение к высшей фазе — коммунизму. Передовые люди нашего общества во имя интересов и счастья народа, во имя идеалов коммунизма идут впереди своего времени, смело прокладывают путь вперед, самоотверженно борются ради общественных интересов, отдают общему делу все свои силы, а если понадобится — и жизнь. Эта возвышенная коммунистическая мораль должна по-настоящему поощряться во всем обществе. Коммунисты, прежде всего руководящие кадры, должны неизменно показывать личный пример. Словом, в нравственном строительстве следует придерживаться реалистического подхода, поощряя передовых, считаться с большинством, прогрессивность следует увязывать с широтой охвата, только таким образом можно будет объединить и повести за собой людей различного уровня сознательности, выковать могучую духовную силу, способную цементировать миллиардный народ.

В нашем обществе во всех сферах деятельности следует уделять особое внимание воспитанию профессиональной этики. Прежде всего, кадровые работники партийных и государственных органов должны быть справедливыми, честными, преданными и активными; беззаветно служить народу, бороться против бюрократизма, очковтирательства, злоупотребления властью в корыстных целях. Особенно надо усилить воспитание профессиональной этики в тех предприятиях и организациях, которые в своей деятельности по обслуживанию бытовых нужд населения непосредственно соприкасаются с широкими народными массами. Надо выступать против и искоренять дурные поветрия, связанные со спецификой данной сферы деятельности. Каждый член нашего общества является объектом обслуживания и в то же время обслуживает других. Забота о людях, социальная стабильность и гармоничность межличностных отношений находятся в прямой зависимости от отношения к клиентам и качества обслуживания на каждом рабочем посту.

В нашей общественной жизни следует всемерно поощрять дух социалистического гума-

низма, уважения к человеку и заботы о человеке. Особое внимание надо уделять охране детей, уважению к женщине, почитанию престарелых, а также уважению к семьям погибших героев и прославленных военнослужащих, к инвалидам войны, заботе о сиротах, бездетных вдовцах и вдовах, об увечных. Надо соблюдать общественный порядок, быть культурными и вежливыми. Поощрять бережное отношение к общественному имуществу, охрану окружающей среды и природных ресурсов, сознательное исполнение своего долга перед государством и обществом. Смело выступать вперед и быть отважным в случае посягательства кем бы то ни было на государственную безопасность и общественный порядок.

В городах и деревнях нашей страны надо активно разворачивать деятельность по изменению обычаев и нравов, поощрять культурный, здоровый, соответствующий требованиям науки образ жизни, преодолевать все то невежественное и отсталое, что еще сохранилось в общественных обычаях и нравах. Отбросить все дикое и уродливое в свадебных и похоронных обрядах, покончить с феодальными суевериями и предрассудками. Эти преобразования должны проводиться самими массами на добровольной основе, при условии уважения здоровых народных обычаев и нравов. Коммунисты и комсомольцы должны быть инициаторами в этом деле.

Социалистическая мораль как новая ступень нравственного развития человечества в эпоху цивилизации, безусловно, должна критически наследовать все лучшие нравственные традиции в истории человечества и вести борьбу с разного рода тлетворными взглядами и моралью. В нашей стране глубоко укоренились нормы феодальной морали. Существующие по сей день в наших общественных отношениях пережитки патриархальщины, привилегированности, самоуправства, групповщины, уважения к мужчине и презрения к женщине, по существу, являются отражением злого наследия феодализма. Рабская идеология, порожденная полукOLONIALными общественно-историческими условиями, а также растленная идеология капитализма тоже пустили глубокие корни в нашей стране. Причем зачастую переплетаются с тлетворной феодальной идеологией. Поэтому предстоит трудная и длительная работа по преодолению во всех сферах общественной жизни вредного влияния прогнившей идеологии и морали.

5. Усиленно вести воспитание в духе социалистической демократии, законности и дисциплины

Высокоразвитая демократия является одной из великих целей социализма, а также важнейшим воплощением социалистической духовной культуры в государственной и общественной жизни. В истории человечества крупным его духовным раскрепощением явилось формирование идей о демократии и свободе, равенстве и братстве в ходе борьбы поднимающейся буржуазии и трудового народа против феодально-деспотического режима. Критические наследуя эти идеи буржуазии, марксизм в то же время принципиально отличается от них. Говоря по существу, буржуазная демократия стоит на страже капиталистического строя. Социализм на основе уничтожения классового гнета и эксплуатации открыл путь тому, чтобы народ стал полновластным хозяином страны и демократия была поднята на новую историческую высоту. Главный исторический урок в развитии социализма в нашей стране состоит, во-первых, в том, что не были сосредоточены все силы на развитии экономики, и, во-вторых, в том, что не велось действенное строительство демократической политической жизни. Со времени 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва наша партия неизменно подчеркивает, что без развития демократии не может быть социалистической модернизации, что нужно возвести демократию в систему и закон, что деятельность партии должна вестись в рамках конституции и законов и что нужно на деле осуществлять демократизацию политической жизни партии и государства, хозяйственного управления и всей общественной жизни. В последнее время ЦК, акцентируя внимание на реформе политической структуры, стремится к тому, чтобы на основе отставания партийного руководства и народно-демократической диктатуры и в соответствии с требованиями социалистической модернизации перестраивать и совершенствовать систему партийного и государственного руководства, расширять и дальше социалистическую демократию и укреплять социалистическую законность. Это крайне сложная работа, и ЦК будет последовательно вести ее при надлежащем руководстве на базе основательного обследования и разработанных мероприятий.

Демократия, законность и дисциплина неотделимы друг от друга. Социалистическая законность выражает волю народа, гарантирует его законные права и интересы, регулирует отношения между людьми, нормализует и регламентирует поведение людей, наказывает и карает за всякого рода беззакония, наносящие вред обществу. Законность, исключая социалистическую демократию, отнюдь не социалистическая законность; демократия, исключая социалистическую законность, отнюдь не социалистическая демократия. Только всемерное укрепление социалистической законности, основой основ которой является конституция, укрепление трудовой и рабочей дисциплины, непрестанная борьба против различных случаев зажима и подрыва демократии в реальной жизни могут стимулировать и гарантировать успешное развитие экономического строительства и всесторонних реформ и сохранение устойчивой стабильности и порядка в стране. Буржуазная либерализация, фактически отрицающая

социалистический строй и ратующая за капиталистический строй, в корне противоречит интересам народа и идет против течения истории, и широкие народные массы решительно отвергают ее.

Коренным вопросом усиленного строительства социалистической демократии и законности является воспитание людей. Надо воспитывать их, начиная с начальной школы, целеустремленными, нравственными, культурными и вежливыми, и наряду с этим воспитывать их в духе демократии, законности и дисциплины. Нужно непрестанно популяризировать элементарные знания о законах среди всего народа, усилить в народных массах социалистическое гражданское сознание, чтобы они понимали основные права и обязанности гражданина, знали законы и нормы дисциплины, имеющие прямое отношение к работе и жизни каждого, и выработали в себе хорошую привычку соблюдения закона и дисциплины. Все граждане обязаны блюсти конституцию, а члены партии, кроме того, обязаны соблюдать и устав партии. Равенство всех перед законом и дисциплиной и решительное недопущение существования особых лиц, стоящих над законом и дисциплиной,— таков незыблемый принцип в политической и общественной жизни нашей страны.

Народно-демократическая диктатура является мощным оружием защиты интересов народа и дела четырех модернизаций. Согласно закону, надо нанести удар по всем и всяким враждебным элементам, подрывающим наш социалистический строй, карать хозяйственных преступников и прочих уголовных преступников, запрещать и искоренять проституцию, наркоманию, азартные игры, распространение порнографической видеозаписи и литературы и другие противозаконные преступные акты, наносящие вред населению.

6. Сделать общедоступными просвещение, науку и культуру и повышать их уровень

Просвещение, наука, культура являются важным условием как создания материальной культуры, так и повышения уровня идейной сознательности и нравственности народных масс. В современном мире наука во все большей мере становится революционной силой, способствующей прогрессу истории, важным показателем уровня культуры нации. В осуществлении модернизации страны следует сознательнее опираться на науку, поощрять уважение к науке и жажду знаний, всемерно и по-деловому организовать дело распространения и развития просвещения, науки и культуры среди всего многонационального народа нашей страны.

Каждая отрасль культуры: просвещение, наука, литература и искусство, журналистика и издательское дело, радиовещание, телевидение, кинематография, здравоохранение, физкультура и спорт, охрана культурных памятников, библиотечное и музейное дело — играет свою важную роль. Необходимо, учитывая особенности нашей страны — обширность ее территории и неравномерное развитие экономики и культуры, — добиваться больших сдвигов во всех этих сферах деятельности. Особое внимание следует уделять просвещению и науке, этим стратегическим ударным участкам в осуществлении социалистической модернизации в целом, ибо при отставании их развития не может быть поставлено на должную высоту духовно-культурное строительство, более того, наше экономическое строительство лишится должного заряда. Государство должно обеспечивать их развитие как своими политическими установками, так и финансовыми средствами, к тому же мобилизовать на это все силы общества. Все районы обязаны составить конкретные планы развития дела культуры и обеспечить выполнение задач культурного строительства, равно как и выполнение задач экономического строительства.

Социалистический характер дела культуры в нашей стране требует рассматривать социальный эффект высшим критерием. Необходимо всемерно повышать качество духовной продукции в целях удовлетворения многообразных запросов народных масс, перестроив систему управления культурой, улучшать хозяйственное управление, содействовать бурному развитию дела культуры.

В строительстве духовной культуры на работников просвещения, науки и культуры возлагается почетная и трудная миссия. Они должны осознать требования времени и народа, непрестанно совершенствовать свои идеологические и моральные и деловые качества. Руководящие органы всех ступеней должны через различные каналы побуждать и организовывать интеллигенцию, чтобы она увязывала свою деятельность с богатой практикой народных масс в созидании новой жизни, широко привлекать ее к консультационным услугам и разработке кардинальных решений относительно дела строительства и реформы в различных областях; создавать благоприятные условия для ударных участков работы и для лиц, вносящих весомый вклад; морально и материально поощрять лучшую духовную продукцию и отличившихся работников, в частности следует учредить несколько категорий высших почетных наград за труды, отражающие научный и культурный уровень нашей нации. Во всех сферах практической работы воспитание уважительного отношения к знаниям, к специалистам, к знающим людям по-прежнему является большой проблемой, ожидающей своего дальнейшего разрешения. Действительное повышение положения интеллигенции и максимальное выявление ее роли, тесное сплочение и совместная борьба рабочих, крестьян и интеллигенции являются надежной гарантией того, что дело модернизации у нас непременно увенчается успехом.

7. Направляющая роль марксизма в строительстве духовной культуры

Твердо руководствоваться марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна есть основа основ в деле социалистической модернизации нашей страны и в строительстве социалистической духовной культуры. Марксизм, будучи научным мировоззрением рабочего класса и великим достоянием духовной культуры всего человечества, является теоретической основой дела социализма и партийного руководства, важнейшей составной частью социалистической идеологии и играет огромную направляющую роль в духовно-культурном строительстве в целом. Ни в формировании наших идеалов и стремлений, ни в нравственном и культурном строительстве, ни в утверждении идей демократии и законности не обойтись без руководства со стороны марксизма, без овладения марксистской теорией.

Марксизм — наука, которая непрерывно обогащается и развивается в поступательном движении истории и науки, он не исчерпывает истины, а непрерывно прокладывает путь познанию истины в ходе практики. Гигантские перемены, которые произошли и происходят в Китае и во всем мире, подтверждают великую жизнеспособность марксизма и вместе с тем требуют от нас творческого решения вновь возникающих проблем в свете основных принципов и методов марксизма. Наша задача в марксистской теоретической работе в новый период состоит в том, чтобы изучать новые обстоятельства, новый опыт и новые проблемы в деле социалистической модернизации и в глобальных реформах, ведущихся в сфере экономики, политики, культуры, общественной жизни и т. д., и выявлять закономерности в строительстве социализма с китайской спецификой. Наряду с этим нужно изучать новые перемены в современном мире, изучать различные идейные течения в наше время, критически заимствовать и обобщать новейшие достижения в различных областях науки. Марксизм может идти в ногу с жизнью и направлять ее развитие лишь в том случае, если мы будем исходить из реальной действительности, рассматривать практику единственным критерием истины и смело отбрасывать те суждения и выводы, неправильность которых подтверждена практикой и которые уже не отвечают изменившимся обстоятельствам, а не оценивать жизненные явления с точки зрения застывших концепций. Это и есть отстаивание марксизма и в то же время его развитие, что проявляется как единый процесс в практике революции и строительства. В отрыве от практики, от развития и творчества не может быть и речи об отстаивании марксизма. Не правы те, которые воспринимают марксизм как застывшую догму; не правы и те, которые отвергают основные принципы марксизма, объявляют его «устаревшим» и слепо преклоняются перед буржуазными философскими и социальными учениями.

Социализм на практике, дело модернизации и всеохватывающие преобразования представляют собой новое, исключительно сложное дело. Тут нет и не может быть готового рецепта. У нас в работе и по теоретическим вопросам постоянно возникают различные мнения. Необходимо неуклонно проводить в жизнь курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», поддерживать и поощрять смелый поиск и свободные дискуссии, ведущиеся на основе научных исследований, чтобы небывало оживить марксистские теоретические разработки и подвести под наши кардинальные решения более демократическую и научную основу. При принятии тех или иных политических установок и планов следует придерживаться принципа демократического централизма. В вопросах науки и искусства нужно, соблюдая принцип, предусмотренный конституцией, предоставлять свободу научно-исследовательской деятельности и литературно-художественного творчества, свободу дискуссий, критики и встречной критики. Тут мы задаемся целью правильно развертывать направляющую роль марксизма в отношении научно-исследовательской деятельности и литературно-художественного творчества, создать необходимую для развития науки и культуры спокойную обстановку сплоченности, атмосферу демократии и гармонии, чтобы наша наука и культура еще лучше служили народу и делу социализма.

Кадровые работники-коммунисты, в частности руководящие кадры и работники идеологического фронта, должны первыми взяться за добросовестное изучение марксизма. Без серьезного изучения марксизма не может быть и речи об его отстаивании и развитии. Следует активно поощрять изучение марксизма и среди народных масс, особенно среди молодежи. Овладение основными положениями марксизма должно увязываться с пропагандой линии, политических курсов и установок партии, текущей политики и революционных традиций, с освоением историко-культурных и научных знаний и с идеологическим состоянием народных масс. Надо покончить с пренебрежительным отношением к изучению марксистской теории и с такими недостатками в учебе, как отрыв от действительности и шаблонные формы.

8. Долг партийных организаций и членов партии в строительстве духовной культуры

Рабочий класс является руководящим классом в нашей стране. Коммунистическая партия Китая, будучи авангардом рабочего класса, является центральной силой, руководящей нашим делом социалистической модернизации. В строительстве духовной культуры партийные орга-

низации всех ступеней и широкие массы коммунистов обязаны, во-первых, повышать свою духовную культуру и прилагать особые усилия к улучшению партийного стиля; во-вторых, своим личным примером и кропотливой работой организовывать и стимулировать строительство духовной культуры во всем обществе.

От того, каков стиль партии, зависит само ее существование. Наша партия стоит у руля государственной власти в стране, поэтому, беззаветно ли служат народу кадры-партийцы или же ведут себя по-барски, используют свое служебное положение в корыстных целях, хозяйничают и самоуправствуют над народом, это крайне важный вопрос в строительстве стиля партии. Со времени 3-го Пленума ЦК партии 11-го созыва благодаря выправлению ошибочного и восстановлению правильного и всестороннему упорядочению рядов партии мы добились заметных успехов в восстановлении и развитии замечательного стиля партии, для которого характерны соединение теории с практикой, тесная связь с массами и самокритика. Однако следует отметить, что борьба против дурных поветрий будет длительной, ее необходимо решительно и неуклонно вести и дальше, вести на протяжении всего периода реформ, расширения внешних связей и осуществления модернизации. Для утверждения здорового стиля партии идеологическое воспитание крайне важно, но не менее важно установление определенной системы и порядка. Необходимо энергично перестраивать и совершенствовать организационную систему и порядок работы партии, строго соблюдать партийную дисциплину партии, установить и усовершенствовать систему внутривнутрипартийного контроля и систему народного контроля, с тем чтобы все руководящие кадры находились под действенным контролем.

Коммунисты, прежде всего руководящие кадры, должны служить для народных масс образцом всегда и во всем: в упорной работе, прилежной учебе, в свободной от пустословия деловитости, в решительном проведении реформ и смелых начинаниях, в защите интересов масс и в руководстве массами в деле достижения зажиточности за счет честного труда, в соблюдении закона и дисциплины и борьбе с порочными поветриями, правонарушениями и преступлениями, одним словом, быть образцом в строительстве материальной и духовной культуры. Партийные организации должны регулярно обсуждать вопрос о том, играют ли коммунисты образцовую роль, вести проверку, отмечать передовых и подстегивать отстающих.

Неослабно вести строительство как материальной, так и духовной культуры в соответствии с новой обстановкой — такова новая задача, стоящая перед всей партией. Партийные органы всех ступеней, от центральных до низовых, обязаны уделять больше времени и сил усилению руководства строительством духовной культуры. Надо стараться находить закономерности, изучать и сверять политические установки, организовывать и координировать силы различных сторон, по-деловому и основательно вести работу и не допускать формализма.

Идейно-политическая работа служит действенной гарантией успеха в хозяйственной деятельности и в других областях. Стремясь быть на уровне требований нового периода, необходимо найти новые методы ведения идейно-политической работы. Всем кадровым работникам, в какой бы сфере они ни подвизались, следует вести работу с людьми. Руководящие кадры должны постоянно идти в гущу рабочих, крестьян и интеллигенции, советоваться с массами в разрешении идеологических и практических вопросов, которые заботят всех. Следует создать компактный и оперативный отряд идейно-политических работников, заботиться о них и помогать им в работе, побуждать их непрерывно повышать свой идейный и профессиональный уровень, чтобы они своей плодотворной работой и душевной заботой о людях стяжали доверие масс и в полной мере выявили огромную роль идейно-политической работы.

Настоящее постановление делает упор на дальнейшем разъяснении руководящего курса в строительстве духовной культуры в связи с новой обстановкой. Партийные организации всех ведомств, мест, предприятий и учреждений должны увязать руководящий курс ЦК партии с реальным положением, разработать конкретные меры и планы. ЦК усилит руководство этой работой.

Народно-освободительная армия Китая является великой стальной стеной, стоящей на страже родины, важнейшей силой в строительстве страны, армией с высокой идейной сознательностью, лучшими моральными качествами и строгой организованностью и дисциплиной, ее духовное влияние на весь наш многонациональный народ огромно. Наша армия должна усилить духовное и культурное строительство своих рядов и активно участвовать во всенародном строительстве духовной культуры. Согласно духу настоящего постановления и учитывая особенности армии, военный совет ЦК КПК разработает конкретный план проведения этой работы.

Пленум призывает все партийные организации и всех членов партии серьезно изучить и обсудить данное постановление, повысить понимание и прийти к идейному единству, действительно усилить работу по строительству социалистической духовной культуры и продвинуть вперед великое дело создания как материальной, так и духовной культуры и всеохватывающих преобразований.

*Пекин, Агентство Синьхуа,
28 сентября 1986 года*

Международная научная конференция «120-летие со дня рождения Сунь Ятсена»

13-14 октября 1986 г. в Москве состоялась научная конференция, посвященная 120-й годовщине со дня рождения великого китайского революционера-демократа, друга Советского Союза Сунь Ятсена. В конференции, организованной Институтом Дальнего Востока АН СССР, Институтом востоковедения АН СССР и Всесоюзной ассоциацией китаеведов, приняло участие свыше ста ученых и специалистов, представлявших различные китаеведческие центры нашей страны. В конференции приняла участие также делегация китайских ученых, в которую входили директор Института современной истории Академии общественных наук КНР, заместитель председателя Ассоциации по изучению Сунь Ятсена Лю Данянь, главный редактор издательства «Чжунхуа шуцзюй», ответственный секретарь Ассоциации китайской истории Ли Кань и директор Института мировой истории Академии общественных наук КНР Чжан Чунянь.

На конференции присутствовал посланник Посольства КНР в СССР Ли Фэнлинь.

С докладом «Сунь Ятсен и Советский Союз» выступил академик-секретарь Отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинский. Он подчеркнул, что выдающийся революционер-демократ Сунь Ятсен был искренним и последовательным другом Советского Союза. Его знакомство с революционным движением в России началось в 1896 г. и продолжилось в Японии в 1905—1906 гг. Огромное воздействие на Сунь Ятсена оказал опыт Великой Октябрьской социалистической революции и практика молодого Советского государства. Летом 1918 г. он отправил приветственную телеграмму В. И. Ленину, в которой поздравил его с победой революции. При встречах с представителями Коминтерна, в переписке с Наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным, в переписке и при личных встречах с главой второй дипломатической миссии РСФСР в Китае А. А. Иоффе, в переписке с главой третьей дипломатической миссии РСФСР, а затем полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом Сунь Ятсен живо интересовался опытом государственного, партийного, экономического и военного строительства страны Советов. Для детального изучения этого опыта осенью 1923 г. он направил в Москву специальную партийно-военную делегацию и одновременно пригласил в Гуанчжоу М. М. Бородину в качестве политического советника гуанчжоуского правительства и группу советских военных специалистов для организации офицерской школы.

Ознакомление с опытом российской революции, отметил С. Л. Тихвинский, наглядно показало Сунь Ятсену, что только идейно подготовленная партия может успешно возглавить работу за прекращение усобиц милитаристов, объединение страны, ликвидацию полукOLONиальной зависимости. На I съезде гоминьдана (1924) Сунь Ятсен изложил новую интерпретацию «трех народных принципов», придав им ярко выраженную антиимпериалистическую и антифеодальную направленность, выдвинул три политических установки: союз с СССР, сотрудничество с КПК, опора на крестьян и рабочих, призвал к всестороннему заимствованию и использованию опыта Советского Союза. Сунь Ятсен до конца своих дней вел непримиримую борьбу за единый, демократический, независимый Китай. Умирая, он завещал китайскому народу хранить нерушимую дружбу с советским народом.

Доклад директора Института Дальнего Востока АН СССР, доктора философских наук М. Л. Титаренко был посвящен анализу идей Сунь Ятсена о социальном прогрессе. В переломные этапы развития человеческого общества перед революционными силами и их идеологами неизбежно возникает вопрос о целях борьбы, о выборе пути достижения этих целей. В такие периоды на первый план так или иначе выступает идея социального прогресса, определение его целей, движущих сил. Подобная идея возникла и перед Сунь Ятсеном. Как подчеркнул М. Л. Титаренко, именно в трактовке идеи социального прогресса наиболее ярко проявились сильные и слабые стороны учения Сунь Ятсена, именно здесь он более всего приблизился к пониманию диалектики и движущих сил общественных процессов.

Понятие социального прогресса складывались у Сунь Ятсена под значительным влиянием древних идей о круговороте в природе, о единстве неба, земли и человека, о диалектическом взаимодействии сил «инь» и «ян». Особую роль сыграли социально-утопические концепции Мо Ди о «всеобщей любви», происхождении власти и государства, конфуцианская идея «великого единства» — «датун», идеи законопослушания легистов и духовного самосовершенствования буддистов. Сильное влияние на морально-гуманистический подход Сунь Ятсена к трактовке движущих сил общественного развития оказало знакомство с теориями западных просветителей, особенно американского социолога-моралиста Генриха Джорджа. Идеи нравственного примера как стимула совершенствования человека и государства были доминирующими у Сунь Ятсена вплоть до начала 20-х годов, отметил М. Л. Титаренко.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала глубокое идеологическое воздействие на Китай, на все потоки освободительного движения китайского народа. Именно под влиянием идей победоносной революции в России Сунь Ятсен, как отметил докладчик, в 20-е годы внес существенные коррективы в свою концепцию общественного прогресса: были уточнены в определенной степени понятия «счастливое китайское государство» будущего, «революция», приоритетное место в выступлениях и статьях заняли вопросы целей и задач китайской революции, союзников Китая в решении коренных проблем китайского общества.

В последние годы Сунь Ятсен сумел подняться до понимания неотложных целей и задач революции в Китае, направленной на ликвидацию колониальных оков и феодальных пут. Он глубоко осознал необходимость тесного союза с СССР и выступал горячим пропагандистом советско-китайской дружбы. Осенью 1923 г. в телеграмме Л. М. Карахану Сунь Ятсен писал: «Истинные интересы наших стран требуют выработки общей политики, которая дает нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободиться от политического и экономического рабства, навязанного международной системой, опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма».

Глава китайской делегации Лю Даянь в докладе «Время и люди» отметил, что вожди мирового пролетариата В. И. Ленин высоко оценивал деятелей китайской революции и, в первую очередь, Сунь Ятсена, внесшего неоценимый вклад в развитие отношений между нашими странами. Китайский народ глубоко чтит память великого соотечественника. Лю Даянь рассказал собравшимся о мероприятиях, проводящихся в Китае в связи со 120-летием со дня рождения Сунь Ятсена, об издании его произведений и работ, посвященных его жизни и деятельности.

С докладом «Сунь Ятсен и традиционное конфуцианство» на конференции выступил член китайской делегации Ли Кань. Он отметил, что на протяжении многих лет в различных исследованиях проводится мысль о том, что основой идеологических воззрений Сунь Ятсена являются идеи традиционного конфуцианства. Вместе с тем сопоставление его идеологической доктрины с канонами традиционного конфуцианства выявляет их противоположность. Есть основания говорить о том, подчеркнул докладчик, что Сунь Ятсен, критически восприняв некоторые элементы конфуцианства, новаторски преобразовал их в соответствии с задачами построения нового Китая.

Исследование жизни, деятельности и идеологического наследия Сунь Ятсена занимает одно из важных мест в работах советских и зарубежных ученых. Анализ масштабов и основных направлений работы в этой области в СССР и КНР были посвящены на конференции выступления кандидата исторических наук А. А. Волоховой и доктора исторических наук Л. П. Делюсина.

Как отметила А. А. Волохова, деятельность и взгляды великого китайского революционеро-демократа, его историческая роль нашли широкое отражение в советской научной литературе. Важное место в советском суньятсеноведении занимают работы по теме «Ленин и Сунь Ятсен» с изложением и анализом ленинских оценок Сунь Ятсена, методологического подхода В. И. Ленина к проблемам Китая. В первой половине 80-х годов советская литература о Сунь Ятсене пополнилась рядом значительных исследований (книга С. Л. Тихвинского «Завещание китайского революционера», монографии Г. В. Ефимова «Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914—1922», В. Н. Никифорова «Первые китайские революционеры», Г. Д. Сухарчука «Социально-политические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.», Л. Н. Борох «Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века)» и др.). В исследованиях последних лет продолжали развиваться направления, сложившиеся в 50—70-е годы: изучение идей и политической практики Сунь Ятсена на общем фоне истории Китая того времени и современной ему международной обстановки; изучение отдельных аспектов программы Сунь Ятсена и его борьбы за ее осуществление; анализ деятельности и взглядов Сунь Ятсена в контексте определенных политических явлений и идеологических течений в конце XIX — начале XX вв. Опубликованные книги и статьи о Сунь Ятсене позволяют глубже понять его вклад в развитие революционного движения и общественной мысли в Китае.

Советскими исследователями, отметила А. А. Волохова, немало сделано в плане изучения с марксистских позиций истории борьбы Сунь Ятсена за национальное освобождение Китая, подлинного значения заветов и наследия великого революционеро-демократа. Однако, считает она, не все проблемы, связанные с жизнью и деятельностью Сунь Ятсена, изучены достаточно глубоко. Ждут дальнейшей разработки вопросы соотношения традиционного и нового в идеологии Сунь Ятсена, его гуманистических взглядов. На повестке дня — создание книги, которая обобщила бы историю отношений Сунь Ятсена с Советским Союзом, а также его полной политической биографии, где были бы всесторонне изложены и оценены деятельность и взгляды Сунь Ятсена, революционный демократизм его программы, заботливо выделять, охранять и развивать который завещал великий Ленин.

В докладе Л. П. Делюсина отмечается возрастание интереса к политическим и социально-экономическим взглядам Сунь Ятсена в КНР после III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.). В стране расширяется масштаб научно-исследовательских работ, выход монографий и статей по данной теме, увеличивается и количество опубликованных произведений Сунь Ятсена. При этом заметно стремление китайских исследователей оценить деятельность Сунь Ятсена и его «три народных принципа» во всей их полноте и в контексте развития общественно-политической мысли Китая, а также в свете задач модернизации страны. Подчеркивая прогрессивность идей Сунь Ятсена о путях преодоления отсталости страны, достижения полной независимости и

создания предпосылок экономического развития Китая, китайские обществоведы одновременно отмечают, что он не выходил за рамки буржуазно-демократических взглядов и являлся буржуазным революционером.

В современной китайской историографии, отметил докладчик, «три народных принципа» Сунь Ятсена, как правило, анализируются и оцениваются с учетом их эволюции, при этом подчеркивается влияние Октябрьской революции, движения «4 мая» и линии КПК на изменение социально-политического содержания «трех народных принципов», их дальнейшую революционизацию. В большинстве работ положительно оценивается роль Сунь Ятсена в развитии связей с Советским Союзом и Коминтерном, в организации сотрудничества с КПК.

Тема сотрудничества китайских коммунистов с Сунь Ятсеном и создания единого антиимпериалистического фронта в Китае была затронута в сообщении доктора исторических наук М. Ф. Юрьева и кандидата исторических наук А. В. Панцова. Как подчеркнули докладчики, создание единого фронта стало возможным потому, что в 1921—1923 гг. происходило сближение точек зрения Сунь Ятсена и китайских коммунистов по основным вопросам внутренней и внешней политики. С одной стороны, Сунь Ятсен, испытывая влияние Октябрьской революции, все более глубоко понимал необходимость участия масс в революции и жизненно важное значение союза с Советской Россией. С другой стороны, китайские коммунисты при помощи Коминтерна выработали в основном правильный подход к проблеме единого фронта и, в частности, к сотрудничеству с Сунь Ятсеном. Создание единого фронта стало одной из важных предпосылок успешного развития революции сначала в Гуандуне, а затем и в масштабах всей страны.

Большой интерес на конференции вызвали сообщения, посвященные контактам Сунь Ятсена с дореволюционной Россией, а также с СССР (Р. А. Мировицкая, К. В. Шевелев, Ф. Б. Белелюбский и Е. И. Чапкевич, А. Н. Хохлов). В ряде выступлений были затронуты различные аспекты идеологического наследия революционера-демократа (Л. А. Березный, Л. Н. Борох). Нашли отражение на конференции вопросы, связанные со взглядами Сунь Ятсена на экономическое развитие страны (А. Д. Дикарев, Е. А. Коновалов, А. А. Писарев), и многие другие.

В целом конференция показала, что в нашей стране глубоко чтят память великого китайского революционера-демократа, с уважением относятся к его теоретическому наследию, изучение которого занимает одно из важнейших мест в исследованиях советских востоковедов. Участие же в конференции китайской делегации еще раз продемонстрировало широкие перспективы сотрудничества между советскими и китайскими учеными.

В. В. АРУНОВ

Конференция «VIII съезд КПК и его значение в истории КНР»

24 сентября 1986 г. Институт Дальнего Востока АН СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт востоковедения АН СССР, Институт международного рабочего движения АН СССР, Общество советско-китайской дружбы и Всесоюзная ассоциация китаеведов провели совместную научную конференцию, посвященную 30-летию VIII съезда Компартии Китая.

Конференцию открыл председатель Центрального правления Общества советско-китайской дружбы академик С. Л. Тихвинский. Он подчеркнул, что VIII съезд Коммунистической партии Китая занял особое место в истории партии и истории КНР и в процессе борьбы китайского народа за социалистическое развитие страны. Историческое значение съезда заключается в том, что он обобщил опыт предшествующих лет и принял развернутый курс политического, экономического и культурного строительства в КНР, поставив задачу превращения Китая в передовую индустриально-аграрную державу.

Как отметил С. Л. Тихвинский, в политическом отчете ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду партии, сделанном Лю Шаоци, особо подчеркивалось, что Китай «присоединился к возглавляемому Советским Союзом лагерю социализма, борющемся за прочный мир и прогресс человечества, установил отношения нерушимой дружбы и сотрудничества с великим Советским Союзом и странами народной демократии»¹. «Мы должны и впредь крепить братскую солидарность с коммунистическими и рабочими партиями всех стран, должны продолжать изучать опыт Коммунистической партии Советского Союза и коммунистических партий братских стран в деле революции и строительства. — говорилось в Политическом отчете. — Мы должны решительно бороться с любыми проявлениями опасных уклонов великодержавного шовинизма и буржуазного национализма»². В заключение С. Л. Тихвинский сказал, что история китайской революции и социалистического строительства, крупной вехой которой стал VIII съезд КПК, убедительно свидетельствует о важности добрососедских отношений между Советским Союзом и КНР для дела мира и социализма.

С основным докладом «VIII съезд КПК и его значение в истории КНР» выступил директор Института Дальнего Востока АН СССР, доктор философских наук М. Л. Титаренко. Докладчик подчеркнул, что VIII съезд был первым партийным съездом после победы народной революции, покончившей с господством империализма, феодализма и компрадорского капитала. За семь лет с 1949 г. в КНР были решены задачи социального, экономического и культурного строительства. Завершена радикальная аграрная реформа, восстановлено разрушенное длительной войной народное хозяйство. В основном выполнена задача социалистических преобразований в городе и деревне. Утвердился высокий авторитет КНР и КПК на международной арене. Новое значительное развитие получили связи компартии Китая с КПСС и другими коммунистическими партиями. Не случайно на съезде присутствовали представители более чем пятидесяти коммунистических и рабочих партий, включая делегацию КПСС.

Обобщив итоги социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной и капиталистической промышленности, в торговле, съезд пришел к выводу, что «главными противоречиями внутри страны стало противоречие между требованиями народа построить передовую индустриальную страну и отсталым состоянием аграрной страны, а также противоречие между быстро растущими экономическими и культурными потребностями народа и неспособностью современной экономики и культуры удовлетворить эти потребности народа».

Главной целью экономической политики партии и страны съезд объявил социалистическую индустриализацию, создание необходимой материальной базы для технической реконструкции народного хозяйства и повышения жизненного уровня народных масс. Была поставлена величественная и весьма трудная задача — в течение примерно трех пятилеток создать целостную промышленную систему, которая была бы способна производить важнейшие машины и оборудование, сырье и материалы и в основном удовлетворить потребности расширенного воспроизводства. Как подчеркнул докладчик, развитие экономики КНР предусматривало широкое сотрудничество со всеми социалистическими странами, в том числе с СССР, при участии которого было построено или находилось в стадии строительства более 200 крупных промышленных предприятий и объектов.

В основу осуществления экономической политики партии был положен курс на планомерное, последовательное продвижение вперед при комплексном балансировании, в котором строго учитывался закон планомерного и пропорционального развития. Основные положения экономической и

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1956, с. 14.

² Там же, с. 111.

культурной политики КПК были конкретизированы в первом пятилетнем плане (1953—1957), а также в принятых съездом предложениях по второму пятилетнему плану (1958—1962).

Большое внимание съезд уделил вопросам партийного строительства в новых условиях. Он нацелил партию на решительную борьбу с проявлениями опасных мелкобуржуазных националистических явлений, с нарушениями внутрипартийной демократии, с субъективизмом и бюрократизмом. Появление субъективистских ошибок, допущенных КПК, объяснялось сохранением мелкобуржуазной стихии в стране и недостаточной марксистско-ленинской подготовкой значительной части коммунистов, которые, как отмечалось в документах VIII съезда, легко смогли стать «рассадником субъективизма и догматизма».

Докладчик подчеркнул, что съезд заострил внимание на развитии внутрипартийной демократии и в этой связи поставил вопрос о недопущении явления культа личности в КПК, который, по словам выступавших на съезде, «не мог не найти некоторого отражения в партийной и общественной жизни» Китая. Съезд особо подчеркнул, что идейно-теоретической основой партии является марксизм-ленинизм, который «правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма». Съезд закрепил и последовательно развил социалистический курс в области внешней политики КНР. Подчеркивая важность осуществления принципов пролетарского интернационализма, VIII съезд КПК призвал решительно бороться с любыми проявлениями опасных уклонов великодержавного шовинизма и буржуазного национализма.

Широкое сотрудничество КНР с Советским Союзом и другими социалистическими странами на международной арене, отметил М. Л. Титаренко, развитие на основе равноправия и взаимной выгоды торгово-экономических отношений способствовали социалистическому строительству Китая, укреплению международных позиций социализма, становлению и развитию мировой социалистической системы. На VIII съезде КПК была определена соответствующая условиям Китая генеральная линия строительства социализма, закреплен курс на тесное сотрудничество с социалистическими странами. В решениях съезда воплотилась реализация общих закономерностей социализма в условиях КНР.

В заключение докладчик подчеркнул, что советские люди с большим вниманием и интересом следят за тем, как китайский народ решает сегодня стоящие перед страной важные задачи, определенные XII съездом КПК. Мы искренне радуемся успехам, которых добился китайский народ. Советский Союз и Китайская Народная Республика придерживаются сходных позиций по целому ряду важных международных проблем и действуют в одном направлении. Обе стороны обязались не применять ядерное оружие первыми, выступают против милитаризации космоса, за сокращение ядерных вооружений и их полную ликвидацию. Это подтверждает вывод о том, что от СССР и КНР — двух крупнейших социалистических государств — зависит многое в международном развитии.

С докладом «VIII съезд КПК и современность» выступил доктор исторических наук Г. Д. Сухарчук (ИВ АН СССР). Он отметил, что VIII съезд проходил в определенной степени в переломный момент в истории КНР. Внутри страны в общем и целом был завершен этап социалистических преобразований или, говоря иначе, были решены задачи демократической революции, решен в принципе вопрос «кто кого» и открывались горизонты социалистической революции. Широко развернулось плановое строительство в области экономики, ставящее перед собой задачу заложить основы индустриализации Китая. Минувло полгода с момента XX съезда КПСС, сыгравшего очень важную роль в международном коммунистическом движении, особенно в вопросах теории и практики социалистического строительства в СССР и странах народной демократии.

Отношение к проблемам, поставленным XX съездом КПСС, показывало теоретическую зрелость и организационную прочность социалистического лагеря в целом и каждой правящей компартии. Докладчик высказал мнение, что VIII съезд КПК занял по данному кругу проблем в целом интернационалистическую позицию, что послужило серьезному укреплению авторитета КПК в международном коммунистическом движении и росте ее влияния в социалистическом лагере.

В общей форме в документах съезда, в выступлениях на нем видных деятелей КПК и китайской революции, отметил Г. Д. Сухарчук, были сделаны предостережения против таких чуждых явлений, как национализм и особенно великоханьский шовинизм, субъективизм и мелкобуржуазная торопливость и забегание вперед в деле преобразования страны.

Говоря о VIII съезде КПК и тех принципиальных переменах, которые на наших глазах происходят в партии и в стране, важно отметить, сказал докладчик, что ныне в КНР ошибки не столь уж далекого прошлого непосредственно связывают с прямыми отступлениями от решений VIII съезда КПК. Наконец, важно указать, что, вновь утверждая правильность курса VIII съезда, китайская теоретическая мысль фактически указывает на преемственность в главном политики первой пятилетки с курсом, который проводится сегодня. Конечно, сказанное не следует понимать как простое перенесение в сегодняшний день всех конкретных установок и методов, в частности, социально-экономической работы. Но общий принцип — развитие производительных сил в рамках укрепления социалистического строя и сбалансированность производительных сил и производственных отношений как обязательная предпосылка здорового и успешного движения вперед — несомненен.

В выступлении доктора юридических наук Л. М. Гудошникова (ИДВ АН СССР) были рассмотрены вопросы права и законности в материалах VIII съезда КПК и их преломление в современной практике КНР. Автор отметил, что к моменту созыва VIII съезда партии уже начался процесс приведения законодательства КНР в соответствие с Конституцией, принятой в 1954 г. Однако в целом правовое строительство в стране развивалось недостаточными темпами, в основном продолжали действовать принятые в первые годы после образования КНР «временные законы, имевшие программный характер». Поэтому в материалах съезда указывалось на необходимость приступить к систематической разработке законов, укреплять законность в КНР. В Политическом отчете говорилось, что «становится абсолютно необходимым иметь совершенную законность. В интересах нормальной жизни и производственной деятельности общества необходимо, чтобы каждый человек в нашей стране уяснил себе и убедился в том, что если он не нарушает законов, его гражданские права охраняются и он не может подвергаться посягательству ни со стороны каких-либо учреждений, ни со стороны отдельных лиц: если же кто-либо будет незаконно посягать на него, то это неминуемо повлечет за собой вмешательство со стороны государства».

К сожалению, констатирует Л. М. Гудошников, развитие по путям, намеченным VIII съездом КПК, вскоре после его завершения было на долгие годы приостановлено, широко распространились взгляды и практика правового нигилизма. Лишь в конце 70-х гг. в КНР вновь заговорили о праве и законности. Законодательная деятельность в стране начала входить в нормальное русло после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.). В целом, делает заключение докладчик, заметная активизация в КНР с конца 70-х гг. правотворческой деятельности и работы в области укрепления законности бесспорно явилась ощутимым прогрессом по сравнению с беспрецедентным произволом и правовым нигилизмом времен «культурной революции» и в этом смысле может быть в основном расценена как возвращение к идеям VIII съезда КПК в области законности и права.

С докладом «VIII съезд КПК и его место в истории партии» выступила доктор исторических наук А. И. Картунова (ИМЛ при ЦК КПСС). Она отметила, что VIII съезд КПК занял свое особое место в истории партии и китайского народа. Оно определяется не только тем, что он был первый после победы революции в Китае, — и в этом смысле можно сказать, что это был съезд победителей, — но и постановкой и решением на съезде коренных вопросов развития КНР.

С образованием КНР (октябрь 1949 г.) был в основном завершен этап буржуазно-демократической революции и начался переходный период в развитии китайского общества к социализму. Таким образом, программная установка I съезда КПК (1921) на социалистическую революцию в Китае стала успешно воплощаться в жизнь с октября 1949 г. VIII съезд подтвердил генеральную линию партии в переходный период. В Политическом отчете ЦК КПК съезду на основе опыта осуществления генеральной линии партии и в качестве предупреждения на будущее указывалось, что отход от этой линии «неизбежно приводит к ошибкам правого или «левого» уклона». Особенно ярко проявились на практике последствия отхода от генеральной линии при проведении политики «большого скачка». По сути дела, линия на «скачок» явилась ничем иным, как попыткой миновать переходный период, его закономерности и вступить в «одно прекрасное утро» в коммунизм.

VIII съезд КПК объявил о твердой приверженности в международных отношениях пяти принципам мирного сосуществования. Таким образом, делает вывод А. И. Картунова, это была интернационалистская политика, ориентированная прежде всего на укрепление и усиление взаимоотношений со странами социализма, на поддержку борьбы народов за мир и дружеские связи с народами всех стран. Ни один из последующих съездов КПК не подтвердил сформулированного и принятого VIII съездом внешнеполитического курса в его полном объеме.

В советской историографии VIII съезд КПК неизменно получает положительную оценку, подчеркнул докладчик, подтверждается его историческое значение. Нынешняя научная конференция, посвященная 30-летию этого съезда, является тому свидетельством.

В докладах на конференции доктор исторических наук А. В. Меликсетов (МГИМО), доктор экономических наук Е. А. Коновалов (ИДВ), доктор исторических наук В. Г. Гельбрас (ИМРД), кандидат экономических наук Л. А. Волкова (ИДВ) остановились на проблемах социально-экономического строительства Китая и разработке этих проблем на VIII съезде КПК. А. В. Меликсетов, анализируя социально-экономическую стратегию КПК, отметил огромное воздействие решений XX съезда КПСС на все международное коммунистическое движение, в том числе и на ситуацию в КПК, где проблема преодоления гнетущего влияния культа личности была как никогда актуальной, но и чрезвычайно сложной.

Кандидат экономических наук В. Я. Сидихменов (ИДВ) в своем выступлении рассмотрел обсуждавшийся на VIII съезде вопрос, связанный с основным социально-экономическим противоречием китайского общества, подробно остановился на дискуссии, которая шла в КНР в то время.

Кандидат филологических наук А. А. Москалев (ИДВ) в своем сообщении рассмотрел, как на VIII съезде КПК ставился и решался национальный вопрос. Несомненной заслугой VIII съезда КПК, отметил он, явилось то, что съезд обратил внимание на серьезные недостатки

и упущения в этом вопросе. Наиболее существенными явились указания о необходимости борьбы с великодержавным шовинизмом.

В сообщении кандидата исторических наук В. Н. Усова (ИДВ) «VIII съезд КПК в освещении современной китайской историографии» отмечалось, что судьба решений VIII съезда КПК и последующие оценки его значения были в КНР сложными и противоречивыми — от отхода от линии VIII съезда, прямой и завуалированной критики его решений в период «культурной революции» до признания его важного исторического значения и вклада в разработку курса социалистического строительства в КНР.

Далее с сообщением «Кампания «пусть расцветают все цветы» и VIII съезд КПК» выступила кандидат филологических наук С. Д. Маркова (ИДВ). Она остановилась на истории возникновения лозунга «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» и его интерпретации. Данный лозунг в виде курса культурной политики вошел в круг вопросов, рассматривавшихся на VIII съезде. В резолюции съезда осуждались «принуждение и своеволие в отношении науки и искусства путем административных мер» как «ошибочные», извращающие лозунг «пусть расцветают все цветы».

С сообщением «Внешнеполитическая программа VIII съезда КПК» выступила кандидат исторических наук А. А. Волохова (ДА МИД СССР). Она отметила, что во всех документах съезда на первое место при перечне внешнеполитических задач и установок КНР была поставлена установка на продолжение и укрепление дружбы и сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами. Это рассматривалось «наивысшим интернациональным долгом и основой внешней политики» Китая.

С сообщением «VIII съезд КПК о рабочем классе Китая и современные тенденции его развития» выступил кандидат экономических наук А. В. Островский (ИДВ). Его сообщение было развито О. Б. Городовиковой (ИДВ), которая остановилась на вопросах профсоюзного строительства в материалах съезда и некоторых современных тенденциях профсоюзного движения в Китае. Т. М. Емельянова (ИДВ) охарактеризовала в своем выступлении направление работы среди женщин в Китае и рассмотрение этого вопроса на VIII съезде КПК, а Т. И. Илларионова (ИДВ) проанализировала документы VIII съезда и их значение для молодежного движения в Китае и особенно для III съезда китайского комсомола, прошедшего в 1957 г.

На конференции выступил со своими воспоминаниями о VIII съезде, на котором он присутствовал бывший советник Ло Жуйцина, помогавший Китаю налаживать пограничную службу, Ю. М. Паремский.

*В. Н. УСОВ,
кандидат исторических наук*

За мир и безопасность на Дальнем Востоке

18-20 ноября 1986 г. в ИДВ АН СССР состоялась международная научная конференция на тему «Международные отношения и актуальные проблемы обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке». В конференции приняли участие ученые и сотрудники практических организаций НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, Республики Куба, МНР, ПНР и ЧССР, представители ряда институтов Академии наук СССР, научно-исследовательских центров Ленинграда, Киева, Владивостока, Хабаровска, Ташкента, Душанбе, Алма-Аты.

В открытии конференции приняли участие заместитель заведующего Международного отдела ЦК КПСС И. И. Коваленко и заместитель министра иностранных дел СССР М. С. Каница. И. И. Коваленко, указав на большую научно-практическую ценность исследований учеными социалистических стран проблемы обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке, подчеркнул, что Советский Союз последовательно выступает за разрядку напряженности, оздоровление ситуации, за мир и безопасность в азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Во владивостокской речи М. С. Горбачева, отметил И. И. Коваленко, был выдвинут целый комплекс идей и предложений, направленных на разрешение наиболее острых, назревших проблем, затрагивающих интересы государств азиатского-тихоокеанского региона. М. С. Каница подчеркнул, что при всей сложности и глубине существующих в АТР конфликтов, фактором, в наибольшей степени дестабилизирующим ситуацию в регионе, является милитаристская активность США. Вашингтон постоянно наращивает свои военные приготовления в Азии и бассейне Тихого океана, размещает в районе все большие массы оружия, как обычного, так и ракетно-ядерного, интенсифицирует военно-политические связи с рядом азиатских стран. Действия Соединенных Штатов направлены на всемерное осложнение и углубление существующих в АТР спорных проблем и конфликтов, на предотвращение их разрешения мирными, политическими и дипломатическими средствами.

С докладом «Советская стратегия мира и азиатско-тихоокеанский регион» выступил директор ИДВ АН СССР, доктор философских наук М. Л. Титаренко. Докладчик подчеркнул, что азиатско-тихоокеанское направление занимает видное место в проводимой КПСС и Советским государством многоплановой деятельности, направленной на оздоровление международной обстановки. На XXVII съезде КПСС особо указывалось на его возрастающее значение в контексте мировой политики, на необходимость активизации усилий в интересах политического урегулирования назревших, болезненных проблем с целью снять остроту военного противостояния и стабилизировать обстановку в различных районах Азии.

Дальнейшую разработку и конкретизацию положения съезда получили во владивостокской речи М. С. Горбачева, выдвинувшего широкомасштабную, комплексную программу создания в азиатско-тихоокеанском регионе прочной системы международной безопасности в качестве надежной основы для мирного взаимодействия и сотрудничества государств и народов, давшую мощный импульс поискам путей и средств превращения АТР в зону мира и добрососедства.

Подход Советского Союза к проблемам АТР, отметил выступавший, отличаются реализм, ясное понимание тех трудностей, которые порождает в регионе сложнейший узел политических, экономических, военно-стратегических, национально-государственных, религиозных и иных противоречий. Вместе с тем реализм советского подхода неразрывно сочетается с деловым оптимизмом, с уверенностью в том, что, несмотря на всю сложность и противоречивость ситуации в регионе, можно найти взаимоприемлемые решения существующих проблем, споров, конфликтных ситуаций, если со стороны всех заинтересованных государств будут проявлены добрая воля и непредвзятость.

Предлагаемую Советским Союзом широкую платформу обеспечения мира, безопасности и сотрудничества в АТР для удобства анализа можно разделить на два крупных блока идей. Первый — это общие принципы взаимоотношений государств региона и подходов к урегулированию существующих противоречий. При их разработке были учтены, в частности, конструктивные идеи и инициативы, с которыми выступали различные азиатские страны: принципы «Панча Шила», 10 принципов Бандунга, опыт и мирные инициативы социалистических государств региона: МНР, КНДР, СРВ, ЛНДР, НРК, а также Китая; стран, входящих в АСЕАН. В них нашли отражение рекомендации относительно Азии, сформулированные в Заключении и других документах ООН, и пр.

Второй блок образует комплекс различных мер и практических шагов на региональном, субрегиональном и двустороннем уровнях, согласованное осуществление которых позволило бы постепенно оздоровить политический климат в регионе, сделать решающий поворот в сторону углубления доверия и развития взаимовыгодного, многостороннего сотрудничества.

Выдвинутые Советским Союзом идеи и предложения, подчеркнул М. Л. Титаренко, отвечают насущным задачам решения назревших острых проблем районов Азии и бассейна Тихого океана. Владивостокская концепция впервые приводит к единому знаменателю богатый, многообразный

и крайне сложный опыт азиатских стран по урегулированию отношений, обогащает этот опыт достижениями политической практики Европы и ориентирует его на поиск путей согласования интересов государств АТР во имя достижения всеобщей безопасности стран региона, их взаимовыгодного сотрудничества и прогресса. Эта концепция становится тем стержнем, вокруг которого смогли бы идти поиски путей достижения компромиссов и урегулирования спорных вопросов до конца XX века.

Участники конференции провели дискуссию по общим проблемам международно-политической обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе. При этом подробно обсуждались такие вопросы, как мир и безопасность в АТР, роль последнего в глобальной стратегии США, пути ослабления напряженности в регионе, вклад мирных инициатив СРВ в дело мира и безопасности в Азии, взаимозависимость безопасности Европы и Азии, политика империализма по созданию агрессивных пактов в АТР и другие. Ряд выступлений был посвящен теме проблем и возможностей международного, прежде всего экономического, сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе.

Состоялась также дискуссия по проблемам внешней политики Китая, в частности в АТР. На обсуждение участников конференции были представлены доклады по следующим темам: улучшение советско-китайских отношений как фактор формирования международно-политической обстановки в АТР; место и роль КНР в обеспечении мира и безопасности в Юго-Восточной Азии; позиция КНР по вопросам войны, мира и разоружения; оценка Китаем обстановки в Азии и его подход к проблемам безопасности в регионе; возрастание роли КНР в системе международных отношений на Дальнем Востоке; позиция КНР в вопросах обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке; китайско-американские отношения и их связь с проблемой обеспечения мира и безопасности в АТР; влияние китайско-индийских отношений на обеспечение мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе.

В еще одном «блоке» выступлений освещался подход правящих кругов Японии к проблемам мира и безопасности в АТР, характеризовались американо-японский союз и международно-политические последствия милитаризации Японии. Докладчики привлекли внимание участников конференции к идеологической борьбе в Японии по вопросам войны и мира, к росту национализма на современном этапе, борьбе демократических сил Японии за обеспечение мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе.

В дискуссии по проблемам положения на Корейском полуострове выступавшие обсудили его место в системе международных отношений на Дальней Востоке, сделав упор на проблему обеспечения в этом районе мира и безопасности.

Важной темой конференции стала конфликтная ситуация в Юго-Восточной Азии. В выступлениях были проанализированы пути нормализации положения в регионе, подход развивающихся стран к обеспечению мира и безопасности. Отдельный доклад был посвящен проблеме нормализации обстановки вокруг Индокитая. Затрагивалась также проблема развития экономической интеграции стран Индокитая и их сотрудничества с СССР.

Участники конференции обсудили также и место антивоенного движения и движения неприкосновенности в обеспечении мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе.

В ходе состоявшейся в ИДВ АН СССР конференции «За мир и безопасность на Дальнем Востоке» подчеркивалось, что укрепление сотрудничества и солидарности социалистических стран, их успехи в социалистическом строительстве вносят существенный вклад в разрядку напряженности, являются важным фактором укрепления мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1987, № 1, с.
Технический редактор *Хирчевникова Л. Н.*

Сдано в набор 26.11.87. Подписано в печать 12.01.87. А01915. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная
80 г. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 19,39 Усл. кр.-отт. 13,5
Изд. № 43438 Тираж 11 201 Заказ 3351 Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного
комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области

НОВЫЕ КНИГИ

Япония 1985: Ежегодник. Гл. ред. И. И. Коваленко. — М.: Наука, 1986. — 336 с., ил. — 1 р. 90 к. 24 000 экз.

Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Вост. Азия и Океания в доисторическую эпоху. Пер. с англ. — М.: Наука, 1986. — 523 с. — (По следам исчезнувших культур Востока). — 2 р. 70 к. 15 000 экз.

Седнев В. Кому улыбается Будда?: Научн. — худож. кн. — Киев: Молодь, 1986. — 294 с. — 60 к. 50 000 экз.

Источниковедение и историография истории буддизма: Страны Центр. Азии. Отв. ред. Р. Е. Пубаев. — Новосибирск: Наука, 1986. — 124 с. — 60 к. 18 050 экз.

Минакир П., Рензин О., Чичканов В. Экономика Дальнего Востока: Перспективы ускорения. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. — 254 с. — 95 к. 5000 экз.

Воронцов В. Миссионеры и их наследники: Повороты политики США в отношении Китая. — М.: Политиздат, 1986. — 239 с. — 1 р. 20 к. 50 000 экз.

Окумура Х. Кооперативный капитализм в Японии. Пер. с япон. — М.: Мысль, 1986. — 252 с. — 1 р. 30 к. 9000 экз.